

ФЕДЕРАЛЬНОЕ ГОСУДАРСТВЕННОЕ БЮДЖЕТНОЕ УЧРЕЖДЕНИЕ НАУКИ
ИНСТИТУТ ИСТОРИИ СИБИРСКОГО ОТДЕЛЕНИЯ
РОССИЙСКОЙ АКАДЕМИИ НАУК

ИНДУСТРИАЛЬНОЕ РАЗВИТИЕ РОССИИ: ЭТАПЫ, ОСОБЕННОСТИ, ПЕРСПЕКТИВЫ ИЗУЧЕНИЯ

Сборник научных трудов

Новосибирск
2024

УДК 338.2:94(470)"19"(063)
ББК 63.3(2)614-2
И608

Сборник утвержден к печати
Ученым советом Института истории СО РАН

Р е д к о л л е г и я :

д-р ист. наук В.М. Рынков (отв. ред.), д-р экон. наук А.В. Алексеев,
д-р ист. наук В.И. Исаев, канд. ист. наук Р.Е. Романов (отв. секр.)

Р е ц е н з е н т ы :

д-р ист. наук *К.Д. Бугров*
д-р ист. наук *С.А. Красильников*

И608 **Индустриальное** развитие России: этапы, особенности,
перспективы изучения: сборник научных трудов / отв. ред.
В.М. Рынков; Институт истории СО РАН. – Новосибирск: ИПЦ
НГУ, 2024. – 392 с.
ISBN 978-5-4437-1718-0

Сборник научных трудов Всероссийской научной конференции «Индустриальное развитие России: этапы, особенности, перспективы изучения» (Новосибирск, 25–27 июля 2024 г.) включает статьи, посвященные исследованию экономических, социальных, технологических и социокультурных аспектов индустриального развития России в XVIII – начале XXI в. Серьезное внимание уделено разработке экономической политики государства и хозяйственному планированию. Большинство статей отражают современные подходы к исследованию историко-экономической проблематики и представляют новейшие результаты исследований.

Книга адресована историкам, экономистам, социологам, служащим органов власти и управления, муниципальных организаций и всем интересующимся экономической историей.

УДК 338.2:94(470)"19"(063)
ББК 63.3(2)614-2

ISBN 978-5-4437-1718-0
DOI 10.25205/978-5-4437-1718-0

© Институт истории СО РАН, 2024

Введение

С вступлением современного постиндустриального мира в полосу конфликтов вопрос о сохранении и развитии собственного производства получил второе дыхание. Вновь стала очевидна значимость сохранения внутри государств полных законченных циклов производства от добычи ресурсов до выпуска высокотехнологичной конечной продукции.

Важно помнить, что индустриальное развитие сопровождается трансформацией всех сфер человеческой деятельности. Рост числа занятых в промышленности невозможен без понижения доли сельского населения и, следовательно, повышения производительности сельскохозяйственного труда, развитие индустрии – без роста квалификации труда, а следовательно, повышения уровня образования занятых, без новой формализации производственных отношений. Рост занятости и смена уровня потребительских запросов меняют образ жизни и демографическое поведение.

Начавшаяся в 1920-е гг. индустриализация потребовала от советского государства и народа огромной концентрации ресурсов. Ускоренное создание крупных промышленных предприятий происходило в рамках жестких материально-финансовых ограничений и потребовало проведения значительных социальных преобразований в стране в целом. Не последнюю роль в достижении основных целевых ориентиров индустриализации сыграло использование жестких мобилизационных методов управления. Вместе с тем создание мощной промышленности стало важной предпосылкой Победы в Великой Отечественной войне. Не менее важно и то, что индустриализации предшествовал длительный протоиндустриализационный период и успешное развитие российской индустрии в конце XIX – начале XX в., без которых трудно понять и адекватно оценить советский исторический опыт. Ее результаты во многом предопределили успехи и недостатки промышленного развития СССР в последующие десятилетия.

95 лет назад V съезд советов СССР принял первый пятилетний план. Правда, утвержден был тот план, по которому страна должна была жить уже без малого год, с 1 октября 1928 г., и руководство страны вскоре его скорректировало в сторону усиления планируе-

мых темпов индустриального роста. Но именно на этом крутом повороте страны и сформировалась модель индустриального рывка, итоги которого до сих пор вызывают спорные оценки и требуют серьезного вдумчивого и всестороннего обсуждения.

С целью провести глубокий анализ результатов индустриализации в широком хронологическом и тематическом аспекте, в том числе и с выходом на оценки современных перспектив индустриального развития, 25–27 июня 2024 г. в Новосибирске была проведена Всероссийская научная конференция. Ее инициатор и основной организатор – Институт истории Сибирского отделения Российской академии наук. Это крупнейшее за Уралом академическое учреждение, занимающееся разработкой проблем российской истории. Здесь сложились глубокие, почти шестидесятилетние традиции изучения экономики и социальной жизни восточных регионов России.

Еще одним академическим учреждением, вошедшим в число соорганизаторов конференции, стал Институт экономики и организации промышленного производства Сибирского отделения Российской академии наук. В нем также давно изучают проблемы экономической истории – важной основы для более глубокого анализа истоков проблем современности. Активное участие экономистов в формировании программы конференции и ее непосредственном проведении обеспечило серьезную аналитику ряда аспектов функционирования современной российской экономики.

Третий соорганизатор – Научный совет РАН по экономической истории – на сегодняшний день крупнейшее академическое объединение историков и экономистов, исследующих широкий круг научных проблем индустриальной истории и истории экономической политики.

На конференции свои доклады представили 65 участников, работавшие в рамках пленарного заседания и 10 секций круглого стола. Работа конференции, включая обзор прений на всех этапах, получила освещение в научной прессе, а стенограмма круглого стола публикуется во всероссийском научном журнале «Гуманитарные науки в Сибири» [Ильиных О.В., Косицин М.А.; Полянская О.Н., Романов Р.Е.; Опыт индустриализации]. Содержание сборника трудов конференции сформировано по результатам проведенной дискуссии, но лишь отчасти совпадает с программой конференции. Сборник состоит из 38 статей. В нем редколлегия не стала выделять пле-

нарную часть, исходила из представленных и прошедших редактирование текстов. Получившийся результат дает представление о современных подходах и обсуждаемых в исторической и экономической науке дискуссионных проблемах, отражает итоги новейших исследований. Широкий хронологический охват статей символичен – несколько из них посвящены обсуждению особенностей и хронологических рамок протоиндустриализации в России, а последняя статья сборника – подготовке кадров предпринимателей в современных российских вузах, следовательно, обращена в будущее.

Успешное проведение конференции, преимущественно в очном формате, стало возможным благодаря финансовой поддержке фонда «История Отечества» и АО «Производственное объединение “Уральский оптико-механический завод” им. Э.С. Яламова», большой предварительной и продуктивной работе членов Организационно-программного комитета, инициативной рабочей группы, а также многочисленных заинтересованных участников, откликнувшихся на приглашение и своевременно приславших статьи. Надеемся, что сборник станет не только подведением промежуточных итогов научных исследований, особенно актуальных на пути к столетнему юбилею индустриализации, но и будет востребован для выработки стратегических решений в сфере управления российской экономикой и придания ей динамики, отвечающей современным вызовам эпохи.

Литература

Ильиных О.Н. Косицин М.А. Всероссийская научная конференция «Индустриальное развитие: этапы, особенности, перспективы изучения» // Исторический курьер. 2024. № 4. С. 266–272.

Полянская О.Н. Индустриальное развитие России: этапы, особенности, перспективы изучения: Всероссийская научная конференция, посвященная 95-летию индустриализации в СССР // Историко-экономические исследования. 2024. Т. 25, № 3. С. 559–566.

Романов Р.Е. Всероссийская научная конференция «Индустриальное развитие России: этапы, особенности, перспективы изучения», посвященная 95-летию индустриализации в СССР. (Новосибирск, 25–27 июня 2024 г.) // Экономическая история. 2024. Т. 20, № 3. С. 298–306.

Опыт индустриализации в СССР: замыслы, особенности проведения, итоги: Стенограмма круглого стола 27 июня 2024 г. // Гуманитарные науки в Сибири. 2024. № 4.

Раздел 1.
ИНДУСТРИАЛЬНОЕ РАЗВИТИЕ РОССИИ:
ЭТАПЫ, ОСОБЕННОСТИ,
ПЕРСПЕКТИВЫ ИЗУЧЕНИЯ

УДК 94(47).083

DOI 10.25205/978-5-4437-1718-0-1

Ю.А. Петров

ФАКТОРЫ ЭКОНОМИЧЕСКОГО РОСТА
ПОЗДНЕИМПЕРСКОЙ РОССИИ

Yu.A. Petrov

FACTORS OF ECONOMIC GROWTH
IN LATE IMPERIAL RUSSIA

Аннотация. Статья посвящена проблеме индустриального роста дореволюционной России. Рассмотрены основные факторы индустриализации: роль государства и экономической политики правительства, влияние иностранных инвестиций, вклад отечественного капитала. Сделан вывод о том, что решающую роль в стремительном экономическом подъеме империи на рубеже XIX–XX вв. сыграли отечественные предприниматели.

Ключевые слова: Россия, экономический рост, индустриализация, государство, иностранные инвестиции, российский капитал.

История зарождения и роста отечественной промышленности неразрывно связана с органическим процессом разложения натурального хозяйства и развития товарно-денежных отношений в сельском хозяйстве. Еще в дореформенную эпоху наметились *две линии индустриального прогресса.*

Первая связана с государственной, казенной модернизацией, проводимой на основе применения западных форм крупного промышленного (мануфактурного) производства при использовании принудительного труда крепостных крестьян. По этому пути развивалась горно-металлургическая индустрия Урала, а также отрасли,

где проявило себя дворянское предпринимательство (винокурение, суконное, полотняное, свеклосахарное и другие производства). Путь этот в конечном итоге оказался тупиковым, и с отменой крепостного права «дворянская» промышленность либо захирела, либо перешла на рельсы нового экономического строя, в основе которого лежали частное предпринимательство и наемный труд.

Вторая модель индустриального роста, зародившаяся еще в до-реформенную эпоху, стала магистральной линией экономического роста. Основой индустриального развития страны послужила крестьянская текстильная промышленность, чье возникновение в конце XVIII – начале XIX в. стало результатом разрушения натуральной системы хозяйства. Работавшая на широкий потребительский рынок, сравнительно независимая (по сравнению с тяжелой индустрией) от казенных заказов и иностранных инвестиций, выросшая от крестьянских «светелок» до оборудованных по последнему слову западной техники фабричных комбинатов, текстильная индустрия, сосредоточенная прежде всего в Центральном районе Европейской России, послужила залогом органического промышленного роста страны.

И хотя удельный вес текстильного производства с появлением в пореформенный период других промышленных отраслей (прежде всего тяжелой индустрии) постепенно снижался, вплоть до 1913 г. она оставалась самой крупной отраслью российской промышленности. На ее долю к тому времени приходилось около 30 % валовой стоимости промышленной продукции. А общий удельный вес отраслей, рост которых был результатом рыночной эволюции сельского хозяйства (текстильной, пищевой, обработки животных продуктов), накануне Первой мировой войны составлял около 55 %.

Россия, вступившая в фазу индустриального экономического роста с середины 1880-х гг., развивалась по принципиально общей с западноевропейскими странами модели. Объем промышленного производства за 1887–1913 гг. вырос в 4,6 раза. Особенно динамично развивалась тяжелая промышленность – металлообработка и металлургия, угле- и нефтедобыча. На изменения отраслевой структуры решающим образом повлияло широкое железнодорожное строительство 1860–1880-х гг., потребовавшее создания ряда новых отраслей. Гигантский скачок в своем индустриальном развитии Россия совершила в 1890-х гг., в период бурного экономического подъема,

когда всего за десятилетие промышленное производство в стране удвоилось.

«Темпы роста царской экономики, – по наблюдению американского экономиста П. Грегори, – были относительно высоки с точки зрения мировых стандартов конца XIX – начала XX в. Россия принадлежала к группе стран с наиболее быстро развивающейся экономикой, как США, Япония и Швеция» [Gregory, 1982. P. 192]. По важнейшим экономическим показателям Россия значительно приблизилась к странам Запада. По абсолютным объемам добычи железной руды, выплавке чугуна и стали, продукции машиностроения, промышленному потреблению хлопка и производству сахара она вышла на 4–5-е место в мире, а в нефтедобыче на рубеже XIX–XX вв. стала на время мировым лидером благодаря созданию Бакинского нефтепромышленного района. Протяженность российской железнодорожной сети являлась второй в мире, уступая только США.

В годы нового промышленного подъема 1909–1913 гг. объем индустриального производства в стране вырос еще в 1,5 раза. Россия существенно продвинулась по пути индустриального развития. Ее доля в мировом промышленном производстве, составлявшая в 1881–1885 гг. 3,4 %, возросла к 1896–1900 гг. до 5,0 %, а к 1913 г. – до 5,3 % (табл. 1).

Таблица 1

**Доля России, США, Великобритании, Германии и Франции
в мировом промышленном производстве (в %)**

Страна	1881–1885 гг.	1896–1900 гг.	1913 г.
Россия	3,4	5,0	5,3
США	28,6	30,1	35,8
Великобритания	26,6	19,5	14,0
Германия	13,9	16,6	15,7
Франция	8,6	7,1	6,4

Россия. 1913 год. Статистико-документальный справочник / отв. ред. А.П. Корелин. СПб., 1995. С. 51 (табл. 8).

Россия устойчиво опережала западноевропейские страны по темпам роста промышленного производства, вследствие чего ее отставание от Великобритании сократилось в 1885–1913 гг. втрое, а от

Германии – на четверть. Тем не менее разница оставалась еще очень значительной: накануне мировой войны Россия производила промышленной продукции в 2,6 раза меньше, чем Великобритания, и в 3 раза меньше, чем Германия. Что касается Франции, то по абсолютным показателям валового промышленного производства Россия уже к началу 1900-х гг. вплотную приблизилась к ней, превзойдя ее по выпуску ряда ключевых видов промышленной продукции: минерального топлива, стали, машин, хлопчатобумажных тканей и др. [Бовыкин, 1996. С. 7].

Гораздо менее заметны были сдвиги при расчете продукции индустрии на душу населения, что в немалой степени объяснялось чрезвычайно высоким темпом прироста населения страны, прежде всего сельского. Доля России в мировом промышленном производстве (5,3 % в 1913 г.) далеко не соответствовала доле ее населения среди жителей земного шара (10,2 %). Из отдельных видов промышленной продукции исключение составляли только нефть (17,8 % мировой добычи) и сахар (10,2 %). По производству промышленной продукции на душу населения Россия продолжала находиться на уровне Италии и Испании, уступая передовым индустриальным державам.

В начале XX в. Россия продолжала оставаться страной со значительным преобладанием сельскохозяйственного производства над промышленным. Однако очевидно, что на рубеже XIX–XX вв. империя вступила в фазу перехода к индустриальному обществу.

За счет же каких факторов позднейимперская Россия достигла столь впечатляющих результатов индустриального роста? За каждым экономическим чудом всегда стоит один или несколько факторов успеха. Применительно к дореволюционной России можно отметить три таких фактора. Помимо отечественного предпринимательского капитала, к ним относятся иностранный капитал и государство.

Государство в России традиционно играло активную роль в экономической сфере, стремясь прежде всего к повышению военно-экономического потенциала и расширению бюджетных ресурсов. При этом оно выступало как прямым участником экономического роста через систему госсобственности, так и косвенно оказывало воздействие на развитие народного хозяйства общей экономической политикой.

Государство на рубеже XIX–XX вв. являлось крупнейшим собственником экономических ресурсов страны. По имеющимся обобщенным данным, казне к началу Первой мировой войны принадлежало в России 35 % сельскохозяйственных земель, 60 % лесов, около 7 % национального богатства в целом (стоимость железных дорог, госпредприятий, зданий, сооружений и др.). Государственными являлись около 700 промышленных предприятий (прежде всего военные, горные, вино-водочные заводы), учреждения связи и средства сообщения (казенные железные дороги охватывали около 70 % всей железнодорожной сети), ведущими учреждениями финансовой системы являлись казенные банки (Государственный с сетью сберегательных касс, Дворянский и Крестьянский) и др. На казенных предприятиях было занято 8 % рабочих и служащих, на них приходилось 7–8 % распределенного национального дохода.

К казенной сфере, финансируемой из бюджета, относилась также система госуправления (около 300 тыс. только гражданских чиновников), обороны (1,4 млн чел.), охраны общественного порядка, образования, здравоохранения, культуры и др. Всего «бюджетников» и работников казенных предприятий насчитывалось около 3 млн чел. Эта цифра отражает численность трудоспособного населения, непосредственно связанного с использованием госсобственности, участвующего в государственном хозяйствовании. В производстве товаров и услуг доля казенного сектора экономики составляла около 10 %.

По уровню развития госсобственности Россия не являлась исключением и примыкала к европейским странам, озабоченным ускорением экономического роста за счет мобилизации ресурсов. Так, в Пруссии в начале XX в. госпредприятия составляли комплекс базовых отраслей промышленности (электростанции, угольные шахты, металлургические заводы), обеспечивавших бесперебойную работу казенных железных дорог (их доля превышала 90 % общей протяженности).

Гораздо значительнее было участие Российского государства в воспроизводственном процессе финансовых вливаний и потребления. На долю государства в начале XX в. приходилось около 20 % всех инвестиций в российскую экономику, госзаказ в отдельных отраслях достигал 30–40 %. Благодаря государственной под-

держке была создана и функционировала примерно 1/10 промышленного потенциала страны.

Таким образом, государство являлось активным игроком на экономическом поле, хотя, как показали специальные исследования, эффективность госхозяйства была весьма невелика, даже в приоритетных отраслях, непосредственно обслуживающих оборону страны [Шацилло, 1992]. Насколько государство стимулировало экономический рост с помощью системы косвенного воздействия, т.е. через экономическую политику?

В пореформенный период экономическая политика правительства носила крайне противоречивый характер. С одной стороны, правительство способствовало железнодорожному строительству, созданию тяжелой индустрии, росту банков, протекционистской защите отечественной промышленности и, тем самым, развитию индустриального производства, а с другой – неуклонно и последовательно отстаивало систему государственного контроля и управления экономикой, интересы дворянства, ограничивало свободу предпринимательства, консервировало архаичные порядки в деревне [Власть..., 1996. С. 405]. Политика эта обрела свое воплощение в деятельности С.Ю. Витте, крупнейшего государственного деятеля дореволюционной России, министра финансов в 1892–1903 гг.

Квинтэссенцией его экономических воззрений и министерской практики стала идея ускоренной индустриализации и создания собственной национальной промышленности, защищенной от иностранной конкуренции таможенно-протекционистскими мерами. Для этого, по убеждению министра финансов, нужны были «капиталы, знания и предприимчивость», но прежде всего капиталы, как отечественные, так и в особенности иностранные. Традиционная нехватка инвестиций, полагал Витте, задерживает развитие России, хотя по скорости и силе промышленного роста она «стоит впереди всех иностранных экономически развитых государств».

Привлечение иностранного капитала в различных его формах, займовых, а главным образом инвестиционных, Витте считал основой основ своей финансовой системы. Система эта, заметим, не предусматривала коренной аграрной реформы, поощрение промышленного развития проводилось при известной консервации пережитков в сельском хозяйстве, что предопределило диспропорцию темпов развития индустриального и аграрного секторов.

Витте рассчитывал вывозом товаров в Азию погашать долги империи в Европе. Геополитические имперские соображения играли для него первостепенную роль. Индустриальный рост для министра финансов означал прежде всего сохранение Россией статуса великой державы и расширение сферы имперского влияния. «Международное соперничество не ждет, – предупреждал он Николая II во всеподданнейшем докладе 1900 г. – Если ныне же не будет принято энергичных и решительных мер к тому, чтобы в течение ближайших десятилетий наша промышленность оказалась в состоянии своими продуктами покрывать потребности России и Азиатских стран, которые находятся или должны находиться под нашим влиянием, то быстро растущая иноземная промышленность сумеет прорваться через наши таможенные преграды..., а укоренившись в глубинах народного потребления, она сможет постепенно расчистить пути и для более тревожных иноземных политических влияний» [Корелин и др., 1998. С. 70].

Витте был убежден, что в условиях самодержавного образа правления ускоренное развитие национальной промышленности возможно только за счет интенсивного использования государственного хозяйства и государственного вмешательства в экономику. «В России, – писал он Николаю II в 1895 г., – по условиям жизни нашей страны потребовалось государственное вмешательство в самые разнообразные стороны общественной жизни, что коренным образом отличает ее от Англии, например, где все предоставлено частному почину и личной предприимчивости и где государство только регулирует частную деятельность...» [Власть..., 1996. С. 416].

Помимо мер общего характера, создавших благоприятные условия для развития отечественной промышленности (таможенные и железнодорожные тарифы, денежная реформа 1895–1897 гг., льготное налогообложение и др.), существенную роль играла и прямая поддержка финансовым ведомством покровительствуемых им отраслей (машиностроения, химической и добывающей промышленности и т.п.) путем предоставления казенных заказов, льготных кредитов, регулирования объемов производства для поддержания высоких цен и т.д.

Американский историк А. Гершенкрон в 1960-е гг. выдвинул концепцию, согласно которой государственное вмешательство сыграло решающую роль в индустриализации царской России. Стиму-

лирование экономического роста, по его оценке, помимо протекционистской политики, достигалось путем бюджетного перераспределения налоговых средств из аграрного сектора в индустриальный [Gerschenkron, 1962. P. 132]. Эта идея явилась своеобразной попыткой объяснить промышленный взлет поздней имперской России бюджетными механизмами по аналогии с советской экономикой.

Исследования современных авторов не подтвердили тезиса Гершенкрона о перераспределении ресурсов через бюджет из аграрного сектора в индустриальный. Государство действительно играло весьма активную роль в экономической жизни предреволюционной России, но вряд ли можно говорить о «насаждении» им промышленности по каналам перераспределения налоговых средств, бюджетная политика поздней имперской России в этом отношении была по крайней мере нейтральной [Gregory, 1982. P. 192–194]. В государственном бюджете «непроизводительные», по терминологии того времени, расходы (главным образом на армию и флот, содержание административного аппарата и обслуживание государственного долга) продолжали преобладать над «производительными» (вложения в государственное имущество и предприятия, бюджетные вливания в частный сектор, расходы на просвещение и т.п.).

Впрочем, та же картина наблюдалась и в экономически развитых европейских странах, где бюджетное финансирование экономического роста как осознанная политика берет свое начало не ранее кризиса рубежа 1920–1930-х гг. Именно тогда на смену теории «свободной руки» Адама Смита, т.е. саморегулирующейся модели экономического развития, пришла концепция Дж. Кейнса о необходимости государственного регулирования хозяйственной деятельности. До этого времени бюджетное финансирование экономического роста не было свойственно ни одной из великих держав. Сходная ситуация имела место и в России, где индустриальный прорыв рубежа XIX–XX вв. отнюдь не был заслугой бюджетной политики правительства.

Не была заметным фактором экономического роста и займовая политика Витте. Внешний государственный долг России к 1914 г. выражался суммой 8824,5 млн руб., в том числе 7153 млн – займы «на общегосударственные потребности», и остальные 1671,5 млн – долги по облигациям железнодорожных обществ. Платежи по займам являлись второй по значимости «непроизводительной» статьей

бюджета после военных расходов империи¹. По размерам государственного долга Россия в мировой таблице о рангах шла на втором месте после Франции и на первом – по абсолютным размерам связанных с займами платежей. При этом по показателю государственной задолженности на душу населения Россия к 1913 г. занимала в Европе только 10-е место (53 руб. на каждого жителя империи), значительно отставая от признанного лидера среди стран-должников – Франции (253 руб.). Тогдашними экспертами признавалось, что долговое бремя не угрожает статусу России как великой державы и даже вообще не является слишком тяжелым по сравнению с другими европейскими странами [Каценеленбаум, 1917. С. 11–12].

Важнее, однако, то, что казенную железнодорожную сеть страны на 3/4 субсидировали из внешних займовых источников, и единственно в этом заключался экономический эффект системы Витте. Зато почти 3/4 «общих нужд» империи, т.е. расходов, связанных с государственным управлением и целями внешней политики, покрывалось за счет внутренних накоплений (в том числе через налоговую систему). В целом о российских государственных финансах можно сказать, что внутренний долг накануне мировой войны служил целям финансирования правительства и его ипотечных банков, внешний же использовался как компенсатор внутренних накоплений, отвлеченных через систему государственного кредита на непроизводительные цели.

Гораздо успешнее оказалась политика Витте по привлечению в страну иностранных частных инвестиций, призванных дать импульс индустриальному росту. С этой целью и была, собственно, проведена денежная реформа 1895–1897 гг., введшая в России золотое денежное обращение. Намечая реформу рубля, Витте имел в виду прежде всего внешнеэкономический аспект, возможность с помощью твердой валюты войти в сообщество экономически развитых держав и привлечь оттуда частные инвестиции. «Огромное значение золотой валюты, – резюмировал министр финансов свою позицию, – заключается прежде всего в том, что она представляет золотой мост, перекинутый из богатых стран в бедные; при ней ускоряется выход из бедности, тогда как при бумажной валюте он замедляется» [Ананьич, 1970. С. 257].

¹ Ежегодник Министерства финансов. Вып. 1915 г. Пг., 1915. С. 38, 77–81.

После реформы приток иностранных капиталов в инвестиционной форме действительно усилился, чему способствовала и высокая экономическая конъюнктура 1890-х гг. В дальнейшем инвестиции росли опережающим темпом по сравнению с государственным долгом, который после значительного расширения в период революции 1905–1907 гг. существенно не увеличивался вплоть до мировой войны. В условиях моратория на выпуск новых государственных займов уменьшение поступлений займовых средств компенсировалось форсированным притоком частных иностранных инвестиций. В акции и облигации российских акционерных компаний и облигации муниципальных займов к 1913 г. было инвестировано 1571 млн руб. иностранных капиталов или почти втрое больше, чем в 1900 г. Заграничные инвестиции занимали около 18 % от общего объема капиталовложений в бумаги российских акционерных компаний.

Эти цифры говорят о том, что экономического прогресса имперская Россия добилась не в последнюю очередь благодаря иностранному предпринимательству и заграничным инвестициям, которые сыграли важную роль в деле индустриализации страны, подтолкнув к созданию ряда новых отраслей. Впрочем, в этом отношении Российская империя принципиально ничем не отличалась от других стран, пользовавшихся поддержкой более развитых соседей (например, от Германии или США, в течение XIX в. совершивших громадный скачок в индустриальном развитии, в том числе благодаря притоку иностранных инвестиций).

Плата за помощь капиталами и технологиями («ноу-хау») была немалой, но, во-первых, хотя услуги иностранных бизнесменов отнюдь не были филантропией и щедро оплачивались, экономический эффект оказывался выше и в конечном счете эти инвестиции работали на дело индустриализации России. Их направления, отраслевая структура обуславливались внутренними потребностями страны. Удовлетворяя назревшие потребности российского народного хозяйства, ориентируясь на внутренний рынок, переплетаясь и сращиваясь с отечественным капиталом, иностранный капитал интегрировался в процесс индустриализации страны, облегчив продвижение по этому пути и подтолкнув создание целого ряда отраслей экономики (например, угольно-металлургический район Донбасса) [Иностранное предпринимательство..., 1997].

А во-вторых, значение иностранных инвестиций, о решающем вкладе которых в дело экономической модернизации России любит писать западная историография, безусловно, не было определяющим для индустриального роста, отечественный капитал сохранял лидирующие позиции в народно-хозяйственной системе страны.

В канун мировой войны Россия вышла на траекторию интенсивного индустриального роста, который мог обеспечить мирную эволюционную модель развития империи. Золотая валюта способствовала более интенсивному втягиванию России в международное финансовое сообщество. Государственные обязательства в структуре международной задолженности страны в начале XX в. стали замещаться динамичными прямыми инвестициями, экономически более эффективными, нежели казенные займы, значительная часть которых расходовалась на поддержание имперского статуса. Вероятнее всего, тенденция к возрастанию доли инвестиционных капиталов по сравнению с займовыми продолжилась бы и в дальнейшем при условии сохранения высокой экономической конъюнктуры. Однако Первая мировая война разрушила эту оказавшуюся довольно хрупкой финансово-экономическую систему. С началом военных действий инвестиционный поток из Европы в Россию прервался, а система золотого обращения была ликвидирована во всех воюющих странах.

Итак, экономический рост в позднеимперской России поддерживался не только государственными вливаниями и политикой правительства, но прежде всего хозяйственной деятельностью частных предпринимателей, российских и иностранных. Государство в дореволюционный период являлось не столько инвестором (за исключением железнодорожного хозяйства, где казенные капиталовложения действительно были велики), сколько получателем дохода от экономического роста. Этот вывод служит косвенным, но весьма важным подтверждением победы частнопредпринимательской системы хозяйства в позднеимперской России.

Литература

Ананьич Б.В. Россия и международный капитал. Очерки истории финансовых отношений. Л.: Наука, 1970. 316 с.

Бовыкин В.И. Россия и мировой бизнес: дела и судьбы. М.: РОССПЭН, 1996. 311 с.

Власть и реформы. От самодержавной к советской России / отв. ред. Б.В. Ананьич. СПб.: Дмитрий Буланин, 1996. 800 с.

Иностранное предпринимательство и заграничные инвестиции в России. Очерки / рук. проекта В.И. Бовыкин. М.: РОССПЭН, 1997. 321 с.

Каценеленбаум З.С. Война и финансово-экономическое положение России. М.: Культурно-просветительское бюро студентов Московского коммерческого института, 1917. 80 с.

Корелин А.П., Степанов С.А. С.Ю. Витте – финансист, политик, дипломат. М.: Терра – книжный клуб, 1998. 462 с.

Шаццлло К.Ф. Государство и монополии в военной промышленности России. Конец XIX в. – 1914 г. М.: Наука, 1992. 270 с.

Gregory P. Russian National Income, 1885–1913. New York: Cambridge Univ. Press, 1982. 359 p.

Gerschenkron A. Economic Backwardness in Historical Perspective. A Book of Essays. Cambridge; Massachusetts, 1962. 456 p.

В.П. Зиновьев

**ОБ ОСОБЕННОСТЯХ ПРОМЫШЛЕННОГО ПЕРЕВОРОТА
В СИБИРИ**

V.P. Zinoviev

**ON THE PECULIARITIES OF THE INDUSTRIAL
REVOLUTION IN SIBERIA**

Аннотация. В статье проанализированы основные особенности промышленного переворота в Сибири, который, по мнению автора, начался в 1840-х гг. с водного транспорта и продолжился в металлургии, на железнодорожном транспорте, в обрабатывающих отраслях промышленности в начале XX в., в горной промышленности, сельском хозяйстве, региональном сообщении, коммунальном и домашнем хозяйстве, строительстве до середины 1960-х гг. Особенности процесса по сравнению с Европейской Россией выразились во временном отставании, в большей роли транспорта, в значительном применении электродвигателей и двигателей внутреннего сгорания, нежели паровой техники, в конце XIX – начале XX в.

Ключевые слова: промышленный переворот, Сибирь, 1840–1960-е гг., водный и железнодорожный транспорт, обрабатывающая и добывающая промышленность.

Переживаемый нашей страной момент дает возможность уточнить наше представление об истории страны как о едином преемственном процессе передачи опыта поколений, прежде всего об истории экономики, хозяйственной деятельности людей. Есть ли такое представление сейчас в обобщающих трудах по истории России? Приходится сомневаться. Сплошь и рядом процессы в экономике страны не совпадают с этапами ее развития, нарезанными по политическим рубежам. Я уже пытался обратить на это внимание научного сообщества, но пока безуспешно [Зиновьев, 2021^а. С. 9–16; Зиновьев, 2021^б. С. 14–16; Зиновьев, 2023. С. 51–55]. Например, первоначальное накопление капитала, выражавшееся в разорении мелких товаропроизводителей и в концентрации капитала, не прекратилось после 1917 г., а ускорилося. Пролетарское государство при

этом использовало крестьянский вариант модернизации – кооперацию как метод фактического лишения крестьян собственности. Уставные сельхозартели при всей видимой демократичности и добровольности лишали крестьянские хозяйства самостоятельности и превращали их фактически, а затем и формально в наемных рабочих с наделом. Коллективизация 1930-х гг. при И.В. Сталине и ликвидация промартелей в 1950-е гг. при Н.С. Хрущеве завершили процесс разорения мелких товаропроизводителей, начатый масштабно Петром I, продолженный Александром II, С.Ю. Витте и П.А. Столыпиным при Николае II. Параллельно с этим шли процессы промышленного переворота и индустриализации. Ленинский анализ экономики России начала XX в. утверждает многоукладность как одну из главных ее характеристик¹. Сейчас экономисты опять говорят о многоукладности российской экономики. Но в современных учебниках истории для школ и вузов проблема генезиса капитализма и процесс первоначального накопления капитала просто вычеркнуты. А вот в советских учебниках по отечественной истории эта проблема называлась дискуссионной и тщательно рассматривалась, так же как и в современных учебниках по всеобщей истории [См.: История СССР..., 1983. С. 232–234, 311–316; Новая история..., 2005. С. 20–23].

Складывается впечатление, что составителям современных учебников по истории страны не нужны такие неудобные мысли. Если первоначальное накопление уже было, то как объяснить происхождение капиталов у современных олигархов? Его нынешние публицисты часто называют результатом первоначального накопления. Но это неверно. Это результат не первоначального накопления, а перераспределения самым бесчестным способом накопленного за тысячу лет общественного капитала.

Промышленный переворот также показан историками как краткий исторический момент, не связанный с первоначальным накоплением. В отличие от первоначального накопления, ему место в современных учебниках все-таки нашлось. Начинается он в советских и современных учебниках в 30-х гг. XIX в. и в 80-х гг. того же века завершается, хотя реально он произошел еще только в обраба-

¹ Ленин В.И. О продовольственном налоге // Ленин В.И. Полное собрание сочинений: в 55 т. 5-е изд. М.: Государственное изд-во политической лит-ры, 1974. Т. 43: Март – июнь 1921. С. 207.

тывающих отраслях и в транзитном транспорте. На самом деле промышленный переворот (первая модернизация) начался в России в первой половине XIX в. с обрабатывающих отраслей и транзитного транспорта и продолжался до 1960-х гг. в добывающей промышленности, в сельском хозяйстве, в строительном деле, в коммунальном и домашнем хозяйстве. Однако необходимость создать предпосылки для экономического обоснования закономерности социалистической революции и гегемонии пролетариата в общественном движении потребовала от авторов советских учебников истории срочно «завершить» этот процесс к началу XX в. Наиболее полно итоги изучения промышленного переворота в советский период историографии подвела монография А.М. Соловьевой, в которой промышленный переворот в России автор укладывает в 50–90-е гг. XIX в. [Соловьева, 1990. С. 268]. Попытка Б.Л. Ципина обратить внимание на сложность и протяженность процесса механизации экономики России осталась невостребованной [Ципин, 1968].

С процессом индустриализации проделана обратная операция: начало его обрезали и отнесли в советских учебниках к 1920–1930-м гг., хотя он шел с 1890-х гг. примерно до 1960-х. Первоначальное накопление капитала и промышленный переворот остались в дореволюционной истории, а индустриализацию относят к временам Сталина.

Сейчас в доказательстве наличия предпосылок для социалистических преобразований политического заказа от власти уже нет, однако характеристика промышленного переворота и индустриализации в учебниках по истории осталась прежней. Все процессы, характерные для периода становления индустриализма, остались до 1917 г., хотя они продолжались до 1950–1960-х гг. Таким образом, идеологические измышления прошлой эпохи были помножены на запросы новой либеральной идеологии.

Если обратиться к проблеме промышленного переворота применительно к истории Сибири, то изобразить ее такой же, как и для Российской империи, в целом невозможно в силу его значительного отставания во времени. В.А. Скубневский в докладе на Всесоюзной Байкальской исторической школе в июне 1990 г., анализируя состояние изученности этого сюжета истории края, утвердительно ответил на вопрос о техническом перевороте в Сибири XIX в. только в речном судоходстве и в начале XX в. на железнодорожном транспор-

те, обратил внимание на противоречивые, иногда противоположные оценки историками уровня оснащенности машинами различных отраслей промышленности, неудовлетворительное освещение этого вопроса в обобщающей книге по истории рабочего класса Сибири [Рабочий класс..., 1982]. Он высказал мнение о том, что промышленный переворот вряд ли завершился в Сибири к революции 1917 г., и поставил три задачи, не решенные, по его мнению, историками:

1. Победило или нет фабричное производство в обрабатывающих отраслях промышленности?

2. Когда начался и когда завершился технический переворот в горнодобывающих отраслях региона?

3. Насколько продвинулась социальная сторона промышленного переворота в Сибири – формирование индустриальных классов – промышленной буржуазии и пролетариата? [Скубневский, 1990. С. 82–86].

Как решались задачи, которые были обозначены в этом докладе в постсоветской историографии? С первой задачей справился сам В.А. Скубневский. Он собрал и проанализировал все доступные свидетельства о состоянии обрабатывающей промышленности Сибири и доказал статистически вывод: «Переход от мануфактуры к фабрике, начавшийся в Сибири в пореформенный период, завершился в основных группах местной обрабатывающей промышленности в первом десятилетии XX в.». Он выяснил, что основную часть продукции промышленности Сибири стали в это время давать фабрично-заводские предприятия [Скубневский, 1991. С. 71–72].

Сложнее обстояла ситуация с механизацией производства в добывающей промышленности Сибири. В.А. Скубневский, ссылаясь на мою статью 1980 г., констатировал переходное состояние отрасли от мануфактуры к фабрике в начале XX в. [Зиновьев, 1980. С. 6–31]. Дальнейшие исследования подтвердили этот вывод [Зиновьев, 2007. С. 32–50; Зиновьев, 2009. С. 20–26].

Сложность определения датировки промышленного переворота в горнодобывающих отраслях промышленности в том, что механизация производства в них начинается не с основного, а со вспомогательных процессов: промывки песков (обогащения золотоносной породы), откачки воды, вентиляции и освещения шахт, откатки, подъема из шахт, перевозки горных пород. Главный, наиболее тру-

доемкий процесс отбойки горной массы – угля, руды, золотоносных песков – долгое время не был механизирован и осуществлялся вручную забойщиками в разрезах и шахтах. Золотопромывальные машины внедрены в производство с 1830-х гг., они были сердцем централизованных мануфактур, какими являлись прииски с хозяйскими работами, но они дали прибавку в производительности труда не более 6–8 %, замена ручной откатки песков на конную в таратайках дала 25–33%-ные прибавки, а главным ресурсом осталась интенсификация труда забойщиков и возчиков – годовая выработка забойщиков с 1830-х до 1890-х гг. выросла в 3 раза [Зиновьев, 2007. С. 29]. Таким образом, некоторый элемент механизации в мануфактуре существовал, но он не произвел революции в производительности труда. Настоящий технический переворот начался в горнодобывающей промышленности Сибири в 80–90-х гг. XIX в. с внедрения гидромониторов, драг в золотопромышленности, а с 1920–1930-х гг. – врубовых машин, отбойных молотков и взрывчатых веществ в шахтах. Они подняли производительность труда в десятки раз.

Так, доля механизированной добычи в Кузнецком бассейне выросла с 1,8 % в 1928 г. до 43,4 % в 1932 г., а к 1937 г. дошла до 95 % [История Кузбасса..., 2021. С. 191, 194]. Использование электрических отбойных молотков томского ученого К.Н. Шмаргунова произвело революцию в угольной промышленности за счет эффективности, удобства и безопасности инструмента². Можно утверждать, что технический переворот во всей угольной промышленности СССР произошел в 1930-е гг., так как механизация Кузнецкого бассейна не отставала от союзной. Но в советской историографии термины «технический переворот», «промышленный переворот», «первая модернизация» применительно к периоду сталинской индустриализации уже не применялись, хотя еще И.В. Сталин отмечал, что не правы те ученые, которые «ссылаются на особую роль Советской власти в деле построения социализма, которая якобы дает ей возможность уничтожить существующие законы экономического развития и “формировать” новые» [Сталин, 1997. С. 157]. В сельском хозяйстве СССР технический переворот также начался в 1930-е гг. в растениеводстве, и он в основном завершился в животноводстве в 1960-х гг., при этом в сельском хозяйстве до сих пор остается значительной доля

² История отбойного молотка. URL: https://pnevmo.ru/news/istoriya_otboynogo_molotka/?ysclid=ltsuchh6od222400665 (дата обращения: 15.04.2024).

ручного труда. Точно так же технический переворот происходил уже в советское время в строительном деле, на лесоразработках, в коммунальном хозяйстве, в домашнем быту и т.д.

К особенностям технического переворота в Сибири по сравнению с Европейской Россией можно отнести его более позднее начало с пароводства и металлургического производства, важнейшую роль проведения железной дороги, которая сама была актом промышленного переворота и его условием для других отраслей экономики, большую долю применения электродвигателей и двигателей внутреннего сгорания, нежели паровой техники, в конце XIX – начале XX в. На рубеже веков Сибирь вступила в эру промышленной революции, которая завершилась уже в советское время.

Незавершенности перехода от мануфактурной стадии развития экономики Сибири к фабричной соответствовала незрелость основных классов индустриального общества – буржуазии и пролетариата. Сибирская буржуазия была слабо включена в финансовые империи общероссийских банков, промышленный капитал еще в значительной степени был подчинен торговому. События революции 1917 г. и Гражданской войны прервали формирование регионального слоя буржуазии, как и всей буржуазии России.

Что касается формирования пролетариата, то в Сибири преобладали малоквалифицированные сезонные рабочие. Перепись населения 1897 г. из 305 тыс. учтенных рабочих и прислуги к индустриальной сфере отнесла 90 тыс. работников, из них к работающим на предприятиях фабричного типа – 25–30 тыс. чел. Рабочие и прислуга в Сибири составляли 5,3 % населения, вдвое меньше, чем в целом по империи. «Они представляли собой пестрый конгломерат, разделенный по национальности, сословности, роду занятий, втянутости в индустриальную сферу. Осознания себя как особого класса населения у многих еще не состоялось» [Зиновьев, 2007. С. 92–99]. Формирование кадров постоянных квалифицированных рабочих и служащих продолжалось и в 1930–1960-е гг.

Таким образом, проблема промышленного переворота в российской историографии далеко не решена в целом, а также применительно к Сибирскому региону. Причина этого лежит не в недостатке источников (статистика народного хозяйства дает достаточно информации на этот счет), а в идеологической и научно-теоретической

сферах. Если экономисты решили для себя все вопросы истории развития народного хозяйства России [Ханин, 2008], то историки все еще не согласовали взаимодействие экономического и политического развития страны, становление экономики России все еще рассматривается как кладка кирпичей, а не синергия длительных экономических процессов.

Литература

Зиновьев В.П. Горная промышленность и формирование горнорабочих (1895–1917 гг.) // Промышленность и рабочие Сибири в период капитализма. Новосибирск, 1980. С. 6–31.

Зиновьев В.П. Индустриальные кадры старой Сибири. Томск: Изд-во Том. ун-та, 2007. 258 с.

Зиновьев В.П. Очерки социальной истории индустриальной Сибири. Томск: Изд-во Том. ун-та, 2009. 336 с.

Зиновьев В.П. Преемственность хозяйственного освоения Сибири XVIII – начало XXI века // Российские экономические реформы в региональном измерении: сборник материалов Всероссийской научной конференции, посвященной столетию начала НЭПа / отв. ред. В.А. Ильиных, В.М. Рынков; Институт истории СО РАН. Новосибирск: Параллель, 2021. С. 9–16.

Зиновьев В.П. Неудобные проблемы экономической истории России // Наука и технологии XXI века: тренды и перспективы: сборник статей по итогам IV Профессорского форума 2021 г.: в 2 т. М.: Российское профессорское собрание, 2021. Т. 2. С. 14–16.

Зиновьев В.П. Еще раз о неудобных вопросах преподавания отечественной истории // Историческое прошлое в гуманитарных исследованиях и образовательной практике: сборник материалов междунар. интерконф. (Новосибирск, 22–25 марта 2023 г.) / под ред. В.А. Зверева. Новосибирск: Изд-во НГПУ, 2023. Т. 2. С. 51–55.

История Кузбасса. Т. II. Кузнецкий край на переломе эпох. Кн. 2. История региона в 1920-х – 1930-х гг. / А.Н. Ермолаев (рук. авт. кол.), А.Ю. Карпинец, Н.М. Морозов, И.Ю. Усков. Кемерово: Кузбасская Медиа Группа, 2021. 560 с.

История СССР с древнейших времен до конца XVIII в.: учебник / под ред. Б.А. Рыбакова. 2-е изд., перераб. и доп. М.: Высшая школа, 1983. 415 с.

Новая история стран Европы и Америки XVI–XIX века: учебник для студентов вузов / под ред. А.М. Родригеса, М.В. Пономарева. М.: ВЛАДОС, 2005. 528 с.

Рабочий класс Сибири в дооктябрьский период. Новосибирск: Наука, 1982. 456 с.

Скубневский В.А. Промышленный переворот в Сибири: некоторые итоги и задачи изучения // История и общество в панораме веков: материалы Все-союзной Байкальской исторической школы (Иркутск, 19–24 июня 1990 г.). Ч. 1. Иркутск, 1990. С. 82–86.

Скубневский В.А. Рабочие обрабатывающей промышленности Сибири (90-е гг. XIX в. – февраль 1917 г.). Томск: Изд-во Том. ун-та, 1991. 282 с.

Соловьева А.М. Промышленная революция в России в XIX в. / отв. ред. В.И. Бовыкин. М.: Наука, 1990. 269 с.

Сталин И.В. Экономические проблемы социализма в СССР // Сталин И.В. Сочинения: в 18 т. М.: Писатель, 1997. Т. 16. С. 154–223.

Ципин Б.Л. Некоторые особенности промышленного переворота в России. Свердловск: Средне-Уральское книжное изд-во, 1968. 188 с.

Ханин Г.И. Экономическая история России в новейшее время: в 4 т. Новосибирск: НГТУ, 2008. Т. 1: Экономика СССР в конце 30-х годов – 1987 год. 516 с.

В.А. Крюков

**ПОЛИТИКА ИНДУСТРИАЛИЗАЦИИ – В ПОИСКАХ
ФАРВАТЕРА МЕЖДУ СЦИЛЛОЙ КОМБИНИРОВАНИЯ
И ХАРИБДОЙ СОГЛАСОВАНИЯ¹**

V. A. Kryukov

**THE INDUSTRIALIZATION POLICY – IN SEARCH
OF A FAIRWAY BETWEEN THE SCYLLA OF AGGREGATION
AND THE CHARYBDIS OF CONSENSUS**

Аннотация. В статье рассматриваются проблемы индустриализации экономики России в контексте особенностей ее исторического развития, а также с учетом той колоссальной роли и того значения, которое имеет в нашей стране пространственный фактор.

Показано, что в различные исторические периоды, несмотря на конкретные приоритеты индустриализации и разнообразные подходы и меры ее осуществления, сохранялась острота проблемы, связанной с формированием и развитием горизонтальных связей и взаимодействий различных отраслей и организаций.

В числе важнейших проблем, приемлемый подход к решению которых все еще ждет своего часа, относится становление и развитие кооперационных и интеграционных связей на территориальном уровне – как отдельных регионов (краев, областей, республик и др.), так и их групп (прежде всего относительно близко расположенных).

Среди основных причин отложенного характера отмеченной выше проблемы – исторически сложившаяся и сохраняющаяся до настоящего времени ведомственная (корпоративная) модель организации промышленных (прежде всего индустриальных) организаций. В основе на начальном эта-

¹ В докладе представлены результаты исследований, выполняемых в ИЭОПП СО РАН – Приоритетное направление 5.6.3.2. Механизмы формирования новой модели пространственного развития экономики Российской Федерации, обеспечивающей устойчивое развитие связанность ее территорий в условиях глобальных вызовов XXI в. Проект 5.6.3.2. Экспертно-аналитические, организационные и методические составляющие системы индикативного планирования научно-технологического и сбалансированного пространственного развития России при реализации крупных инвестиционных проектов.

пе – высокие темпы индустриализации (измеряемой и определяемой прежде всего динамикой выпуска ведущих позиций – как правило, угля, металла, крупнотоннажных химических продуктов).

В то же время при сохранении потребности в формировании кооперационных связей – на уровне как отдельных предприятий, так и территорий размещения производств по добыче и использованию природных ресурсов – формируются и реализуются (на протяжении весьма длительного промежутка времени) решения, связанные с созданием территориально-производственных комплексов, программ и пр. Отличие данных форм реализации проектов индустриализации состояло (и состоит) в неустойчивости процедур и мер государственного регулирования в отмеченной сфере.

Ключевые слова: индустриализация, кооперация, комбинирование, ведомственный подход, пространственный фактор, государственное регулирование, подходы к согласованию.

Введение

Индустриализация – создание и развитие производств и предприятий, ориентированных на развитие направлений и сфер хозяйственной деятельности, связанных с производством товаров и предоставлением производственно-технических услуг, имеющих важное значение для решения социально-экономических задач той или иной страны в определенный исторический период времени.

Индустриализация – не только (и не столько) создание определенных новых производств, сколько система мер и шагов, направленных на обеспечение поступательного развития экономики той или иной страны. Индустриализация не может иметь законченного и раз и навсегда заданного характера (например, с точки зрения состава и структуры производства), поэтому, как представляется автору настоящей статьи, является скорее процессом, находящимся под воздействием достаточно широкого комплекса факторов и условий. В их число входит, например, уровень экономического развития страны, особенности внутренних источников накопления и инвестирования, уровень развития науки и научно-технологической сферы и др. Немаловажную роль в современных условиях играют, особенно в случае России, возможности использования форм и методов внешнеэкономических взаимодействий и связей.

Важнейшей особенностью процессов индустриализации на протяжении более чем столетней истории и мировой экономики и, тем

более, нашего Отечества является определяющая роль государства в ее формировании, а также последующей реализации. Государство может выступать непосредственным участником процессов индустриализации, а также в большей мере выполнять роль регулятора (скорее арбитра) ее становления и развития.

Чрезвычайно важным вопросом при осуществлении индустриализации является изыскание и привлечение источников финансирования для реализации намеченных шагов либо по созданию новых производств, либо по модернизации и адаптации уже существующих к меняющимся технологическим процессам создания тех или иных видов продукции или услуг (см., например, ниже о дискуссии 1920-х гг. в СССР). В СССР основными источниками финансирования индустриализации на начальном этапе ее реализации были средства, которые изымались из аграрного и горнорудного секторов.

Пожалуй, чрезвычайно важной особенностью индустриализации является ее нацеленность на обеспечение поступательного развития страны, а также на достижение определенной степени устойчивости страны и ее социально-экономической системы к внешним шокам (обусловленным как экономическими, так и политическими причинами).

*Современная актуальность –
ИТ-развитие + устойчивость экономики страны*

В современных условиях актуальность индустриализации – или неоиндустриализации – чрезвычайно велика. Свидетельством является, например, доклад под эгидой Международного Валютного Фонда, который увидел свет в 2024 г. [Cherif, Hasanov, 2024].

По мнению авторов доклада, о возврате актуальности свидетельствуют меры и шаги в сфере индустриальной политики, которые предпринимают крупнейшие экономические блоки мира – США, ЕС и Китай. В 2015 г. Китай обнародовал стратегический десятилетний план «Сделано в Китае 2025», в основе которого заложено расширение рамок и масштаба государственной поддержки в десяти ведущих секторах экономики, критически важных на современной стадии технологического развития (в том числе микросхемы, искусственный интеллект (ИИ), робототехника, промышленные датчики, облачные вычисления, накопители энергии (ба-

тарей)). Евросоюз анонсировал амбициозный стратегический план в области батарей в 2018 г., суть которого заключается в достижении сначала автономии, а затем и мирового лидерства в рамках всей ценностной цепочки. Данный план получил развитие в Индустриальной Стратегии ЕС (2020), Европейской Директиве по развитию индустрии выпуска микросхем, в Директиве по достижению нулевых выбросов в промышленности (2023) и направлен на превращение Европы в площадку чистых технологий, создающих «зеленые рабочие места».

В докладе утверждается, что могут иметь место два принципиальных подхода к реализации современной индустриальной политики, основанных на разных принципах: а) на основе импортозамещения; б) на основе экспортной ориентации.

Более важное и принципиальное отличие состоит в том, что экспортная ориентация основана прежде всего на действии рыночных сил и процессов в мировой экономике. В этом случае в основе принятия решений – отклики рынка на допустимость того или иного проекта или решения; акцент на доминирующую роль конкуренции, что (по мнению авторов доклада) позволяет ориентировать фирмы на рост производительности; повышенная значимость масштаба как фактора обеспечения большего разнообразия производимой продукции; создание стимулов для преодоления как технического застоя, так и коррупции.

Чрезвычайно важный критерий успешности индустриализации – ее направленность на достижение целей по формированию условий и предпосылок поступательного социально-экономического развития той или иной страны, а также регионов в ее составе. Последнее обстоятельство чрезвычайно важно и более чем значимо в условиях нашей страны.

Роль и важность региональной составляющей политики индустриализации как на уровне стран, так и отдельных регионов чрезвычайно велика в современных условиях. Так, например, в Европейском Союзе имеют место значительные отличия между странами и группами стран с точки зрения особенностей реализуемой промышленной политики [Xiao et al., 2018]. Важно и то, что вероятность формирования в рамках современной неоиндустриальной политики той или иной новой отрасли специализации положительно связана с особенностями ранее созданных производств. При этом особенно

сильная «зависимость от прошлого» наблюдается в тех странах, где явно недостаточен инновационный потенциал (от науки, системы финансирования и до «критически значимого» слоя инновационно-ориентированных компаний самого разного уровня). Вполне очевидно, что «зависимость от прошлого» ослабевает по мере роста инновационного потенциала как стран, так и отдельных территорий в их составе.

Россия – прошлое в нас и с нами

Вопросы индустриализации – сначала в Советской России, а затем и в СССР – вошли в число первоочередных с первых лет советской власти [Lead, 1922]. Необходимость решения практических задач привела к необходимости пересмотреть многие чисто политические решения с точки зрения их реализуемости: «...советские марксисты 1920-х были вынуждены изменять свои экономические взгляды не менее радикально, чем политическую стратегию. В процессе этого пересмотра они должны были адаптировать марксистскую теорию к задачам, для которых она не была предназначена, и сделать это надо было в условиях, которые не анализировались ранее...» [Эрлих, 2010. С. 25].

Среди ключевых проблем экономического развития в середине 1920-х гг. были:

- темпы экономического развития. «Представители двух противоположных школ вели такую уничтожающую критику взглядов своих оппонентов, что напрашивается вывод – советская экономика попала в ловушку между Сциллой слишком медленного и Харибдой слишком быстрого развития» [Эрлих, 2010. С. 70];
- источники финансирования индустриализации. Данный вопрос обсуждался прежде всего в контексте взаимоотношений «города и деревни»: «...факторы, которые в сложившихся условиях порождали необходимость крупных капиталовложений, делали рост инвестиций опасным для экономической стабильности, а готовность крестьян ответить на инфляционные процессы массовым уходом с рынка грозила вернуть советскую экономику на грань катастрофы, туда, где она находилась накануне нэпа» [Эрлих, 2010. С. 143].

При этом «...с теоретической точки зрения существовала возможность осуществлять быстрым темпом индустриализацию, основывающуюся в большей степени (хотя и не исключительно) на готовности крестьян увеличить объемы продаж быстрее, чем размеры покупок, особенно при политике жесткого отбора при распределении ограниченных ресурсов и правильного использования обширных резервов рабочей силы. Однако достигаемое таким образом равновесие было исключительно неустойчивым и подверженным резким потрясениям – кризис хлебозаготовок не оставил никаких сомнений в этом...» [Эрлих, 2010. С. 188].

В конечном счете, как известно, был выбран и реализован подход, основанный на политических шагах и мерах по мобилизации всех имеющихся в стране финансовых ресурсов на цели ускоренной индустриализации, перераспределение не только доходов государства, но и в первую очередь доходов крестьянства. При этом также значимую роль сыграла и горнодобывающая промышленность, включая ускоренное освоение новых золотодобывающих территорий (таких как Северо-Восток).

В настоящее время вопрос о необходимости мобилизации государственных доходов на цели, например, неоиндустриализации не стоит так остро, равно как он и вовсе не встает применительно к доходам аграрного сектора. В то же время данный вопрос достаточно актуален применительно к компаниям топливно-энергетического, горнодобывающего и в целом природно-ресурсного блока национальной экономики. Если такие компании, как ПАО «Татнефть», ОАО «СИБУР», ОАО «Иркутская Нефтяная Компания» и др., поступательно, шаг за шагом, осуществляют достройку производственно-технологических цепочек в экономике страны, то, например, ПАО «Норильский Никель»² следует ранее сложившейся практике – либо периода «безграничной глобализации» (предложение о переносе медного завода из г. Норильска в Китай), либо индустриализации в ее самом первоначальном представлении (акцент на увеличение

² Потанин В. О закрытии речи не идет: «Норникель» планирует перенести мощности Медного завода из Норильска // Newslab.ru. 2024. 25 апр. URL: <https://newslab.ru/article/1279376> (дата обращения: 19.06.2024); Парамонова Н. Прощай, «Медный»: зачем Владимир Потанин хочет перенести завод из Норильска в Китай // Forbes. 2024. 24 апр. URL: <https://www.forbes.ru/sustainability/511073-prosaj-mednyj-zacem-vladimir-potinin-hocet-perenesti-zavod-iz-noril-ska-v-kitaj> (дата обращения: 19.06.2024).

выпуска крупнотоннажной энергоемкой продукции начальных пределов) с последующей ориентацией на экспорт. При этом значительная часть доходов экспортного характера в подобной ситуации оседает на счетах в оффшорных юрисдикциях.

*Комбинаты, отрасли, территории –
проектируем одно, получаем совсем другое*

Чрезвычайно важной целью индустриализации в нашей стране, имеющей колоссальную, все еще слабо освоенную территорию, является не только достижение научно-технических и производственно-технологических целей и задач, но также и создание условий для социально-экономически ориентированного развития в самых различных ее регионах.

Достижение отмеченной цели предполагает формирование рамок реализации производственно-технологических проектов, создающих возможности для реализации того социально-экономического потенциала, которым располагает тот или иной регион или группа регионов.

Особый интерес представляет тот факт, что данные соображения – по очередности постановки и их обсуждения – в 1920-е гг. также рассматривались в контексте направлений и организационных рамок индустриализации.

На начальном этапе индустриализации в 1920-е гг. в основу подхода к решению ее основных задач – прежде всего создания комплекса взаимосвязанных производств на той или иной территории – был положен принцип комбинирования³.

Так, например, к числу «общих установок генплана Сибири» были отнесены следующие (многие из которых вытекали из накопленного опыта и знания проблем экономики региона на протяжении многих лет): «Преодоление расстояния является для Сибири важнейшей задачей хозяйственного строительства... На рынки

³ «Полезно различать два типа вертикальной интеграции... Первый тип, который я определяю как естественную вертикальную интеграцию, подразумевает интеграцию смежных производственных стадий, объединяемых стержневой технологией. Второй тип интеграции... связан с интеграцией периферийных, или нестержневых производств – интеграция “назад” с охватом производства сырья, комбинирование основного производства в производстве компонентов, интеграция “вперед” со стадией сбыта и т.п.» [Уильямсон, 1996. С. 181].

должны выбрасываться: не уголь, а кокс и химические продукты; не круглый лес, а пиломатериалы, фанера, древесная масса, целлюлоза и химикалии; не зерно, а мука; не маслосемена, а масло; не молоко, а масло, сыр и казеин; не мороженое мясо и рыба, а бекон и консервы; не волокно, а ткань и т.д.»⁴.

Важная особенность подхода, который обсуждался и предлагался к реализации, состояла в сочетании централизованного планирования с возможностью развития горизонтальных связей (элементов «новой геометрии») развития инициативы и предприимчивости на уровне проектов, говоря современным языком, инновационного характера – поисковых и ориентированных на удовлетворение локальных потребностей и рынков.

Среди отличительных общих черт и особенностей подходов к решению данных проблем следует, пожалуй, отнести:

- преимущественно технико-экономический характер подходов к выбору и обоснованию решений⁵;
- исключение из рассмотрения вопросов мотивации и, что не менее важно, обеспечение согласованности интересов участников различных проектов;
- статический анализ проектов и предложений (неучет динамики – как в процессе возможного их развития с течением времени, так и с точки зрения учета в целом влияния «фактора времени», т.е. с учетом разновременности осуществления затрат и получения результатов).

В контексте обсуждаемого вопроса важно то, что с организационной точки зрения рамки решения основных «проблем» развития экономики Сибири и Востока страны выделялись в форме комбинатов. В свою очередь, обсуждению проблем комбинирования 1920–1930-х гг. предшествовало активное обсуждение подходов формирования и развития синдикатских организаций как новой формы объединения советской промышленности. В их основе на начальном этапе лежало сосредоточение в едином аппарате операций по

⁴ Основные положения Генерального плана развития народного хозяйства Сибирского края на 1926/27 // Сибирская Плановая Комиссия. Новосибирск: Издание Сибирской Плановой Комиссии, 1927. 134 с.

⁵ «В планах и исследованиях намечаются очертания новых промышленных гигантов..., которые завтра встанут перед нами во весь свой огромный рост с тысячами сложнейших технико-экономических вопросов...» [1-й Сибирский..., 1931. С. 3].

сбыту продукции [Синдикаты..., 1927]. При этом отмечалось, что «Своеобразная экономическая структура и экономическая сущность нашей страны должны были вложить в объединения производственных единиц: конвенции, советы съездов промышленников, синдикаты – специфическое содержание» [Синдикаты..., 1927. С. 1].

Дальнейшим шагом стал переход к рассмотрению организации промышленности на основе экономики комбинирования – производственно-технологических связей переделов сырья, использования энергии, а также определенной близости к источникам используемых природных ресурсов (энергии воды, угля, месторождений руд, древесного сырья и пр.). Комбинаты в значительно большей степени учитывали факторы и обстоятельства, связанные с пространственными особенностями развития производственно-экономических связей. В этом случае, по замыслу авторов, решались, с одной стороны, проблемы предложения необходимых для производства сырья и полуфабрикатов, а с другой – снималась часть остроты проблемы «гнета расстояний»: продукция предыдущих переделов являлась основой последующих циклов производства продукции с более высокой добавленной стоимостью.

Как отмечал выдающийся эконом-географ, инженер Н.Н. Колосовский в случае Урало-Кузнецкой «проблемы», «основная идея заключается в создании ряда крупных заводов на уральской руде и кузнецком коксе, при условии правильной организации магистрального транспорта между ними...» [Колосовский, 1932. С. 3]. Идея комбинирования была популярной при поиске решений межотраслевых комплексных экономических задач не только в горной и в тяжелой промышленности в целом, но и в сельском хозяйстве.

Как виделось архитекторам индустриализации, данный подход чрезвычайно интересен и многообещающ: решаются вопросы комплексного использования сырья, уменьшается зависимость от спроса на продукцию промежуточных переделов, снижается роль «гнета расстояний» и пр. Немаловажно и то, что создание новых производств в новых районах открывало возможности лучшего использования потенциала строительных и производственно-сервисных организаций.

Вместе с тем очевидно, что рассмотрение и принятие решения о создании комбината не могут ограничиваться только рамками

начального – строительного – этапа. Авторы и исследователи данных вопросов весьма отчетливо понимали это обстоятельство. Так, Н.Н. Колосовский уже на раннем этапе обсуждения идеи комбинатов отмечал, что «теоретически несомненно для каждого конкретного случая существует предельная степень концентрации комбинирующихся предприятий, дальше которой концентрация становится невыгодной. Наступает момент, когда комбинат начинает превращаться в неудобное сожительство предприятий, теряющее и экономический, и технический смысл. Наконец, теоретически может получиться в проекте уродливое нагромождение предприятий, – т.е. проект локального комбината может приводить к самоотрицанию комбинирования. ...Иначе говоря, каждый проектируемый нами локальный комбинат должен проверяться на “гибкость”, “эластичность” частей при возможном расширении производства. В затруднительных случаях выход из положения – это переход от локальных комбинатов на комбинирование технологических процессов в масштабе целых районов. Этот переход предполагает более равномерное, но не произвольное распределение производств по территории. Это такая внутренне связанная система, которая дает наибольший эффект при использовании сырья, энергии, транспорта во всех его видах, трудовых ресурсов и оборудования» [Колосовский, 1932. С. 7].

Преодоление потенциальной инерционности и негибкости в развитии комбинатов выделось в развитии горизонтальных связей и взаимодействий с предприятиями на региональном уровне (данные соображения на многие годы опередили ныне популярный «кластерный подход»⁶).

В этой связи Н.Н. Колосовский отмечал, что «...пространственная, районная форма наших комбинатов – вот та особенность, кото-

⁶ «...Частая смена теоретических предпочтений (формирование полюсов роста, кластеров, территорий опережающего развития и пр.) на деле оказывается всего лишь оболочкой, институциональная основа которой – восстановление комплексного социально-экономического планирования на территориях» [Минакир, Демьяненко, 2014. С. 235].

Кластерный подход в его каноническом понимании предполагает наличие определенной «критической» совокупности хозяйствующих субъектов, что обеспечивает возникновение синергетического эффекта от их взаимодействий. Однако при этом упускается из виду, что наличие совокупности с отмеченными выше характеристиками требует длительного времени и поступательной целенаправленной работы и бизнеса, и государства, и общества.

рая в перспективе имеет для нас решающее значение» [Колосовский, 1932. С. 6].

В последующем в первоначальном виде идея комбинатов в нашей стране была реализована, пожалуй, только в «высоких широтах» – на Севере и в Арктике. Как отмечал позднее (в конце 1950-х гг.) С.В. Славин, «...“оазисный” характер освоения при характерных для районов Севера чертах природы и экономики вызвали к жизни особые формы и методы управления процессом освоения. <...> Характерными чертами комбинатов являлись:

1) выделение государством территории, на которую распространялась деятельность данного комбината...

2) включение в состав комбината всех отраслей хозяйства и всех видов производства, необходимых для решения основной задачи комбината...

3) подчинение всех предприятий, входящих в комбинат, единому руководству (управлению), объединяющему все материально-технические и финансовые средства, а также людские силы...» [Славин, 1961. С. 46–47].

Основная причина того, что «каноническая форма комбинатов» оказалась устойчивой только на Севере и в Арктике (полиметаллы Норильска, золото и полиметаллы Северо-Востока), состояла в особенностях тех проектов, для реализации которых они создавались. А именно – уникальные природные объекты (месторождения), которые обеспечивали высокую эффективность за счет и в рамках действия «фактора экономии на масштабе». Только с течением времени, по прошествии нескольких десятков лет эксплуатации уникальных источников сырья, действие данного фактора подошло к критической черте, а с этим и исчерпала свои возможности «каноническая форма комбината».

В Центральной и Восточной Сибири замысел создания «канонических комбинатов» постепенно – год за годом, шаг за шагом – трансформировался в замысел создания «производственно-территориальных комплексов».

Основным критерием обоснования и выбора решений при реализации различных проектов был уровень издержек на производство того или иного вида продукции. В их основе лежали: а) применение современных (на момент создания) технологий; б) уникальные характеристики природного объекта (месторождения, гидроэ-

нергетических или лесных ресурсов). Причем уровень принимаемых издержек при реализации ключевых проектов, как правило, был настолько низок, что позволял обеспечивать эффективное использование получаемых продуктов (металла, угля и пр.) на весьма значительном расстоянии от места производства [Попов, 1962]. Следует заметить, что низкие издержки были связаны и с неучетом затрат на восстановительные работы и мероприятия, связанные с рекультивацией и ликвидацией нанесенного окружающей среде ущерба.

Тем не менее при этом рассматривались вопросы взаимосвязи и взаимодействия различных видов хозяйственной деятельности.

«В состав комплексно развитого района должны входить три группы отраслей производства.

Первую группу отраслей района должны составлять те отрасли, развитие которых диктуется требованиями правильного территориального разделения труда...

Вторую группу составляют производства, обеспечивающие развитие первой группы. Так, если в Западной Сибири широкое развитие получает угольная промышленность, то здесь же следует развивать и горное машиностроение...

Наконец, третью группу составляют те отрасли промышленности и сельского хозяйства, которые производят продукты питания и товары широкого потребления, обеспечивают максимальное удовлетворение потребностей населения» [Попов, 1962. С. 14–15].

Если первоначально на уровне «канонического комбината» степень внутренней взаимосвязанности различных сфер хозяйственной деятельности гипотетически могла (начиная с определенного момента времени) иметь достаточно высокий уровень (за счет, например, перекрестного софинансирования различных этапов и звеньев единого производственно-экономического цикла), то, увы, на практике в случае сформированных производственно-территориальных образований о высокой степени внутренней взаимосвязанности говорить уже не приходилось. В результате создание и развитие смежных производств за счет и в рамках инициативы на уровне отдельных территорий были невозможны без привлечения внешних источников и постоянной административной поддержки со стороны органов государственного управления более высокого уровня иерархии.

Масштаб реализуемых проектов, их уникальность являлись основой усиления роли организационных структур, направленных на решение весьма узкого круга специализированных задач. Иными словами, происходило постепенное смещение акцентов от межотраслевого управления проектами развития производительных сил Сибири и Востока к узкоотраслевому. Координация усилий потенциальных участников проектов при этом имела место только на стадии проработки принципиальных решений при определении ключевых параметров проектов, в то время как дальнейшее их развитие всецело определялось специализированными узкоотраслевыми приоритетами (было прерогативой наркоматов и, позднее, отраслевых министерств, число которых к концу 1980-х гг. уже приближалось к 140).

Времена меняются – проблема сохраняется

Пожалуй, последней значительной попыткой преодоления односторонней направленности развития отраслевых производственно-технологических комплексов, сформированных исключительно на основе дополняемости сменяющих друг друга последовательных стадий передела добываемого сырья (прежде всего нефти, железной руды, полиметаллов, а также древесины и в значительно меньшей степени продукции сельского хозяйства), стало решение о создании сначала межотраслевых научно-технических комплексов (МНТК), а затем и «социалистических концернов» (в числе первых – «Газпром» и «ЛУКОЙЛ»).

Однако декларативная направленность пожеланий о развитии горизонтальных связей в научно-технологической сфере была не в состоянии повлиять на изменение доминирования и преобладания тенденций вертикальных производственно-технологических связей на основе безусловного доминирования индустриального технологического уклада.

Итогом экспериментов и преобразований рубежа XX–XXI вв. в ведущих отраслях и производственно-экономических комплексах (прежде всего на востоке страны) стало безусловное доминирование начальных переделов. Даже те фрагменты цепочек создания ценности (добавленной стоимости), которые были созданы в предыдущие годы, либо прекратили существование, либо получили развитие в

сторону усиления сырьевой, прежде всего экспортной направленности.

Например, такие значимые высокотехнологичные составляющие цепочек, которые удалось создать здесь в советское время, – завод тяжелых экскаваторов в Красноярске (в связи с реализацией «суперпроекта» Канско-Ачинского топливно-энергетического комплекса, КАТЭК) или Иркутский завод тяжелого машиностроения по производству горного оборудования для золотодобывающей промышленности – в период рыночных реформ при изменении относительных цен и ухода государства из управления экономикой прекратили свое существование и были в лучшем случае трансформированы в сервисные компании, решающие очень узкие задачи (включая сервисное обслуживание импортной горно-шахтной техники и оборудования).

Весьма красноречива, например, статистика, характеризующая производство и использование алюминия и нефтехимической продукции. В силу этого многие технологии по использованию алюминия в промышленности и различных секторах национальной экономики утрачены. В то же время во всем мире популярность алюминия продолжает расти. Он становится альтернативой меди в энергетических кабелях, замещает сталь в двигателях, конструкциях морских и речных судов, парит над землей в составе мостовых сооружений.

Даже в текущей ситуации, несмотря на санкционные ограничения, экспорт алюминия из России увеличивается за счет роста потребления в «дружественных» странах. Так, по данным Главного таможенного управления Китая, экспорт российского алюминия в КНР в январе-сентябре 2023 г. в физическом выражении вырос втрое в сравнении с аналогичным периодом прошлого года и составил 806 250 т. Увеличилась и доля России в китайском импорте металла – с 76,1 до 84,3 %⁷. В мире около 25 % производимого алюминия используется в строительной отрасли. На российский первичный алюминий приходится 5,6 % мирового производства. При этом только четверть данного объема потребляется на внутреннем рынке. Основная причина – не столько недостаток мощностей высоких пе-

⁷ Кармакова М. Большое будущее алюминия // Добывающая промышленность. 2024. 20 дек. URL: <https://dprom.online/metallurgy/bolshoe-budushhee-aluminiya> (дата обращения: 14.05.2024).

ределов, сколько низкий уровень внутреннего спроса. В России потребление алюминия на душу населения составляет 10 кг в год, в то время как среднемировой показатель близок к 15 кг, а в индустриально развитых странах – около 45 кг.

Во многом близкая картина наблюдается по продукции глубокой переработки углеводов, древесины и многих других видов добываемых и производимых на территории страны минерально-сырьевых и природных ресурсов. По состоянию на конец 2017 г., потребление полипропилена в России было почти втрое ниже, чем в Западной Европе, и вдвое ниже, чем в Китае; по потреблению полиэтилена низкой плотности имело место двукратное отставание от Западной Европы при сопоставимых показателях с Китаем [Нефтехимическая..., 2017].

Преодоление сложившихся негативных тенденций является первоочередной целью реиндустриализации (неоиндустриализации) – формирование утраченных цепочек создания ценности (добавленной стоимости) на новом качественном уровне, прежде всего с учетом особенностей формирования и развития горизонтальных взаимодействий участников на всех стадиях («этажах»).

В случае, например, реализации нефтегазохимических проектов это предполагает не только организацию потоков сырья и полупродуктов между перерабатывающими предприятиями, но и проведение согласованной политики по освоению месторождений углеводородного сырья и утилизации различных сырьевых компонентов (прежде всего углеводов C_2-C_4 в составе природных и попутных газов). Для повышения эффективности утилизации газовых ресурсов большое значение имеет и согласование графиков добычи (ввода месторождений в эксплуатацию) по объектам с созданием единой газотранспортной системы и выходом на действующие химические предприятия и новые крупные газоперерабатывающие комплексы. Последнее обстоятельство предполагает учет особенностей пространственной структуры экономики страны, и в первую очередь Востока России [Крюков, Шмат, 2024. С. 17].

Ключевое направление неоиндустриализации – достраивание цепочек создания стоимости (ценности) в направлении формирования спроса на продукты глубокой переработки внутри страны.

*Импульсные проекты – основа формирования
пространственных взаимодействий*

Коллективом ИЭОПП в рамках выполнения работ по крупному научному проекту в течение 2020–2023 гг. сформировано несколько специализированных пулов проектов, которые были определены как «импульсные», т.е. реализация которых способна обеспечить значительный синергетический социально-экономический эффект развития экономики страны [Новый..., 2023].

Импульсные проекты предполагают их увязку с решением целого ряда задач, таких как развитие новых производств (например, производство оборудования), предоставление высокотехнологичных услуг (наука и инновационная среда), развитие творческого потенциала населения (образование). На практике это означает наличие эшелонированных в пространстве и во времени взаимодействий участников этих проектов.

Взаимодействие в пространстве означает связь отдельных стадий цепочек создания добавленной стоимости: добыча полезных ископаемых на определенной территории, научно-технологический потенциал в городах и населенных пунктах, расположенных в других регионах и связанных с данными проектами и т.д. Межвременные связи означают формирование в настоящее время условий развития в будущем. Важную роль здесь играет, например, целевой характер аккумуляции доходов, обусловленных благоприятной ценовой конъюнктурой на энергоресурсы и металлы (что имеет место в настоящее время), с последующим их использованием на реализацию проектов диверсификации экономики в направлении производства технологически более сложных и более наукоемких товаров и услуг.

Начальный перечень импульсных проектов имеет в своей основе ранее сложившуюся сырьевую специализацию экономики регионов Востока страны. Однако данные проекты (мы их определили со знаком «+») по своему наполнению значительно шире реализуемых в настоящее время узкоспециализированных проектов, связанных только с добычей сырья и его первоначальной переработкой. Мы выделили три перспективных отраслевых кластера пилотных импульсных проектов: «Металлургия плюс», «Лес плюс», «Уголь плюс». Отличие этих проектов состоит в учете и представлении процесса их

поэтапных и все более усложняющихся в технологическом отношении структуры и состава.

Импульсные проекты могут, по нашему мнению, стать основой формирования обновленной системы межрегиональных связей и преодоления узкоотраслевой направленности экономики значительной части территорий страны.

К важнейшим импульсным проектам также необходимо отнести:

- развитие современной транспортной инфраструктуры (включая как сооружение транспортных и коммуникационных артерий, так и производство современных материалов и транспортных средств для их реализации); важнейший принцип ее формирования – переход от древовидной структуры транспортного комплекса к сетевой структуре как основе расширения экономически освоенного пространства;
- формирование новых энергетических объектов, ориентированных на учет локальных особенностей производства и распределения электрической и тепловой энергии (необходимо рассматривать не просто рост выработки электроэнергии, но и рост электропотребления в социально-бытовой сфере), а также создание и производство технологического оборудования, информационных систем управления и их регулирования.

На макроэкономическом уровне наиболее серьезно препятствует социально-экономическому развитию страны слабость инвестиционной политики, приводящая к увеличению физического и морального износа основного капитала, к снижению темпов и уровней его накопления и, как результат, к стагнации экономического роста. Выход видится в принятии комплексных мер поддержки инвестиций в импульсные проекты, направленных на достижение синергии потенциала и возможностей различных территорий страны. При этом важны не столько инвестиции, сколько их нацеленность на рост научно-технологического уровня экономики.

На этапе запуска предлагаемого подхода ведущая роль, несомненно, принадлежит государству. В дальнейшем усилия государства целесообразно сосредоточить на поддержке развития горизонтальных взаимодействий с целью обеспечения роста научно-технологического уровня экономики страны с учетом особенностей ее отдельных регионов и групп.

Литература

1-й Сибирский научно-исследовательский комбинат. Коллективный труд. Новосибирск: Издание ЗапСибкрайсовнархоза, 1931. 106 с.

Колосовский Н.Н. Будущее Урало-Кузнецкого Комбината. М.; Л.: Государственное социально-экономическое издательство, 1932. 136 с.

Крюков В.А., Шмат В.В. Динамика становления и развития малотоннажной химии // Малотоннажная химия: разработки, производство, аналитический контроль: сборник тезисов докладов науч.-практ. конф. (11–15 марта 2024 г.); Инжиниринговый центр НИОХ СО РАН. Новосибирск, 2024. 112 с.

Минакир П.А., Демьяненко А.Н. Очерки по пространственной экономике. Хабаровск: ИЭИ ДВО РАН, 2014. 272 с.

Нефтехимическая отрасль России: стоит ли ждать перемен? М.: VYGON Consulting, 2017. 63 с.

Новый импульс Азиатской России: источники и средства развития: в 2 т. / под ред. В.А. Крюкова, Н.И. Суслова. Новосибирск: Изд-во ИЭОПП СО РАН, 2023. Т. 1. 418 с.; Т. 2. 527 с.

Попов В.Э. Развитие и размещение тяжелой индустрии Сибири. Кемерово: Кемеровское книжное издательство, 1962. 114 с.

Синдикаты СССР. Сборник статей под редакцией и с предисловием А.Л. Соколовского. М.; Л.: Промиздат, 1927. 309 с.

Славин С.В. Промышленное и транспортное освоение Севера СССР. М.: Издательство экономической литературы, 1961. 302 с.

Уильямсон О.И. Экономические институты капитализма. Фирмы, рынки, «отношенческая» контрактация. СПб.: Лениздат, 1996. 704 с.

Эрлих А. Дискуссии об индустриализации в СССР. 1924–1928 / пер. с англ.; под науч. ред. А.А. Белых. М.: Дело, 2010. 248 с.

Cherif R., Hasanov F. The Pitfalls of Protectionism: Import Substitution vs. Export-Oriented Industrial Policy. IMF, 2024. 41 p. URL: <https://www.imf.org/en/Publications/WP/Issues/2024/04/26/The-Pitfalls-of-Protectionism-Import-Substitution-vs-546349> (дата обращения: 19.06.2024).

Lead J. Sidelights on the Economic Situation in Russia. М.: The Kushnerev Printed Works, 1922. 148 p. + Appendices, 48 p. + 3 maps.

Xiao J., Boschma R., Andersson M. Industrial Diversification in Europe: The Differentiated Role of Relatedness // Economic Geography. 2018. Vol. 94 (5). P. 514–549.

А.В. Алексеев

**ИНДУСТРИАЛЬНОЕ РАЗВИТИЕ РОССИИ –
МЕЖДУ ГОСУДАРСТВЕННЫМ РЕГУЛИРОВАНИЕМ
И РЫНОЧНОЙ НЕОПРЕДЕЛЕННОСТЬЮ¹**

A.V. Alekseev

**RUSSIA'S INDUSTRIAL DEVELOPMENT – BETWEEN STATE
REGULATION AND MARKET UNCERTAINTY**

Аннотация. В докладе рассматривается проблема поиска баланса между вмешательством государства в регулирование экономической деятельности и опорой на силы рынка при создании материально-технического базиса развития российской экономики. Показывается, что смещение этого баланса в ту или иную сторону в равной степени ведет к стагнации, затуханию экономической активности. Доказывается, что искомый баланс достигается не через механическое сведение основных инструментов госрегулирования и институтов рынка, а через придание нового, адекватного современным вызовам качества госуправления и использования потенциала рыночных сил в интересах достижения четко сформулированных государством целей национального развития. Рассматриваемый подход не предполагает ни национализации средств производства, ни введения жесткого директивного планирования, но требует проведения внятной и ответственной политики государства в части поддержки национального производителя в форматах государственно-частного партнерства, предоставления гарантий спроса на продукцию отечественного производителя и использования ряда других экономических инструментов.

Ключевые слова: экономический рост, глобальная экономика, промышленная политика, инвестиции, государственное регулирование, плановая экономика, монетарная политика, ключевая ставка.

Вся новейшая история России – это история поиска средств достижения целей, которые она, как великая держава, иногда более,

¹ Работа выполнена по плану НИР ИЭОПП СО РАН. Проект 5.6.6.4 (0260-2021-0008) «Методы и модели обоснования стратегии развития экономики России в условиях меняющейся макроэкономической реальности».

иногда менее осознанно ставит перед собой. В советский период это стремление доказать несоциалистическому миру, что плановая экономика в рамках общественной собственности на средства производства более эффективна, чем рыночная, функционирующая в условиях частной собственности на средства производства [Фомин, 2023]. Успех этого проекта позволил бы Советскому Союзу не просто претендовать на роль одного из мировых лидеров, а стать им – стремление, свойственное любой державе, считающей себя великой. Период бесспорных успехов на этом пути (экономика СССР была второй в мире) завершился достаточно бесславно [Алексеев, Лавровский, 2021]. В настоящее время экономика РФ – четвертая экономика мира.

Неуспех советского проекта – в смысле достижения мирового лидерства социалистической идеи, но не создания материальной основы экономики современной России – предопределил переход к другому идеологическому полюсу развития экономики: рыночная экономика на основе частной собственности на средства производства. Проблемы с достижением целей национального развития здесь проявились гораздо быстрее, чем в советском проекте.

Быстро – в течение 10–15 лет – выяснилось, что результаты развития в рамках новой парадигмы далеки от ожидаемых [Новый импульс, 2023]. В период, когда российская экономика встраивалась в глобальную в не афишируемом, но очевидном формате сырьевого придатка, среднегодовые темпы прироста ВВП составили 7 % годовых, производства промышленной продукции – 6 %, инвестиций – немислимые по современным меркам 13 % (в 1999–2008 гг.). Когда эта задача была в основном решена, среднегодовые (2012–2019 гг.) темпы прироста ВВП, производства промышленной продукции и инвестиций стали совсем другими – 1,4, 2,3 и 1,0 % соответственно (рис. 1).

Следует ли из этого, что рыночная экономика неадекватна российскому социокультурному коду и опора на нее не может привести к достижению (вне зависимости от того, артикулированы они в явном виде или нет) стоящих перед страной целей? Строго говоря, такая постановка вопроса некорректна. Действительно, с одной стороны, экономическое развитие РФ на протяжении последних трех десятилетий демонстрирует колоссальный потенциал рыночных сил. Но с неменьшей очевидностью оно свидетельствует и о том, насколько опасны и деструктивны могут быть эти силы без осознанно-общественного контроля.

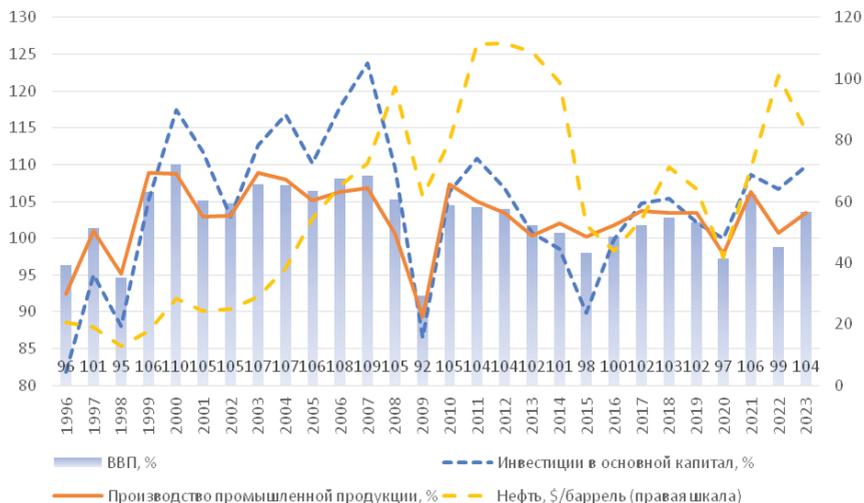

Рис. 1. Темпы роста производства промышленной продукции, ВВП и инвестиций, %
данные Росстата

Правильнее говорить о необходимости создания системы отношений, позволяющей использовать безусловный потенциал рыночной системы для достижения целей национального развития. Успехи в создании такой системы в РФ на протяжении последних десятилетий невелики. Наблюдавшееся дистанцирование государства от постановки целей национального развития и создания условий для их выполнения, с одной стороны, и ориентация на встраивание национальной экономики в мировую, с другой, с неизбежностью вели к тому, что российская экономика трансформировалась (деформировалась) под потребности глобальной экономики, цели развития которой не просто далеки от интересов суверенного развития РФ, но и в принципе не могут им соответствовать. Стандартный «теоретический» посыл сторонников глобальной экономики – «каждая страна специализируется на тех видах деятельности, в которых она наиболее конкурентоспособна на международном уровне» – откровенно лукав. Он направлен на консервацию уже сложившейся системы международного разделения труда, препятствует на национальном уровне развитию новых компетенций, провоцирует ресурсодобывающие страны сосредоточиваться на добыче полезных ископае-

мых в ущерб развитию обрабатывающих производств и торгуемых услуг [Райнерт Э., 2021]. Именно эти эффекты и наблюдались в экономике РФ в последние десятилетия.

С началом СВО баланс «рыночные силы – государственное регулирование» в управлении экономикой сместился в пользу усиления государственного управления, но с существенной оговоркой: в оборонной сфере. Утверждать, что российский бизнес, во всяком случае не связанный напрямую с решением оборонных задач, всерьез почувствовал смену парадигмы экономического развития, преждевременно. Явного сдвига в пользу поддержки национального производителя, а не потребителя, считающего, что он имеет право на приобретение лучшей продукции на рынке, и если это не продукция отечественного товаропроизводителя, то это уже не его проблемы, не произошло.

Да, государство активно присутствует в экономике. Число реализуемых национальных проектов и государственных федеральных программ быстро растет. Но это присутствие осуществляется скорее в формате решения задач, за которые государство всегда считало себя ответственным (задачи социального развития, науки, инфраструктуры).

В сфере государственного регулирования национальной экономики наблюдается интересный эффект когнитивного диссонанса. В идеологическом плане сколько-нибудь серьезного отказа от догматов следования курсу интеграции в глобальную экономику не наблюдается. Подчеркивается важность развития международной торговли (в современных терминах поиска новых рынков, которые пока не закрыты для российского производителя), признается необходимость строго следовать нормам ВТО вне зависимости от того, соответствует соблюдение этих норм долгосрочным интересам развития РФ или нет, не просматривается сколько-нибудь внятная государственная политика по возвращению сильных национальных товаропроизводителей в гражданском секторе экономики.

В оборонном же сегменте российской экономики ситуация принципиально иная. Следование международным нормам и правилам ведения бизнеса здесь отложено до лучших времен. Государство (не рынок!) четко формирует спрос на продукцию оборонного назначения. Российский производитель знает, что если он инвестирует свои средства в развитие производства, произведенная продук-

ция не останется невостребованной по причине того, что у зарубежного поставщика лучшие финансовые условия.

Наличие гарантированного спроса – уже достаточное условие для быстрого наращивания как инвестиций, так и производства. Но государство идет дальше. Понимая, что ресурсы развития (финансы, квалифицированный труд, оборудование, сырье, материалы) ограничены, оно предоставляет их бизнесу, готовому решать задачи, которые считаются в настоящее время критически важными.

Интересен формат предоставления этих ресурсов. У стран, стремящихся вписаться в глобальную экономику (не следует путать со странами, создающими правила функционирования этой экономики), собственные ресурсы развития обычно невелики. Они получают их (если получают) от глобальной экономики. Россия – не исключение. С закрытием для нее рынков – финансовых и товарных – «неожиданно» выяснилось, что ресурсов не только для развития, но и для поддержания экономики критически недостаточно.

В плановой экономике задача перераспределения имеющихся ресурсов решается просто. Но, как показывает российский опыт, задача решается и без Госплана. Для этого достаточно поддерживать «сверхвысокую ключевую ставку, фактически запрещающую осуществление инвестиций... кроме тех областей, в развитии которых государство заинтересовано. Действительно, если продукция компании необходима для оборонных, инфраструктурных или отдельных социальных нужд, компания получает поддержку от специально созданных институтов. Например, Фонд развития промышленности (ФРП) предоставляет целевые займы по ставкам 3 и 5 % годовых сроком до 7 лет в объеме от 5 млн до 5 млрд руб. на разработку новой высокотехнологичной продукции, импортозамещение, лизинг производственного оборудования, станкостроение, цифровизацию действующих производств, производство предприятиями ОПК высокотехнологичной продукции гражданского или двойного назначения, производство комплектующих, маркировку товаров и повышение производительности труда»².

Минусы такого типа развития очевидны: «инвестиции в стране осуществляют 20 тыс. компаний, а тот же Фонд развития промышленности поддерживает всего лишь сотни предприятий», подчерки-

² Фонд развития промышленности. URL: <https://frprf.ru/o-fonde/>

вает член комитета Государственной Думы по бюджету и налогам О. Дмитриева [Монокль, 2024. С. 7]. Тем не менее дрейф в сторону воссоздания плановой экономики, хотя и на несколько неожиданной монетарной основе, налицо.

Развитие оборонно-промышленного комплекса и гражданского сектора экономики – на первый взгляд разные истории, развивающиеся по своим нетождественным законам. Тем не менее они весьма показательны. Некритическое следование экономическим теориям, разработанным с целью сохранения сложившегося на начало XXI в. соотношения сил в мире, закономерно привело к деградации обрабатывающего сектора российской экономики, поставило российскую экономику в критическую зависимость от мировой, что в сложившихся условиях означает прямую угрозу суверенитету страны.

Практически полный отказ от либеральных подходов в управлении экономикой в ОПК и частичный в гражданском секторе запустил процесс качественного изменения функционирования российской экономики. Экономика начала приобретать плановый характер, хотя и в весьма урезанном виде. Планового не в смысле традиционно советского директивного планирования, а в смысле формирования приоритетов развития, реализуемых через льготное кредитование контролируемых государством институтов развития (например ФРП) на фоне запретительно высокой ключевой ставки, устанавливаемой ЦБ РФ.

Результативность такого подхода в ОПК очевидна. Выпуск продукции военного назначения выроскратно, по многим позициям на порядок. Целесообразность его распространения на гражданский сектор, возможно, более дискуссионна. По нашему мнению, результаты постсоветского периода однозначно свидетельствуют о том, что делегирование рынку «права» формирования приоритетов развития национальной экономики, фактического уклонения государства от принятия стратегических решений, приводит к деградации в первую очередь обрабатывающего сектора российской экономики, встраивания ее в мировую на правах уже объекта, а не субъекта экономического развития. Во многом стихийный, вынужденный в рамках складывающихся обстоятельств переход к плановому началу в экономике несет свои риски: приоритеты развития могут быть сформулированы неверно, очень серьезен риск корруп-

ционного воздействия на формирование этих приоритетов [Тесля, 2022]. Тем не менее новый, только формирующийся подход к планированию экономической деятельности позволяет, с одной стороны, мобилизовать сильные стороны института госрегулирования (необходимость осуществления инвестиций с учетом долгосрочных стратегических интересов развития национальной экономики) и потенциала рынка (наличие встроенных механизмов контроля эффективности принимаемых инвестиционных решений). С другой, купировать их слабости: отсутствие достаточных компетенций и ресурсов для достижения поставленных целей у государства и малый горизонт планирования с ориентацией на решение тактических, но не стратегических задач развития у бизнеса [Широв, 2023].

В РФ нет жестких ресурсных ограничений, но есть институциональные. На преодолении этих ограничений и следует сосредоточиться, поставив во главу угла интересы отечественного производителя. Без активного вмешательства государства эту задачу не решить. Использование инструментов финансовой политики для воссоздания на новом качественном уровне планового начала в экономике – шаг в правильном направлении. Тем не менее для создания сильной суверенной экономики одного финансового инструментария недостаточно. Необходимо четкое целеполагание со стороны государства и создание институциональных условий по достижению этих целей. На краткосрочном временном горизонте объективных условий для значимого снижения ключевой ставки нет. Но они с неизбежностью появятся, если государство, в том числе через субсидирование процентной ставки, будет и дальше принуждать отечественный высокотехнологичный сектор к развитию.

Литература

Алексеев А.В., Лавровский Б.Л. Тридцать лет без СССР (годовщина или година?) // ЭКО. 2021. № 12. С. 9–23.

Новый импульс Азиатской России: источники и средства развития: в 2 т. / под ред. В.А. Крюкова, Н.И. Сулова; Институт экономики и организации промышленного производства Сибирского отделения РАН. Новосибирск: Изд-во ИЭОПП СО РАН, 2023. Т. 1. 418 с.

- Промышленность и справедливость // Монокль. 2024. № 15 (1338). С. 7.
- Райнерт Э.* Как богатые страны стали богатыми, и почему бедные страны остаются бедными. М.: ГУ ВШЭ, 2021. 384 с.
- Тесля П.Н.* Контрактные риски ГЧП // ЭКО. 2022. № 2. С. 68–92.
- Фомин Д.А.* Послевоенная экономика СССР: факторы восстановления // Terra Economicus. 2023. Т. 21, № 1. С. 47–60.
- Широв А.А.* Развитие российской экономики в среднесрочной перспективе: риски и возможности // Проблемы прогнозирования. 2023. № 2 (197). С. 6–17.

М.В. Шиловский

РОЛЬ ГОСУДАРСТВА В ПРОТОИНДУСТРИАЛЬНОМ РАЗВИТИИ ДОРЕВОЛЮЦИОННОЙ СИБИРИ

M.V. Shilovsky

ROLE OF THE STATE IN THE PROTOINDUSTRIAL EVOLUTION OF THE PRE-REVOLUTIONARY SIBERIA

Аннотация. Экономика Сибири до начала XX в. развивалась в рамках реализации трех крупнейших хозяйственных проектов: пушнина (XVII–XVIII вв.), драгоценные и цветные металлы (XVIII–XXI вв.) и Транссиб. Они осуществлялись при активном участии государства. Подобная роль власти обуславливалась «раздаточной» моделью экономики, которая означала условный характер владения собственностью, что мы наблюдаем в Сибири на протяжении всей истории ее хозяйственного освоения. Условия этого владения в значительной степени определялись произволом власти и ее носителей на местах. Несмотря на большую эффективность частной золото-промышленности в сравнении с казенной и кабинетской, государство полностью контролировало горнодобывающую отрасль. В экономической концепции главного индустриализатора конца XIX – начала XX в. и инициатора строительства Транссиба С.Ю. Витте железнодорожное строительство, соединяя регионы, ускоряло торговые обороты и способствовало наращиванию товарного производства.

Ключевые слова: «мягкая рухлядь», горно-металлургический комплекс, Транссибирская железнодорожная магистраль, массовое переселение, Колывано-Воскресенский горный округ, Копикуз, государственно-частное предпринимательство.

Освоение Сибири осуществлялось при активном участии государства. Подобная роль власти определялась необходимостью ускорить социальную мобильность российского, а в XX в. и советского социумов в качестве основного средства модернизации страны в рамках догоняющего развития. Именно государство на протяжении четырех веков выступало главной силой в организации переселений, апробирования практически всех известных способов и мето-

дов хозяйственного освоения регионов ресурсного типа: принудительный тип, принцип маятника, создание особых (анклавных) геоэкономических зон и территориально-производственных комплексов (ТПК), сочетание частной инициативы с монопольно высокой долей участия государства и т.д.

В исследовательской литературе используются разнообразные подходы для анализа процесса индустриализации с выделением этапа подготовки ее «взлета» в рамках концепции стадий экономического развития У. Ростоу [Побережников, 2006. С. 140–141]. Применительно к Сибири «индустриальная» проблематика традиционно рассматривалась с позиций сталинского «большого скачка» 1930-х гг., которому до 1917 г. предшествовала указанная выше «подготовка». В результате «накануне Первой мировой войны сибирская экономика была втянута в общий промышленный подъем, охвативший страну. Все отрасли промышленности, имевшиеся здесь ранее, стали развиваться более быстрыми темпами. Однако в целом промышленность Сибири оставалась на невысоком уровне. Богатейшие природные запасы использовались слабо» [История Сибири, 1968. С. 348]. В результате «в обрабатывающей промышленности региона переход от мануфактуры к фабрике завершился в первом десятилетии XX в., т.е. значительно позже, чем в европейской части» [История Сибири, 1987. С. 342].

В постсоветский период попыток определить специфику протоиндустриального развития Азиатской России до 1917 г. не предпринималось, за исключением предложенных В.П. Зиновьев этапам:

- 1) XVII – первая четверть XVIII в. – начало частного раннекапиталистического предпринимательства;
- 2) вторая четверть XVIII – первая четверть XIX в. – рост, а затем господство феодального предпринимательства Казны, Кабинета, дворянства в мануфактурной промышленности;
- 3) вторая четверть XIX в. – 1861 г. – кризис феодальной промышленности, рост и победа частного капиталистического предпринимательства на транспорте, в промышленности, начало промышленного переворота в водном транспорте;
- 4) 1861 г. – 1890-е гг. – крах феодального предпринимательства, утверждение капиталистической мануфактуры во всей промышленности, начало промышленного переворота;

5) вторая половина 1890-х гг. – 1930-е гг. – промышленный переворот во всех отраслях экономики, начало индустриализации [Зиновьев, 1999. С. 9–40].

В целом я разделяю предлагаемую периодизацию, определив для каждого этапа роль государства в экономическом развитии Азиатской России. На протяжении 335 лет (1582–1917 гг.) с его участием происходила реализация ряда масштабных хозяйственных проектов: пушнина (XVII–XVIII вв.), драгоценные и цветные металлы (с XVIII в.), Транссиб и аграрная революция (конец XIX – начало XX в.).

В рамках первого из них появление русских за Уралом преследовало цель сбора ясака – специального налога на аборигенное население, который первоначально собирали исключительно пушнина в пересчете на соболиный «эквивалент». Все операции с соболиными мехами являлись государственной монополией. В 1640–1650-е гг. из Сибири ежегодно вывозили до 145 тыс. одних только соболиных шкурок, а из Якутска в XVII в. их отправили в Москву 4,5 млн единиц. По данным Г.К. Катошихина, в царствование Алексея Михайловича (1645–1676) сибирская «рухлядь» приносила в казну до 600 тыс. руб., или треть государственных доходов [Азиатская часть России, 2008. С. 18].

На смену «мягкому золоту» пришли цветные и драгоценные металлы. В 1704 г. Аргунский сереброплавильный завод в Забайкалье, построенный на средства государства и обеспеченный рабочей силой за счет использования принудительного труда ссыльнокаторжан и приписных крестьян, начал поставку в казну серебра, из которого начали чеканить российские рублевые монеты. Во второй половине XVIII – начале XIX в. сформировался горно-металлургический комплекс Колывано-Воскресенского (с 1834 г. Алтайского) горного округа, включавший несколько рудников и заводов, осуществлявший выплавку меди, железа, чеканку монеты, камнерезное производство. Алтайские и нерчинские заводы являлись ассоциативно-частной собственностью дома Романовых, управляемых Кабинетом его императорского величества (КИВ, Кабинет). По технико-организационной структуре перечисленные объединения относились к мануфактурам. Комплекс алтайских заводов развивался как самодостаточный и не зависел от рынка, его можно считать предшественником ТПК.

С начала разработки и до 1875 г. на Алтае выплавляли 10 млн пудов меди и 109,3 тыс. пудов серебра. Одновременно в 1791–1860 гг. из алтайского золотистого серебра ежегодно извлекалось 20–35 пудов золота [Рабочий класс Сибири, 1982. С. 49]. Уникальность положения горно-металлургического комплекса заключалась в специфике взаимоотношений государства и Кабинета. Казна покупала у него золото и серебро. Отчеканенные на Сузунском заводе монеты являлись составной частью денежной системы Российской империи. Возглавлял комплекс горный инженер в звании генерал-майора, который совмещал должности томского губернатора и начальника Колывано-Воскресенского (Алтайского) горного округа (1822–1864). Приписанные к алтайским и нерчинским заводам крестьяне составляли отдельное от сибирских крестьян сословие. В 1852 г. последних перевели в казаки, в 1862 г. на Алтае они были освобождены от приписки к заводам.

С отменой принудительного труда кабинетские горно-металлургические предприятия вступили в полосу системного кризиса, который во второй половине XIX в. привел к закрытию сереброплавильных заводов. Администрация КИВ сделало ставку на ведение арендного хозяйства и на эксплуатацию принадлежащего ей лесного фонда.

Параллельно с конца 1820-х гг., первоначально на землях КИВ, началась промышленная добыча золота, которая осуществлялась с активным использованием рыночных отношений при сохранении монополии государства на металл и организации контроля за частной золотопромышленностью посредством нормативных актов и системы горного надзора, осуществляемого инженерами и горными исправниками Томского и Иркутского горных управлений. В результате в 1830 г. в Сибири добыли 0,05 тыс. пудов золота (12,5 % общероссийского производства, в 1850 г. – 1 тыс. (66,7 %), в 1910 – 2,2 тыс. (71 %), в 1924 г. – 2,5 тыс. пудов (78,1 %)) [Винокуров, Суходолов, 1996. С. 187].

Следующий масштабный экономический проект, реализация которого происходила в связи со строительством Транссибирской железнодорожной магистрали (1891–1916), связан с аграрной специализацией и началом индустриализации региона в рамках виттевско-столыпинского ее этапа. В начале XX в. С.Ю. Витте определял главную особенность экономического развития, имеющую

непосредственное отношение к Сибири, следующим образом: «... Мы, минуя средние степени хозяйственного развития, минуя мануфактурный период, прямо переходим к машинному производству, пользуясь знанием и опытом Западной Европы. Несмотря на поразительно быстрый рост за последнее время нашей обрабатывающей, горнозаводской, перевозочной и торговой промышленности, мы, вчера только вышедшие из примитивного экономического строя, находимся еще на начале развития промышленно-торговой ступени народного хозяйства»¹. В свою очередь, посетившие в 1910 г. Западную Сибирь П.А. Столыпин и главноуправляющий землеустройством и земледелием А.В. Кривошеин подчеркивали, что «Сибири еще на много лет предстоит быть страной главным образом сельскохозяйственной, добывающей и поставляющей на мировой рынок сырье. Как ни желательно развитие в Сибири обрабатывающей промышленности, но, по-видимому, там еще нет налицо тех главных условий, без которых обрабатывающая промышленность не может получить широкого значения: нет крупных и предприимчивых капиталов, подготовленного рабочего класса, достаточных рынков сбыта». Поэтому необходимо развивать «сельское хозяйство и добывающую промышленность, обеспечив широкий приток туда населения, и не только земледельческого, но и вообще рабочего»².

Наиболее впечатляюще правительственная политика в отношении экономического развития региона в связи с сооружением Транссиба проявилась в аграрной сфере. Сельское хозяйство здесь развивалось и ранее, в том числе при активном участии государства. Однако немногочисленность городского населения, отсутствие развитой транспортной инфраструктуры, колоссальные расстояния ограничивали развитие рыночных отношений в деревне. Сенаторы В.К. Безродный и Б.А. Куракин, ревизовавшие в 1827–1828 гг. Тобольскую и Томскую губернии, отмечали, что местные крестьяне живут безбедно, но безденежно: «Довольство их однако ж состоит отнюдь не в денежной наличности, а в достатке продуктов трудами собственных рук из земли вырабатываемых и в изобилии скотовод-

¹ Витте С.Ю. Конспект лекций о народном и государственном хозяйстве, читанных его императорскому высочеству великому князю Михаилу Александровичу в 1900–1902 годах. СПб., 1912. С. 41.

² Записка председателя Совета министров и главноуправляющего землеустройством и земледелием о поездке в Сибирь и Поволжье в 1910 г. Барнаул, 2011. С. 90.

ства. Достаток в сих предметах, без сомнения, снабжал бы их и деньгами, если бы была возможность сбывать земные продукты и скот с выгодой. Но великое пространство края и отдаленность оногo за тысячи верст от мест, нуждающихся в хлебе и скоте, служат непреодолимым препятствием» [Катионов, 1983. С. 80].

Организованное правительством в начале XX в. массовое переселение дало впечатляющие результаты. С 1897 по 1915 г. среднегодовые площади посевов увеличились в Сибири с 2,3 до 7 млн десятин, а валовые сборы зерна с 1891–1900 по 1911–1915 гг. выросли с 40,7 до 350 млн пудов. поголовье крупного рогатого скота – с 4534 тыс. в 1891 г. до 7810,1 тыс. голов в 1916 г.; свиней – с 759,6 до 1841,4 тыс. голов [Крестьянство Сибири, 1983. С. 69, 191, 196, 254; Горюшкин, 1990]. Самодержавие целенаправленно форсировало развитие товарного маслoдeлeния посредством введения Челябинского тарифного перелома, поддерживая маслoдeлeльную кооперацию, открыв три школы и многочисленные курсы молочного хозяйства, увеличив количество вагонов-ледников, сооружая стационарные холодильники. В результате стоимость вывозимого в основном за границу сибирского сливочного масла (90 % российского экспорта) увеличилась с 4 тыс. руб. (400 пудов) в 1894 г. до 68 млн руб. (4460 тыс. пудов) в 1912 г., что в два раза превышало доходы от добытого в регионе золота [Горюшкин, 1967. С. 162].

Железная дорога оказала революционизирующее воздействие на экономику Азиатской России в плане интенсификации развития рыночных отношений. Данное обстоятельство признавали практически все современники и последующие поколения исследователей. Сама магистраль «стала крупнейшим событием промышленной революции в Сибири и одним из наиболее грандиозных событий в процессе индустриализации мировой экономики» [Зиновьев, 1999. С. 25]. Согласно данным министра финансов, а затем председателя Совета министров В.Н. Коковцева, в начале 1914 г. длина казенных железных дорог в Европейской России составляла 33 416 верст, а в Азиатской России 9969 верст³. Это было крупнейшее промышленное предприятие за Уралом, на котором в 1904 г. трудилось порядка 88 тыс. чел. [Земеров, 1974. С. 37].

³ Коковцов В.Н. Из моего прошлого. Воспоминания. 1903–1919 гг.: в 2 кн. Книга вторая. М., 1992. С. 315.

В горнодобывающем сегменте ведущие позиции занимала золотопромышленность. Механизация добычи (гидромониторы, драги, механические буры, взрывчатка, паровая и электрическая техника) составила основу технического переворота в отрасли. В Восточной Сибири подъем золотодобычи был обусловлен инвестициями Государственного банка и иностранных акционеров. Например, со времени образования АО «Лена Голдфилдс» оно «являлось смешанным русско-английским обществом, в котором контрольный пакет акций принадлежал российским акционерам» [Разумов, 1995. С. 141]. Строительство частных железных дорог (Алтайской, Кулундинской, Ачинск-Минусинской, Кольчугинской) осуществлялось за счет привлечения крупных капиталов на длительный срок. Так, учредителями АО Алтайской ж.д. (Новониколаевск-Барнаул-Семипалатинск с ответвлением на Бийск) выступили российские банки – Учетно-ссудный, Международный коммерческий, Русский для внешней торговли и Торгово-промышленный. Впоследствии членами акционерного общества стали девять российских и два французских банка [Баталова, 1995. С. 157].

В черной металлургии началась реализация самого масштабного проекта – строительства завода вблизи г. Кузнецка (Новокузнецка) на базе разведанных месторождений каменного угля и железной руды. Возможность его реализации предположил лидер областников Г.Н. Потанин. В отчете об экспедиции в Монголию 1876–1877 гг. он заметил: «Известно, что долины Мрассы, Кондомы, Чулышмана, Башкауса богаты железными рудами, на Тильбесе, притоке Кондомы, находится богатый Сухаринский рудник магнитного железняка, количество руд которого определяется в 160 млн пудов; вблизи от этих мест находится богатейший каменноугольный бассейн. Словом, есть все данные в крае для развития самостоятельной железной промышленности»⁴.

Первые проекты реализации предложения Г.Н. Потанина относятся ко второй половине 1890-х гг. Неудачей завершилась попытка создания акционерского «Сибирского металлургического и горного общества» (1895–1894 гг.), предполагавшего построить вблизи Кузнецка крупный металлургический завод с производством не менее 32 млн пудов чугуна и стали в год. В 1899 г. провалилась идея созда-

⁴ Потанин Г.Н. Путешествия по Монголии. М., 1948. С. 66.

ния «Общества Восточно-Сибирских заводов» с участием американских инвесторов с той же целью. Наконец, во время Первой мировой войны в правительственных сферах Сибирь стала рассматриваться как перспективная база развития угледобычи и металлургического производства. Геологические исследования, произведенные группой геологов во главе с профессором Л.И. Лутугиным, установили, что Кузнецкий бассейн располагает запасами в 250 млрд т угля. Для научной проработки проекта при Совете съездов промышленности и торговли (Петроград) создается специальное Сибирское бюро, а также организуется Сибирская железная экспедиция. По подсчетам ее специалистов, Сибирь могла уже в ближайшие 6–7 лет выплавлять до 60 млн пудов чугуна и стали. В дальнейшем производство можно было довести до 300 млн пудов [Долголюк и др., 2002. С. 37].

По инициативе бывшего туркестанского генерал-губернатора, тайного советника В.Ф. Трепова и председателя правления Международного коммерческого банка, действительного статского советника С.С. Хрулева в 1912 г. образуется акционерное общество «Кузнецкие каменноугольные копи» (Копикуз), в 1917 г. переименованное в «Кузнецкое каменноугольное и металлургическое акционерное общество». В 1920 г. оно ликвидируется в связи с национализацией советской властью всех его предприятий. Учредители в октябре 1912 г. заключили договор с Кабинетом, согласно которому Копикузу на 60 лет (до 1972 г.) предоставлялось монопольное право на добычу угля в Алтайском горном округе на площади 176 тыс. кв. км с уплатой КИВ полкопейки за каждый пуд добытого угля. Землеотвод под угольные копи составлял 2 руб. за десятину. В январе 1913 г. в Петербурге учредительное собрание АО распределило 6 млн руб. акционерного капитала поровну между Международным коммерческим и Русско-Азиатским банками, с одной стороны, и группой французских банков, с другой. Председателем правления Копикуза становится В.Ф. Трепов, а директором-распорядителем – инженер И.И. Федорович.

В том же году Копикуз приобрел Гурьевский металлургический завод, Салаирские Тельбесские железные рудники. Накануне Первой мировой войны В.Ф. Трепов вел переговоры с европейскими банками о строительстве и финансировании строительства на юге Кузнецкого уезда металлургического и рельсопрокатного завода производительностью 15 млн пудов железа [Гурьевск, 2008. С. 58]. Кроме

того, объединение образовало дочернее АО Кольчугинской железной дороги для строительства двухсотверстной ширококолейной железной дороги Юрга-Кольчугино с ответвлением от Топок до деревень Кемерово и Щеглово, открытой для эксплуатации в 1916 г.

В 1915 г. Копикуз получил заказ на производство бензола и толуола, необходимых для изготовления взрывчатых веществ. Для этого около села Щеглово началось строительство коксовых батарей и химического завода, а также канатной дороги через р. Томь для доставки угля с принадлежащей АО шахты. Коксохимический завод начал функционировать с марта 1924 г. В 1917 г. объединение начало строительство металлургического завода на окраине Кузнецка. Уже при советской власти на Горбуновской площадке у деревни Бессоново в 1929 г. оно возобновилось и Кузнецкий металлургический комбинат (КМК) в 1932 г. начал выплавку чугуна и стали.

Таким образом, экономика Сибири ко времени катаклизма 1917–1920 гг. находилась на протоиндустриальной стадии развития в рамках первого (начального) виттевско-стольпинского этапа индустриализации и «раздаточной» модели развития рыночных отношений, в котором главным субъектом выступало государство. В экономической концепции главного индустриализатора того времени и инициатора строительства Транссиба С.Ю. Витте важнейшим фактором экономического развития России, в том числе и Сибири, выступало масштабное железнодорожное строительство, которое, в силу ярко выраженной континентальности государства, имело «особо важное значение для экономического развития страны». Железные дороги, соединяя отдельные регионы, ускоряли торговый оборот и способствовали наращиванию товарного производства⁵. В свою очередь П.А. Столыпин, как было показано выше, предлагал развивать в Азиатской России товарное сельскохозяйственное производство путем организации переселений и землеустройства. Поэтому в 1914 г. в валовой продукции экономики региона на долю сельского хозяйства приходилось 78 %, промышленности, включая кустарную – 22 % [Винокуров М.А., Суходолов, 1996. С. 120].

Соответственно, научно-преподавательская среда, связанная с Сибирью, по отношению к перспективам экономического развития

⁵ Витте С.Ю. Конспект лекций о народном и государственном хозяйстве, читанных его императорскому высочеству великому князю Михаилу Александровичу в 1900–1902 годах. СПб., 1912. С. 63.

региона разделила и аргументировала основополагающие концепты обозначенных выше направлений. Так, профессора Томского университета М.И. Боголепов, М.Н. Соболев, С.И. Солнцев, признавая преобладание сельского хозяйства в экономике Сибири, отстаивали индустриальную парадигму сдвига производительных сил на Востоке. В частности, М.И. Боголепов пришел к выводу, что фундаментальные преобразования в Сибири зависят от развития промышленности и привлечения в экономику иностранного капитала. Выступая в апреле 1912 г. с докладом «Неотложные задачи в изучении сибирского народного хозяйства», он поставил под сомнение утверждение о доминировании в регионе сельского хозяйства: «Это вопрос спорный, Сибирь не представляет из себя страны с необходимым преобладанием сельского хозяйства: у нее имеются огромные перспективы добывающей промышленности в виде горных, лесных и рыбных богатств» [Некрылов, 2013. С. 164]. С.И. Солнцев настаивал «на развитии железных дорог экономического значения»⁶.

В свою очередь приват-доцент Московского университета, сторонник сибирского областничества П.М. Головачев, со ссылкой на Аргентину, Австралию, западные штаты США, в 1914 г. рассуждал: «...Если раньше руководящая роль принадлежала промышленным странам, то наступает время, когда страны сельскохозяйственные по преимуществу будут диктовать им свою волю: можно хорошо жить без множества фабрикатов, но нельзя оставаться без хлеба и мяса. Если Сибирь до сих пор бессознательно шла по пути сельскохозяйственного развития, как это указывали ей общие, как бы стихийные причины – отдаленность, скудость населения, обилие всякого сырья, то в будущем она уже вполне сознательно пойдет по этому пути, наилучшему и наиболее верному для ее развития и процветания» [Головачев, 2008. С. 175].

Осуществленный анализ протоиндустриальной стадии развития экономики Сибири, начавшийся с сооружения Сибирской железной дороги в 1891 г. и продолжавшийся до конца 1920-х гг., заключался в ускоренном догоняющем развитии, осуществляемом путем сочетания государственно-частного предпринимательства, способствовал мощному экономическому подъему в аграрном и горнодобывающем секторах. Свообразным стимулятором ускорения экономиче-

⁶ Сибирская жизнь. [Газета]. 1915. 20 февр.

ского развития стало сооружение Транссиба и порожденное им массовое переселение. Решающее воздействие на рост численности населения региона на протяжении всего XX в. играла миграционная политика [Шиловский, 2009. С. 32–43].

Литература

Азиатская часть России: новый этап освоения северных и восточных регионов страны / В.Ю. Малов, Л.А. Безруков, М.В. Шиловский и др. Новосибирск: ИЭОПП СО РАН, 2008. 428 с.

Баталова Т.И. Источники финансирования частного железнодорожного строительства Сибири // Предприниматели и предпринимательство в Сибири (XVIII – начало XX вв.). Барнаул: Изд-во АГУ, 1995. С. 153–174.

Винокуров М.А., Суходолов А.П. Экономика Сибири: 1900–1928. Новосибирск: Наука, 1996. 320 с.

Головачев П.М. Экономическая география Сибири (1914). Екатеринбург: Баско, 2008. 192 с.

Горюшкин Л.М. Сибирское крестьянство на рубеже двух веков. Конец XIX – начало XX в. Новосибирск: Наука. Сибирское отделение, 1967. 412 с.

Горюшкин Л.М. Экономическое развитие Сибири в конце XIX – начале XX веков. Препринт. Новосибирск, 1990.

Гурьевск: страницы истории. Кемерово, 2008. 180 с.

Долголюк А.А., Ильиных В.А., Ламин В.А., Пленкин В.Ю., Тимошенко А.И. Сибирь: проекты XX века (начинания и реальность). Новосибирск: Сибирское Научное Издательство, 2002. 302 с.

Земеров Б.И. Динамика численности и профессиональной структуры железнодорожников Сибири в период империализма // Рабочие Сибири в период империализма. Томск: Изд-во Том. ун-та, 1974. С. 21–40.

Зиновьев В.П. Сибирь в экономике России XVIII – начала XX вв. // Сибирь в составе России. Томск: Изд-во Том. ун-та, 1999. С. 9–40.

История Сибири. Л.: Наука, 1968. Т. 3: Сибирь в период капитализма. 530 с.

История Сибири: учеб. пособие / ред. З.Я. Бояршинова. Томск: Изд-во Том. ун-та, 1987. 472 с.

Катионов О.Н. Дорожная повинность крестьян в Сибири в XIX в. // Образ жизни сибирского крестьянства периода разложения феодализма и развития капитализма. Новосибирск: Изд-во НГПИ, 1983. 130 с.

Крестьянство Сибири в эпоху капитализма / Л.М. Горюшкин, А.П. Бородавкин, А.Т. Топчий и др.; редкол. тома Л.М. Горюшкин (отв. ред.) и др. Новосибирск: Наука, Сибирское отделение, 1983. 399 с.

Некрылов С.А. Научные общества в Томском университете в дореволюционный период. Томск: Изд-во Том. ун-та, 2013. 258 с.

Побережников И.В. Переход от традиционного к индустриальному обществу: теоретико-методологические проблемы модернизации. М.: РОССПЭН, 2006. 240 с.

Рабочий класс Сибири в дооктябрьский период. Новосибирск: Наука, 1982. 459 с.

Разумов О.Н. Из истории взаимоотношений российского и иностранного акционерного капитала в сибирской золотопромышленности в начале XX в. // Предприниматели и предпринимательство в Сибири (XVIII – начало XX вв.). Барнаул: Изд-во АГУ, 1995. С. 138–153.

Шиловский М.В. Основные потоки внешней миграции в истории Сибири XX века // Миграционные процессы в Азиатской России в конце XIX – начале XXI вв. Новосибирск: Параллель, 2009. 261 с.

С.П. Петров

ЭТАПЫ ФОРМИРОВАНИЯ И РАЗВИТИЯ ЧЕРНОЙ МЕТАЛЛУРГИИ АЗИАТСКОЙ РОССИИ В XX ВЕКЕ¹

S.P. Petrov

STEPS OF FERROUS METALLURGY FORMATION AND DEVELOPMENT IN ASIAN RUSSIA IN THE XX CENTURY

Аннотация. Во времена СССР на территории азиатской части страны были созданы крупные металлургические комбинаты полного цикла, горнорудная промышленность, запущены предприятия, обеспечивающие металлургическое производство остальным необходимым сырьем, сформированы производственные и технологические связи со всем металлургическим комплексом страны и экономикой в целом. Ряд критических событий задавал и вносил коррективы в направления такого развития, что позволяет выделить этапы развития, сформировавшие современный облик отрасли.

Ключевые слова: черная металлургия, горнорудная промышленность, Азиатская Россия, СССР, XX в.

Азиатская Россия представляет собой географическую территорию, включающую в себя Сибирский и Дальневосточный федеральные округа, а также Тюменскую область с входящими в ее состав автономными округами. Черная металлургия на территориях, которые относятся к азиатской части современной России, начала формироваться с древнейших времен. Жившие еще до освоения русскими на данной территории народы и племена использовали различные способы производства для получения предметов из железа. Однако даже после присоединения Сибири к России черная металлургия на азиатской части страны в реалиях Российской империи не имела комплексного характера и была представлена возникающими

¹ Работа подготовлена по плану НИР ИЭОПП СО РАН, проект 5.6.1.5 (0260-2021-0002) «Интеграция и взаимодействие мезоэкономических систем и рынков в России и ее восточных регионах: методология, анализ, прогнозирование», № 121040100284-9.

ми в различных регионах и губерниях заводами, которые не имели стабильной работы [Суходолов, 2015. С. 6].

В конце XIX – начале XX в. сибирские заводы остановили производство по ряду причин, среди которых, в первую очередь, недостаток квалифицированных кадров и постройка Транссибирской железнодорожной магистрали. Усиление конкуренции со стороны технически более развитых уральских заводов в условиях снижения стоимости транспортировки обеспечивало возможность продажи в Сибири и на Дальнем Востоке более дешевой продукции. Регулярное производство было возобновлено только в период Первой мировой войны на Петровском заводе (Забайкалье) из-за прекращения поставок железа с Урала. Абаканский завод (Енисейская губерния) периодически возобновлял работу до осени 1917 г., а в годы гражданской войны был остановлен окончательно.

Возрождение базы для формирования металлургического комплекса Азиатской России началось после гражданской войны. В 1922 г. на Гурьевском металлургическом заводе (Кузбасс) восстановлена домна и получен первый в России чугун, выплавленный исключительно на каменном угле. В 1924 г. построена 5-тонная мартеновская печь и получена первая в Сибири мартеновская сталь. В 1925 г. на Гурьевском заводе получен первый прокат, что позволило обеспечить полностью замкнутый металлургический цикл на предприятии².

На данном этапе основная роль Сибири в черной металлургии страны заключалась в снабжении кузнецким коксом уральских заводов, что позволило перевести основную часть черной металлургии Урала с древесно-угольного топлива на минеральное топливо. Однако еще в июне 1918 г. уральская комиссия при горно-металлургическом отделе Высшего совета народного хозяйства (ВСНХ) предложила создать промышленный комплекс на основе соединения рудных богатств Урала и каменного угля Западной Сибири. В 1921 г. были предложены два проекта Урала-Кузбасса: один – сибирскими учеными во главе с Николаем Владимировичем Гутовским (г. Томск) и второй – уральскими учеными во главе с Владимиром Ефимовичем Грум-Гржимайло (г. Екатеринбург).

² История Гурьевского металлургического завода // ОАО «Гурьевский металлургический завод». URL: <https://gurmz.com/istoriya.html> (дата обращения: 18.01.2023).

Госплан одобрил сибирский проект. В рамках проекта предполагалось создать Урало-Кузбасский комбинат на базе четырех крупных металлургических заводов производительностью по 50 млн т, в том числе в Сибири, первого металлургического комбината – Кузнецкого металлургического комбината (КМК) в Кузбассе, ставшего основным металлургическим предприятием Сибири в 1930–1950-х гг.

Первый этап комплексного формирования черной металлургии Азиатской России, выраженный в воплощении проекта Урало-Кузбасского комбината, начался с принятием первого пятилетнего плана развития народного хозяйства СССР в 1929 г. Данный план исходил из необходимости создания на востоке страны второй угольно-металлургической базы, которая, в отличие от первой на Донбассе, называемой южной угольно-металлургической базой, находилась в глубь страны далеко от границ [Алексеев, Гаврилов, 2008. С. 542, 550–551, 570]. Кузнецкий металлургический комбинат был запущен в апреле 1932 г., когда дал первый чугун, а уже в декабре комбинат произвел первые рельсы. В 1937 г. КМК вышел на проектную мощность.

Следующий этап развития черной металлургии Азиатской России связан с расширением металлургического комплекса на имеющихся мощностях и строительством передельных заводов, основным фактором чего стала Великая Отечественная война. В 1930–1950-е гг. наращивалась мощность Кузнецкого металлургического комбината. Особенно ускорился данный процесс в период войны, когда была потеряна южная угольно-металлургическая база. С начала войны комбинатом было освоено производство броневой стали для танковых заводов. К концу войны 80 % всей продукции являлись новыми для предприятия марками стали и профилями проката. В 1945 г. доля КМК в общем выпуске проката в СССР составила 25 % при увеличении производительности комбината за период Великой Отечественной войны на 20–22 % [Цимдина, 2009б].

В 1940–1950-е гг. было возобновлено производство на Петровск-Забайкальском металлургическом заводе, который являлся преемником Петровского завода царской России. Получил развитие Гурьевский металлургический завод. В годы войны он выпускал самые сложные виды фасонного проката для авиационной промышленно-

сти, отливал металл для оружия, делал корпуса мин, окопные печи, армейские кровати³.

В 1939 г. был заложен прокатный завод комбината «Сибкомбайн» (позже переименованный в «Сибсельмаш») в г. Новосибирске. К осени 1941 г. завод выделен в самостоятельное предприятие. Новосибирский металлургический завод начал выпускать остродефицитный тонкий листовой прокат, который перестали выпускать после демонтажа и эвакуации «Запорожстали». Электрическое, крановое, станочное и лабораторное оборудование последнего стало основой нового завода. Первые тонны тонкой листовой стали были получены в мае 1942 г., в декабре начался выпуск горячекатаной стальной полосы. К концу войны на заводе было освоено 40 марок малоуглеродистой, среднеуглеродистой, высокоуглеродистой, инструментальной и специальной легированной стали. После войны освоено производство проката из нержавеющей марки стали, штрипсов для производства карданных валов, горячекатаного нормализованного листа для лонжеронов грузовых автомобилей и др. С 1960 г. на заводе организовано производство трубной продукции, которая в последующем станет основным видом продукции. С 1954 г. Новосибирский металлургический завод носит имя первого директора, организатора металлургического производства, министра металлургической промышленности СССР в 1949–1950 гг., министра черной металлургии СССР в 1954 г. Анатолия Николаевича Кузьмина⁴.

В 1930-е гг. на Дальнем Востоке началось возведение города Комсомольска-на-Амуре благодаря строительству Судостроительного завода. В связи с этим центр дальневосточного судостроения не мог обойтись без собственного металлургического производства, что дало начало проектированию завода «Амурсталь». По проекту завод должен был быть организован по классической схеме комбината с коксохимическим, доменным, мартеновским и прокатным цехами и работать на местном сырье. Однако после начала войны работы по первому переделу были свернуты и ускорено строитель-

³ История Гурьевского металлургического завода // ОАО «Гурьевский металлургический завод». URL: <https://gurmz.com/istoriya.html> (дата обращения: 18.01.2023).

⁴ История Новосибирского металлургического завода имени Кузьмина // АО «Новосибирский металлургический завод им. Кузьмина». URL: <https://www.nmz-k.ru/%D0%98%D1%81%D1%82%D0%BE%D1%80%D0%B8%D1%8F/> (дата обращения: 18.01.2023).

ство мартенов и прокатного стана. В 1942 г. началась мартеновская плавка и производство листового проката. Со временем предприятие стало основным производителем сортового и листового проката на Дальнем Востоке. В 1967 г. начал работу электросталеплавильный цех № 1. В 1981 г. Совет Министров СССР утвердил решение о создании Дальневосточного передельного металлургического завода со специализацией на производстве специальных сталей. В 1985 г. на предприятии начался выпуск стали, в 1987 г. заработал прокатный передел. В этом же году Дальневосточный передельный металлургический завод включен в состав Амурстали⁵.

Кроме заводов, деятельность которых направлена непосредственно на производство стали и стальной продукции в Сибири, в советский период также был построен завод, который относился к опытно-промышленным. «Опытно-промышленный завод черной металлургии», впоследствии переименованный в «Сибэлектросталь», начали строить в 1951 г. в г. Красноярске. Изначально предприятие строилось для производства стали методом прямого восстановления железа из руды. Технология, которую предполагалось использовать на предприятии, была разработана в Сибирском металлургическом институте Владимиром Петровичем Реминым. Выбор размещения производства определен близостью Коршуновского месторождения руд с большим содержанием железа, а также Ирша-Бородинского разреза бурого угля, необходимого для получения железа способом Ремина. В 1952 г. заработала опытно-плавильная печь, было получено 4000 т стали в виде слитков. Однако выяснилось, что технология нуждается в серьезных доработках и ее использование экономически нецелесообразно. Опытно-промышленные пробы по данной технологии ставились до 1954 г., после чего прекратились, но сформировался профиль завода как опытно-промышленной базы черной металлургии Урала, Сибири и Дальнего Востока. Важным направлением деятельности предприятия были работы над технологиями обогащения вновь открываемых месторождений руд [Кучумов, 2016].

Следующим значимым этапом формирования черной металлургии Азиатской России стало строительство второго металлурги-

⁵ Металлургический завод Амурсталь // Металлобазы.ру. URL: <https://metallobazy.ru/factory/33> (дата обращения: 19.01.2023); История // Амурсталь. URL: <https://www.amurstal.com/about/history/> (дата обращения: 19.01.2023).

ческого комбината полного цикла. До 1960-х гг. Кузнецкий металлургический комбинат оставался единственным предприятием полного цикла и ведущим заводом черной металлургии Азиатской России. Несмотря на это, в период с 1940 по 1960 г. в Сибирском регионе выплавка стали увеличилась с 1,9 млн до 5 млн т в год. Однако опережающий рост развития сибирской экономики относительно экономики РСФСР обусловил высокую потребность в конструкционных материалах, и достигнутых сибирской металлургией результатов не хватало, чтобы обеспечить высокие темпы прироста потребления готового проката, в том числе в машиностроении и капитальном строительстве. Поэтому в 1956 г. на XX съезде КПСС было принято решение о строительстве Западно-Сибирского металлургического завода, а в 1957 г. Совет Министров СССР утвердил проектное задание на строительство. Завод было решено так же, как и Кузнецкий металлургический комбинат, построить в Новокузнецке. Потребности экономики Сибири в металлопродукции определили мощность нового завода и его специализацию – высококачественный строительный и машиностроительный прокат, в том числе высокопрочный для применения в условиях Севера.

Деятельность завода началась с производства кокса. Первая коксовая батарея была заложена в 1961 г., а в 1963 г. получен первый кокс. В 1964 г. осуществлен пуск первой доменной печи завода. Далее каждый год вводились новые агрегаты, что позволило сформировать на заводе полный технологический цикл производства по классической технологической схеме, включающей аглодоменное производство, производство стали в кислородных конвертерах, непрерывную прокатку изделий. Полный металлургический цикл замкнут в 1970 г., когда был сдан в эксплуатацию непрерывно-заготовочный стан, а до этого в 1968 г. получена первая в Сибири конвертерная сталь и в 1969 г. запущен блюминг. В данный период одной из основных проблем завода стал дисбаланс между переделами. В 1983 г. с учетом сложной структуры и комбинированного характера производства завод был преобразован в комбинат [Цимдина, 2009а; Белый и др., 1989].

Таким образом, в советский период истории России была сформирована черная металлургия азиатской части страны. Благодаря постройке Западно-Сибирского металлургического завода, стабильному развитию Кузнецкого металлургического комбината и расши-

рению деятельности передельных заводов черной металлургии к 1980 г. в Сибири был достигнут уровень производства 13,2 млн т стали в год, увеличившись с 1961 г. более чем в 2,6 раза. Крупнейшим передельным заводом стал Новосибирский металлургический завод им. Кузьмина, производивший 1 млн т продукции в год и занявший третье место среди металлургических производств Сибири после Западно-Сибирского и Кузнецкого металлургических комбинатов. Максимальный уровень производства сибирская металлургия достигла в 1988 г., дав стране 14,2 млн т стали. Важной вехой развития экономики Азиатской России стало создание единственного на Дальнем Востоке металлургического завода в Комсомольске-на-Амуре.

Параллельно с созданием доменного и сталеплавильного производства формировалась железорудная база черной металлургии в Сибири. С 1930-х гг. ставилась задача обеспечить производство чугуна на сибирских комбинатах, что успешно выполнялось до 1970-х гг. Были построены рудники на месторождениях Горной Шории, Хакасии, юга Красноярского края, в Иркутской области построен Коршуновский горно-обогатительный комбинат. К 1965 г. производство товарной железной руды составило 8,2 млн т, в 1980-х гг. оно увеличилось до 17,5–18,3 млн т. Однако с запуском Западно-Сибирского металлургического комбината железорудного сырья стало не хватать, поэтому дефицит в 25–28 % покрывали за счет горнорудных предприятий Казахстана и Белгородской области.

1990-е гг. стали для российской экономики тяжелейшим временем. Кризис советской экономики 1980-х гг. с проведением перестройки и рыночных реформ только углубился, перейдя в 1990-х гг. в острую фазу. Больше всего в результате экономического кризиса 1990-х гг. пострадала промышленность. В свою очередь сокращение производства в отраслях промышленности, производящих конечный продукт, отрицательно сказывалось на деятельности сырьевых отраслей и производстве полуфабрикатов, а открытие рынков для иностранных производителей подавляло многие малоконкурентоспособные отрасли промышленности. Колоссальное снижение НИОКР и капитальных вложений не позволяло повышать конкурентоспособность отечественных предприятий. Некоторые отрасли спасал заниженный в первой половине 1990-х гг. курс рубля, который позволял экспортировать сырье и продукты низкого передела

[Ханин, 2014. С. 397–398, 408]. В числе таких отраслей можно назвать и черную металлургию России.

Металлургическая промышленность России была не готова к переходу на рыночные отношения. Ряд событий и факторов привел к существенному сокращению производства черных металлов и металлопродукции [Алексеев, Гаврилов, 2008. С. 740]. Спад черной металлургии азиатской части страны оказался еще более глубоким. С середины 1995 г. и до августа 1998 г. кризис черной металлургии Азиатской России достиг своей наивысшей точки. Введенный Центральным банком России валютный коридор сделал неэффективным экспорт большинства видов металлопродукции с низкой добавленной стоимостью, что сократило возможности внешнеэкономической деятельности и сибирских комбинатов. Как результат, почти все предприятия металлургического комплекса Азиатской России оказались убыточными. Существенно сократилась железорудная промышленность Сибири (без возмещения выбыла треть производственных мощностей по добыче руды) [Цимдина, 2009б].

В 1990-х гг. произошло существенное изменение институциональных условий функционирования черной металлургии страны. Первым важнейшим процессом явилась программа массовой приватизации и акционирования предприятий, которая в основном была реализована в 1992–1994 гг. Приватизация рассматривалась как ключевой фактор оздоровления экономики при формировании рыночных отношений, поскольку вместо обезличенного государственного собственника с низким уровнем экономических стимулов должен был появиться экономически ответственный частный собственник. К сожалению, проводилась она поспешно, необдуманно, что в частности выразилось в продаже государством предприятий новым собственникам по крайне заниженным ценам [Ханин, 2014. С. 31–44]. Отметим, что поскольку при приватизации предприятий в их уставный капитал входило все находившееся на балансе имущество, после приватизации собственники начинали процесс ликвидации непрофильных активов и избыточных мощностей для повышения эффективности производственных структур и сокращения издержек предприятий. Несмотря на скорее негативные результаты, приватизация стала основой для проведения в конце 1990-х и начале 2000-х гг. дальнейших институциональных преобразований в отрасли, что позволило не только сохранить черную металлургию

России и ее азиатской части как одну из лидирующих отраслей страны, но и добиться некоторого в ней развития. В частности, в конце 1990-х и в 2000-х гг. главной тенденцией в развитии российской черной металлургии стали интеграционные процессы, что привело к созданию крупных вертикально-интегрированных организаций с холдинговой структурой, замыкающих на себе весь технический металлургический цикл.

Литература

Алексеев В.В., Гаврилов Д.В. Металлургия Урала с древнейших времен до наших дней. М.: Наука, 2008. 886 с.

Белый И.Г., Карцева М.И., Ябров А.С. Здравствуй, Запсиб! Кемерово, 1989. 340 с.

Кучумова А. Впереди времени // Промышленные страницы Сибири. 2016. № 3 (107). С. 66–69.

Суходолов А.И. Предпосылки и перспективы формирования комплекса черной металлургии в Восточной Сибири и Иркутской области // Известия Иркутской государственной экономической академии. 2015. Т. 25, № 1. С. 5–12.

Ханин Г.И. Экономическая история России в новейшее время. Российская экономика в 1992–1998 годы. Новосибирск: Изд-во НГТУ, 2014. 712 с.

Цимдина З.Р. Западно-Сибирский металлургический комбинат // Историческая энциклопедия Сибири: в 3 т. Т. 1: А-И / Ин-т истории СО РАН. Новосибирск: Историческое наследие Сибири, 2009а. С. 581–582.

Цимдина З.Р. Металлургия черная // Историческая энциклопедия Сибири: в 3 т. Т. 2: К-Р / Ин-т истории СО РАН. Новосибирск: Историческое наследие Сибири, 2009б. С. 491–492.

В.И. Клисторин

**ИНСТИТУЦИОНАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ
В КОМПАРАТИВНОМ ИССЛЕДОВАНИИ ПРОЦЕССОВ
ИНДУСТРИАЛИЗАЦИИ РОССИИ
В КОНЦЕ XIX – НАЧАЛЕ XX В.¹**

V.I. Klistorin

**INSTITUTIONAL PROBLEMS IN THE COMPARATIVE STUDY
OF THE INDUSTRIALIZATION PROCESSES IN RUSSIA
OF THE LATE XIX – EARLY XX CENTURIES**

Аннотация. В статье рассматриваются проблемы сопоставления уровня и темпов экономического развития России в период индустриализации конца XIX – начала XX в. с ведущими странами мира. Выполненные ранее исследования в этой области отмечают догоняющий характер индустриализации в России, высокие темпы экономического роста и промышленного производства, зависимость страны от импорта капитала и технологий. Учет институциональных условий развития России и особенностей ее территориально-административного устройства позволяет скорректировать ранее полученные выводы о достижениях в процессе индустриализации.

Ключевые слова: экономический рост, догоняющее развитие, империя, индустриализация, урбанизация, модернизация.

Оценка процессов индустриализации в конце XIX – начале XX в.

Для понимания социально-экономических процессов и преобразований в отдельной стране чрезвычайно полезен компаративный (сравнительный) подход. В рамках позитивистского направления экономических исследований строятся модели, позволяющие выявить количественные соотношения различных макроэкономи-

¹ Работа выполнена по плану НИР ИЭОПП СО РАН. базового проекта плана НИР ИЭОПП СО РАН 5.6.3.2. (0260-2021-0006) «Региональное и муниципальное стратегическое планирование и управление в контексте модернизации государственной региональной политики и развития цифровой экономики».

ческих параметров исследуемой системы, оценить их динамику и выявить факторы, влияющие на темпы роста экономики в целом и ее основных секторов. Что касается сравнительного подхода, то он позволяет выявить и оценить роль качественных характеристик социально-экономических систем, таких как институциональное устройство, качество политической системы, влияние этноконфессиональных и культурных факторов экономического развития. Самое главное, этот подход позволяет ответить на такие важные вопросы, как устойчивость и долгосрочные последствия экономического развития и роста.

При проведении компаративных исследований возникают и специфические проблемы, а именно: выбор базы для сравнения, выбор основных индикаторов и, самое главное, сопоставимость данных по отдельным странам. Последнее обстоятельство включает как качество исходных статистических данных, так и то, что действующие институты могут приводить к несопоставимости понятий и соответствующих измерителей.

Все вышесказанное относится и к проблеме оценки отдельных периодов индустриализации в Российской империи и СССР. Научная литература, посвященная этой проблеме, поистине огромна. Во-первых, все исследователи сходятся в том, что Россия вступила в эпоху индустриализации гораздо позже, чем многие страны Западной Европы, и в силу этого экономическое развитие страны носило догоняющий характер. Во-вторых, темпы экономического роста экономики в целом и промышленности в частности были выше, чем в большинстве стран мира. В-третьих, к началу Первой мировой войны индустриализация России была не завершена, а последующая гражданская война в значительной мере разрушила имевшийся промышленный и инфраструктурный потенциал. На этом консенсус заканчивается и начинаются разногласия, и споры продолжаются до сих пор. В частности, делается вывод о том, что сталинская индустриализация была неизбежна, хотя экстремальные методы ее проведения не всегда оправданы. Другая точка зрения состоит в том, что возвращение к дореволюционной модели индустриализации, которая частично реализована в 1920-х гг., было бы более продуктивно. Это возвращает нас к проблеме качества институтов в процессе индустриализации.

Хорошо изучены институциональные преобразования в дореволюционной России, которые привели к ускорению индустриализа-

ции и переходу экономики страны от мальтузианской к современной модели экономического роста, основанной на внедрении новых технологий и повышении качества рабочей силы, росте человеческого капитала. К их числу относится развитие науки и технологий внутри страны, распространение и качественное совершенствование системы образования, распространение и расширение функций местного самоуправления и др. Положительно оцениваются результаты экономической политики С.Ю. Витте: введение «золотого стандарта» национальной валюты с одновременной девальвацией рубля, таможенная и тарифная политика, поощрение притока иностранного капитала и технологий при поддержке отечественного предпринимательства и многое другое.

С другой стороны, существовали институты, препятствующие ускоренному экономическому росту и модернизации. Прежде всего следует выделить долгое сохранение крепостного права и его рудиментов вплоть до отмены выкупных платежей. Экономическое объяснение факторов закрепощения в России было предложено Е.Д. Домаром [Domar, 2008. С. 225–234], который показал, что «редким фактором производства была не земля, а труд, и владение крестьянами, а не землей, приносило доход землевладельческому классу» [Domar, 2008. Р. 226]. Современные исследования в целом подтверждают эту гипотезу и негативные последствия крепостного права [Markevich, 2018].

Препятствовало индустриализации и слабое развитие финансовой инфраструктуры (банков, бирж, страховых обществ и т.д.). В частности, признаками слабого развития коммерческого кредитования была высокая степень монополизации в этом секторе, с одной стороны, и широкое распространение кредитных кооперативов и товариществ, с другой. Кроме того, банки активно занимались небанковской деятельностью, тем, что В.И. Ленин назвал сращиванием промышленного и банковского капитала. При этом сохранялась большая роль государства в финансировании развития промышленности и транспорта как через Государственный банк Российской империи, так и напрямую из бюджета.

Кроме того, имело место долгое сохранение санкционирования государством учреждения акционерных компаний, в то время как большинство развитых стран перешли к явочному принципу их образования [Ключко, 2014]. Д.И. Менделеев обратил внимание на излишнюю регламентацию создания и работы промышленных

предприятий: «Сельскохозяйственная промышленность у нас свободна, ни горная, ни фабричная, ни заводская должной свободы не имеют»².

Хотя, по мнению большинства исследователей, например П. Грегори [Грегори, 2003], экономика России в рассматриваемый период была уже вполне рыночной, по критерию гибкости рынков труда и капитала Россия уступала США и многим европейским странам.

*Дополнительные проблемы сравнительного исследования
развития России и ведущих стран мира*

По объему ВВП Российская империя занимала третье место в мире, уступая только Британской империи и США в начале XX в. В 1913 г. основной отраслью экономики Российской империи все еще было сельское хозяйство, дававшее 55,7 % дохода. Несмотря на это, шел бурный рост промышленного производства. По объему промышленного производства Россия занимала четвертое место в мире, уступая США, Германии и Великобритании, обгоняя по этому показателю Францию, Австро-Венгрию, Японию и Италию. При этом Россия лидировала среди крупных стран по темпам роста промышленного производства. Кроме того, Россия была в числе лидеров по концентрации производства (доле крупных современных предприятий). Эти выводы подтверждаются данными табл. 1.

Таблица 1

ВВП ведущих стран мира, млрд долл. США в современных ценах

Страна	1900	1913	1913/1900, разы
США	475	835	1,76
Россия	205	330	1,61
Великобритания	260	315	1,21
Германия	215	310	1,44
Франция	175	215	1,23
Италия	85	130	1,53
Япония	75	102	1,36

ВВП стран мира. URL: <https://textarchive.ru/c-1020291.html>

² Менделеев Д.И. О возбуждении промышленного развития в России // Вестник промышленности. 1884. № 2. URL: http://dugward.ru/library/mendeleev/mendeleev_o_vozbujdenii_promyshlennogo.html (дата обращения: 20.05.2024).

Прежде всего, следует отметить, что оценки ВВП России менее надежны в сравнении с другими странами в силу более высокой доли аграрного сектора и сельского населения, поскольку качество статистических данных снижается при оценке теневого сектора экономики. Вместе с тем при оценке объемных показателей следует учитывать эффект масштабов, поскольку численность населения России была больше, чем в других странах. Кроме того, в табл. 1 указан ВВП метрополий, а не империй целиком, о чем пойдет речь ниже.

Что касается темпов роста ВВП и промышленного производства, то данные по Великобритании и, возможно, Франции относительно занижены, поскольку относятся к метрополиям, в то время как бурно развивавшиеся Канада, Австралия и Южная Африка и ряд колоний демонстрировали темпы роста, сравнимые с Россией.

При оценке темпов экономического роста и индустриализации следует особо остановиться на эффекте догоняющего развития, который состоит, во-первых, в эффекте низкой базы, а во-вторых, в потенциальной возможности привлекать новейшие технологии и управленческий опыт. Страны, накапливающие или импортирующие капитал и технологии, вынуждены, как отмечал А. Гершенкрон, больше внимания уделять инвестициям и одновременно улучшать локальные факторы. В первом Россия преуспела, а во втором значительно отставала. Он считал, что Россия в силу особенностей ее развития относится ко второму эшелону модернизации с характерной гиперболизированной ролью государства [Гершенкрон, 2015]. При этом целью российской власти в процессе модернизации А. Гершенкрон считал желание развивать прежде всего военную сферу.

По его мнению, для преодоления отсталости необходимо сильное государственное вмешательство для одновременного наращивания физического капитала и создания возможностей и стимулов для его эффективного использования.

Современные исследования догоняющего развития в различных странах подтвердили концепцию А. Гершенкрона о факторах и условиях этих процессов в «отсталых» странах, вставших на путь догоняющей индустриальной модернизации, и выявили роль государства в наращивании физического капитала. В гораздо меньшей степени это было сделано в отношении накопления человеческого капитала.

При оценке темпов роста экономики и ее отраслей нельзя не отметить того, что Россия в рассматриваемый период вступила во второй этап демографического перехода, сопровождающийся снижением смертности и сохранением высокой рождаемости, чему в значительной степени способствовало преобладание сельского населения.

Что касается накопления человеческого капитала и формирования деловой этики, то здесь следует отметить прежде всего роль государства и земства в развитии образования, здравоохранения и коммунального хозяйства при сравнительно небольшой роли частных инвестиций. Деловая этика формировалась с трудом и в значительной степени внутри национальных и конфессиональных сообществ. В работе «Европа в русском зеркале» А. Гершенкрон отмечал, что как у протестантов, так и у старообрядцев экономическая эффективность объяснялась не доктринальными особенностями, а корпоративной структурой сообществ и более высокой этикой отношений внутри них, предполагавшей профессиональную честность. Именно отсутствие в России разработанной цеховой этики А. Гершенкрон считал одним из ключевых факторов, тормозивших ее экономическое развитие.

Влияние административно-территориального устройства на оценку индустриального развития

В стандартной экономической теории, которую изучают в вузах и одновременно критикуют и подвергают сомнению, используется оговорка «при прочих равных условиях». Поэтому в аналитике и прогнозировании приходится обращать внимание на выполнение этого условия, которое часто нарушается в результате действий государства и под влиянием действующих институтов.

Оценки масштабов отставания России от передовых стран содержат немало лукавства. Для доказательства отсталости России от ведущих стран мира обычно приводятся данные подушевых объемов производства электроэнергии, металлов, плотности железных дорог, уровня урбанизации и грамотности населения и т.п. Но сравнивать Россию в целом с метрополиями других империй не совсем корректно, и вошедшие во все отечественные учебники истории статистические выкладки нужно воспринимать с осторожностью. Колонии Российской империи, в отличие от других стран, не были

заморскими территориями. Если же сопоставить Российскую империю с Британской, Французской и иными целиком, то сравнение по тем же показателям даст иные результаты (табл. 2). Проблема видится в том, что для Российской империи трудно выделить территорию метрополии.

Критериями отнесения территорий к колониям и зависимым странам, помимо административного и военно-политического статуса, следует признать демографический (территории заселения) и экономический (формирование экономики ресурсного типа).

Таблица 2

Крупнейшие империи мира в 1900 г., оценка*

Империя	Территория, млн кв. км	В том числе метрополия, млн кв. км	Население, млн чел.	В том числе метрополия, млн чел.	Доля территории метрополии, %	Доля численности населения, %
Британская	31,9	0,244	400,0	39,0	0,8	9,75
Российская	22,8	4,5	136,3	73,0	19,7	53,55
Французская	12,9	0,624	78,8	38,9	4,8	49,4
Германская	2,7	0,835	87,6	56,4	30,9	64,4
Голландская	4,8	0,042	48,0	5,1	8,8	10,6
Португальская	2,2	0,092	12,4	5,5	4,2	44,4
Бельгийская	2,4	0,031	13,4	6,7	1,3	50,0

* Составлено автором.

Неоднократно показано, что колонии рассматривались прежде всего как источник природных ресурсов и как рынки сбыта продукции метрополии. Поэтому структура экономики может служить важным показателем фактического статуса территории. Следует сразу оговориться, что понятия «колония», «империя» и т.п. в конце XIX в. не имели той негативной коннотации, которую приобрели в последующем с наступлением эпохи деколонизации.

Н.М. Ядринцев писал: «Всякая колонизация есть результат известных натурально-исторических и экономических потребностей мирового расселения, точно так же колония есть памятник народно-исторической творческой работы и колонизационных способностей данного народа. Сибирь по происхождению есть продукт самостоя-

тельного народного стремления и творчества; результат порыва русского народа к эмиграции, к переселениям, к стремлению создать новую жизнь в новой стране» [Ядринцев, 2000. С. 126]. В самом начале своей книги Н.М. Ядринцев отмечал: «Сибирь как колония будет представлять достаточный запас земель для избытка населения Европейской России» [Ядринцев, 2000. С. 6].

Применительно к Российской империи очевидно, что Царство Польское, Великое герцогство Финляндское, Хивинское ханство и Бухарский эмират, имевшие особый статус, не входили в состав метрополии. С точки зрения демографических процессов и структуры хозяйства можно исключить из состава метрополии Сибирь, среднеазиатские владения, Северный Кавказ, сравнительно недавно присоединенный к России, а также Закавказье, Бессарабию и значительную часть Причерноморья. Исходя из указанных критериев, из 60 губерний к колониям можно отнести около половины, а также все 20 областей.

Для России была характерна так называемая внутренняя колонизация. И.В. Разумовский писал: «Отметим, что абсолютно все территории, которые отечественные исследователи изучали как объект российской колонизации, уже входили в состав Российской империи. Этими территориями являлись: Сибирь, Средняя Азия, Дальний Восток, Кавказ, Польша, Прибалтика, Финляндия и Украина. Причем две последние территории отнести к статусу объектов внутренней колонизации можно с оговорками, а скорее всего и исключить» [Разумовский, 2015. С. 13].

С учетом этих обстоятельств территорию «колониальной» части Российской империи можно грубо определить в 18,6 млн кв. км или около 82 % общей территории страны, что повлияет на все показатели от плотности населения и обеспеченности транспортной инфраструктурой до подушевых объемов выпуска. Использование модели «центр – периферия» еще в большей степени может повлиять на сравнительные оценки экономического и индустриального развития России.

Такой подход позволит частично пересмотреть показатели: в старопромышленных регионах темпы роста производства были существенно ниже, чем в столицах и районах нового освоения. В качестве подтверждения можно сослаться на темпы роста численности городского населения. За исключением столиц Петербурга и Москвы, такие города, как Баку или Томск, росли значительно быстрее, чем Тула или Нижний Новгород [Тери, 1986. С. 7].

Процесс индустриализации сопровождался урбанизацией. Так, в Англии и Уэльсе доля городского населения в конце XIX в. достигла 70 %. Соотношение городского и сельского населения – важный показатель развития промышленности и сферы услуг, что характеризует переход к модели современного экономического роста (табл. 3).

Таблица 3

Доля городского населения в различных странах мира в 1800–1910 гг.

Страна	1800	1830	1850	1880	1900	1910
Россия	5,9	6,0	7,2	10,6	13,2	14,3
Великобритания	19,2	27,5	39,6	56,2	67,4	69,2
Германия	8,9	9,1	15,0	29,1	42,0	48,8
Франция	12,2	15,7	19,5	27,6	35,4	38,5
США	5,3	7,8	5,3	25,0	35,9	41,6
Канада	6,5	7,1	9,5	15,0	35,9	41,6

Доля городского населения в различных странах мира в 1800–1910 годах. URL: <https://andrew-vdd.livejournal.com/8950.html> (дата обращения: 20.05.2024).

Примечательно, что страны «внутренней колонизации» только в последней четверти XIX в. приблизились к уровню европейской урбанизации. Что касается России, то городской статус определялся не столько численностью населения, уровнем социально-экономического развития и отраслевой структурой занятости, сколько ролью в иерархии власти и наличием административных учреждений. В официальном перечне городов было около 200 населенных пунктов с численностью населения менее 5 тыс. чел. С другой стороны, не менее 600 поселений имели численность более 5 тыс. чел., а 30 из них – более 20 тыс. Но главная причина несопоставимости данных состояла в том, что в России статус города присваивался центральными властями, в то время как во многих других странах это происходило более децентрализованно и на основании менее жестких критериев.

Выводы

Сравнение уровней и темпов экономического развития России в период индустриализации в конце XIX – начале XX в. требует уточнения и переоценки с учетом институциональных особенностей

развития страны, ее географического положения и административно-территориального устройства.

При оценке итогов индустриализации России необходимо учитывать ее догоняющий характер и роль государства в индустриальном развитии страны, которая была более высокой по сравнению с другими странами. Это отчасти компенсировало дефекты институционального развития. Кроме того, следует учитывать политику унификации в региональном развитии и особенности отечественной статистики.

Литература

Гершенкрон А. Экономическая отсталость в исторической перспективе. М.: Дело, 2015. 535 с.

Грегори П. Экономический рост Российской империи (конец XIX – начало XX вв.). Новые подсчеты и оценки. М.: РОССПЭН, 2003. 256 с.

Ключко В.Н. Особенности становления и развития акционерных компаний в России: дореволюционный и советский период // Менеджмент и бизнес-администрирование. 2014. № 4. С. 8–43.

Разумовский И.В. Что такое «внутренняя колонизация»? Историкографический аспект проблемы // Вестник Московского городского педагогического университета. Сер.: Исторические науки. 2015. № 2 (18). С. 8–18.

Тери Э. Россия в 1914 году. Экономический обзор. Париж: YMCA-PRESS, 1986. 149 с.

Ядринцев Н.М. Соч. Т. 1. Сибирь как колония. Современное положение Сибири, ее нужды и потребности, ее прошлое и будущее. Тюмень, 2000. 471 с. (факсимильное издание 1882 г.). URL: <http://elib.tomsk.ru/purl/1-648/> (дата обращения: 20.05.2024).

Domar E.D. Capitalism, socialism, and serfdom. Cambridge University Press, 2008. 320 p.

Markevich A., Zhuravskaya E. Economic Effects of the Abolition of Serfdom: Evidence from the Russian Empire // American Economic Review. 2018. № 108. P. 1074–1117.

Е.Т. Артемов, И.В. Побережников

**ОБЕСПЕЧЕНИЕ ТЕХНИКО-ЭКОНОМИЧЕСКОЙ
НЕЗАВИСИМОСТИ СТРАНЫ НА «ВЗЛЕТЕ»
СОВЕТСКОЙ ИНДУСТРИАЛЬНОЙ СИСТЕМЫ**

E.T. Artyomov, I.V. Poberezhnikov

**ENSURING THE TECHNICAL AND ECONOMIC
INDEPENDENCE OF THE COUNTRY AT THE “TAKE-OFF”
OF THE SOVIET INDUSTRIAL SYSTEM**

Аннотация. Статья посвящена реализации задачи достижения технико-экономической независимости, которая успешно решалась в СССР на протяжении 1930–1960-х гг. Взаимодействие науки, технологий, производства проанализировано в рамках советской модели модернизации. Определены прорывные направления научно-технической деятельности. Выявлена взаимосвязь высоких темпов экономического роста с научно-техническим прогрессом.

Ключевые слова: СССР, модернизация, индустриализация, технико-экономическая независимость, наука, технологии, производство.

Тема российских модернизаций активно разрабатывалась в отечественной литературе на протяжении последних десятилетий. В опубликованных трудах уже нашел отражение ряд значимых теоретических, историографических и конкретно-исторических проблем истории российских модернизаций. Наиболее полно раскрыты темы цивилизационно-модернизационной динамики России, суб-процессов, моделей модернизации; результаты этих исследований уже становились предметом историографического анализа [Побережников, 2017; 2020; Проскуракова, 2005]. Вопрос о модернизации в истории России в современной литературе относится к числу дискуссионных. Существуют разные точки зрения по поводу динамики и характера социалистической модернизации в XX в.: 1) модернизация на всем протяжении советского периода vs фрагментарные модернизации на отдельных этапах истории советского общества;

2) имитационный, контрпродуктивный, догоняющий характер социалистической модернизации в целом vs эффективность, результативность и опережающий характер модернизации советского периода.

При этом, по нашему мнению, модернизационный подход – один из наиболее востребованных и популярных. Его функциональность объясняется сфокусированностью на изучении реальных макропроцессов, формирующих модернизационный контекст (индустриализации, урбанизации, профессионализации и т.д.) [Побережников, 2006]. Советский же вариант развития можно рассматривать как один из путей включения в модерное общество, который связывается с индустриализацией страны, увеличением доли рабочих в социальной структуре, ростом городского населения, заменой сословного принципа принципом классовых отношений, секуляризацией образования, распространением грамотности, ростом участия женщин в общественной жизни и производстве и т.д. При этом признается, что на советском этапе продолжают действовать механизмы, общие для модернизации: структурно-функциональная дифференциация, т.е., по сути, нарастание специализации и разделения труда в социетальном масштабе (дифференциации функций и структур); индустриализация и научно-технологический прогресс как цели, определяющие силовой потенциал страны в мировом соревновании; трансфер технологий, их усвоение и адаптация [Побережников, 2023].

В советской модели модернизации ключевая роль отводилась внедрению научно-технических достижений в производство [Артемов, 2006]. Считалось, что только на этой основе можно обеспечить устойчиво высокие темпы экономического роста, «догнать и перегнать» развитые страны по душевому уровню национального дохода. Было и понимание важности обладания техническим суверенитетом. Тогда это называли технико-экономической независимостью. Ее достижение рассматривалось в качестве необходимого условия удовлетворения инновационных потребностей экономики и запросов вооруженных сил в современной технике. Принципиальная установка на опережающее наращивание научно-технического потенциала и максимальное использование его возможностей сохраняли актуальность на протяжении всей советской эпохи.

Разумеется, конкретные приоритеты научно-технической политики менялись со временем. Схематично в ней можно выделить следующие основные этапы. В годы предвоенных пятилеток внутренние источники технического прогресса не могли обеспечить желаемый «индустриальный рывок». Выход из сложившегося положения нашли в массивном импорте зарубежных технологий и технических решений. Так, директивами первого пятилетнего плана (декабрь 1927 г.) предусматривалось «самое широкое использование западноевропейского и американского опыта». Аналогичная формулировка присутствовала и во втором пятилетнем плане (февраль 1934 г.). Согласно его заданиям, необходимо было сосредоточиться на «освоении новейших достижений мировой науки и техники, перенесении этого опыта в народное хозяйство страны...»¹. Правда, в резолюции XVIII съезда ВКП(б) по третьей пятилетке (март 1939 г.) задача расширения использования зарубежных научно-технических достижений специально не выделялась. Видимо, в условиях приближающейся войны важно было акцентировать внимание на максимальном использовании собственного задела. Установка на техническое перевооружение производства за счет импорта последовательно проводилась в жизнь. По имеющимся оценкам, в предвоенное десятилетие поставки из-за рубежа покрывали до половины потребностей советской промышленности в новом оборудовании.

В первое послевоенное десятилетие приоритеты изменились. Значимость использования зарубежного научно-технического опыта не отрицалась, но все же главные усилия были направлены на развитие собственных возможностей. В кратчайшие сроки предстояло развернуть совершенно новые производства: атомную индустрию, ракетостроение, радиоэлектронную промышленность. По своим масштабам и организационной сложности эта задача не имела прецедента. Прежде всего для вновь создаваемых производств требовались огромные ресурсы, которые были получены благодаря перераспределению за счет других отраслей, ущемлению потребительского сектора. Предусматривалась активизация собственных научно-технических усилий. Атомная индустрия, ракетостроение, радиоэлектронная промышленность являются чрезвычайно наукоемкими отраслями. Поэтому их становление и успешное развитие

¹ Второй пятилетний план развития народного хозяйства СССР (1933– 1937 гг.). М., 1934. С. 411.

зависели от постоянной подпитки результатами фундаментальных исследований. Однако рассчитывать на зарубежные разработки в качестве основного источника нововведений уже не приходилось. Ставка на заимствование «чужих» научных достижений вела к запоздыванию в их использовании. К тому же в любой момент они вообще могли стать недоступными. Поэтому при развертывании новейших видов вооружения был взят курс на создание научно-производственных комплексов, базирующихся на собственных фундаментальных и прикладных исследованиях и конструкторских разработках [Алексеев, 2006. С. 5–6].

Страна обладала реальными предпосылками для решения этих проблем. Она располагала современной индустриальной базой: созданные и реконструированные в 1930-е гг. предприятия, составлявшие основу ее промышленности, успешно справились с задачей обеспечения армии в годы минувшей войны высококлассным вооружением. Надежду внушал и большой позитивный опыт реализации крупных производственно-технических программ и проектов. Достаточно упомянуть о развертывании в считанные годы таких новейших отраслей промышленности, как самолето- и автостроение, производство резинотехнических изделий и др., о создании региональных промышленных комплексов (в частности, Урало-Кузнецкого комбината) и т.д. Как свидетельствовал этот опыт, в условиях жесткого дефицита ресурсов и времени многое зависело от мобилизации всех сил для достижения поставленных целей. А действовавшая тогда система хозяйствования как раз и была приспособлена для решения такого рода задач.

В ряде отраслей промышленности стал формироваться единый научно-технический и производственный цикл, отправной стадией которого являлись фундаментальные исследования. Отныне научные направления, связанные с разработкой ракетно-ядерной тематики, обрели в глазах руководства страны особую значимость. Их развитие реально, а не на словах, стало «главной заботой» государства. Но эта проблема решалась не на «пустом месте». Страна располагала научными школами, работавшими на самом современном уровне, имелся большой опыт практического приложения результатов научных исследований. В той же ядерной физике еще в 1930-х гг. сложились крупные исследовательские центры в Ленинградском и Харьковском физико-технических институтах. С ними взаимодей-

ствовал ряд ученых, представлявших другие научные учреждения. Их достижения были хорошо известны за рубежом, а сами они являлись частью мирового научного сообщества, работавшего в области ядерной физики. Эти исследователи и взяли на себя основную нагрузку по научному обеспечению атомного проекта [Josephson, 1999. Р. 13–16]. В общем, на такой базе при условии масштабных «вложений» ресурсов и надлежащей организации работы можно было «строить» научно-производственные комплексы.

При этом наблюдались существенные различия в развитии отдельных секторов науки. Часть ее, непосредственно встроенная в оборонные программы, демонстрировала ударные темпы роста. Здесь создавались новые институты и конструкторские бюро, предпринимались серьезные усилия по укреплению материально-технической базы и кадрового состава действовавших организаций. Это относилось как к отраслевой, так и к академической науке. В то же время в ее «гражданском» секторе положение было гораздо хуже. Даже исследовательские учреждения, работавшие в интересах базовых отраслей промышленности, испытывали хронический недостаток средств на цели развития и текущую деятельность. В целом же большинство организаций отраслевой науки «гражданского» профиля являлись маломощными структурами, от которых трудно было ожидать каких-либо значимых прорывов в создании новой техники и технологий. В документах того времени постоянно говорилось о «мелкотемье» выполняемых ими работ, слабой информированности о передовых достижениях, об отсутствии результатов, интересных для промышленности, и т.д. В наиболее тяжелом положении находилась отраслевая наука на востоке страны. По сути, она стагнировала. А для реализации декларированных планов создания здесь новых мощных научно-технических центров так и не было ничего сделано [Водичев, 2018].

Пример успешного решения масштабных задач в истории советской модернизации – создание ядерно-оружейного комплекса. Главная цель советского атомного проекта заключалась в ликвидации монополии Соединенных Штатов Америки на ядерное оружие, которая после Хиросимы и Нагасаки стала восприниматься как прямая угроза самому существованию Советского Союза [Илькаев, 2013]. Так у страны появилась «задача номер один», как даже в официальных документах стали называть атомный проект.

Общую картину в данной области представлял лишь И.В. Сталин и возглавлявший работы по созданию ядерного оружия Л.П. Берия, а также несколько человек из числа главных администраторов и научных лидеров проекта. Все остальные партийно-правительственные «иерархи», руководители министерств и ведомств, выполнявшие в атомном проекте отдельные задания, не участвовали ни в определении стратегических направлений его реализации, ни в разработке текущих управленческих решений. Такой порядок планирования и организации работы открыл беспрецедентные возможности для мобилизации ресурсов в «обход» всех принятых планов «восстановления и развития народного хозяйства». Заявки атомного проекта на финансовые и материальные ресурсы удовлетворялись «независимо от степени обеспечения... других нужд». Кадровая проблема основного производства решалась путем отбора и мобилизации «лучших работников» страны. Чтобы эта система работала, была создана «управленческая вертикаль», подчиненная непосредственно И.В. Сталину. На ее вершине находился Специальный комитет при Совете Министров СССР во главе с Л.П. Берией. Как директивный орган, он получил право в пределах своей компетенции давать поручения любым подразделениям государственной и партийной власти. Его исполнительные органы – Первое (ПГУ), а затем и Второе (ВГУ) главные управления при Совмине СССР – формулировали конкретные задания многочисленным участникам атомного проекта. Их своевременное и качественное выполнение жестко контролировали так называемые уполномоченные Совета Министров СССР. Так управленческие и надзорные функции в атомном проекте оказались сосредоточены в одних руках, чего в советской практике хозяйствования ни прежде, ни позже не наблюдалось. Это позволяло Спецкомитету добиваться выполнения своих решений, игнорируя позицию отраслевых министерств, да и любых других властных инстанций.

Специфическую роль в атомном проекте играло годовое и пятилетнее планирование. Его показатели, утверждаемые Спецкомитетом, ни с кем не согласовывались. Необходимые для их достижения финансовые и материальные ресурсы детально даже не просчитывались. Планы работы, по существу, являлись внутренними «декларациями о намерениях». Но контрольные цифры выпуска «конечной продукции» – ядерных боезарядов – пересмотру не подлежали.

Они устанавливались на грани технических возможностей. Тем не менее каких-либо значимых отклонений от утвержденных параметров не наблюдалось. Так, пятилетним планом развития атомной промышленности на 1950–1954 гг. было предусмотрено изготовление «153 готовых изделий из плутония». Фактически удалось произвести 150 боезарядов. Это было впечатляющее совпадение планов и результатов [Артемов, 2017].

Практика, принятая в атомном проекте, вызвала определенную напряженность в управленческой вертикали. Однако жесткая централизация власти позволяла легко блокировать проявления недовольства. К тому же большинство высших руководителей признавали необходимость чрезвычайных мер. Они понимали, что масштаб и сложность задачи создания ядерного оружия превышают адаптивные возможности стандартных методов управления и планирования. Вместе с тем в «руководящих кругах» осознавали, что такая модель организации работы не подлежит тиражированию. Было ясно, что страна не может выдержать расширения числа «специальных» секторов производства, использующих ресурсы «по потребности». Поэтому даже программа создания ракетно-космической техники не получила таких полномочий, какими располагал атомный проект, а с окончанием сталинской эпохи и он был постепенно переведен на стандартные для советской экономики принципы планирования, организации и мотивации работы.

Третий этап охватывает время начиная с «хрущевского десятилетия» вплоть до конца «советского века». Его отличительной особенностью являлась установка на опережающее развитие исследований «по всему фронту современной науки» и создание действенных инновационных механизмов во всех отраслях производства. Традиционно считается, что начало нового этапа пришлось на середину 1950-х гг. Как правило, его связывают с постановлением ЦК КПСС и Совмина СССР «Об улучшении дела изучения и внедрения в народное хозяйство опыта и достижений передовой отечественной науки и техники», принятым 28 мая 1955 г.² Партийно-правительственные решения середины 1955 г. по ряду параметров можно характеризовать как новаторские. Во-первых, специальное обращение Президиума ЦК [Президиум ЦК КПСС.

² Коммунистическая партия Советского Союза в резолюциях и решениях съездов, конференций и Пленумов ЦК. М., 1985. Т. 7: 1938–1945. С. 66–70.

С. 4344] к общим проблемам развития науки и техники само по себе было знаковым явлением. Уже одно это независимо от конкретных решений повышало их статус в числе государственных приоритетов. Во-вторых, в данных документах речь шла о стимулировании научно-технического прогресса в народном хозяйстве в целом. Ставилась задача внедрения в производство новейших технических средств во всех отраслях экономики. Такой подход весьма отличался от прежней практики. В-третьих, признавалась необходимость централизации руководства этим процессом в государственном масштабе. Однако тогда решили ограничиться созданием общегосударственной системы внедрения и централизации сбора и распространения научной информации. В планировании и организации собственно научных исследований ничего не менялось. Эти установки были подтверждены XX съездом партии, состоявшимся в следующем году. В директивах по шестому пятилетнему плану, в отличие от прошлых аналогичных документов, содержались не только общие призывы к ускорению научно-технического прогресса, но и конкретные задания, касавшиеся отдельных отраслей промышленности, механизации и автоматизации производственных процессов. На их решения нацеливались научные учреждения. Им предлагалось сосредоточить свои усилия на разработке «научных проблем, имеющих важное народно-хозяйственное значение, добиваясь быстрейшего доведения до конца научных исследований и внедрения результатов работ в производство»³.

Принятые на высшем уровне решения по перераспределению ресурсов позволили сохранить высокие темпы наращивания научно-технического потенциала. О его растущих возможностях свидетельствовал ряд достижений, получивших широкое признание у современников, хотя, как и раньше, наиболее крупные результаты приходились на ограниченный круг отраслей. В основном они относились к оборонному комплексу. Высокими темпами развивались атомная энергетика, ракетно-космическая и электронно-вычислительная техника, авиация, непосредственно связанные с наращиванием военной мощи. Продукция этих отраслей, разрабатываемая преимущественно на основе собственного научного за-

³ Коммунистическая партия Советского Союза в резолюциях и решениях съездов, конференций и Пленумов ЦК. М., 1985. Т. 7: 1938–1945. С. 163–164.

дела, по своим параметрам не уступала, а то и превосходила лучшие зарубежные аналоги. В гражданском секторе успехи были скромней. Но и здесь наблюдалась положительная динамика. Высокие темпы научно-технического прогресса воплощались в макроэкономических показателях. По динамике национального дохода и промышленности, росту производительности труда, позитивным структурным сдвигам в народном хозяйстве Советский Союз опережал большинство развитых стран. Это подтверждают не только данные официальной статистики, но и альтернативные расчеты [Кудров, 1997. С. 117–174]. Причем упрочение экономического базиса сопровождалось качественным улучшением жизни населения. Заметно выросло душевое потребление продовольственных и непродовольственных товаров, миллионы людей получили отдельное жилье, расширилась сеть учреждений здравоохранения, образования, культуры и т.д.

В 1970-е гг. Советский Союз по доле затрат на научно-техническую деятельность в валовом внутреннем продукте уже опережал все страны, за исключением США, а по абсолютным затратам на НИОКР (в переводе в доллары США по паритету покупательной способности) ненамного уступал всей Западной Европе. Стремительное наращивание вложений в сферу НИОКР дало мощный импульс производству научных знаний «по всему фронту» современной науки. Советские ученые заняли передовые позиции в области математики и механики, ряде направлений физики и химии, изучении Земли и космического пространства. Несомненные успехи были достигнуты в практическом использовании результатов фундаментальных исследований.

Успехи СССР в достижении технико-экономической независимости, способствовавшие превращению страны в научно-техническую сверхдержаву, свидетельствовали о том, что советская модернизация имела не имитационную и контрпродуктивную природу, как иногда утверждается в современной литературе, а была реальной, временами даже опережающей по своему характеру.

В то же время обозначилось снижение отдачи от соответствующих вложений. По имеющимся оценкам, эффективность затрат на науку, рассчитанная как отношение прироста выпуска наукоемкой продукции к расходам на НИОКР в период 1971–1985 гг., устойчиво снижалась в среднем на 13–15 % за пятилетку. В первую очередь это

объяснялось изъянами действовавшей экономической системы, порождавшей затянутость цикла «исследование – производство», и не стимулировало спрос на достижения науки. Замедление инновационной активности вело к ухудшению качественных параметров развития экономики и, в конечном счете, падению темпов ее роста [Артемов, 2006, 2022]. В результате Советский Союз стал терять ранее завоеванные позиции одного из мировых научно-технических лидеров, стала усиливаться зависимость его экономики от импорта западных технологий, что создало предпосылки для нарастания кризисных явлений в экономике страны к концу советской эпохи.

Литература

Алексеев В.В., Литвинов Б.В. Советский атомный проект как феномен мобилизационной экономики // Вестник Российской академии наук. 1998. Т. 68, № 1. С. 3–22.

Артемов Е.Т. Научно-техническая политика в советской модели поздней индустриальной модернизации. М.: РОССПЭН, 2006. 256 с.

Артемов Е.Т. Атомный проект в координатах сталинской экономики. М.: Политическая энциклопедия, 2017. 343 с.

Артемов Е.Т. Несостоявшееся ускорение: военно-стратегический фактор в экономической политике Н.С. Хрущева // Российская история. 2022. № 4. С. 186–198.

Водичев Е.Г. В технологическом тупике: отраслевая наука на востоке СССР во второй половине 1940-х гг. // Вестник Томского гос. ун-та. 2018. № 436. С. 139–147.

Илькаев Р.И. Основные этапы атомного проекта // Успех физических наук. 2013. Т. 183, № 5. С. 528–534.

Коммунистическая партия Советского Союза в резолюциях и решениях съездов, конференций и Пленумов ЦК. М., 1985. Т. 7: 1938–1945. 574 с.

Кудров В.М. Советская экономика в ретроспективе. Опыт переосмысления. М., 1997. 303 с.

Побережников И.В. Переход от традиционного к индустриальному обществу: теоретико-методологические проблемы модернизации. М.: РОССПЭН, 2006. 240 с.

Побережников И.В. Модернизации в истории России: направления и проблемы изучения // Уральский исторический вестник. 2017. № 4 (57). С. 36–45.

Побережников И.В. Проблемы российских модернизаций имперского периода в новейшей историографии // Уральский исторический вестник. 2020. № 1 (66). С. 140–148.

Побережников И.В. Модернизация в истории Российской империи и СССР: общие тренды и специфика // Столетие СССР: вопросы и ответы: сб. научных трудов. Екатеринбург, 2023. С. 115–131.

Президиум ЦК КПСС. 1954–1964. Черновые протокольные записи заседаний. Стенограммы. Постановления. Т. 1 / гл. ред. А.А. Фурсенко. М., 2003.

Проскурякова Н.А. Концепции цивилизации и модернизации в отечественной историографии // Вопросы истории. 2005. № 7. С. 153–165.

Josephson P. Red Atom: Russia's Nuclear Power Program from Stalin to Today. N.Y.: W.H. Freeman and Company, 1999.

Д.А. Фомин

ВНУТРЕННИЕ И ВНЕШНИЕ ФАКТОРЫ НАУЧНО-ТЕХНИЧЕСКОГО РАЗВИТИЯ ПРОМЫШЛЕННОСТИ СССР¹

D.A. Fomin

INTERNAL AND EXTERNAL FACTORS OF SCIENTIFIC AND TECHNICAL DEVELOPMENT OF INDUSTRY OF THE USSR

Аннотация. Научно-техническое индустриальное развитие СССР рассмотрено как результат взаимодействия внутренних факторов, связанных с отечественной научно-инновационной системой, и внешних, в основе которых лежат заимствования научно-технических достижений развитых стран. Выделены четыре этапа научно-технического развития промышленности СССР. Показаны организационные и институциональные недостатки советской науки, определившие научное и промышленное отставание от западных стран.

Ключевые слова: научно-технический прогресс, промышленное развитие, индустриализация, инновации.

Индустриальное развитие России начала XX в. было прервано Первой мировой войной, последовавшими революциями и Гражданской войной. На пике всех этих трагических событий в 1921 г. экономика страны потеряла 61,8 % своего производства. Тяжесть экономической ситуации и внешние вызовы потребовали от нового советского руководства принятия срочных мер по развитию промышленности, которая на протяжении всего советского времени рассматривалась как приоритетная отрасль народного хозяйства, обеспечивающая военную безопасность страны и отвечающая за уровень жизни населения.

Советская научно-техническая политика была качественно-разнородной на различных этапах развития народного хозяйства. Разнородность определялась целями и задачами этапов, а также це-

¹ Статья подготовлена по плану НИР ИЭОПП СО РАН. Проект 5.6.6.4 (0260-2021-0008) «Методы и модели обоснования стратегии развития экономики России в условиях меняющейся макроэкономической реальности».

лым рядом внутренних и внешних факторов. С этой точки зрения можно выделить четыре этапа промышленного развития СССР, характеризующиеся качественным развитием отрасли за счет действия инновационных волн.

Период нэпа (1921–1928 гг.)

Первый этап хронологически совпадает с периодом нэпа. Основным содержанием этапа было восстановление народного хозяйства: его смысл заключался в увеличении производства за счет загрузки простаивающих производственных мощностей и массового вовлечения в производство рабочей силы. В целом промышленный рост на данном этапе опирался на созданные в прошлом производства и резервы рабочей силы.

Связи с иностранными компаниями осуществлялись преимущественно в форме концессий, предполагавших использование иностранных капиталов и технологий на территории СССР. Первые концессионные договоры были заключены в конце 1921 г., всего до конца 1927 г. заключено 163 концессионных договора. Самая большая часть договоров пришлось на концессионеров из Германии – 46 договоров, или 28 %, также Германия вложила наибольшую сумму в концессии – 21 млн руб., или 36 % от всех средств, поступивших из-за границы в концессионные предприятия. Однако в целом концессионная активность была невысокой. Удельный вес продукции концессионных предприятий в 1925–1927 гг. составлял в среднем в экспорте 3,7 %, в импорте – 2,6 %. Низкой была роль концессий в промышленном производстве: в 1926/1927 гг. концессионные предприятия производили только 0,64 % всей промышленной продукции [Бутковский, 1928. С. 42, 55, 88].

Самым важным иностранным партнером на данном этапе для СССР была Германия, промышленное производство которой сдерживалось Версальскими соглашениями. Выходом из этих ограничений для немецких промышленников стало создание дочерних компаний за рубежом, в том числе и на территории СССР. Немецкие компании сыграли значительную роль в становлении новых отраслей советской промышленности, таких как, например, авиастроение (компания «Юнкерс-Фоккерверке») и электроэнергетика (компания «Сименс») [Мухин, 2006. С. 259–265].

Переход к плановому экономическому развитию и огосударствление экономики привели к свертыванию концессионных соглашений и поиску новых форм взаимодействия с иностранными компаниями. «Великий перелом» пережила только японская нефтяная концессия на Северном Сахалине, которая действовала до весны 1944 г.

Период индустриализации (1929–1940 гг.)

Принятые в рамках первых советских пятилеток плановые задания по развитию экономики предполагали создание целого ряда новых отраслей промышленности (авиационной, автомобильной, тракторостроения, химической, нефтехимической, металлургии цветных металлов и т.д.), а также промышленное освоение новых территорий Урала и Сибири. К 1933 г. предполагалось построить и реконструировать около 1,5 тыс. крупных индустриальных объектов [Шпотов, 2003. С. 119].

К началу индустриализации СССР не обладал нужными технологиями, не имел опыта проектирования крупных современных предприятий и не располагал качественными строительными организациями. В этих условиях было решено прибегнуть к сотрудничеству с западными компаниями. Заключение договоров на поставку оборудования и проектирование современных предприятий значительно облегчал мировой экономический кризис, который вынуждал западные страны менять свое отношение к СССР.

До 1933 г. СССР заключил 170 контрактов о поставках оборудования и технологий, из них 73 договора заключены с немецкими компаниями, 59 с американскими, 11 с французскими, 9 со шведскими [Шпотов, 2003. С. 120]. Особая роль отводилась сотрудничеству с американскими фирмами, располагавшими самым передовым в мире опытом проектирования и строительства, благодаря которому сроки проектирования гигантских машиностроительных заводов вместо традиционных 4–6 мес сокращались до 2–3 нед, а монтаж оборудования вместо 1,2–2 лет составлял всего 3–5 мес. Значительный вклад в советское индустриальное зодчество внес американский архитектор Альберт Кан. За долгие годы работы в СССР его компания спроектировала и построила 521 промышленное предприятие в 25 городах. Среди них Сталинградский и Челябинский тракторные заводы, Московский автомобильный завод им. КИМ, Нижнетагиль-

ский металлургический комбинат, Московский подшипниковый завод № 1 [Иванян, 2001. С. 239].

Сотрудничество СССР с западными компаниями в начале 1930-х гг. очень часто называют «западной технической помощью». Но для подобного обозначения нет никаких оснований. Советский Союз заключал контракты и платил за них полноценной валютой, оплаченные контракты никак не могли быть помощью в ее традиционном понимании. Сотрудничество было взаимовыгодным: СССР создавал индустриальную базу своей экономики, а западные компании с помощью контрактов преодолевали самый разрушительный в своей истории экономический кризис.

Не меньшим мифом является и миф о технологической зависимости. СССР действительно не создал в тот момент времени передовых технологий и производств. Достижение СССР было в другом – в создании на основе передовых мировых разработок современной мощной индустрии. СССР самостоятельно определял направления технического развития, осуществлял подбор западных проектирующих компаний, осуществлял закупки импортного оборудования, приглашал на работу иностранных специалистов и работников.

Созданные в первой половине 1930-х гг. производства стали национальным ядром уже советской индустрии и школой подготовки инженерно-технических работников. Импортозамещение начиная с 1932 г. стало основой экономической политики СССР. Максимальный объем импорта в размере 3851 млн руб. (по курсу рубля 1950 г.) был достигнут в СССР в 1931 г. Затем объем импорта стал падать, в 1934 г. его размер составил 810 млн руб., сокращение импортных закупок составило 4,75 раза².

Промышленное развитие обеспечивается кадрами, разработками, проектами, научными обоснованиями и потому всегда требует развития научной, образовательной, культурной систем (верно и обратное: деиндустриализация всегда сопровождается деградацией человеческого капитала и деинтеллектуализацией общественной жизни). В этой сфере в довоенном СССР также произошли колоссальные изменения. Прежде всего, значительно выросли масштабы образования. В 1914/15 учебном году в Российской империи было 91 высшее учебное заведение, где проходили обучение 112,0 тыс.

² Внешняя торговля СССР за 1918–1940 гг. (Статистический обзор). М., 1960. С. 13.

студентов, в 1938/39 учебном году численность вузов выросла в 7,8 раза до 708, а количество студентов в них – до 602,9 тыс., т.е. в 5,4 раза³.

Изменился также масштаб научной деятельности. В 1913 г. в России было всего 17 научных учреждений, из них самая влиятельная – Санкт-Петербургская Императорская академия наук. Последняя насчитывала 40 академиков и 15 научных учреждений (библиотеки, музеи, лаборатории, станции, кабинеты, обсерватории). [Россия накануне..., 2017. С. 624–626]. На начало 1939 г. в СССР было четыре академии, насчитывающих 694 института и 416 отраслевых научных учреждений. Численность научных сотрудников Академии наук выросла со 152 в 1914 г. до 3643 в 1939 г., т.е. в 24 раза⁴. Обратной стороной этих преобразований стало огосударствление научных и учебных заведений, сокращение академических прав и свобод, усиление идеологических репрессий. Однако самым значимым негативным отложенным эффектом проводимой академической и вузовской реформы стала ориентация исследований на решение текущих народно-хозяйственных задач. Самым влиятельным и масштабным по уровню финансирования и численности действительных членов в АН СССР стало техническое отделение, деятельность которого носила исключительно прикладной характер.

Предвоенный СССР достиг впечатляющих по мировым меркам результатов промышленного роста. Если к началу индустриализации в 1929 г. доля СССР в мировом промышленном производстве – 5,0 %, то к началу Второй мировой войны она выросла до 17,6 %, т.е. более чем в 3,5 раза. СССР стал второй (после США, которые сократили свое присутствие в мировом производстве с 43,3 до 28,7 % за тот же период) промышленной державой предвоенного мира [Кеннеди, 2020. С. 499].

Военный и послевоенный период (1941 г. – конец 1950-х гг.)

Наиболее тяжелое положение в промышленности сложилось во второй половине 1941 г. и первой половине 1942 г. С июня по декабрь 1941 г. промышленное производство СССР сократилось в

³ Культурное строительство СССР. Статистический сборник. М.; Л., 1940. С. 105.

⁴ Там же. С. 238.

1,9 раза. Общая стабилизация промышленности произошла в первые месяцы 1942 г., после чего начался ее рост. Военное производство, как более приоритетное, прекратило падение уже к концу 1941 г. С самого начала 1942 г. начался рост производства военной продукции, а к июлю 1942 г. объем выпуска военной продукции превзошел довоенные показатели.

В победном 1945 г. национальный доход советской экономики сократился на 17 % по сравнению с 1940 г. Главным образом это было связано с потерей материальных факторов производства. Согласно данным Росстата, за время войны было потеряно 26,2 % основных фондов от их наличия в 1940 г.⁵ Казалось бы, после таких материальных потерь (к ним следует добавить не менее значительные демографические потери) советскую экономику неминуемо ожидает сокращение производства и долгое мучительное восстановление. Даже благополучные США, не получившие в ходе войны разрушений на своей территории и ограничившие свое участие в войне отправкой экспедиционного корпуса и оказанием материальной помощи, столкнулись с тяжелым экономическим послевоенным кризисом. Спад экономики США начался в 1945 г. по причине того, что руководству страны не удалось провести конверсию военных заводов и в целом заместить военный государственный заказ спросом потребительского рынка. Восстановление американского ВВП до уровня 1944 г. состоялось только в 1955 г.

Тем не менее после незначительного спада советской экономики в 1945 г., вызванного конверсией оборонных предприятий и их реэвакуацией, экономика СССР стремительно росла все послевоенное время. По заслуживающим доверия оценкам, довоенный уровень производства СССР достиг уже в 1947 г., а некоторые отрасли экономики достигли этого уровня уже в 1946 г. Среди последних была, например, промышленность, результаты работы которой в IV квартале 1946 г. соответствовали уровню 1940 г. И здесь важно понять причины столь высокого роста экономики. По моим подсчетам, если бы развитие послевоенной экономики СССР определялось исключительно внутренними инвестиционными факторами, то ее восстановление до уровня 1940 г. не могло произойти ранее 1952 г. [Фомин, 2023]. Более чем очевидно, что в восстановлении советской

⁵ Великая Отечественная война. Юбилейный статистический сборник: стат. сб. / Росстат. М., 2015. С. 126–129.

экономики после войны и ее стремительном росте сыграли роль главным образом не внутренние факторы, а внешние. К таким факторам следует отнести:

- союзническую помощь со стороны США (в форме ленд-лизинга), а также Великобритании и Канады;
- трофейные изъятия материальных ценностей в годы войны;
- послевоенные репарации со стороны Германии и ее союзников;
- перемещение интеллектуальных и научно-технических достижений Германии в СССР, зачастую вместе с учеными, специалистами, инженерами и трудовыми коллективами;
- присоединение к СССР территорий с находившимися на них производствами, университетами и научными центрами;
- использование труда военнопленных для восстановления народно-хозяйственных объектов.

Количественная оценка большинства из этих факторов затруднительна. Несомненно лишь то, что размер потерь материального богатства в военные годы был значительно меньше приобретений, полученных СССР на правах основного победителя во Второй мировой войне. И дело даже не только и не столько в стоимостном объеме полученных послевоенных ценностей, а в том, что СССР получил самые передовые в мире технологии, научно-технические знания, образцы техники и вооружений, патенты и лицензии. Грамотное и умелое использование этого колоссального интеллектуального потенциала обеспечило стране не только крайне успешное экономическое развитие, но и научно-техническое примерно до конца 1950-х гг.

Что касается научной и академической деятельности, то в указанный период она по-прежнему носила военно-мобилизационный характер, не имеющий ничего общего с академическими принципами и традициями. Ставший в 1951 г. Президентом Академии наук академик А.Н. Несмеянов в своих воспоминаниях писал, что работа практически всех крупных физиков была сосредоточена в институтах и лабораториях отраслевых министерств, занятых вопросами ядерной энергии, созданием атомной и водородной бомбы. Научные сотрудники, числившиеся в штате академических институтов, формально находились в служебных командировках. А.Н. Несмеянов даже в качестве главы Академии не имел доступа к их работам,

но по итогам формального ознакомления пришел к выводу, что вся советская физика была ядерной⁶.

Поздний советский период (начало 1960-х гг. – 1991 г.)

С экономической и научно-технической точек зрения лучшими в СССР стали 1950-е гг. В этот период произошло крайне благоприятное структурное наложение трех инновационных волн – ранней 1920-х гг., индустриальной 1930-х гг. и послевоенной 1940-х гг. Все эти волны в своей основе имели внешнее происхождение и определялись наличием уязвимых, но развитых в научном отношении западных стран. Столкнувшись с угасанием кумулятивного действия этих волн, советское руководство в конце 1950-х гг. встало перед дилеммой: либо нужно было искать очередные бреши в мировой капиталистической системе, либо опираться в научно-техническом развитии на собственные силы. В действительности же, конечно, были предприняты обе эти попытки.

На нарастающее отставание в научных исследованиях от западных стран первыми обратили внимание ученые, занятые фундаментальными исследованиями. В 1954 г. академик П.Л. Капица написал главе государства Н.С. Хрущеву письмо, в котором доказывал порочность тезиса «наука на службе у производства». В противоположность этому тезису П.Л. Капица считал, что наука должна задавать ориентиры развития промышленности и менять уклад жизни⁷. В 1959 г. дискуссия о необходимости реформирования АН СССР была вынесена в публичную плоскость. В июле 1959 г. в газете «Известия» была опубликована статья первого советского лауреата Нобелевской премии академика Н.Н. Семенова, в которой он призвал освободить АН от всех прикладных исследований, а академические институты, занятые такими исследованиями, передать на баланс отраслевых министерств. Эта идея, конечно же, встретила крайнее неприятие со стороны представителей прикладного академического сектора. Они вполне отчетливо осознавали, что академическая реформа неминуемо повлечет за собой понижение их социального статуса и неизбежно сократит уровень личного потребления. Развернувшаяся по-

⁶ Несмеянов А.Н. На качелях XX века. М.: Наука, 1999. С. 164.

⁷ Капица П.Л. Письма о науке. 1930–1980. М., 1989. С. 305.

сле публикации статьи дискуссия оставила Н.Н. Семенова, П.Л. Капицу и их немногочисленных сторонников в меньшинстве.

Тем не менее в апреле 1961 г. было принято постановление ЦК КПСС и Совета Министров СССР о реорганизации АН СССР. Согласно постановлению, из состава АН СССР было выведено 50 институтов и 7 филиалов со штатной численностью более 20 тыс. работников, принадлежавших главным образом отделению технических наук. В результате этой реформы академия лишилась около половины своих институтов и около трети сотрудников. В том же году было ликвидировано отделение технических наук [Иванов, 2000]. По всей видимости, ключевую роль в осуществлении реформы АН СССР сыграл академик И.В. Курчатов, который был сторонником трансформации академии в центр фундаментальных исследований и имел большой авторитет среди руководителей советского государства.

Однако начатая реформа так и не была доведена до конца. Набиравшие силу застойные явления все больше и больше превращали советскую Академию наук, сформированную в кризисных условиях штурмовщины и чрезвычайщины, в почетную синекуру, поглощающую колоссальные государственные ресурсы и при этом снявшую с себя всякую ответственность за состояние науки в стране. Уже в 1963 г. на базе ликвидированного отделения технических наук было создано отделение физико-технических проблем, а также отделение механики и процессов управления.

Но самая мощная заявка на будущее сторонников сохранения академической модели 1930-х гг. обозначилась в виде создания в конце 1950-х гг. Сибирского отделения. Научно-технический прогресс, по замыслу академического начальства, должен был развиваться не интенсивно, а экстенсивно – путем экспансии на Восток, в первозданную сибирскую тайгу. Сибирский научный центр изначально проектировался под прикладные военные исследования, доля заказов со стороны военно-промышленного комплекса в общем объеме финансирования отделения составляла, по оценке бывшего министра науки РФ Б. Салтыкова, 70–75 %. Построив академические институты на берегу Обского моря на месте вырубленного соснового массива Бердского лесничества и приступив к реализации амбициозных научных планов, отделение столкнулось со множеством проблем. Проблем, от которых Академия бежала из

Москвы, но так и не смогла убежать. В основе этих проблем лежало сокращение фундаментального задела, оторванность советской науки от реального производственного сектора, потеря связи с высшей школой. Полученный Сибирским отделением мощный материальный, финансовый, административный и медийный импульс быстро иссяк в вязкой среде академического застоя. Как писал в свое время сотрудник Института математики СО РАН Н.Г. Загоруйко, судьбу Новосибирского Академгородка лучше всего описывает его символ – сигма с высокой начальной амплитудой и затухающим колебанием.

Так же крайне неудачно в поздний советский период складывались внешнеэкономические отношения СССР. «Холодная война» привела к появлению в США и Западной Европе специализированных научных центров, изучающих главным образом экономику СССР. Эти центры, располагающие щедрым бюджетом со стороны Пентагона и ЦРУ, рекрутирующие лучших выпускников лучших западных университетов, основали в середине 1940-х гг. новое и крайне престижное направление научных исследований – советологию. Целью исследований был не поиск абстрактной научной истины, а нахождение наиболее уязвимых мест в советской экономической системе, воздействуя на которые, можно было добиться краха советской экономики, а вместе с ним и краха советского государства. Хотя, конечно, на уровне отдельных исследований эти цели не противоречили друг другу.

Советологи выяснили, что, во-первых, советская экономика довольно сильно втянута в мировую торговлю и со временем ее зависимость от мирового рынка только увеличивается. По их подсчетам, доля внешней торговли в национальном доходе СССР увеличилась с 12 % в 1960 г. до 21 % в 1975 г. и до 27 % в 1980 г. По уровню вовлеченности в мировой рынок СССР опережал такие страны, как США, Индия, Бразилия, и находился на одном уровне с Японией – островным государством с развитой промышленностью, при этом лишенным сырья и ресурсов [Санчес-Сибони, 2020. С. 18–23]. Во-вторых, была тщательно проанализирована номенклатура и структура экспортно-импортных советских операций. Выяснилось, что экспортные поставки СССР довольно диверсифицированы и представлены товарами, контролировать движение которых у западных стран нет никакой возможности. Иначе обстояло дело с импортом. Значительную

долю импорта составляло западное промышленное оборудование, станки, техника и технологии. Это свидетельствовало об отсталости советского научно-инновационного комплекса и критической зависимости экономики СССР от западных научно-технических достижений, которую так и не удалось преодолеть за весь советский период.

Аналитические выкладки советологов легли в основу внешне-экономической политики западного блока стран в отношении СССР. В 1949 г. в Париже был создан Координационный комитет по экспортному контролю (КОКОМ) с целью ограничений продаж военных и промышленных технологий социалистическим странам. Деятельность этой организации долгое время не отличалась эффективностью из-за неполного охвата стран – торговых партнеров СССР и широких международных возможностей посреднической торговли. Резкое повышение роли КОКОМ во внешнеторговых операциях произошло в начале 1980-х гг. В 1979 г. при Президенте США Р. Рейгане, начавшем новый виток противостояния с СССР, был изменен устав организации, предоставлявший широкие возможности санкционной борьбы с нарушителями рекомендаций организации. В 1983 г. в Ленгли был создан насчитывающий 22 отдела секретный Комитет разведки по делам передачи технологий, единственной задачей которого был контроль над покупками технологий странами социалистического блока. Эти усилия быстро принесли свои плоды. Если в 1975 г. США продавали СССР промышленной продукции на сумму 219 млн долл., то в 1983 г. этот показатель упал до 39 млн долл. В том же 1983 г. таможенные службы США и их европейских союзников задержали около 1400 нелегальных отправок Советскому Союзу на сумму в 200 млн долл. [Швейцер, 2021. С. 63–154]. Торговая блокада означала конец технологического трансферта, который был важнейшим фактором научно-технического развития промышленности на всем временном периоде существования СССР.

Крах советской экономики и гибель СССР имеют множество причин, их нельзя свести исключительно к научно-техническим. Тем не менее организационная и институциональная нерешенность проблем научного, главным образом академического развития страны в позднесоветское время занимает среди этих причин одно из ведущих мест.

Литература

Бутковский В. Иностранные концессии в народном хозяйстве СССР. М.; Л.: Государственное издательство, 1928. 128 с.

Иванов К.В. Наука после Сталина: реформа академии 1954–1961 // Наукоеведение. 2000. № 1. С. 184–211.

Иванян Э.А. Энциклопедия российско-американских отношений. XVIII–XX века. М.: Международные отношения, 2001. 696 с.

Кеннеди П. Взлеты и падения великих держав: экономические изменения и военные конфликты в формировании мировых центров власти с 1500 по 2000 гг. Екатеринбург: Гонзо, 2020. 848 с.

Мухин М.Ю. Авиапромышленность СССР в 1921–1941 годах. М.: Наука, 2006. 320 с.

Россия накануне великих потрясений: Социально-экономический атлас. 1906–1914. М.: Кучково поле, 2017. 672 с.

Санчес-Сибони О. Красная глобализация. Политическая экономия Холодной войны от Сталина до Хрущева. С.-П.: Academic Studies Press, 2022. 407 с.

Фомин Д.А. Послевоенная экономика СССР: факторы восстановления // Terra Economicus. 2023. Т. 21, № 1. С. 47–60.

Швейцер П. Тайная стратегия развала СССР: роль администрации США. М.: Родина, 2021. 304 с.

Шпотов Б. Политика использования западных технологий как фактор создания крупной индустрии в СССР // Проблемы теории и практики управления. 2003. № 4. С. 118–122.

**Раздел 2.
ЭВОЛЮЦИЯ РОССИЙСКОЙ ИНДУСТРИИ
ОТ РЕФОРМ ПЕТРА I ДО НАЧАЛА XX В.:
ОТРАСЛЕВЫЕ И СЕКТОРАЛЬНЫЕ
ОСОБЕННОСТИ**

УДК 94(470.5)»19»

DOI 10.25205/978-5-4437-1718-0-10

Е.Г. Неклюдов

**ГОРНЫЕ РЕФОРМЫ В РОССИИ XIX В.:
СРАВНИТЕЛЬНЫЙ АНАЛИЗ**

E.G. Neklyudov

**MINING REFORMS IN RUSSIA IN THE 19TH CENTURY:
A COMPARATIVE ANALYSIS**

Аннотация. Горные реформы в России XIX в. определяли организационные и правовые условия развития горнозаводской промышленности – базовой отрасли, от которой зависело не только общее состояние экономики страны, но и оборонная мощь государства. Одна из них в начале XIX в. приобрела черты редактируемой в процессе реализации реформы, направленной на стабильное развитие промышленности при усиленной роли государства; другая в силу особенностей подготовки в 1860-е гг. приобрела особую форму разделенного на части и растянутого во времени процесса, направленного на более свободное и динамичное развитие промышленности под наблюдением государства. Обе реформы достигли своих целей и представили два варианта реформирования крупной промышленности.

Ключевые слова: Россия, XIX в., горные реформы, горное ведомство, горные заводы, горнозаводчики.

В XIX в. в Российской империи были подготовлены и осуществлены две крупные реформы организационных основ горнозаводской промышленности, последовательно отразившие этапы развития этой базовой отрасли экономики в ходе разворачивавшейся в

стране модернизации. Одна из них, происходившая в первой половине века, хотя давно привлекала внимание исследователей, но полноценно еще не изучена [Акторы..., 2016; Арсентьев, 2019; Иванов, 1900; Лоранский, 1900; Манин, 2020; Неклюдов, 2011; Зубков, 2008]; вторая, охватившая вторую половину века, представлена гораздо полнее, хотя ее исследование началось только в последнее время [Акторы..., 2016; Ишутова, 1999; Неклюдов, 2018; Рукосуев, 2001; Зубков, 2008]. Такой историографический казус можно попутно объяснить в ходе сравнительного анализа реформ, которому и посвящена данная статья.

К началу XIX в. горнозаводская промышленность, представлявшая собой комбинированную отрасль крупного производства, которая включала добычу руд и их переработку на металлургических заводах, прошла уже долгий путь развития, достигнув значительных успехов. Она охватила несколько регионов сосредоточения необходимых для металлургии природных ресурсов и приобрела органичную организационную форму самодостаточных территориально-хозяйственных комплексов – горнозаводских округов, отвечавших мануфактурному уровню производства. Округа принадлежали казне, деятельно участвовавшей в становлении важной для обороны страны промышленности, и частным предпринимателям, активно подключившимся к этой высокодоходной отрасли, что привело к формированию двух правовых секторов – казенного и частного¹. Для преодоления соперничества секторов первый из них был специализирован в основном на военной продукции, второй – на гражданской. В XVIII в. происходил и процесс формирования отраслевого управления в борьбе с тенденцией «растворить» его в общегосударственных учреждениях центрального или регионального уровня. Правовые условия развития промышленности определялись несколькими основополагающими законами (Берг-привилегией, Берг-регламентом, императорскими манифестами) и многочисленным некодифицированным законодательством. В конце XVIII в. государство установило сословные ограничения на владение горными заводами и вместо «горной регалии» ввело правило акцессии, отдав недра землевладельцу, от которого (а не от государства, как ранее) за-

¹ Кабинетский сектор, к которому относились Кольванские (Алтайские) и Нерчинские императорские заводы, не состоял в ведении горного начальства и на него сравниваемые реформы не распространялись.

висело отныне право предоставления недр для разработки, т.е. отменило и «горную свободу», дарованную Берг-привилегией 1719 г. В таком общем виде отечественная горнозаводская промышленность подошла к началу процесса ее реформирования, поэтапно охватившего весь XIX в.

Компаративный анализ начнем с предпосылок реформ, какими они представлялись в первую очередь участникам их разработки.

Как следует из предваряющих первую реформу докладов министра финансов графа А.И. Васильева 1804 и 1806 гг., ее причинами стали «великие затруднения» в организации горного управления в России, «ограниченность власти горных начальств» и их зависимость от местных гражданских учреждений, а также трудное «течение дел» на казенных заводах, «основанное на формах и обрядах», т.е. несовершенство сложившейся организации отраслевого управления и проблемы в развитии казенного сектора промышленности. При этом констатировалось, что частная, или «народная», промышленность тоже «чувствительно упадает» в первую очередь из-за «алчности» заводчиков, злоупотреблявших «казенными пособиями» в виде лесов, рудников и особенно приписных государственных крестьян, и требует «необходимой помощи со стороны Правительства»². Эта всесторонняя помощь должна была удерживать отечественную металлургию на достигнутом высоком уровне развития.

Отметим, что подготовка реформы была ускорена начавшимися административными преобразованиями в стране и стала их составной частью. Требовалось, чтобы горное ведомство на центральном уровне органично вписалось в учреждавшуюся тогда министерскую форму государственного управления, где за каждым министерством закреплялось управление целой сферой деятельности, и усилило свое влияние на региональном уровне в непротиворечивой координации с действующей в стране губернской системой власти. Поэтому в замыслах реформаторов на первый план выдвигались административные преобразования, которые с неизбежностью вели к укреплению роли государства в развитии промышленности.

Как следует из документации подготовительных комиссий, работа над второй реформой началась в 1850-е гг. с целью «облегчить» условия для горнозаводчиков ввиду предполагавшегося тогда от-

² Полное собрание законов Российской империи (ПСЗРИ). Собр. 1-е. Т. 28. № 21460; Т. 29. № 22208.

крытия внутреннего рынка для иностранного железа, что вело к пересмотру горных законоположений, касавшихся в первую очередь частной промышленности. Впоследствии признали, что и казенный сектор, особенно страдавший от чрезмерной бюрократизации, нуждается в большей свободе и специализации на оборонной продукции³.

В 1860-е гг. затянувшаяся разработка реформы проходила уже на фоне начавшихся Великих реформ, в первую очередь отмены крепостного права, которое лежало в основе социальной организации горнозаводской промышленности. Это придало ей вид полноценной структурной реформы, касавшейся всех аспектов развития промышленности: отраслевого управления, секторальной структуры, налогообложения, и органично вписывало в состав Великих реформ. В контексте либеральных идей основное назначение преобразований виделось реформаторам если не в освобождении отрасли от государственного «участия», то в его существенном ослаблении ради преодоления выявившегося темпорального и технического отставания отечественной промышленности от европейских стран.

Подготовительные мероприятия у двух реформ существенно отличались по своей продолжительности, строю и участникам.

Имеющаяся литература о первой из них свидетельствует, что подготовка реформы не была особенно длительной. Она началась в 1802 г., когда недавно восстановленной Берг-коллегии предписали собрать сведения и «составить начертание Горного устава во всем пространстве горного управления», и завершилась утверждением подготовленных законопроектов в 1806 г. Все это время работа концентрировалась в руках горного ведомства и осуществлялась силами ведущих специалистов под руководством подключившегося к делу министра финансов. Механизм подготовки заключался в составлении участниками нескольких проектов, которые обсуждались сначала в узком, затем расширенном составе членов особого комитета. Это не исключало конфликтов между авторами проектов, но в условиях коллегиальности все-таки позволило создать согласованный план преобразований, воплотившийся в двух основных актах – Проекте положения для Горного департамента и Проекте горного положения для управления заводов хребта Уральского как «времен-

³ Объяснительная записка // Труды Комиссии, высочайше учрежденной для пересмотра системы податей и сборов. СПб., 1868. Т. 13, ч. 3. С. 68–79.

ном Уставе». Именно на Урале в течение пяти лет предполагалось испытать новое горное законодательство, после чего внести коррективы и по возможности распространить на другие металлургические районы империи. Сбор мнений и редактирование кодекса поручались особому комитету, который первоначально предлагалось создать в столице.

Участие горнозаводчиков в подготовке реформы не предусматривалось. По намекам, имеющимся в упомянутом докладе министра, это объяснялось отсутствием у них организации, где можно было бы выработать согласованное мнение предпринимателей. В этой связи министр предлагал организовать такое общество, которое впоследствии можно было привлечь к участию в корректировке преобразований.

В отличие от первой, подготовка второй реформы оказалась более сложной и потому длительной. В ней отчетливо выделяются три периода, каждый из которых был связан с деятельностью трех подготовительных комиссий. Комиссия для изыскания средств к развитию железного производства в России (1852–1857 гг.) занималась предварительным сбором сведений о состоянии и нуждах горной промышленности. Комиссия по пересмотру Горного устава (1857–1866 гг.) разработала проект преобразований путем подготовки его тематических разделов отдельными группами специалистов. Комиссия для пересмотра системы податей и сборов, действовавшая при Министерстве финансов, в 1866–1868 гг. должна была обсудить этот проект и отредактировать его окончательный вариант.

Первые две комиссии состояли из высших руководителей горного ведомства, но в 1864 г. заводчиков, проживавших в столице, все-таки пригласили принять участие в нескольких заседаниях Горной комиссии для обсуждения «непосредственных нужд» частной, в первую очередь посессионной, промышленности, что дало положительный эффект. На заседаниях же Податной комиссии участвовали представители разных ведомств, экономисты и горнозаводчики в качестве полноправных членов-экспертов, что оставило в меньшинстве нескольких членов Горной комиссии. Такой состав предопределил иной результат работы Податной комиссии, под влиянием заводчиков и либеральных экономистов не просто отредактировавших предложенный проект, а создавших альтернативный вариант Горного устава, который в свою очередь не устроил горных специа-

листов. Несогласованность проектов реформы поставила министра финансов перед сложным выбором.

Сравнительный анализ разработанных проектов позволяет увидеть их формальную и содержательную специфику. Если Проект горного положения 1806 г. касался только уральских заводов, то проекты Горного устава 1866 и 1868 гг. были уже общими кодексами, распространявшимися на всю территорию империи. При этом первый состоял из 943 статей, объединенных в 17 глав, в то время как проект Устава Горной комиссии включал 10 разделов и 404 статьи, а проект Податной – всего 7 разделов и 142 статьи. Это отражает принципиальную разницу подходов к преобразованиям: если реформаторы 1800-х гг. стремились к детальной регламентации управленческой деятельности, от организации которой, как они полагали, зависели успехи «горного промысла», то реформаторы 1860-х гг. уже не придавали ей такого значения, полагаясь на освобожденную в той или иной степени от «казенной опеки» деятельность предпринимателей.

Проект Горного положения определил структуру, функционал и субординацию с губернской властью нового регионального учреждения – Горного правления, подробно описал функции окружного начальства казенных заводов и служебные обязанности «классных» и «нижних чинов», определил порядок назначения пенсий, организации школ, богаделен и госпиталей в заводских селениях, преобразуемых в горные города, где учреждались особые полиция и суд. Правила по отношению к частным заводам прописывались в контексте обязанностей Горного правления, его главы – берг-инспектора или заводского исправника, управлявшего полицией и осуществлявшего надзор за сбором горных податей и положением заводского населения. Желание усилить контроль над частной промышленностью реализовалось в обособлении от третьего – посессионного – сектора промышленности, составленного из тех владельческих заводов, которые пользовались «казенными пособиями». Они были поставлены в большую зависимость от горного начальства, чем заводы «помещичьи», обходившиеся без этих пособий. Приложениями к проектам стали штаты новых учреждений горного ведомства.

В обоих проектах Устава 1860-х гг. прослеживается отступление от бюрократического принципа построения кодекса, что вырази-

лось не только в сокращении объема проектов, но и в структуре, где условия функционирования владельческих и посессионных заводов были отделены от разделов по организации горного начальства. Другие структурные части были посвящены особым условиям производства «горного промысла» на «свободных казенных» или «общественных» землях, а также горным податям. Проект Горной комиссии оставил в ведении государства лишь управление казенными заводами и надзор над частными, на владение которыми были сняты сословные ограничения. В проекте Податной комиссии вовсе отсутствовали разделы о региональном горном управлении и ведомственном надзоре над частными заводами, которые предполагалось упразднить, что и повлекло негативное отношение к нему горных специалистов. Дополнениями к проектам стали согласованные Правила о выкупе посессионных заводов и Правила о продаже казенных заводов, что отразило позицию реформаторов по отношению к двум наиболее проблемным секторам горнозаводской промышленности.

Результаты подготовки реформ не могли не отразиться на особенностях их реализации. Первая началась с издания временного горного кодекса, относившегося к уральским заводам (и ограниченно к замосковным), и, как уже упоминалось, предусматривала его последующую коррекцию и распространение на другие регионы страны. Однако установленный срок испытания не был соблюден, поскольку он оказался недостаточным для всесторонней проверки эффективности преобразований. Поэтому частичные изменения осуществлялись в последующие годы отдельными законодательными актами, которые отменяли или дополняли установки Проекта.

Полноценный пересмотр Проекта горного положения был осуществлен лишь через 26 лет Вторым отделением императорской канцелярии, занимавшейся подготовкой свода законов Российской империи. В седьмой том свода 1832 г. и вошел обновленный кодекс горного законодательства под названием Горный устав, который распространялся уже на все регионы развития промышленности. В его основу был положен Проект 1806 г., что свидетельствует о взаимосвязи этих двух кодексов и единстве процесса реформирования. Сохранявшие свою актуальность установки Проекта и текущее законодательство по уральским заводам составили самую объемную первую «книгу» Устава. Причем ее структура не повторяла порядок Проекта, в частности в особых главах там были обобщены «права и

обязанности» частного и посессионного владения, окончательно утвердившиеся к тому времени. Вторая «книга» содержала правила ведения «горного промысла» за пределами Урала (в частности, на Кольванских и Нерчинских заводах, в 1830 г. временно переданных в управление горного ведомства, а также Замосковных, Олонецких, Луганском, грузинских и польских); третья посвящалась «проступкам и преступлениям, взысканиям и наказаниям за нарушение горных законов». За счет новых разделов объем Горного устава по сравнению с Проектом горного положения увеличился вдвое (до 1847 статей)⁴.

Последующие издания Свода законов в 1842 и 1857 гг. придали еще большее значение Горному уставу как общему кодексу российского горнозаводского законодательства. Количество его основных разделов – «книг» – увеличилось до пяти, причем уральским заводам отвели уже второе место после положений, относившихся к организации горного ведомства и его учебных заведений. Третью «книгу» составили заводы, «вне горной Уральской области состоящие». Самостоятельный раздел Устава отвели особым правилам динамично развивавшейся тогда добычи драгоценных металлов. Количество статей в этих редакциях Устава увеличилось до 2653, что почти в 3 раза превосходило объем Проекта Горного положения 1806 г. и было закономерным следствием регламентации, изначально положенной в основу преобразований⁵.

Реализацию горной реформы в 1860-е гг. тоже предполагалось начать с издания обновленного кодекса, но в силу указанных выше причин этого не произошло. При отсутствии согласованного проекта министр финансов М.Х. Рейтерн принял решение «изменять горные законоположения» не одновременно, а «по частям, по указанию опыта». Так горная реформа, которой предстояло стать одной из Великих реформ царствования Александра II, была исключена из их состава. Именно этот факт и стал причиной ее забвения как современниками, так и историками.

Однако, как показал анализ последующего законодательства, решение министра не остановило реформирование, а только растянуло его на неопределенное время и, самое главное, сохранило веду-

⁴ Свод законов Российской империи (СЗРИ). Изд. 1832 г. Т. 7. Устав Горный.

⁵ СЗРИ. Изд. 1842 г. Т. 7. Устав Горный; Изд. 1857 г. Т. 7. Устав Горный.

щую роль в этом процессе горного ведомства. Его высшие руководители, будучи активными участниками подготовки реформы, инициировали насущные преобразования еще во время работы Горной комиссии, ориентируясь на подготовленный ими проект. Путем издания отдельных законов до конца XIX в. были реализованы и другие его положения, касавшиеся организации региональных учреждений горного ведомства, освобожденных от прежних «непрофильных» (социальных, полицейских и судебных) функций, создания профессионального и специализированного горного надзора в лице окружающих инженеров, упрощенной налоговой системы и прочие. Были созданы и региональные общества горнозаводчиков, предложенные еще в начале XIX в., правда, связь их с преобразованиями была довольно слабой. Запланированные мероприятия, касавшиеся частичной приватизации казенного и ликвидации посессионного секторов промышленности, не были реализованы полностью, но все-таки привели к существенному сокращению их состава.

Завершающим актом такого варианта реформирования стал новый Горный устав, изданный в 1893 г. По своей структуре он напоминал дореформенный кодекс, дополненный правилами найма рабочих и безопасности горных работ, условиями ведения «промысла» в новых районах (в частности, Царстве Польском) и отраслях (нефтяной, янтарной, торфяной, каменноугольной). Дополнительно Устав избрал особые правила организации горной промышленности в регионах, остававшихся тогда в подчинении Военного министерства (Область войска Донского) и Министерства императорского двора и уделов (Алтайские и Нерчинские заводы). Его объем (1285 статей) сократился почти вдвое по сравнению с последним дореформенным Уставом 1857 г., но все-таки существенно превышал проекты 1860-х гг.⁶ Основное же отличие от тех инновационных проектов заключалось в его кодификационном характере, что сближало Устав 1893 г. с Уставами 1830–1850-х гг., которые не вводили новации, а только фиксировали их и таким образом как бы подводили итоги реформирования.

Проведя краткий сравнительный анализ двух горных реформ в России XIX в., отметим, что они отразили текущие потребности развития отрасли и соотносились с общим характером преобразований

⁶ СЗРИ. Изд. 1893 г. Т. 7. Устав Горный.

в стране в начале и середине века. Первая реформа разрабатывалась для стабилизации сложившегося положения в отрасли и устранения мешавших этому недостатков, что в соответствии с веяниями времени достигалось путем усиления государственного влияния при посредстве обновленного горного ведомства с расширенными полномочиями. Вторая реформа, наоборот, была направлена на ускоренное развитие отрасли в новых общественных условиях, сложившихся в ходе Великих реформ, и предложила два варианта ее обновления: традиционный, учитывавший накопленный опыт, но включавший освобождение от устаревших или утративших свое значение функций, норм и институтов при сохранении контроля государства посредством рационально устроенного отраслевого управления, и радикальный, рвущий с традицией и предполагавший ликвидацию горного ведомства и его надзора над частной промышленностью, освобожденной от государственной «опеки». При этом оба эти проекта укладывались в либеральный контекст той эпохи, а их различия объясняются составом участников подготовки.

Результаты подготовки реформ определили особенности двух вариантов их реализации. Первая – объявленная и имевшая исходный законодательный акт – через предусмотренный период апробации в одном металлургическом регионе была скорректирована и распространена на другие регионы развития промышленности в течение первой половины XIX в. Вторая – необъявленная и не имевшая утвержденного плана – раздробилась на части и заняла вторую половину века, реализуясь все-таки по одному из предложенных вариантов. При всех своих различиях оказалось, что обе реформы осуществлялись не путем кардинальной ломки сложившейся организации горнозаводской промышленности, а постепенными шагами, более предпочтительными для таких сложных структур, какой являлась эта важная отрасль российской экономики.

В итоге обе реформы достигли своих целей. Результатом первой стал стабилизационный период развития промышленности, когда она функционировала в рамках сложившихся казенных и частных округов под усиленным контролем горного ведомства. Однако соответствовавшие такой организации медленные темпы роста производства привели в первой половине XIX в. к отставанию России от динамично развивавшихся европейских стран и утрате ею своего лидирующего положения. Результатом второй реформы стал период

бурного роста промышленности и ее распространения как в старых, так и особенно в новых металлургических районах, в первую очередь за счет частного предпринимательства. Оно находилось под специализированным ведомственным государственным надзором, но получило больше экономической свободы, что способствовало разворачиванию индустриализации и усилению роли России в мировой экономике во второй половине XIX – начале XX в.

Литература

Актеры российской имперской модернизации (XVIII – начало XX в.): региональное измерение. Екатеринбург: Банк культурной информации, 2016. 316 с.

Арсентьев Н.М. Московское горное правление в истории российской индустриализации. Саранск: Изд. центр ИнСтИтут, 2019. 211 с.

Иванов П.А. Краткая история управления горной частью на Урале. Екатеринбург: хромо-лито-тип. К.К. Вурм, 1900. 72 с.

Ишутова О.Н. Административные реформы 60–70-х гг. XIX в. в горном ведомстве России и их реализация на Южном Урале: дис. ... канд. ист. наук. Уфа, 1999. 226 с.

Лоранский А.М. Краткий исторический очерк административных учреждений горного ведомства в России. 1700–1900 гг. СПб.: тип. инж. Г.А. Бернштейна, 1900. 207 с.

Манин В.А. Реформа горнозаводской промышленности Российской империи в начале XIX в.: особенности правового оформления и институционального обеспечения // Российская история. 2020. № 5. С. 45–58.

Неклюдов Е.Г. Горная реформа в России второй половины XIX – начала XX в.: от замысла к реализации. СПб.: Нестор-История, 2018. 576 с.

Неклюдов Е.Г. Посессионное право в истории уральской горнозаводской промышленности XIX – начала XX в. Екатеринбург: УрО РАН, 2011. 274 с.

Рукосуев Е.Ю., Тулисов Е.С. «Историческая записка о состоянии горной администрации» в 1806–1861 гг. и реформа горного законодательства в начале 60-х гг. XIX в. // Уральский исторический вестник. 2001. № 7. С. 375–395.

Зубков К.И., Корепанов Н.С., Побережников В.И., Тулисов Е.С. Территориально-экономическое управление в России XVIII – начала XX в.: Уральское горное управление. М.: Наука, 2008. С. 289–293.

А.М. Мариупольский

**РОЛЬ И МЕСТО ВИНОКУРЕНИЯ
В ЭКОНОМИЧЕСКОМ РАЗВИТИИ ЗАПАДНОЙ СИБИРИ
ВО ВТОРОЙ ПОЛОВИНЕ XIX ВЕКА**

A.M. Mariupolsky

**THE ROLE AND PLACE OF DISTILLING
IN THE ECONOMIC DEVELOPMENT OF WESTERN SIBERIA
IN THE SECOND HALF OF THE NINETEENTH CENTURY**

Аннотация. Данная статья посвящена весьма специфической отрасли экономики Западной Сибири, а именно винокурению, т.е. производству спирта. Винокуренное производство наряду с виноторговлей создавало благоприятные условия для формирования и укрепления товарно-денежных отношений, ускоряло процесс первоначального накопления капиталов и способствовало социально-экономическому развитию региона. Хронологические рамки статьи охватывают вторую половину XIX в. При работе над данной статьей автор использовал как архивные данные, так и сведения, содержащиеся в опубликованных источниках, а также работах других исследователей. Географические рамки работы ограничиваются Западной Сибирью.

Ключевые слова: Западная Сибирь, винокурение, капиталы, спиртоводочное производство, предприниматели.

Бурный рост капитализма в России после реформы 1861 г. постепенно охватил все стороны народного хозяйства страны, включая промышленность и сельское хозяйство. Углубление и расширение капиталистических отношений на основе действия рыночных законов объективно способствовали подъему экономики не только в центральных районах России, но и на ее окраинах.

Социально-экономические условия Западной Сибири в начале 60-х гг. XIX в. не назовешь благоприятными в отношении становления и развития промышленного производства. Удаленность от центра страны при слабо развитой транспортной инфраструктуре и

фактическом отсутствии серьезной машиностроительной базы, нехватка капиталов и острый недостаток квалифицированных кадров – эти и многие другие факторы отрицательного характера делали основание и открытие в регионе промышленных предприятий весьма сложным и трудным делом. Эти специфические условия определили экономическую направленность местной обрабатывающей промышленности, ориентированной преимущественно на переработку продуктов сельскохозяйственного производства. В результате одной из наиболее развитых отраслей обрабатывающей промышленности края стало винокурение.

В середине 60-х гг. XIX в. в крае начинает быстро развиваться частное спирто-водочное производство. Этому в значительной степени способствовали два важных момента, а именно – наличие значительных излишков товарного зерна и близость рынка сбыта для производимой продукции. Важным стимулирующим фактором в развитии сибирского винокурения стало введение в России и в частности в Сибири так называемой акцизной системы. Благодаря этой инициативе государства винокуренное производство стало областью свободного предпринимательства. Данное обстоятельство предопределило коренную перестройку винокуренной промышленности как в Сибири вообще, так и в Западной Сибири в особенности.

К 1 января 1863 г. (установление акцизной системы в Сибири) на территории Западной Сибири имелось три работающих винокуренных завода, а уже к концу первого десятилетия действия в Западной Сибири акцизной системы оба казенных винокуренных завода прекратили свое производство. Произошло это в результате того, что вновь образовавшиеся в Западной Сибири частные заводы привели к краху казенного винокурения, основанного на принудительном труде, который оказался нерентабельным¹.

Количество частных винокуренных заводов в Западной Сибири в 60-е гг. XIX в. росло стремительно. На 1863 г. их было всего 3, в 1864 г. их насчитывалось уже 11, в 1865 – 14, в 1866 – 17. В 1866 г. на них было выкурено 1 585 945 ведер сорокаградусного вина². К 1873 г. число заводов выросло до 30, общий объем выкурки составил 1 903 151 ведро вина 40°, а сумма произведенной продукции соста-

¹ Российский государственный исторический архив (РГИА). Ф. 574. Оп. 2. Д. 146. Ч. 1. Л. 579–585.

² Памятная книжка Тобольской губернии на 1861 и 1862 гг. С. 86–87.

вила 2 501 648 руб. при численности рабочих 1619 чел.³ Особенно быстро частное винокурение развивалось в Томской губернии, более благоприятной в сельскохозяйственном отношении. В 1865/1866 гг. сумма произведенной продукции винокуренных заводов Томской губернии равнялась 825 634 руб., а к 1873 г. этот объем в денежном выражении вырос до 1 739 766 руб. Таким образом, за десятилетие (1863–1873 гг.) количество винокуренных заводов в Западной Сибири выросло в 10 раз (с 3 до 30), в Томской губернии – в 16 раз (с 1 до 16), в Тобольской губернии – в 14 раз (в 1863 г. – 2).

Стремительный рост частного винокуренного производства был характерен не только для Западной Сибири, но и для всего Сибирского региона. Так, в 1865/1866 гг. в Западной Сибири было выкурено 1 585 945 ведер вина крепостью в 40°, а через 30 лет в 1896 г. (т.е. к концу XIX в.) – 1 816 153 ведра. В денежном выражении с 1866 по 1896 г. производство продукции возросло с 1 981 229 до 3 085 916 руб., т.е. почти на 56 % [Мариупольский, 2000. С. 139.]. При этом важно уточнить, что ближе к концу XIX в. общие объемы производства хлебного вина в Западной Сибири несколько снизились, пиковый период приходился на 80-е гг. этого столетия. Причин было несколько. В частности, следует отметить, что прекратили свое существование казенные Успенский и Екатерининский заводы, основанные на каторжном труде. Их суммарная мощность равнялась производству 800 тыс. ведер вина в год, но примитивная технология и низкое качество продукции, а также невозможность использовать бесплатный труд ссыльно-каторжных рабочих сделали их неконкурентоспособными. Рост же стоимости продукции объяснялся, в том числе, и ростом акцизного налога, который увеличился с 4 до 7 коп. за 1° выкуренного спирта (1873 г.), т.е. на 75 %. Кроме того, к концу XIX в. начал действовать западносибирский участок Транссибирской железнодорожной магистрали, что заметно увеличило приток спиртоводочной продукции из европейской части России, особенно это касалось элитных сортов водок, настоек и коньяка. Это создавало достаточно заметную конкуренцию местным производителям.

Следует отметить, что важным фактором, оказавшим большое влияние на рост сибирского винокурения, была ориентация здешнего сельского хозяйства исключительно на внутренний рынок в

³ Адрес-календарь Западной Сибири на 1875 год. Омск, 1875. С. 59. Приложение.

силу невозможности при тогдашнем состоянии транспорта и больших расстояний наладить вывоз сибирского хлеба не только за границу, но и в европейскую часть России. Таким образом, широкое развитие винокурения в Западной Сибири во второй половине XIX в. стало возможным также благодаря росту сельскохозяйственного производства и наличию, как следствие этого роста, излишков товарного зерна. В то же время вновь устроенные винокуренные заводы стали, в свою очередь, одним из основных потребителей хлеба в регионе, что существенно расширяло рынок сбыта сельскохозяйственной продукции (растениеводства) и развивало товарно-денежные отношения в деревне.

Удаленное положение от центра страны, нехватка капиталов, транспортные проблемы, низкий уровень товарно-денежных отношений не способствовали быстрому развитию капитализма в Западной Сибири. В этих условиях винокуренное производство являлось одним из основных источников накопления капитала. Высокая прибыльность винокуренных предприятий давала возможность их владельцам вкладывать деньги в другие производства, а именно – в мукомольное, пивоваренное, водочное, стекольное и др.

На протяжении практически всей второй половины XIX в. развитие западносибирской обрабатывающей промышленности шло вширь, и только к концу века здесь стал наблюдаться процесс совершенствования и концентрации. Еще в середине 80-х гг. XIX столетия винокурение одним из первых в регионе встало на путь интенсификации производства и внедрения новых технологий. К середине 90-х гг. позапрошлого столетия использование паровых двигателей, паровых насосов и ректификационных колонн на западносибирских винокуренных заводах стало почти повсеместным. Причем целый ряд предприятий мог похвастаться первоклассным импортным оборудованием. В целом можно отметить, что переход от мануфактуры к фабрике завершился в этой отрасли обрабатывающей промышленности в начале 90-х гг. XIX в. В этой связи примечательно, что это произошло еще до окончания строительства западносибирского участка Транссибирской магистрали. Важно подчеркнуть, что, в отличие от других производств, становление фабрики в винокурении происходило в большинстве случаев на основе развития бывших мануфактур, многие из которых были основаны еще в 60-х гг. XIX в.

Устойчивое развитие винокуренной промышленности Западной Сибири способствовало и формированию местной буржуазии. Такие предприниматели-винопромышленники, как А.Ф. Поклевский-Козелл, братья Злоказовы, братья Ерофеевы, отец и сын Платоновы, Сыромятников, братья Ворсины и некоторые другие, выросли к концу XIX в. в крупных предпринимателей региона. Их капиталы исчислялись десятками и сотнями тысяч рублей [Дмитриев, 1993. С. 244; Бойко, 2009. С. 42–43].

В заключение хотелось бы отметить, что именно частно-капиталистическое предпринимательство способствовало превращению винокуренного производства в передовую отрасль обрабатывающей промышленности Западной Сибири во второй половине XIX в.

Литература

Бойко В.П. Купечество Западной Сибири в конце XVIII–XIX в. Очерки социальной, отраслевой и ментальной истории. Изд. 2-е, испр. и доп. Томск: Изд-во ТГАСУ, 2009. 308 с.

Дмитриев А. Поклевские-Козелл. Урал, 1993. № 11. С. 234–259.

Крестьянство Сибири в эпоху капитализма. Новосибирск: Наука, 1983. 399 с.

Мариупольский А.М. Винокурение и виноторговля Западной Сибири в период действия акцизной системы. Барнаул: Изд-во АГУ, 2000. 159 с.

Т.И. Андреева

**ГОСУДАРСТВЕННАЯ ПОЛИТИКА И ЧАСТНАЯ
ИНИЦИАТИВА В ИНВЕСТИЦИОННО-СТРОИТЕЛЬНЫХ
ПРОЕКТАХ ЖЕЛЕЗНОДОРОЖНОГО ОСВОЕНИЯ
АЗИАТСКОЙ РОССИИ В КОНЦЕ XIX – НАЧАЛЕ XX ВЕКА**

T. I. Andreeva

**STATE POLICY AND PRIVATE INITIATIVE IN INVESTMENT
AND CONSTRUCTION PROJECTS OF RAILWAY
DEVELOPMENT IN ASIAN RUSSIA IN THE LATE
NINETEENTH AND EARLY TWENTIETH CENTURIES**

Аннотация. Статья посвящена рассмотрению одного из аспектов истории транспортного освоения Азиатской России на примере взаимодействия государства и частного сектора экономики в сфере железнодорожного строительства на рубеже XIX–XX вв. Актуальность проблемы становления и развития государственно-частного партнерства определялась влиянием изменений в структуре народного хозяйства. Государство инициировало, финансировало и руководило магистральным сообщением при возведении и эксплуатации Транссибирской, Среднеазиатской (Закаспийской и Самарканд-Андижанской) и Оренбург-Ташкентской магистралей, а также поддерживало и контролировало частное железнодорожное строительство общей колеи нормального пользования Сибири и Туркестана.

Ключевые слова: Азиатская Россия, железнодорожный транспорт, государственно-частное партнерство, предпринимательство.

В конце XIX – начале XX в. правительство Российской империи в области железнодорожной политики придерживалось смешанной системы, направленной на одновременное развитие казенного и частного проектирования, строительства и эксплуатации линий. Железные дороги оказали определяющее воздействие на экономическое, социальное и культурное развитие обширных территорий. Была преодолена замкнутость регионов, видоизменился традиционный уклад жизни, ускорился процесс урбанизации. Железнодоро-

рожный транспорт имел и сегодня сохраняет большое значение для государства и общества, являясь постоянно развивающейся инфраструктурой, которая имеет собственную историческую, пространственную и технологическую оформленность и является важнейшим ресурсом страны в экономике, жизни общества, политико-управленческом процессе и отстаивании национальных интересов.

Транспорт всегда был и остается фактором единства и безопасности, особенно в таком государстве, как Российская империя конца XIX – начала XX в., и особое значение приобретало развитие путей сообщения с относительно изолированными восточными окраинами. Проблема проектирования и строительства сети железных дорог Сибири, Дальнего Востока и Туркестана независимо от казенного или частного способа строительства возникла еще в дореформенный период. Различными лицами и учреждениями было предложено несколько десятков проектов, но наибольшее количество их было связано с объективной необходимостью установления всепогодного бесперебойного сообщения центра страны с отдаленными территориями. Являясь одним из важнейших средств укрепления могущества в контексте проблем военной безопасности Российского государства, железнодорожный транспорт играл исключительно важную роль в проведении потенциальных боевых операций и охране государственной целостности.

Первым примером военно-стратегической доминанты в транспортном освоении Азиатской России являлось возведение казенной Закаспийской железной дороги, построенной в 1880–1890-х гг. российскими железнодорожными батальонами от порта Узун-Ада на побережье Каспийского моря до располагавшегося в небольшом отдалении Красноводска, а затем трасса шла на Самарканд с боковыми ветвями на Мерв – Кушку – Торгунди. Как известно, первая Ахалтекинская экспедиция, предпринятая в 1879 г., закончилась неудачей. Задержка с проведением второй экспедиции могла ослабить позиции России не только в Закаспии, но и в Бухарском, Хивинском ханствах, и в военно-стратегических целях началось проведение Закаспийской железной дороги. В 1899 г. линия была отстроена до Ташкента и передана из ведения Военного министерства в Министерство путей сообщения Российской империи. С постройкой военно-стратегической Закаспийской железной дороги, ставшей основой сети, позиции России были упрочены, и факт возведения этой линии стал первым мас-

штабным опытом железнодорожного освоения Туркестана. Дорога оказала большое влияние и на местное население. Именно русские железнодорожники заслужили высокую оценку Е.Л. Маркова – писателя, путешественника, этнографа, очевидца событий строительства Закаспийской железной дороги: «Что после этого оставалось невозможным для русского? Народ, который на своем огненном шайтане переносится как на крыльях птицы через необозримую вековую пустыню, через непроходимые безводные пески, не нуждаясь ни в колдовцах Аллаха, ни в молитвах дервишей – чего не победит он, перед чем остановится?» [Марков, 1901. С. 312].

В этот же период на средства государства строилась Самарканд-Андижанская линия с ветвями на Ташкент и Маргилан. Эту дорогу в 1898 г. переименовали в Среднеазиатскую и в 1899 г. ее передали Управлению Закаспийской железной дороги с присвоением объединенным линиям названия Среднеазиатской. С 1900 г., также на средства казны, началось строительство дороги Оренбург – Ташкент, одновременно начатое с двух конечных станций. Постройка завершилась в 1906 г., когда была проведена стыковка Оренбург-Ташкентской и Среднеазиатской (Закаспийской и Самарканд-Андижанской) линий у станции Ташкент. Включение этих железнодорожных трасс магистрального типа во всероссийскую сеть позволило расширить и укрепить активную сферу влияния на территории Туркестана.

Вторым грандиозным примером железнодорожного строительства в Азиатской России является возведение Великой Сибирской железной дороги на средства государства. Россия на переломе XIX–XX вв. – мощная евразийская держава. В ее истории и ранее наблюдались сдвиги на Восток. В конце XIX в. возникли новые причины этого явления. В мировых взаимоотношениях и связях проявились тенденции силового противостояния не отдельных стран, а целых союзов, соперничество между которыми вело к опасным напряжениям и войнам. В этой связи стали проявляться экономико-географические и геополитические интересы стран, стремившихся к приоритетному положению на мировой арене. В условиях обострения внешнеполитической ситуации на Дальнем Востоке задача возведения магистрали все более актуализировалась, и главные доводы, положенные в обоснование идеи строительства Транссиба, формировались вне связи с объективными задачами экономического развития Сибири.

Основной причиной реализации этого проекта была военно-стратегическая необходимость, а задачи развития рыночных связей, роста товарности народного хозяйства, экономического освоения территорий в условиях переселенческой революции считались второстепенными. Великая Сибирская железная дорога была отстроена в 1891–1916 гг. от Челябинска до Владивостока на средства казны, и в принципе железнодорожное строительство в Сибири появилось не раньше, чем этого потребовали военно-стратегические интересы страны на Дальнем Востоке [Зиновьев, 2003. С. 191; Тимошенко, 2007. С. 226–227]. После возведения главной дороги большой страны – Транссибирской магистрали – государственное железнодорожное строительство в Сибири практически не прекращалось. Оно было неразрывно связано с дальнейшим социально-экономическим развитием края и включало в себя строительство путей, дополнявших уже существовавшую и активно работавшую магистраль. Были проложены ответвления Тайга – Томск, Китайский разъезд – Маньчжурия, Бочкарёво – Благовещенск, Рухлово – Рейново, Уссурийск – Пограничный (Гродеково) и др.

Бесспорное доминирование государства, которое инициировало, финансировало и руководило проектированием, железнодорожным строительством и эксплуатацией, обусловило конфигурацию магистралей Азиатской России, призванных решать в первую очередь военно-стратегические задачи. В конце XIX – начале XX в. Транссибирская, Среднеазиатская и Оренбург-Ташкентская магистрали составляли транспортную инфраструктуру, обладавшую определенными возможностями. И в контексте проблем военной безопасности страны государственная железнодорожная сеть Азиатской России не имела альтернативы в осуществлении перевозок в ее пространственных и климатических условиях. С окончанием периода магистрального строительства, открывшего возможности приобщения громадных территорий к капиталистическому рынку и широкий доступ к их освоению, активизируется деятельность столичной Комиссии о новых железных дорогах, порайонных комитетов и особых совещаний при генерал-губернаторах. Судьбы проектов новых железных дорог Азиатской России зависели от изменений правительственной политики в военной, аграрной, торговой, тарифной областях.

Концепция, т.е. в данном процессе конструктивный принцип формирования экономико-географической структуры становления и развития железнодорожной сети по производственно-экономическому принципу, была сформирована в 80–90-х гг. XIX в., по определению С.Ю. Витте, считавшего, что наиболее рациональной мерой для урегулирования конкуренции в транспортном освоении российских пространств является путь подразделения сети на самостоятельные в экономическом отношении группы. Совместно с министром финансов И.А. Вышнеградским им был разработан план по укрупнению дорог и созданию больших железнодорожных объединений с совместным капиталом государства и частных компаний. В год начала строительства Транссибирской магистрали И.А. Вышнеградский писал министру путей сообщения А.Я. Гюбенетту: «...опыт эксплуатации русской рельсовой сети доказал, что дороги могут быть эксплуатируемы с выгодой лишь по объединению их в большие удачно выбранные группы или сеть»¹. Широкий размах железнодорожного строительства и его высокая капиталоемкость требовали привлечения частных капиталов на длительное время. Это создавало объективные условия для совершенствования материально-организационных контактов между правительством и частными предпринимателями.

Рыночные отношения, которые как система активно формировались с 60-х гг. XIX в., носили печать государственного повеления в сфере железнодорожного предпринимательства, появление и генезис которого свидетельствовали о степени продвижения государства и общества по пути модернизации. Россия по определению протяженности стальных магистралей в 1890 г. занимала 5-е место в мире, а в 1900 г. – 2-е [Хромов, 1960. С. 211]. Практика железнодорожного строительства показала, что по состоянию государственных финансов и в особенности государственного кредита в ресурсах казны невозможно найти достаточных средств для обеспечения путем одного лишь казенного строительства развития рельсовой сети страны. Быстрый рост потребностей в связи со значительными увеличениями ассигнований на военные нужды, народное образование, переселенческое дело и т.д. не позволял надеяться на оборудо-

¹ Российский государственный исторический архив (РГИА). Ф. 268. Оп. 3. Д. 300. Л. 19.

вание страны новыми дорогами с помощью текущих государственных доходов.

В России в начале XX в. акционерные общества являлись наиболее развитой формой организации капиталистических предприятий, вступавших в союз для совместного предпринимательства. В железнодорожном транспорте, помимо акционерных обществ железных дорог, было создано акционерное общество для содействия как строящимся, так и эксплуатируемым линиям в производстве строительных и ремонтных работ, а также для снабжения их подвижным составом, источниками энергии и эксплуатационным оборудованием. В качестве учредителей общества выступили барон В.В. Меллер-Закомельский и инженер путей сообщения В.А. Нагордский². Сложившиеся в промышленности и на железнодорожном транспорте развитые капиталистические отношения создали в начале XX в. условия по формированию акционерных обществ для строительства железных дорог. В результате к ноябрю 1917 г. в России уже насчитывалось 58 акционерных обществ, ведавших делами эксплуатируемых и разрешенных к постройке линий [Журавлев, 1980. С. 62].

В Азиатской России в десятые годы XX столетия развернулась деятельность частных акционерных обществ Алтайской (Новониколаевск – Семипалатинск с веткой Алтайская – Бийск), Ачинско-Минусинской (Ачинск – Минусинск), Кольчугинской (Юрга – Кольчугино с веткой Топки – Кемерово), Кулундинской (Татарская – Славгород), Троицкой (Троицк – Кустанай), Семиреченской (Арысь – Пишпек с ветками на Токмак и Верный), Ферганской (Коканд – Наманган), Бухарской (Каган – Карши – Термез с веткой Карши – Китаб) железных дорог и Южно-Сибирской магистрали, грандиозный проект которой был окончательно утвержден 24 февраля 1917 г. по направлению Акмолинск – Павлодар – Барнаул с ветками на Семипалатинск и Экибастуз [Андреева, 2017. С. 16; Андреева, 2021. С. 76, 194]. Все девять частных железных дорог Азиатской России находились в орбите влияния государственных магистралей, что создавало объективные условия для складывания и развития материально-организационных отношений между правительством и частными предпринимателями.

По апробированной общероссийской практике акционерные общества, созданные для строительства частных железных дорог в

² РГИА. Ф. 80. Оп. 1. Д. 63. Л. 11, 12; РГИА. Ф. 616. Оп. 1. Д. 422. Л. 292.

Азиатской России, изыскивали средства прежде всего через гарантированные правительством облигационные займы, которые размещались в основном во Франции и Великобритании. По сути, займы государства, заключающиеся непосредственно от имени государства и за его счет, и займы, которые заключались частными обществами с ручательством государства за исправность платежей, были тождественны. Правительство маскировало государственные долги за счет облигационных займов, гарантированных казной, ввиду острой необходимости притока иностранного капитала. Расчетный баланс России был неизменно пассивен ввиду огромной внешней задолженности. И при остановке притока иностранного капитала образовывалась утечка за границу российского золота, что не могло не привести к ослаблению рубля. Уход денег из России неизбежно вел к замедлению темпов экономического развития, к падению государственных доходов. Это заставляло привлекать иностранный капитал. А гарантированные железнодорожные займы — это абсолютно верное и надежное помещение капитала. И за границей к российским железнодорожным займам относились с большим доверием. Правительство, идя по пути расширения железнодорожного строительства за счет иностранных займов, стремилось упорядочить их получение и жестко контролировать финансовую ситуацию на рынке ценных бумаг.

В частном железнодорожном бизнесе Азиатской России деятельность государства и предпринимателей укладывалась в рамки делового партнерства. Акционерные общества находились под компетентным надзором министерств путей сообщения (МПС), военного, финансов, государственного контроля. Принятие решений по организации железнодорожного сообщения в пределах Российской империи происходило в МПС, которое являлось крупным государственным учреждением. МПС ко времени Февральской революции 1917 г. состояло из Совета министра, Совета по железнодорожным делам, Инженерного совета, Управлений: железных дорог, по сооружению железных дорог, внутренних водных путей, шоссейных дорог, Инспекции императорских поездов, Отдела по испытанию и освидетельствованию заказов министерства и паровых котлов на судах, Отдела статистики и картографии, Учебного отдела, Комитета заготовлений, Временного распорядительного комитета по железнодорожным перевозкам, Временного распорядительного комитета

по водным перевозкам, Главного комитета по охране железных дорог, Центрального комитета по регулированию массовых перевозок по железным дорогам, канцелярии. Как видно из названий подразделений МПС России, приоритетное положение занимали железнодорожники по причине всевозрастающего значения стальных магистралей в транспортном обеспечении страны. Незадолго до Февральской революции, в ноябре 1916 г., при МПС была образована Комиссия о новых железных дорогах, а в составе Управления по сооружению железных дорог – особый отдел, предназначенный для рассмотрения вопросов, связанных с разработкой планов нового строительства. Председателем Комиссии являлся министр путей сообщения [Сенин, 1993. С. 9, 11, 12, 17].

Государственный контроль Российской империи – орган Кабинета министров осуществлял контрольно-счетные и наблюдательные функции в области прихода, расхода и хранения капиталов. При одном из самых компетентных и уважаемых министров Думского времени Государственном контролере П.А. Харитонове ведомство превратилось в практически всеохватный орган финансового контроля. Министры путей сообщения С.В. Рухлов, А.Ф. Трепов, А.Б. Кригер-Войновский, Н.В. Некрасов, Г.С. Тахтамышев и другие были обязаны работать с представителями Госконтроля в тесном контакте. Среди центральных ревизионных учреждений Госконтроля был сформирован Департамент железнодорожной отчетности, возглавляемый Генерал-контролером. В делопроизводственной документации Алтайской и Кулундинской железных дорог отражен процесс предоставления этим акционерным обществам права свободно распоряжаться облигационным строительным капиталом, гарантированным казной, но при обязательном участии в рассмотрении расценок ведомостей представителей Госконтроля. На Алтайской дороге функции Госконтроля осуществлял инженер-путеец Н.А. Лобарев, на Кулундинской – инженер-путеец А.С. Мирошников³. Строительство Ферганской железной дороги было под государственным надзором, который осуществляли высококвалифицированные инженеры-путейцы из органов Правительственной инспекции и Госконтроля В.В. Парский, И.И. Крамфус, И.И. Смугге⁴.

³ РГИА. Ф. 391. Оп. 4. Д. 2080. Л.85; РГИА. Ф. 616. Оп. 1, Д. 472. Л. 114; Жизнь Алтая. 1913. 28 апр.

⁴ Отчет по сооружению линии Коканд – Наманган. СПб., 1913. С. 1.

Государственная политика и частная инициатива в инвестиционно-строительных проектах железнодорожного освоения Азиатской России складывались и развивались в период формирования конструктивного принципа создания экономико-географической структуры нового технологического типа. Государство инициировало, финансировало и руководило магистральным сообщением, а также поддерживало и вместе с тем компетентно и жестко контролировало частное железнодорожное предпринимательство. Решение задачи перспективного транспортного освоения Азиатской России в условиях государственно-частного партнерства имело положительное значение для общего социально-экономического прогресса страны в ходе индустриализации, являющейся стержнем модернизационных перемен в России в конце XIX – начале XX в.

Литература

Андреева Т.И. Формирование и деятельность акционерного общества Троицкой железной дороги на территории Северного Казахстана и Южного Урала // Известия Алтайского государственного университета. Исторические науки и археология. 2017. № 2 (94). С. 15–20.

Андреева Т.И. Частный железнодорожный транспорт Сибири. Барнаул: АлтГПУ, 2021. 276 с.

Зиновьев В.П. Особенности перехода Сибири от аграрного общества к индустриальному // Сибирское общество в контексте модернизации XVIII–XX вв.: сборник материалов конференции. Новосибирск: РИЦ НГУ, 2003. С. 185–193.

Журавлев В.В. Национализация частных железных дорог в СССР // Исторические записки. М.: Наука, 1980. Т. 86. С. 57–132.

Марков Е.Л. Россия в Средней Азии: Очерки путешествий по Закавказью, Туркмении, Бухаре, Самаркандской, Ташкентской и Ферганской областям, Каспийскому морю и Волге: в 2 т. СПб.: Тип. М.М. Стасюлевича, 1901. Т. 1. 544 с.

Сенин А.С. Министерство путей сообщения в 1917 году: Краткий исторический очерк. М.: ГосНИТИ, 1993. 170 с.

Тимошенко А.И. Урало-Сибирский регион – проекты индустриализации в конце XIX – начале XX вв. // Урал индустриальный. Бакунинские чтения: материалы VIII Всерос. науч. конф.: в 2 т. Екатеринбург, 2007. Т. 1. С. 226–229.

Хромов П.А. Очерки экономики России периода монополистического капитализма. М.: Изд-во ВПШ и АОН, 1960. 240 с.

Е.В. Демчик, М.В. Мамзин

**К ВОПРОСУ ОБ УЧАСТИИ ИНОСТРАННОГО КАПИТАЛА
В ИНДУСТРИАЛЬНОМ РАЗВИТИИ РОССИЙСКИХ
РЕГИОНОВ (НА МАТЕРИАЛАХ КОНЦЕССИОННОЙ
ДЕЯТЕЛЬНОСТИ НА АЛТАЕ В НАЧАЛЕ XX ВЕКА)**

E.V. Demchik, M.V. Mamzin

**ON THE ISSUE OF THE PARTICIPATION OF FOREIGN
CAPITAL IN THE INDUSTRIAL DEVELOPMENT OF RUSSIAN
REGIONS (BASED ON THE MATERIALS OF CONCESSION
ACTIVITIES IN ALTAI AT THE BEGINNING
OF THE XX CENTURY)**

Аннотация. Индустриальное развитие ряда российских регионов начала XX в. во многом связано с иностранными инвестициями. Привлечение зарубежного капитала, в том числе в концессионном формате, сопровождалось внедрением новых технологий в промышленное производство. В статье анализируется процесс внедрения технологических инноваций в производственные процессы на иностранных концессионных предприятиях, действовавших на Алтае в начале XX в.

Ключевые слова: концессии, иностранные предприятия, индустриализация, экономическая история.

На рубеже XIX–XX вв. Россия вступила в период активного экономического роста, сопровождавшегося стремительным развитием промышленности. В этой связи особое значение приобретало привлечение иностранного капитала, способного обеспечить доступ к передовым технологиям и ресурсам. Вопросы привлечения частных инвестиций в контексте развития отечественной промышленности по-прежнему актуальны и требуют внимательного изучения. Анализ исторического опыта, в частности опыта концессионной деятельности на Алтае, позволяет выработать эффективные механизмы для привлечения дополнительных капиталов в регион.

Современная историческая наука на данный момент пребывает в состоянии поиска ответов на вопросы о результативности и продуктивности концессионных предприятий в уникальных условиях российской экономики. Количество специализированных исследований, посвященных тематике иностранных предприятий, невелико. В историографии вопроса особое место занимают работы региональных историков В.А. Скубневского [Скубневский, 2003. С. 223–232], Ю.С. Дьяченко [Дьяченко, 2013. С. 368–380] и М.С. Немцева [Немцев, 2007]. В работах указанных авторов представлены как свидетельства функционирования отдельных концессий на территории рудного Алтая, так и аналитика материалов государственно-частного партнерства на основе концессионных соглашений. Однако в рамках тематической научной литературы отсутствуют комплексные исследования, освещающие действительные результаты иностранных инвестиций в региональную индустриализацию. На основе архивных материалов в статье рассмотрены результаты внедрения модернизированных технологий в производственные процессы иностранных концессионных предприятий на Алтае в начале XX столетия. Основное внимание уделено дореволюционному этапу привлечения и реализации зарубежных проектов в горнопромышленной сфере.

Начиная с пореформенного периода, вопросы модернизации периферийных районов страны актуализируются перед имперской властью. Принятие соответствующих законов свидетельствовало о том, что кабинетская промышленность во второй половине XIX в. уже была не способна продолжать монопольное развитие региональной промышленности. Указы от 11 марта 1862 г. и от 24 мая 1870 г. регламентировали допуск частных предпринимателей в сферу частной золотодобычи. С указанного времени допуск к золотодобыче предоставлялся лицам всех состояний, не имевших ограничений по правоспособности. В состав промышленников могли войти как представители российского, так и иностранного предпринимательства, чем обеспечивалось увеличение доступной базы потенциальных соискателей на золотоносные площади империи¹.

¹ Полное собрание законов Российской империи (ПСЗРИ). Том 45 (1870). Часть 1. СПб.: Тип. 2-го Отд-ния Собств. ее императ. величества канцелярии, 1874. С. 679–680.

По условиям законодательных актов алтайские месторождения имели особый правовой статус. Земли находились в составе кабинетского имущества, поэтому не могли быть переданы в собственность промышленнику. Альтернативный вариант предполагал взаимодействие на концессионной основе, т.е. предпринимателю передавалась во временное пользование интересующая его ресурсная база. Подобная практика получила высокий отклик от отечественных концессионеров-соискателей, но массовый приток иностранного капитала начинает проследиваться лишь к началу XX в. Чиновники Кабинета его императорского величества, уже имеющие специфический опыт заключения государственно-частных договоров, в промежутки с 1900 до 1917 г. подписывают ряд концессионных соглашений. При их анализе обнаруживается общее сходство и стандартизация отдельных пунктов государственно-частной документации, например оговариваются сроки, территориальные границы концессии, а также права и обязанности иностранных предпринимателей [Мамзин, 2023. С. 103].

Вопросы налогообложения и податей зарубежных предприятий имеют особое значение в рамках рассматриваемой в статье темы. Концессионеров обязывали, помимо ежегодных денежных выплат, передавать «натурою» определенный процент с добываемых ресурсов: в зависимости от видов золота от 8 до 10 %² и 1–2 % от прочих извлекаемых металлов. При этом в соглашениях фиксировалось, что объем натуральной подати снижался вдвое, если промышленник применяет усовершенствованные химические способы добычи драгоценного металла, внедряет методику вагонной откатки или использует усовершенствованное улавливающее и промывательное оборудование. Кабинет еще на этапе договоренностей стимулировал концессионера на активное пользование современными методиками горнодобывающей промышленности. Схожие условия проследиваются и в концессионных соглашениях периода нэпа. При внедрении новых методов добычи ресурса или ускоренном строительстве производственно-перерабатывающих комплексов долевое отчисление от добытых ресурсов снижалось с 6 до 5,5 %³. Таким образом, наблюдается готовность правительственных органов Россий-

² Государственный архив Алтайского края (ГААК). Ф. 160. Оп. 4. Д. 105. Л. 1.

³ ГААК. Ф. Р-100. Оп. 2. Д. 12. Л. 29–31.

ской империи и СССР уйти от возможности получения повышенного дохода в пользу индустриализации местной промышленности.

Непосредственная реализация условий концессионных соглашений представителями иностранных компаний впервые наблюдается в 1901 г. Во временное пользование австрийскому дворянину из рода Турн-и-Таксис были выданы земли с золото-серебряно-свинцовыми месторождениями «в верховьях Оби, Чумыша, Алея, Кондомы» [Дьяченко, 2013. С. 370]. Следующий прецедент – начало разработки в 1914 г. риддерских рудников Русско-азиатской корпорацией во главе с английским бизнесменом Лесли Урквартом. При сравнении с отечественными предпринимателями количество иностранных концессионеров на Алтае оказалось сравнительно низким. Фактически мы обнаруживаем лишь два предприятия с исключительно зарубежным капиталом. Необходимо также отметить угольную концессию «Копикуз», чьи активы в равной степени были распределены между российскими и западными акционерами. Несмотря на сравнительно малый процент иностранного вклада в алтайскую промышленность, концессионеры затрагивали ряд необходимых для модернизирующейся российской экономики сфер, чем и обуславливали собственную важность в регионе.

В первую очередь, представители американско-европейского капитала имели развитый опыт применения современных технологий в горной промышленности. В отличие от них, при модернизации собственного производства российские предприниматели сталкивались с заградительной политикой пошлинного ввоза специализированных механизмов и ресурсов⁴. Кризисную ситуацию усугублял и тот факт, что производство устройств указанной технической специализации в Российской империи отсутствовало совсем⁵. Аналоги могли быть обнаружены и закуплены исключительно на внешних рынках. В телеграмме горному инженеру один из управляющих алтайских концессионных предприятий сообщал, что за весь период работы было «ввезено из-за границы разных машин и приборов на 321 651 руб.»⁶. Причем только 60 % от суммы было затрачено на закупку оборудования, остальные средства оказались направлены на

⁴ ГААК. Ф. 160. Оп. 4. Д. 725. Л. 11.

⁵ ГААК. Ф. 160. Оп. 4. Д. 73. Л. 2.

⁶ ГААК. Ф. 160. Оп. 4. Д. 739. Л. 41.

покрытие пошлин. В то же время иностранные концессионеры подобных ограничений фактически не имели, благодаря чему гораздо активнее импортировали машины для горного промысла.

Специфика рудной добычи на Алтае была напрямую сопряжена с водными объектами, поэтому одним из важнейших механизмов оставались промышленные насосы и землесосные снаряды. Водные потоки, как и насыщенный водой грунт, не единожды размывали стволы шахт, после чего реализация промысловой деятельности на них признавалась невозможной. Так, прорыв подземных вод на Риддерской концессии во второй половине 1916 г. вызвал затопление трех крупных шахт – Григорьевской, Благовещенской и Северной [Немцев, 2007. С. 73]. В то же время привлечение иностранного дренажного оборудования не только обезопасило объекты, но и увеличило нормы выработки. Среднее значение добытой руды, согласно отчетам, отсылаемым в Горный департамент, возросло втрое. На Экибастузских угольных коях Русско-азиатской корпорации при применении промышленного насоса количество добытого угля в месяц изменилось со 150 до 500 тыс. пудов⁷. Важную роль на иностранных предприятиях играли механизированные экскаваторные агрегаты – драги. Применение данного оборудования определялось отдельными пунктами концессионного соглашения и также снижало размеры натуральной подати. Принцип работы устройства позволял обрабатывать крупные объемы породы, особенно демонстративными оказываются результаты при сопоставлении с деятельностью ручного труда золотничников (табл. 1).

Функционирование концессий анализируемого периода было связано не только с процессом добычи ресурсов, но и их обработкой. Вокруг приисков возводился целый комбинат из предприятий различной специализации. Вблизи риддерских месторождений иностранные предприниматели уже в первый год деятельности возвели цинково-свинцовый завод и обогатительную фабрику. Необходимые для интенсификации темпов производства промышленные аппараты доставлялись в Российскую империю через порт Владивостока и оттуда направлялись на Алтай⁸. В декабре 1915 г. пересылку ожидали газовые генераторы, машины для производства реторт,

⁷ ГААК. Ф. 160. Оп. 4. Д. 739. Л. 41.

⁸ Там же.

двигатели для алмазных буров, ватержакет для плавки свинцового концентрата. Особенное значение имело внедрение американских обогатительных аппаратов для первичного процесса переработки ископаемых в технически ценные продукты. Если до их применения фабрика была способна обработать только 35 т породы в сутки, то с привлечением новых машин объемы работ возрастали в 3 раза (свыше 100 т за этот же период). Однако не только иностранное оборудование использовалось на концессиях: металлические элементы печей системы Мартена лишь частично были заказаны из-за границы, оставшиеся части приобретались на предприятиях Кыштымского горного округа⁹. Под контролем иностранных предпринимателей в регион ввозился комплекс иностранного оборудования, пользование которым продолжилось и в советский период¹⁰.

Таблица 1

Сводная таблица результативности применения ручного и машинного труда на приисках по реке р. Большая Тайла, 1913 г.*

Период	Результативность труда золотничников, количество переработанной породы / масса добытого золота	Производительность золото-промышленной драги, количество переработанной породы / масса добытого золота
Май	12 кубических сажень / 39 золотников	3249 кубических сажень / 29 фунтов золота
Июнь	17 кубических сажень / 26 золотников	6166 кубических сажень / 1 пуд 19 фунтов золота
Июль	–	9189 кубических сажень / 2 пуда 38 фунтов золота
Август	1,622 кубической сажени / 9 золотников	12 033 кубических сажень / 3 пуда 1 фунт золота

* Источник: ГААК. Ф. 160. Оп. 4. Д. 715. Л. 30–40.

Выстраивание системы инфраструктуры вокруг концессии также оставалось в перечне обязательств промышленников. Отдаленность алтайских предприятий от крупных энергетических центров приводила к строительству собственных электростанций. Выделенные под добычу электричества водные объекты полностью переходили под контроль концессионера. Доступ местным жителям к воде

⁹ ГААК. Ф. 160. Оп. 4. Д. 739. Л. 57–58.

¹⁰ ГААК. Ф. 160. Оп. 5. Д. 130. Л. 14.

ограничивался. Так, из-за установленных на Салаирском пруду силовых установок между руководством предприятия и крестьянами произошел конфликт, решение которого производилось через подписание дополнительного соглашения с А.Ф. Керенским¹¹. В качестве машин для производства электричества использовались американская турбина системы Джеймса Фрэнсиса и локомобиль «Вольф»¹². На момент второго десятилетия XX в. применение такого рода технологий возводило иностранные концессионные предприятия в разряд передовых.

При работе с колоссальными объемами породы имелась необходимость модернизации систем грузоперевозки. В формате концессионной деятельности иностранными предпринимателями были возведены внутренние узкоколейные магистрали железных дорог. Наиболее примечательными, с точки зрения масштаба, представляются транспортные артерии концессий Русско-азиатской корпорации и «Копикуза». В первом случае рельсами связывались четыре промышленных узла: Риддер – Черемшанка – Тарханка – Усть-Каменогорск; во втором предполагалось проведение железной дороги от Кольгучинской копи до Юрги. Риддерское руководство при обосновании строительства железнодорожного полотна апеллировало к фактам активизации военных действий, в векторе которых требовалось производить срочную модернизацию важных оборонных предприятий¹³. Цинково-свинцовый завод было необходимо связать с общероссийской транспортной системой. Итогом концессионного строительства стала железная дорога длиной 95 верст и шириной 1 м. Причем при проектировании линии заранее закладывались подъездные пути, т.е. сохранялась перспектива расширения железнодорожной сети. Передвижение вагонного состава осуществлялось при помощи компаунд-паровозов, приобретенных на луганском заводе Густава Гартмана¹⁴. Итоговой точкой подвоза грузов становился Усть-Каменогорск, откуда концессионный флот из двух пароходов и шести барж осуществлял перевозку вдоль речной системы Иртыша. Паровозно-пароходную линию грузоперевозок до

¹¹ ГААК. Ф. 160. Д. 135. Л. 1–4.

¹² ГААК. Ф. 160. Д. 130. Л. 15.

¹³ ГААК. Ф. 160. Оп. 4. Д. 739. Л. 33.

¹⁴ ГААК. Ф. 160. Оп. 4. Д. 804. Л. 27–28.

вершала телефонная линия, которая была протянута вдоль всех станций риддерской узкоколейной дороги¹⁵.

Итак, исследование участия иностранного капитала в индустриальном развитии периферийных регионов позволяет подчеркнуть особую роль иностранного капитала. Концессии оказались эффективным инструментом привлечения инвестиций в региональную промышленность. Концессионные предприниматели активно вкладывали средства в строительство заводов, фабрик и модернизацию инфраструктуры местных предприятий. Поэтому, несмотря на сравнительно малое количество зарубежных предприятий в стране, невозможно отрицать их влияние на процесс индустриализации удаленных районов Российской империи в начале XX в.

Литература

Дьяченко Ю.С. Сравнительный анализ условий концессиональных соглашений компаний Александра фон Турн-и-Таксиса и доктора Жаннэ и Лена Гольдфильдс Лимитед в первой трети XX века // Сохранение и изучение культурного наследия Алтайского края. 2013. № 18. С. 368–380.

Мамзин М.В. К вопросу об истории развития концессионных соглашений на территории Алтая (1902–1925) // Актуальные вопросы истории Сибири: четырнадцатые научные чтения памяти профессора А.П. Бородавкина. Барнаул: АЗБУКА, 2023. С. 103–107.

Немцев М.С. Риддерская концессия Лесли Уркварта. Риддер: Терра, 2007. 173 с.

Скубневский В.А. Змеиногорск в начале XX в. // Серебряный венец России: Очерки истории Змеиногорска. Барнаул, 2003. С. 223–232.

¹⁵ ГААК. Ф. 160. Оп. 4. Д. 739. Л. 57.

В.М. Рынков

**НА РАЗВИЛКЕ: СИБИРСКАЯ ИНДУСТРИЯ В УСЛОВИЯХ
ПЕРВОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЫ**

V.M. Rynkov

**AT THE FORK IN THE ROAD: THE SIBERIAN INDUSTRY
IN THE CONDITIONS OF THE FIRST WORLD WAR**

Аннотация. Воздействие Первой мировой войны на состояние транспорта и основных отраслей промышленности Сибири в целом следует оценивать как негативное. Происходит усиление сырьевого характера экономики. Интенсивно развивается кустарная первичная обработка сырья. За общими относительно благоприятными показателями обнаруживаются черты неизбежно надвигавшегося глубокого кризиса, выразившегося в падении производительности труда и возникновении очевидных узких мест, не позволяющих рассчитывать на стабильную работу экономического организма в перспективе.

Ключевые слова: Сибирь, Первая мировая война, железные дороги, промышленность, мобилизация.

Истории сибирской промышленности в условиях Первой мировой войны посвящена достаточно обширная литература. Если в советское время основной акцент делался на динамику численности и изменение положения рабочего класса [Зольников, 1969], хотя вопросы организационных форм мобилизации производства на нужды обслуживания армии тоже привлекали внимание [Башкиров, 1976а, 1976б, 1991; Мосина, 1978], то в современной литературе наряду с прежними приоритетами появилось стремление дать обобщающую оценку состоянию экономики Сибири [Еремин, 2010; Шиловский, 2014]. В данном исследовании основное внимание будет уделено влиянию Первой мировой войны на состояние индустриального сектора сибирской экономики и его отдельных отраслей с учетом изменения макрорегионального баланса товарных и сырьевых ресурсов.

Специфику Сибирского макрорегиона определяли удаленность от фронта и от экономического центра государства, огромные слабо заселенные и освоенные пространства. Занимая около половины Российской империи, к 1913 г. он располагал лишь 11,2 млн чел., или 6,5 % ее населения. Доля городского населения оставалась в 1,5 раза ниже российских показателей. Правда, к нему не относили обитателей многочисленных рабочих поселков в глухих и диких уголках. Многие сибиряки продолжали жить в условиях господства натурального хозяйства. В то же время население прилегающих к Транссибирской магистрали районов активно втягивалось в рынок.

В структуре сибирской экономики сельское хозяйство составляло 78 % всей валовой продукции, а на долю промышленности приходилось лишь 22 %. Половину аграрного производства составляло земледелие, четверть – маслоделие и шестую часть – животноводство. Удельный вес Сибири в общем объеме аграрной продукции России перед войной составлял 9 %, следовательно, уровень аграрной экономики здесь превышал общероссийский.

Сибирская индустрия в значительной мере ориентировалась на обслуживание аграрного сектора. 3/5 промышленности было связано с переработкой сельскохозяйственного сырья, 1/3 приходилась на горнодобывающую и горнозаводскую отрасли. Предприятий, способных производить конечную продукцию для армии, было очень мало. Но при этом богатейшие недра внушали большие надежды российскому промышленному производству. Единственная железнодорожная линия – Транссибирская магистраль – оставалась существенным ограничителем развития. Сибирские расстояния делали доставку грузов дорогой и длительной операцией, а в условиях войны это создавало большой стратегический риск.

Железнодорожный транспорт был не просто главной отраслью сибирской индустрии, его состояние во многом определяло условия функционирования остальных отраслей. В годы войны введены в строй Алтайская, Кулундинская и Кольчугинская ветки, связавшие крупные промышленные центры с Транссибирской магистралью и расширившие возможности вывоза сельскохозяйственного сырья, велось строительство Минусинской железной дороги и Южно-Сибирской. Общая протяженность железнодорожных путей выросла с 5850 до 7600 км, или на 30 %. Модернизация путей усилила пропускную способность на 43 %. Это позволило до 1916 г. включитель-

но непрерывно увеличивать объем перевозок. В сравнении с 1913 г., когда сибирские железные дороги перевезли 485 млн пудов грузов, в 1914 г. перевозки выросли до 111 %, а в 1915 и 1916 гг. – до 158 %. На вторую половину 1917 г. обозначился значительный спад и полное расстройство железных дорог. В целом по году перевозки составили 96 % от объемов 1913 г.¹ [Железные дороги Сибири, 1922. С. 43].

Но следует отметить назревание серьезных проблем в снабжении самой Сибири. Структура грузопотоков претерпела кардинальные изменения. Примерно вдвое возрос транзит грузов, идущих в Россию через Владивосток [Прокопович, 1917. С. 82]², а на расширение вывоза разных продуктов из Сибири, преимущественно сырья, пришлось практически все увеличение грузооборота. Выросло потребление сибирского угля самими железными дорогами и уральскими заводами. В 1914 г. 73 % всего вывоза составляли хлебные грузы, из них 76 % – необработанное зерно, а оставшееся – мука, крупы, семена, отруби. Вывоз масла и мяса за 1914–1916 гг. из Сибири увеличился примерно на половину [Фомин, 1922. С. 59–62]. При сохранении объемов производства такая динамика компенсировалась сокращением внутрисибирского потребления. Резко упал ввоз в Сибирь товаров широкого потребления, сократились внутрирегиональные перевозки продовольствия, что в конечном итоге породило дефицит многих товаров.

Очевидно, что вопреки росту объемов перевозки железные дороги не предоставляли Сибири возможности для расширения производства. Мобилизационный потенциал сибирской промышленности ограничивался тем, что оставалось от запасов сибирского сырья после обеспечения им предприятий Урала и центральных регионов России.

Удельный вес Сибири в общероссийском промышленном производстве сокращался. Начавшаяся война заставила правительство задуматься о перестройке индустрии на военный лад. Но Сибири при этом отводилась второстепенная роль. Только с лета 1915 г. центральная власть стала в полной мере учитывать ее индустриальный

¹ Краткий отчет о деятельности русских железных дорог во вторую отечественную войну. Пг.: Тип. Е.И. Евстифев, 1916. Ч. 2: Первое полугодие 1915 г. С. 58–59.

² А.Л. Сидоров пишет об увеличении владивостокского транзита на 62 % (См.: Сидоров, 1973. С. 601).

потенциал, включив его в единый план мобилизационных мероприятий.

Первой отраслью, охваченной мобилизационными мероприятиями в Сибири, стала кожевенная промышленность. Осенью 1914 г. министр внутренних дел обязал всех сапожников изготавливать по твердой цене для интендантства по две пары сапог еженедельно. К концу года в Сибири организовали 32 общественных приемные комиссии, контролировавшие поставляемые для армии изделия из кожи, а в 1915 г. интендантства на местах стали распределять между кустарными предприятиями заказы на изготовление одежды и обуви.

Следующий этап мобилизации промышленности связан с созданием в августе 1915 г. особых совещаний. Особое совещание по обороне в сентябре 1915 г. сформировало 11 заводских совещаний, обладавших правами распределять заказы, следить за их выполнением, обследовать предприятия и принимать меры к организации производства, выдавать удостоверения на получение сырья. Район деятельности Сибирского заводского совещания охватывал территорию от Тюмени до Сахалина. Оно открыло свою работу 31 октября 1915 г., но окончательно состав совещания и аппарат квалифицированных специалистов сложились лишь через год. Сибирское заводское совещание оказалось наиболее действенным органом мобилизации промышленности восточнее Урала. В 1916 г. оно числило в своем ведении 288 предприятий, работавших целиком или частично на оборону или приравненных к ним с 49 684 тыс. работниками [Россия в мировой войне, 1925. С. 71]. Это 9 % от всех российских рабочих, числившихся на предприятиях, обслуживавших нужды обороны. Совещание учитывало все предприятия, имевшие слесарное оборудование и механические станки, способные потенциально производить продукцию для армии, включая электростанции, мельницы, железнодорожные мастерские, в том числе с устаревшей материальной базой, не способные к реорганизации [Горелов, 2002. С. 148–149]. Следовательно, данные о подведомственных Заводскому совещанию предприятиях преувеличивают военнопотенциальный потенциал Сибири.

Едва приступив к работе, Совещание претерпело ряд реорганизаций, связанных с Февральской революцией, которые увеличили

его состав, но сделали практически неработоспособным органом [Башкиров, 1976б. С. 194–196].

Особым совещанием по обеспечению топливом Сибирь оказалась включена в район действия Уральского районного совещания по топливу (Пермь). Лишь в январе 1917 г. были организованы Западно-Сибирский (Томск) и Восточно-Сибирский (Иркутск) районы уполномоченных по топливу, при каждом из которых действовали местные совещания. Эти органы распределяли (разверстывали) добываемый уголь между потребителями. Рост значения кожевенной промышленности привел осенью 1916 г. к новым реорганизациям. Среди 11 районных кожевенных комиссий две находились на территории Сибири: Западно-Сибирская в Омске и Восточно-Сибирская в Иркутске. Данные органы вели учет и распределение между производителями имевшегося на рынке кожевенного сырья, ориентируясь на приоритет исполнения военных заказов. 21 апреля 1917 г. Временное правительство ввело государственную монополию на кожевенное сырье и готовые изделия. С июня 1917 г. взамен комиссий учреждались два центральных кожевенных комитета (в Омске и Иркутске) с подчинением им районных, уездных и создаваемых по мере необходимости волостных кожевенных комитетов. Вся система кожевенных органов наделялась правом учета кожевенного сырья и готового товара, распределения и, если сочтут целесообразным, реквизиции кож.

С лета 1915 г. в России возникла особая форма самоорганизации промышленности для работы на нужды обороны – военно-промышленные комитеты (ВПК). Они объединяли частные промышленные предприятия для распределения между ними казенных запасов сырья, денежных авансов и содействия в выполнении ими военных заказов. Движение за их создание сопровождалось громкой шумихой, многочисленными съездами и совещаниями, преувеличением своей роли в прессе [Сидоров, 1973. С. 191]. С июня по декабрь 1915 г. было сформировано 33 областных и 220 местных (городских и уездных) комитетов. На Сибирь пришлось 6 областных и 28 местных³. Активно работавшие комитеты мобилизовали

³ Необходимо отметить, что, кроме Тюменского и Курганского, входивших в круг ведения Омского областного ВПК, остальные комитеты Тобольской губернии находились в ведении Уральского областного ВПК, поэтому в литературе о Сибири их работа не учитывалась.

на нужды армии около 300 сибирских промышленных предприятий⁴.

Сибирские ВПК, как и подобные организации по всей России, занимались лишь посредничеством между военным ведомством и мелкими предприятиями в деле распределения заказов. Из принятых к лету 1916 г. заказов на сумму 34 653 917 руб. до 15 марта 1917 г. было выполнено заказов только на сумму 11 111 040 руб., или 32 % [Мосина, 1978. С. 151]. До половины произведенной продукции приемочные комиссии вынуждены были браковать. Сказывалось отсутствие оборудования и квалифицированных рабочих. Почти не имея собственных средств, комитеты не могли предпринимать самостоятельные шаги к развитию производства [Мосина, 1978. С. 148]. Нередко полученные заказы перераспределялись руководством ВПК на другие предприятия, когда оказывалось, что принявшие заказы промышленники не в состоянии исполнить их качественно, в срок и в полном объеме [Башкиров, 1997. С. 134–136].

Данные проблемы оказались вполне типичными для деятельности ВПК, сибирские выделялись числом комитетов, высоким для региона с таким слабым развитием промышленности, а также стремлением получить заказы на изготовление сложных в техническом отношении предметов и деталей, которые в сибирских условиях требовали подчас кардинального переоборудования [Еремин, 2010. С. 54–55; Серебрянников, 2008. С. 138, 265, 283]⁵. В первое полугодие работы сибирские ВПК приняли от главного интендантского и артиллерийского управлений заказы на сумму 7 277 870 руб., или 3,2 % от общей суммы распределенных по всей стране заказов [Башкиров, 1976б. С. 181].

Более реально в Сибири оказалось производство простых изделий. Представители казны справедливо сделали акцент на привлечение кустарей к снабжению армии предметами металлообработки, кожевенного, текстильного и швейного производства. Быстро выяснилось, что лучше всего организовали работу сами интендантства, ведя дело без посредников с малым числом исполнителей (97), заказов (267) и практически полным выполнением заключенных контрактов [Башкиров, 1991. С. 6–7].

⁴ Часто одни и те же предприятия исполняли заказы ВПК и Сибирского Заводского Сопровождающего Комитета.

⁵ Записи от 27 августа 1915 г., 21 сентября, 28 ноября 1916 г.

Но и здесь выяснилась техническая отсталость сибирских предприятий и неспособность большинства из них производить изделия, соответствовавшие интендантским требованиям. На протяжении 1915–1916 гг. происходило их переоборудование силами местных мастерских. В этом деле военно-промышленные организации сыграли свою положительную роль, хотя далеко не первостепенную [Бочанова, 2004]. В Сибири удалось организовать несколько десятков новых предприятий по обработке кожевенного сырья, в том числе крупный завод «1915 год» в Новониколаевске.

Такая специализация вытекала из очевидного избытка сырья в регионе. Но с осени 1915 г., когда заготовка кожевенного сырья сосредоточилась в руках государственных уполномоченных, значительную его часть направили из Сибири в центральные губернии [Букшпан, 1929. С. 452]. То, что для предприятий европейской части страны явилось благом, ограничило производительность сибирских предприятий, создало дефицит сырья на рынке. Таков очевидный результат подмены рыночных отношений распределительными.

В 1916 г. предприятия Иркутской губернии и Забайкальской области стали снабжаться кожей напрямую от Монгольской экспедиции. Это позволило преодолеть проблему дефицита сырья и развернуть в Восточной Сибири массовое изготовление обуви и предметов интендантского снаряжения. Но более мощные и многочисленные предприятия Тобольской и Томской губерний не получали достаточного количества сырья, и это сдерживало их производство. Поэтому к 1917 г. осталось только 15 общественных приемных комиссий – менее половины от действовавших с конца 1914 г., а дефицит сырья к 1917 г. серьезно ограничивал производительность отрасли.

К 1 июня 1917 г. сибирские предприятия поставили 1 040 233 пары сапог и 91 826 пар полусапог [Башкиров, 1997. С. 141]. Выпуск готовой продукции, тем не менее, в 1,5 раза превысил довоенный объем. Это составило менее 2 % от общего количества кожаной обуви, заготовленной интендантствами страны за годы войны.

Основная часть сибирской промышленности находилась в стороне от непосредственного выполнения военных заказов, но не в стороне от войны, влияние которой оказалось поистине всеобъемлющим. Сибирская промышленность лишилась многих необходимых продуктов, ввозимых ранее из центра страны. Острый дефи-

цит сырья, отток рабочих, призыв в армию владельцев привел к закрытию многих предприятий. На других предприятиях, оставшихся вне централизованной системы снабжения, сильно сократилось производство. Введение ограничений на продажу крепких спиртных напитков привело к двукратному сокращению объемов винокурения – одной из значимых отраслей довоенного промышленного производства в Сибири⁶. На уровне региональных макроэкономических процессов картина получалась далекой от оптимизма. Рост военного производства сводился на нет падением выработки продукции для населения. Нисходящая динамика промышленности до революции не вызывала тревоги: в 1915 и 1916 гг. объемы производства сократились на 10 %. Но в 1917 г. они упали сразу еще на четверть [Пронин, 1981. С. 244], что свидетельствовало о серьезном кризисе.

Высокий спрос на продукцию для армии подстегнул ускоренное переоборудование многих производств и создание отдельных новых. Количество сибирских металлообрабатывающих предприятий увеличилось за годы войны с 23 до 43. Вновь пущены в действие после реконструкции Гурьевский, Абаканский и Петровский железнорудные заводы, в конце 1916 г. возобновил плавку чугуна Новониколаевский металлургический завод, а на Алтае вновь стали выплавлять серебро Риддеровские рудники. Они же поставляли цинк на военные заводы центра России. Но модернизация производства шла крайне медленно. При этом уральские заводы, поставлявшие до войны почти 70 % металлов в Сибирский регион, в военных условиях почти сократили снабжение восточных соседей чугуном и сталью. Совокупное производство металлов в Сибири составляло около 10 % от довоенной потребности, а с расширением потребности в сырье покрыть было нечем.

Эвакуация позволила получить оборудование из европейской части страны. В Омск прибыли Первый механический завод и «Механолит», в Курган – завод общества «Жесть». Но эвакуация сыграла скромную роль в наращивании производства. Владельцы вывозимых из прифронтовой зоны заводов стремились попасть на Урал в расчете на снабжение металлами и квалифицированную рабочую силу.

⁶ Статистический сборник 1913–1917 гг. Вып. 1. М.: [б.и.], 1921. С. 49.

С потерей Домбровского угольного бассейна резко выросло значение сибирской угледобычи, которая непрерывно росла во второй половине 1914 – 1917 гг.: в 1913 г. на коях Сибири было добыто 123,6 млн пудов угля, в 1916 г. – 180 млн пудов, а в 1917 г. – 235 млн пудов. Доля Сибири в общероссийской угледобыче выросла с 5,5 до 13,5 %. Прирост производства шел на удовлетворение потребностей железных дорог и промышленных предприятий Урала. Сказались и предшествовавшие инвестиции в переоборудование, и усиленная «подготовка пластов». Но в 1915–1917 гг., наоборот, такие работы практически свернули, зато выработка ранее подготовленной породы позволила резко нарастить добычу. Именно данным обстоятельством объясняется глубокий спад производства по окончании Первой мировой войны [Шлаин, 1920. С. 26; Огановский, 1922. С. 78].

Приоритетное значение Сибири как преимущественно аграрного региона состояло в поставках продовольствия для армии и тыла. Усиленные сельскохозяйственные заготовки потребовали расширения переработки продовольственной продукции. Здесь сказывалась инертность слабо развитой сибирской индустрии. Мукомольные предприятия Западной Сибири в годы войны функционировали с полной отдачей. Но дальнейшему их развитию препятствовал недостаток зернохранилищ. Имевшиеся при крупных мельницах склады не позволяли накапливать большие запасы зерна. Возведение новых современных элеваторов и зерносушилок требовало крупных инвестиций. Не раз намечавшееся строительство приходилось откладывать. Удалось ввести в строй только два небольших элеватора в Кургане и на ст. Лебяжья общей емкостью 500 тыс. пудов зерна, что не могло существенно изменить ситуацию [Бочанова, 1978. С. 140–143]. Когда в 1917 г. заготовки хлеба в Сибири пошли на спад, мукомольная промышленность сохранила неполную загрузку, а ряд мельниц остановился из-за отсутствия сырья [Бруньковский, 1919]. Расширилось производство мясных консервов. Ведущую роль играл мясоконсервный завод Сорокина в Кургане, где было занято около 1700 рабочих. Но в целом переработка сельскохозяйственного сырья оставалась на довоенном технологическом уровне. Война не стала благоприятным периодом для перестройки пищевой промышленности, требовавшей крупных инвестиций.

Одной из важнейших проблем стало обеспечение предприятий рабочей силой. В связи с мобилизацией убыль квалифицированной рабочей силы на предприятиях обрабатывающей промышленности к концу 1914 г. составила 12–15 %, а на железных дорогах – около 40 % [Зольников, 1969. С. 69]. Призывы продолжались до декабря 1915 г., когда закон предоставил отсрочки работникам угольной промышленности, золото- и платинодобычи, речного и железнодорожного транспорта, всех предприятий, выполнявших оборонные заказы. С 1916 г. в Сибири стали функционировать уездные комитеты по предоставлению отсрочек.

Возросший спрос на рабочие руки на расширявшихся производствах позволил постепенно восполнить убыль занятых в индустриальном секторе экономики. Как и по всей России, в Сибири с 1915 г. наблюдался рост численности занятых в промышленности. Но если в других регионах выбывших мужчин компенсировал приход на производство женщин и подростков, то в Сибири сохранилось преобладание мужского труда [Прокопович, 1917; Зольников, 1969. С. 74]. На оборонные предприятия ради получения отсрочки устраивались беженцы, выходцы из непролетарских слоев городского населения, из деревни. Отсрочки от призывов в 1915 г. имели до 30 % занятых на угольных копях, 56 % рабочих горной и обрабатывающей промышленности. Сибирское заводское совещание предоставило 16 463 отсрочки работникам оборонных предприятий, что составило 43 % работавших там мужчин призывного возраста⁷. Железная дорога, помимо отсрочек, предоставляла жилье, продовольственное обеспечение, денежные надбавки военного времени, что делало ее привлекательным местом найма. Количество железнодорожных рабочих возросло за годы войны с 90 до 140 тыс., или на 55 %. Но квалифицированных рабочих катастрофически не хватало. Падение производительности на большинстве предприятий удавалось возместить дополнительным расширенным наймом работников.

Еще одним источником пополнения рабочей силы стали военнопленные. В целом по стране в индустриальном секторе трудилось в 1915 г. около половины всех военнопленных, а в 1916 г. – 2/3. В Сибири соотношение было несколько иным. Даже в 1916–1917 гг. на промышленных и транспортных предприятиях Сибири трудилось

⁷ Россия в первой мировой войне 1914–1918 гг. (в цифрах). М., 1925. С. 79.

25–30 тыс. военнопленных [Зольников, 1969. С. 189], намного меньше, чем в сельском хозяйстве. На предприятиях, работающих на оборону по всей Сибири, доля военнопленных составляла 6,6 %. Правда, на угольных коях к 1917 г. она составляла 19,8 % [Зольников, 1969, С. 76]. Труд военнопленных концентрировался в городах и на крупных промышленных объектах и почти не применялся в горных округах Степного края и Восточной Сибири. Военнопленных неохотно передавали на предприятия легкой и пищевой промышленности.

Значительный контингент рабочей силы удалось привлечь извне – это подданные иностранных государств. Они в 1917 г. составляли 37,7 тыс. чел., или 36,1% всех занятых на предприятиях, стоявших на учете Сибирского заводского совещания. Для Сибири это прежде всего китайцы, которые массово прибывали в 1916–1917 гг. и трудились на угольных коях и горных заводах Сибири [Дацышен, 2008. С. 118–119].

Но при общем взгляде на состояние индустрии и влиянии на нее Первой мировой сибирская специфика представляется более ярко выраженной. Нарастивание производства отраслей, продукция которых шла в армию или на военные предприятия других регионов, происходило за счет дополнительного набора неквалифицированной рабочей силы и сокращения выпуска гражданской продукции. Мобилизация промышленности в Сибири протекала с запозданием и не привела ни к масштабной модернизации предприятий, ни к интенсификации производства, за исключением отдельных примеров. Успехи угледобычи достигались экстенсивными методами. Важнейшие отрасли сибирской промышленности работали на местном сырье и ориентировались на вывоз, что позволяло относительно стабильно функционировать абсолютному большинству предприятий. Но тем не менее мобилизационный «перегрев» сибирской экономики позволил развивать или удерживать на плаву одни отрасли, хотя вел к сокращению других. Происходило постепенное ухудшение торгового баланса макрорегиона и усиление дефицита снабжения предприятий даже тем сырьем, которое всегда в Сибири производилось с избытком. Все вышеперечисленные признаки надвигающегося кризиса сулили, однако, не столь быстрый обвал региональной экономики. Резкое сокращение производства во второй половине 1917 г. обуславливалось не столько внутренними причинами, сколь-

ко революционной встряской, которая подстегивалась нарастанием бытовых неурядиц в жизни населения.

Литература

Башкиров В.Г. Заводское совещание Сибирского района: организация и состав (1915–1918 гг.) // Из истории социально-экономической и политической жизни Сибири (конец XIX в. – 1918 г.). Томск, 1976. С. 180–199.

Башкиров В.Г. К проблеме вызревания в Сибири материально-организационных предпосылок социалистической революции // Проблемы индустриального освоения советской Сибири в 20–30 годы. Иркутск, 1991. С. 6–7.

Башкиров В.Г. Мобилизация промышленности в Сибири в годы первой мировой войны // Некоторые вопросы расстановки классовых сил накануне и в период Октябрьской социалистической революции. Из истории Сибири. Томск, 1976. С. 171–190.

Башкиров В.Г. Работа Иркутской промышленности «на оборону» в 1914–1917 гг. // Сибирский город XVIII – начала XX веков. Иркутск, 1997. С. 130–145.

Бочанова Г.А. Новониколаевский военно-промышленный комитет // Местное самоуправление в Истории Сибири XIX – XX вв. Новосибирск, 2004. С. 150–160.

Бочанова Г.А. Обработывающая промышленность Западной Сибири. Конец XIX – начало XX в.: монография / отв. ред. Л.М. Горюшкин. Новосибирск, 1978. 255 с.

Брунковский В. Положение мелкой мукомольной промышленности // Сибирский агроном (Омск). 1919. № 2. С. 17–19.

Букипан Я.М. Военно-хозяйственная политика: формы и органы регулирования народного хозяйства за время мировой войны 1914–1918 гг. М.; Л.: Гос. изд-во, 1929. 541 с.

Горелов Ю.П. Сибирские военно-промышленные комитеты в Первой мировой войне // Интеллектуальный и индустриальный потенциал регионов России. Кемерово, 2002. С. 148–151.

Дацышен В.Г. Китайцы в Сибири в XVII – XX вв.: проблемы миграции и адаптации. Красноярск: СФУ, 2008. 306 с.

Еремин И.А. Западная Сибирь в период первой мировой войны: учеб. пособие. Барнаул: Алт гос. пед. ун-т, 2010. 293 с.

Железные дороги Сибири // Труды Сибирского статистического управления. Вып. 7: Сборник Сибирского статистического управления. Вып. 2. Новониколаевск, 1922. С. 41–54.

Зольников Д.М. Рабочее движение в Сибири в 1917 г. Новосибирск: Наука, Сибирское отделение, 1969. 334 с.

Мосина И.Г. Формирование буржуазии в политическую силу в Сибири. Томск: Томский ун-т, 1978. 174 с.

Огановский Н.П. Народное хозяйство Сибири : эпизодический курс лекций. Омск: Сибирское отделение Всерос. Центр. союза потреб. о-в, 1921. 175 с.

Прокопович С.Н. Война и народное хозяйство. М.: Дело, 1917. 214 с.

Пронин В.И. Изменения в сибирской промышленности в годы первой мировой войны // Рабочий класс Центра страны и Сибири (кон. XIX – начала XX в.). Новосибирск, 1981. С. 235–246.

Серебрянников И.И. Претерпев судеб удары: Дневник 1914–1918 гг. /ред.-сост. П.К. Конкин, П.А. Новиков, Г.С. Андреев. Иркутск: Издатель Сапронов, 2008. 589, [2] с.

Сидоров А.Л. Экономическое положение России в годы Первой мировой войны. М.: Наука, 1973. 655 с.

Фомин А.А. Товарные перевозки по железным дорогам Сибири в 1913–1916 гг. // Труды Сибирского статистического управления. Вып. 7: Сборник Сибирского статистического управления. Вып. 2. Новониколаевск, 1922. С. 55–63.

Шиловский М.В. Первая мировая война 1914–1918 годов и Сибирь / отв. ред. В.П. Зиновьев. Новосибирск: Автограф, 2015. 331 с.

Шлаин И.Б. Западно-Сибирский углепромышленный район в 1914–1919 гг. М.: [б.и.], 1920. 73 с.

В.Н. Шайдуров

**НЕМЦЫ В ГОРОДСКОЙ ЭКОНОМИКЕ ПЕТРОГРАДА
НА ПЕРЕЛОМЕ ЭПОХ (1914–1923 ГГ.)¹**

S.V. Nikolaevich

**GERMANS IN THE URBAN ECONOMY OF PETROGRAD
AT THE TURNING POINT OF THE EPOCHS (1914–1923)**

Аннотация. Немецкие предприниматели играли заметную роль в городской экономике Санкт-Петербурга – Петрограда. Они были владельцами не только крупных фабрик и заводов, но и многочисленных ремесленных мастерских. Цель статьи – анализ эволюции места и роли немецкого предпринимательства в Петрограде в условиях общественно-политических, экономических и социальных катаклизмов 1914–1923 гг. Основой стали неопубликованные источники из различных архивов.

Ключевые слова: петербургские немцы, городская экономика, Первая мировая война, ликвидационное законодательство, Гражданская война, новая экономическая политика, местная промышленность, Петроград.

Одним из переломных моментов в истории немцев России стала Первая мировая война. Власти под давлением общественного мнения развернули повсеместно кампанию по борьбе с немецким засильем, которая в короткое время вылилась в ликвидацию присутствия немцев во многих сферах жизни общества.

Введение так называемых ликвидационных законов в 1915–1916 гг. вызвало острую критику со стороны некоторых общественных и политических деятелей. Этому посвящен очерк К.Э. Линдемманна «Законы 2-го февраля 1915 г. (Об ограничении немецкого землевладения в России) и их влияние на экономическое состояние Южной России» [Линдемманн, 1915]. В нем автор попытался доказать беспочвенность и вредность принятия одного из первых законов,

¹ Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда и Санкт-Петербургского научного фонда № 23-18-20025.

приведших к ликвидации частной собственности одной из групп российских подданных – немецких поселян-собственников.

В советское время были единичные случаи обращения к данной теме. Можно отметить одну из работ В.С. Дякина, в которой он одним из первых поставил вопрос о кампании по борьбе с «немецким засильем» [Дякин, 1968. С. 227–238]. В условиях фактического забвения эта тема находилась до рубежа XX–XXI вв. Значительным событием стала защита кандидатской диссертации И.Г. Соболевым «Борьба с «немецким засильем» в годы Первой мировой войны» [Соболев, 1998].

Особо отдельные исследователи обращались к проблемам правового регулирования предпринимательской деятельности, в том числе и иностранцев, в начале XX в. Этой теме посвящены некоторые работы И.В. Поткиной [Поткина, 2009].

Однако до сих пор в отечественной историографии не поднимался вопрос о влиянии Первой мировой войны и последовавших за ней событий на положение немцев Петрограда и их месте в городской экономике. Исходя из этого цель данной статьи – трансформация места и роль немцев в городской экономике Петрограда в условиях Первой мировой войны и последовавших за ней событий (Гражданская война, экономическая разруха, новая экономическая политика).

Основу исследования составили неопубликованные источники из фондов Российского государственного исторического архива, Центрального государственного исторического архива Санкт-Петербурга и Центрального государственного архива Санкт-Петербурга.

Немецкое городское сообщество Санкт-Петербурга возникло в XVIII в. Основным источником его формирования на протяжении XVIII – начала XX в. был естественный прирост, а также внутренние и внешние миграции. К первым мы относим имевшее место переселение немцев из колоний в город, ко вторым – трудовую миграцию из германских государств. В предвоенные годы немецкая община, насчитывавшая около 46 тыс. чел., была одной из самых многочисленных после русских [Соболев, 1998]. Она имела специфическую черту: ее членами были как русские, так и иностранные подданные, многие из которых длительное время проживали в столице.

По данным городских переписей 1860-х и 1900-х гг. почти половина немецкого населения Петрограда была записана в мещанство и в профессиональном отношении была связана с разными формами промышленного производства. В то же время, по данным переписи населения 1897 г., торговля для немцев не представляла большого интереса, и процент занятых в этой сфере был гораздо ниже, чем, скажем, среди петербургских евреев.

Начавшаяся война с Германией и Австро-Венгрией поставила перед русскими властями вопрос о положении подданных этих держав. Уже в ноябре 1915 г. правительство получило право устанавливать надзор за промышленными предприятиями, принадлежавшими иностранцам. Первоначально речь шла о контроле за поступающими и расходовавшимися денежными средствами. В короткий срок произошло ужесточение политики. Судьба предприятий, принадлежавших немцам, во многом зависела от подданства владельцев.

Значительная часть петроградских предприятий, чьими владельцами являлись русскоподданные немцы, осталась в руках владельцев. Чтобы избежать закрытия и разорения, многие из них стремились получить военные заказы. Одним из примеров может быть фортепианная фабрика Карла Шредера² – поставщика Двора не только российского императора, но и других европейских правителей. Уже в конце 1914 – начале 1915 г. дирекция вела активные переговоры с разными ведомствами на предмет получения военного заказа. Результатом стало получение заказа на изготовление комплектующих для ручных гранат. Однако его выполнение оказалось сопряжено с многочисленными сложностями. Если нужные станки были приобретены в Петрограде, то с сырьем возникали постоянные перебои. Это было главной проблемой. Невозможность своевременной сдачи продукции приемочной комиссии порождало среди рабочих нездоровые настроения, которые удалось купировать и не допустить всплеска русского национализма.

Многие петроградские промышленные предприятия принадлежали иностранцам, в том числе германским подданным. Одним из наглядных примеров может быть завод наследников Карла Винклера. Основатель фирмы переехал в Санкт-Петербург в середине

² Шредеры с середины XIX в. приняли русское подданство.

1870-х гг. на фоне экономического кризиса, охватившего Германию. Обосновавшись в столице, создав вполне преуспевающее предприятие, выполнявшее заказы на изготовление художественного литья иковки для частных лиц, казны и Императорского Двора, ни сам Карл Винклер, ни члены его семьи не приняли русское подданство, оставаясь баварскими подданными³.

В начале XX в. завод был оформлен как акционерное общество, что позволило решить некоторые финансовые проблемы. Среди крупнейших акционеров был Р.Л. Нобель, женившийся на дочери Карла Винклера (200 акций). Свои пакеты акций имели и сыновья основателя завода – Вильгельм (Василий) и Отто (130 и 20 соответственно).

В условиях начавшейся войны Винклеры покинули Россию. Крупнейшим акционером завода стал Рольф Нобель, сохранявший, как и прочие члены семьи, шведское подданство⁴. Новым владельцам не удалось в короткий срок успешно перестроить производство. Завод получал незначительные военные заказы. С 1916 г. начались перебои с поставками металла и угля, а в 1917 г. предприятие закрылось⁵.

На всех предприятиях, принадлежавших немцам, вводилось особое управление, которое осуществляли правительственные инспекторы. Одна из первых задач, на решение которой были направлены их усилия, сводилась к удалению из числа собственников, дирекции и инженерного корпуса немцев. Зачастую дальнейшая судьба предприятия во многом зависела от личности инспектора: одни из них формально подходили к выполнению своих обязанностей, другие же прилагали все усилия для сохранения завода или фабрики и выполнения ими оборонных заказов.

Борьба с «немецким засильем» затронула не только крупные предприятия. В полной мере ее давление ощутили на себе городские ремесленники и мелкие торговцы. Многие ремесленные мастерские, оказавшиеся под управлением правительственных инспекторов, не смогли работать в условиях тотального контроля и были про-

³ Российский государственный исторический архив (РГИА). Ф. 23. Оп. 28. Д. 390. Л. 8.

⁴ РГИА. Ф. 23. Оп. 28. Д. 390. Л. 11.

⁵ Центральный государственный исторический архив Санкт-Петербурга (ЦГИА СПб.). Ф. 1783. Оп. 1. Д. 254. Л. 2 об.

даны прежними владельцами. Покупателями зачастую становились хлынувшие в Петроград беженцы, в первую очередь еврейские дельцы.

Таким образом, в условиях реализации ликвидационных законов 1915 г. к 1917 г. многочисленные немецкие торгово-промышленные предприятия прекратили свое существование. Лишенные основного источника к существованию, немцы стали покидать столицу. К 1920 г. немецкое население Петрограда уменьшилось с 46,9 тыс. до 11 тыс., т.е. в 4,2 раза⁶, что стало существенным сокращением среди этнических групп города.

Гражданская война и экономическая разруха 1918–1920 гг. негативно сказались на жизни Петрограда. Численность городского населения сократилась, по данным переписей, с 1,9 млн чел. (на 1910 г.) до 722 тыс. чел. (на 1920 г.)⁷. Основной отток был связан с голодом, и многие горожане искали спасение в деревне.

Переход к новой экономической политике в 1921 г. способствовал постепенному восстановлению народного хозяйства в Советской России. Возрождение городской экономики было связано с допущением в экономику частного капитала и возрождением торгово-денежных отношений.

В Петрограде с середины 1921 г. жители стали в массовом порядке подавать заявления с просьбой разрешить открыть им то или иное кустарное предприятие. Не остались в стороне от этого процесса и петроградские немцы.

В результате обработки материалов губернского отдела местной промышленности были выявлены почти 200 немецких предприятий – как правило, небольшие мастерские. Их владельцами нередко были мастера, имевшие на руках дипломы, выданные Петербургской Ремесленной Управой, что являлось подтверждением их высокой квалификации.

Немцы стали открывать мастерские в традиционных отраслях. Так, 12 % немецких предприятий были связаны с выпечкой и продажей хлебобулочных изделий. Практически каждый из 24 мастеров, открывших свои заведения в 1921–1923 гг., работал до 1917 г. по спе-

⁶ Статистический сборник по Петрограду и Петроградской губернии. 1922 / РСФСР, Центральное статистическое управление, Петроградский губернский отдел статистики. Петроград, 1922. С. 11.

⁷ Там же.

циальности. Некоторые из них являлись владельцами собственных булочных, которые были национализированы. Так, Фридрих Грепер (1860 г.) в приложенном к заявлению анкетном листе отметил, что до 1919 г. имел свою булочную, с 1919 по 1921 г. работал на гражданских хлебопекарнях⁸.

Имея техническое образование, многие немцы (9 %) открывали в городе механические мастерские. По-прежнему было достаточное количество мастеров слесарного дела и портных (по 4 % среди немецких мастерских). Несмотря на экспроприацию и национализацию, в Петербурге остались ювелиры и часовых дел мастера (2 и 3 % от открывшихся заведений соответственно).

Таким образом, немецкие мастера смогли в короткий срок восстановить свое присутствие в городской экономике. Открытые ими мастерские имели разные объемы производства, не все смогли выдержать конкуренцию.

Литература

Дякин В.С. Первая мировая война и мероприятия по ликвидации так называемого немецкого засилья // Первая мировая война. 1914–1918 / отв. ред. А.Л. Сидоров. М.: Наука, 1968. С. 227–238.

Линдемманн К.Э. Законы 2-го февраля 1915 г. (Об ограничении немецкого землевладения в России) и их влияние на экономическое состояние Южной России: критический разбор / сост. К.Э. Линдемман. М.: Тип. К.Л. Миньшова, 1915. 115 с.

Поткина И.В. Правовое регулирование предпринимательской деятельности в России: XIX – первая четверть XX в. М.: Норма, 2009. 320 с.

Соболев И.Г. Борьба с «немецким засильем» в годы Первой мировой войны: автореф. дис. ... канд. ист. наук. СПб., 1998.

⁸ Центральный государственный архив Санкт-Петербурга (далее ЦГА СПб). Ф. Р-1938. Оп. 3. Ч. 2. Д. 2219. Л. 2.

М.И. Роднов

**НОВЫЙ ИСТОЧНИК ПО ИСТОРИИ ГОРНОЗАВОДСКОЙ
ПРОМЫШЛЕННОСТИ ЮЖНОГО УРАЛА
(СЕЛЬСКОХОЗЯЙСТВЕННЫЕ И ГОРОДСКИЕ ПЕРЕПИСИ
1917 И 1920 ГОДОВ)**

M.I. Rodnov

**NEW SOURCE ON THE HISTORY OF THE MINING INDUSTRY
OF THE SOUTHERN URALS (AGRICULTURAL AND URBAN
CENSUSES OF 1917 AND 1920)**

Аннотация. Во время проведения сельскохозяйственных переписей 1917 и 1920 гг. обследование проводилось и в заводских поселках, не имевших статус города, которых на Южном Урале было много. В карточках переписи на каждое домохозяйство часто указывалась профессия членов семьи, что позволяет реконструировать состав рабочих и управленческих коллективов. Совершенно неизученная городская перепись 1917 г. также является важным источником по индустриальному населению. Сохранились материалы по г. Златоусту – крупному промышленному центру.

Ключевые слова: промышленность, рабочие, экономика, переписи, статистика, Южный Урал, Тирлянский завод, 1920 г.

Среди широкого круга источников по истории индустриализации, положению рабочего класса, промышленному развитию вообще в России особое место занимают переписи фабрично-заводского населения. Особенно много их проводилось с образованием СССР, страны победившего пролетариата. Так, уже в 1918 г. на территории 31 губернии прошла профессиональная перепись рабочих и фабрично-заводских служащих Советской России, охватившая около 7 тыс. предприятий и 1,3 млн чел. трудящихся. Эти данные широко используются в научной литературе.

По дореволюционному периоду сохранилась обширная статистика, но специальные статистические обследования на уровне домохозяйств проводились редко, например при изучении кустарных

промыслов [Рыбаков, 1976; Воронкова, 1995]. Переломный период российской истории ознаменовался целым циклом различных переписей (в 1916, 1917, 1918 гг. и далее), смена эпох стимулировала власти активно изучать изменения в обществе.

От этих исследований сохранились обширные коллекции архивных материалов, включая первоисточники – подворные/поквартирные карточки, меньше – изданные итоги (они используются в научной литературе). Так, Е.Д. Румянцев привлекал данные региональных городских переписей 1916–1917 гг. по Саратову, Самаре, Казани, как и сведения Всероссийской промышленной и профессиональной переписи 1918 г. [Румянцев, 1989. С. 17]. Подворные карточки переписи 1917 г. анализировались М.В. Карташовой при изучении промыслов Нижегородской губернии [Карташова, 2023], В.Н. Разгоном – при исследовании крестьянства края [Разгон, 2022].

Подобные работы остаются редкостью в отечественной историографии, хотя в региональных архивах находятся внушительные массивы первоисточников. Так, в Уфе (в Национальном архиве Республики Башкортостан) имеются практически полные сведения городской переписи 1917 г. по пяти уездным центрам. Сохранились оба формуляра (домовая и поквартирная карточки) по городам Стерлитамак (НА РБ. Ф. Р-473. Оп. 1. Д. 72–76 и с № 268), Белебей (Там же. Д. 79–102), Бирск (Там же. Д. 103–142), Златоуст (Там же. Д. 143–267), нет данных по Уфе и Мензелинску.

Информация городских переписей используется в наибольшем объеме, тем более что в эпоху Российской империи они проводились местными властями достаточно часто (в Петербурге – 8, в Москве – 4 раза) [Массовые источники, 1979. С. 165; Бахарев, 2023; Бахарев, Главацкая, 2022], самостоятельные городские переписи прошли в 1916 г. в ряде городов¹. Материалы городской переписи 1917 г. имеются в архивах Тулы и Ярославля, Нижнего Новгорода и Кирова и др. В кировском архиве сохранились карточки по Вятке, Малмыжу, Котельничу, Орлову, Нолинску, Сарапулу, Слободскому, Яранску. В архиве Барнаула создали базу данных.

В исключительно редких случаях историки промышленности и рабочего класса России привлекают данные сельскохозяйственных переписей, в первую очередь основной формуляр – подворную кар-

¹ Материал по учету населения города Уфы 1916 года. Уфа: электрическая типо-литография Ф.Г. Соловьева, 1916.

точку. Городские поселения (индустриального, торгово-промышленного типа) не совпадали с официальными городами. В России имелось огромное количество заводских поселков, которые сохраняли статус сельских поселений, где действовали поземельные общины (общества). Особенно много подобных неаграрных населенных пунктов находилось на Урале. И все они подпадали под сельскохозяйственные и поземельные переписи. Например, крупные заводские селения были обследованы в 1917 г. в Златоустовском уезде Уфимской губернии: Куся (около 14 тыс. жителей), Сатка (15,5 тыс. чел.), Юрюзанский завод (9,1 тыс. чел.) [Роднов, 2002. С. 34, 48, 53]. Это были, по сути, небольшие городки, некоторые превышали по численности населения уездные центры. Материалы на все эти заводы сохранились.

А по программам сельскохозяйственных переписей учитывались кустарные промыслы, профессии жителей, и в промышленных поселениях статистики регистрировали занятия фактически городского населения. Подворные карточки – богатейший источник, который показывает демографию, экономику каждой семьи, роль сельского хозяйства (посевы, скот, инвентарь), обеспеченность земель, призыв в армию.

Эти традиции русской земской статистики продолжили первые советские исследования, в первую очередь Всероссийская перепись 1920 г., подворные карточки которой по Уфимской губернии и Малой Башкирии хранятся в Уфимском архиве [Роднов, 2009; Роднов, 2014; Роднов, 2014а]. При проведении переписи 1920 г. использовалось несколько формуляров, на лицевой стороне печатного бланка имеются графы: «Название профессии, должности или занятия, кроме своего земледелия. (Промыслы)» и «Место промысла». На самом массовом формуляре также на первой странице эти графы звучали почти так же: «Название профессии, занятия или промысла в настоящее время» и «Место, где занимается профессией или промыслом». Следующие графы уточняли информацию: «Положение в промысле (рабочий, самостоятельный, служащий и т.д.)», «Отрывается от земледелия совсем или частью». Со сведениями о трудоспособности, грамотности, призыве в армию, возрасте лица и информацией по хозяйству – все это позволяет установить положение рабочих и служащих заводских поселков. Сама методика переписей требовала от статистиков фиксации некрестьянского населения. Подворные

карточки переписи 1920 г. содержат огромный объем самой разнообразной информации.

Для примера выбираем Тирлянский завод бывшего Верхнеуральского уезда Оренбургской губернии, а в 1920 г. – Тамьян-Катайского кантона Малой Башкирии, нового административного советского образования². Это был центр Тирлянской волости, включавшей 13 населенных пунктов (рудники, лесничества, железнодорожные разъезды и станции). Кроме самого завода, здесь было еще одно большое селение – Николаевка (184 двора и 948 жителей), где проживали почти одни русские.

На самом Тирлянском заводе в 1920 г. переписью зафиксировано 1744 русских домохозяйства (семей) с населением в 8886 душ. Кроме того, здесь обитали поляки (4 семьи, 18 чел.), литовцы (3 двора, 15 чел.), шведы (3 хозяйства, 14 чел.), венгры (2 и 5 чел., национальность у первого записана как мадьяр, у второго – венгерц), две немецкие семьи (5 чел.) и одна латышей (3 чел.). Еще одного работника и одного квартиранта я не включил в число жителей, их национальность не указана. Этническую принадлежность надо воспринимать с определенными оговорками. Так, русским записан 23-летний сапожник Юзеф Дишлер, жена – учительница, 27 лет. Всего же в Тирляне в 1920 г. было 1761 домохозяйство (двор, семья) и 8946 чел. В реальности меньше, потому что здесь учтены призванные в армию (от Первой мировой до Гражданской), которые юридически числились членами домохозяйств.

Немалая часть жителей Тирляна занималась земледелием, в 543 дворах засевалось до 4 дес. посева (1 казенная десятина = 2400 кв. саженей = 1,09 га), в 42 хозяйствах сеяли от 4 до 10 дес., и единственное хозяйство имело посев от 10 до 15 дес. Абсолютное же большинство жителей Тирляна вообще не вели полевого хозяйства (1175 из 1761, или 67 %). Всего же в Тирляне, по приблизительным подсчетам, в 1920 г. посевная площадь составляла 1002,24 дес. Здесь часто посев записывался в карточках не в площадях (десятинах, саженях), а в нормах высева, сколько пудов или фунтов семян потратил домохозяин. Пересчитывать пуды в десятины можно только с большой долей условности. В целом, согласно нормативам той эпохи, для

² Здесь и далее все подсчеты по: Национальный архив Республики Башкортостан (НА РБ). Ф. Р-472. Оп. 1. Д. 870–871. Подворные карточки не пронумерованы.

пропитания имевшихся жителей Тирляна требовалось около 3 тыс. дес. посева. То есть собственное полеводство обеспечивало лишь треть потребностей завода в хлебе.

Перепись 1920 г. разделяла полевые посевы и посадки на огородах, кои имелись у подавляющей части жителей. И также большинство тирлянцев держали рабочих лошадей, всего 1672³. То есть сельское хозяйство со своих грядок и полей обеспечивало примерно треть продовольственной «корзины» Тирляна. Это хлебопотребляющая территория, нуждавшаяся в постоянном подвозе пропитания. Что естественно, ибо Тирлянский завод расположен в самом «центре» Южноуральских гор, в верховьях реки Белой при впадении в нее речки Тирлян.

Железодельный Тирлянский завод был построен по указу Берг-коллегии от 1801 г., являясь, как молотовый завод, частью Белорецкого горного округа [Неклюдов, 2004. С. 168]. В начале XX в. это одно из самых мощных предприятий края специализировалось на выпуске листовой стали, в 1910 г. выдало 1,2 млн пудов [История Башкортостана, 2007. С. 115]. В 1912 г. в Тирлян пришла узкоколейная железная дорога из Катав-Ивановска, в 1913 г. линию довели до Белорецка.

На 1901 г. в Тирлянском заводе проживало 6632 души обоего пола⁴, по данным переписи 1917 г. в Тирлянском заводе насчитывалось 9785 чел. жителей (1716 дворов)⁵. В 1920 г. население Тирляна состояло из 1761 двора (семьи) с 8946 чел. Три года революций, Гражданской войны и последовавшего экономического хаоса привели к сокращению населения с 9785 до 8946 чел., или на 839 душ – около 9 % числа жителей. Это сравнительно немного, уменьшение народонаселения происходило по всей горнозаводской, хлебопотребляющей зоне Южного Урала [Роднов, 2013]. Но информация подворных карточек переписи 1920 г. свидетельствует, что Тирлянский завод функционировал.

³ В итоговую сумму посева по Тирлян включено 10 пудов картофеля (0,08 дес.), а в поголовье рабочих лошадей учтены 2 лошади отдела здравоохранения, где также имелись 3 коровы, 10 кур и 200 кочней капусты на огороде.

⁴ Списки населенных мест Оренбургской губернии. Оренбург: Типо-литография губернского правления, 1901. С. 109.

⁵ Алфавитный список населенных мест Оренбургской губернии по данным сельско-хозяйственной и поземельной переписи 1917 года. [Оренбург, 1917]. С. 28.

Обработка первоисточника – подворных карточек – позволяет восстановить состав рабочих коллективов, показать домашнее хозяйство. Например, это Иван Дмитриевич Щербаков, 26 лет, машинист на паровозе. Его 17-летний брат служил помощником машиниста, семья – 10 душ, рабочая лошадь, посева нет. Также беспосевными являлись служащие железной дороги: 30-летний токарь Александр Ефимович Вилков, 23-летний Тимофей Иванович Портнов («смасщик»), 40-летний кондуктор Николай Андреевич Телегин, 27-летний поездной кочегар Иван Григорьевич Комаров, а также мастер из шведов Адольф Августович Адамсон, телефонный мастер Дмитрий Никифорович Валавин, 55-летний доменный мастер Михаил Емельянович Сенюткин, 31-летний Василий Афонасьевич Горячкин, который трудился «на моторе на мельнице», и др.

Переписчики в Тирляне в 1920 г. особо отмечали служащих, которые, видимо, внешне выделялись на общем пролетарском фоне. Это 43-летний заведующий хозяйственным отделением Тирлянского завода Андрей Прокопьевич Сазонов (лошадь, 0,63 дес. посева), 33-летний счетовод Степан Андреевич Маврин (лошадь, беспосевный), 43-летний Михаил Елизарович Пудинов – заведующий лесопильным заводом (то же), 25-летний бухгалтер Иван Алексеич Подгорбунский, заведующий службой пути Иван Сергеевич Сеснев, заведующий движением Феодор Яковлевич Бобров (у всех по одной лошади, полевых посевов нет). В Тирляне перепись в 1920 г. наверняка проводили несколько статистиков. Один из них, нарушая инструкцию, не записывал точный возраст домохозяев, поэтому он указывается не у всех.

Подворные карточки показывают тирлянскую интеллигенцию – учителя (Дмитрий Канидиевич Васильев, 56 лет), медицинских работников (Матвей Кузьмич Устинов, 30 лет, фельдшер; Владимир Григорьевич Словцов, 35 лет, доктор; Василий Михайлович Хлесткин, заводской фельдшер; Федот Артемьевич Оглоблин, 43 года, ветеринарный фельдшер), иных служащих (Федот Павлович Борисков, 38 лет, почтальон; Вениамин Александрович Горячев, 23 года, почтово-телеграфный чиновник), духовенство (Матвей Константинович Фокин, 34 года, священник; Марина Евдокимовна Недоспасова, 77 лет, учит читать псалтирь), фиксируются бывшие предприниматели (Петр Матвеевич Силаев, 65 лет, мелочная лавка заброшена).

Сравнение с дореволюционными справочниками Оренбургской губернии подтверждает кардинальную смену кадрового состава. Лишь Владимир Георгиевич (отчество различалось) Словцов в 1917 г. числился врачом Инзерской заводской больницы, был призван в армию⁶. Вероятно, к 1920 г. он вернулся с фронта, но поселился в Тирлянском заводе.

Любопытно, что перепись 1920 г. фиксирует новую советскую власть в Тирляне: Петр Александрович Балбеков, 23 года, секретарь заводского комитета (лошадь, 1 дес. посева), 27-летний сын Федора Леонтьевича Щербакова был председателем парткома (2 лошади, 3,13 дес.), Николай Петрович Чертихин – помощник комиссара (2 лошади, беспосевный), у 65-летней Саклетеи Дементьевны Мосеевой 38-летний сын служил предисполкома (имущества не имели), 37-летний Николай Макарович Лахманов (2 лошади, 3 дес. посева) являлся комиссаром на железной дороге.

Наконец, статистики в 1920 г. тщательно зарегистрировали тирлянских милиционеров. Начальником милиции был 32-летний Петр Николаевич Синепалов (лошадь, 1 дес. посева), а вообще в правоохранители устремилось немало народа (44-летний Никифор Михайлович Сунегин, 30-летний Егор Леонтьевич Малахов – у обоих имелось по лошади, беспосевные, др.). Всего в Тирляне по карточкам выявлены 20 милиционеров, одного направили в Белорецк, почти все ничего не сеяли.

Таким образом, первичные материалы городских и сельскохозяйственных переписей являются великолепным источником для изучения индустриальных поселений (городов и рабочих поселков). Конечно, исследователь сам должен составлять итоговую статистику, просматривая весь массив подворных (поквартирных) карточек. Но такая информация позволяет отойти от средних статистических данных, увидеть реальную ситуацию в заводских поселениях, провести любую группировку. Привлечение массового материала первоисточников – подворных карточек городских и сельскохозяйственных переписей 1917, 1920 гг. и других открывает широкие перспективы в научных исследованиях.

⁶ Адрес-календарь Оренбургской губернии на 1917 год. Оренбург: Типография Губернского Правления, 1917. С. 70.

Литература

Бахарев Д.С. Переписи городов Пермской губернии 1860-х – 1918 гг.: опыт описания и каталогизации // Уральский исторический вестник (Екатеринбург). 2023. № 2 (79). С. 6–15.

Бахарев Д.С., Главацкая Е.М. Переписи русского позднеимперского города: история проведения, география, достоверность // Российская история. 2022. № 6. С. 150–164.

Воронкова С.В. Массовые источники по истории промышленности России конца XIX – начала XX века. М.: Изд-во Моск. ун-та, 1995. 103 с.

История Башкортостана во второй половине XIX – начале XX века: в 2 т. Уфа: Уфимский полиграфкомбинат, 2007. Т. II. 368 с.

Карташова М.В. Материалы Всероссийской переписи населения 1917 г. как источник для изучения кустарных промыслов // Писцовые книги и другие массовые источники по истории России XVI–XXI вв.: материалы XX Всерос. науч. конф., посвящ. памяти М.Ю. Зенченко (Нижний Новгород, 7–9 июля 2017 г.). Нижний Новгород, 2023. С. 99–104.

Массовые источники по социально-экономической истории России периода капитализма / отв. ред. И.Д. Ковальченко. М.: Наука, 1979. 415 с.

Неклюдов Е.Г. Уральские заводчики в первой половине XIX века: владельцы и владения. Нижний Тагил: Изд-во НТГСПА, 2004. 597 с.

Разгон В.Н. Адаптация «стольпинских» переселенцев на Алтае (по данным Всероссийской сельскохозяйственной переписи 1917 г.) // Уральский исторический вестник. 2022. № 1 (74). С. 125–136.

Роднов М.И. Крестьянство Златоустовского уезда по переписи 1917 года. Уфа: ДизайнПолиграфСервис, 2002. 68 с.

Роднов М.И. Крестьянство Белебеевского уезда по переписи 1920 года: этнический состав / отв. ред. А.Д. Коростелев. М.: ИЭА РАН, 2009. 121 с.

Роднов М.И. Демографические последствия Гражданской войны на Южном Урале (по материалам Златоустовского уезда) // Горизонты демографического развития России: смена парадигм научного предвидения: сборник материалов IV Уральского демографического форума с междунар. участием. Екатеринбург: Институт экономики УрО РАН, 2013. С. 286–291.

Роднов М.И. Население Уфимского уезда по переписи 1920 года: справочник / отв. ред. А.Д. Коростелев. СПб.: Свое издательство, 2014. 144 с.

Роднов М.И. Население Уфимской губернии по переписи 1920 года: этнический состав (Бирский, Златоустовский и другие уезды) / отв. ред. А.Д. Коростелев. М.: ИЭА РАН, 2014. 178 с.

Рыбанцев Е.Д. Рабочий класс Поволжья в годы Первой мировой войны и февральской революции (1914–1917 гг.), Казань: Изд-во Казанского университета, 1989. 223 с.

Рыбаков Ю.Я. Промышленная статистика России XIX в. Историко-экономическое исследование. М.: Наука, 1976. 276 с.

Раздел 3. СОВЕТСКАЯ ИНДУСТРИАЛИЗАЦИЯ ПЕРВЫХ ПЯТИЛЕТОК

УДК 94(47).084.6

DOI 10.25205/978-5-4437-1718-0-17

Ю.П. Голицын

АНУЛИРОВАНИЕ ГОСУДАРСТВЕННЫХ ЗАЙМОВ И ФИНАНСИРОВАНИЕ ИНДУСТРИАЛИЗАЦИИ В СССР

Yu.P. Golitsyn

CANCELLATION OF GOVERNMENT LOANS AND FINANCING OF INDUSTRIALIZATION IN THE USSR

Аннотация. В статье предпринята попытка показать последствия аннулирования советским правительством внешних и внутренних государственных займов в январе 1918 г. В международном отношении это вылилось в иностранную военную интервенцию, финансовую и кредитную блокаду, неоднократные попытки решить долговую проблему на двусторонних и многосторонних переговорах. Внутри Советской России попытка провести индустриализацию без получения внешних займов привела к изъятию церковных ценностей, форсированному экспорту леса, нефти, зерна, продаже за рубеж произведений искусства, насильственной коллективизации.

Ключевые слова: индустриализация, государственный долг, аннулирование, международные переговоры, Советская Россия, конфискация церковных ценностей, продажа произведений искусства, принудительные займы, коллективизация.

Об индустриализации в СССР написано огромное количество книг и статей. Казалось бы, изучены все политические и социально-экономические проблемы. Исследователи пришли к выводу, что основными при принятии решения о начале индустриализации были два тесно взаимосвязанных вопроса – о темпах и финансиро-

вании. И, по мнению многих историков, главной проблемой во второй половине 1920-х гг. стала валютная, так как промышленный переворот возможен только за счет зарубежных технологий и техники, а валюта была дефицитом. К сожалению, практически все исследователи на констатации этого и останавливаются, переходя зачастую к обсуждению перипетий политической борьбы внутри партийного руководства. Во многом это связано с тем, что советская система хозяйствования, по словам С.Н. Прокоповича, обусловила «постоянное стремление “политизировать” хозяйственную жизнь» [Прокопович, 1934. С. 83]. Это наложило отпечаток и на труды многих советских историков.

Однако острый недостаток валюты имеет свое объяснение. Прежде всего, это связано с аннулированием государственных займов в январе 1918 г. Говоря в 1926 г. о наличии в СССР источников накопления, достаточных для того, чтобы обеспечить индустриализацию страны, И.В. Сталин особо отметил значение отказа от оплаты займов дореволюционной России. «Я мог бы сослаться, – говорил И.В. Сталин, – на такой факт, как аннулирование царских долгов. Не следует забывать, что при оставлении этих долгов нам пришлось бы платить ежегодно несколько сот миллионов одних лишь процентов в ущерб промышленности, в ущерб всему нашему народному хозяйству. Нечего и говорить, что это обстоятельство внесло большое облегчение в дело накопления»¹.

Сталин здесь говорит лишь о положительной стороне вопроса, называет конкретные суммы экономии, однако последствия от аннулирования имели и отрицательную сторону. Подсчитать то, что было потеряно от такого радикального решения долговой проблемы, гораздо сложнее, может быть даже невозможно. Поэтому постараемся рассмотреть те события, которые, с одной стороны, стали следствием отказа от оплаты внешних и внутренних займов, с другой стороны – привели к необходимости принятия жестких мер для зарабатывания валюты для осуществления внешнеторговых операций.

21 января 1918 г. ВЦИК был принят очередной революционный декрет, основные положения которого звучали следующим образом: «1. Все государственные займы, заключенные правительствами рос-

¹ Сталин И.В. Собрание сочинений. М., 1951. Т. 8. С. 124.

сийских помещиков и российской буржуазии... аннулируются (уничтожаются) с декабря 1917 года. 2. Равным образом аннулируются все гарантии, данные названными правительствами по займам различных предприятий и учреждений. 3. Безусловно и без всяких исключений аннулируются все иностранные займы...»².

Критики декрета сразу же отметили, что после принятия декрета об аннулировании государственных займов «оборвана связь не только с союзниками, но и вообще с внешним миром, обрублены питательные провода, поддерживавшие расшатанное в корне русское государственное и народное хозяйство». Разбирая возможные последствия для России от принятия такого решения, эксперты считали вероятными следующие меры воздействия, к которым могли прибегнуть государства-кредиторы: «посылка дипломатических нот, меры строгости по отношению к подданным несостоятельного государства, открытие таможенной войны, неисполнение торгово-договорных обязательств и нарушение принципа наибольшего благоприятствования, наложение ареста на находящиеся в заграничных кредитных учреждениях суммы несостоятельного государства, установление над его финансами внешнего иностранного контроля и военная блокада берегов» [Зак, 1918. С. 112]. И практически все эти меры были использованы в дальнейшем против советского государства.

Однако последствия аннулирования оказались даже более значительными. И эти последствия стали проявляться практически сразу после появления декрета 21 января 1918 г., т.е. еще задолго до индустриализации.

Условно их можно разделить на внешние (международные) и внутренние.

О необходимости соблюдения международных обязательств советскому правительству напомнили очень быстро. Уже 14 февраля 1918 г. в Наркоминдел РСФСР поступила нота дипломатического корпуса, где говорилось: «Все союзные и нейтральные послы и посланники, аккредитованные в Петрограде, настоящим извещают Комиссариат по иностранным делам, что они рассматривают все декреты рабочего и крестьянского правительства об аннулировании государственных долгов, о конфискации собственности и т.д., по-

² Декреты Советской власти. М., 1957. Т. I. С. 386.

сколько они касаются иностранных подданных, как несуществующие»³.

Так как советское правительство проигнорировало эту ноту, со стороны стран-кредиторов последовали гораздо более агрессивные действия – началась иностранная военная интервенция. Именно Великобритания и Франция, будучи основными кредиторами, стали главными интервентами. Таким образом, одной из основных причин военной интервенции стран Антанты, что сопровождалось огромными потерями для нашей страны, было стремление восстановить в России такое правительство, которое бы гарантировало погашение внешних долгов, взятых царским и Временным правительствами.

Это прекрасно понимало и советское правительство. В воззвании, с которым 1 августа 1918 г. оно обратилось к пролетариату Франции, Англии, США, Японии и Италии, говорилось: «Первая их (буржуазных правительств. – Ю. Г.) цель – захват по возможности большей территории России, дабы ее богатствами, железными дорогами обеспечить проценты по займам для французского и английского капитала»⁴.

После окончания Гражданской войны ведущие европейские страны – бывшие кредиторы России – начали дипломатическую (отказ в признании), финансовую (отказ в кредитах) и золотую (отказ от покупки) блокады советского правительства.

Государственные кредиты за рубежом получить было невозможно, а продажа золота была возможна только с 25–30%-ным дисконтом под прикрытием нейтрального статуса Швеции. Российское золото тайно отправлялось в Швецию, где переплавлялось и дополнительно очищалось. После чего уже со штампами шведских банков поступало в продажу на международном рынке, там его с дисконтом покупали банки тех стран, где оно официально было запрещено [Осокина, 2009. С. 365]. В результате активных распродаж и тайной финансовой помощи Коминтерну на 1 февраля 1922 г., по сведениям Наркомфина, золотой фонд СССР составлял всего 217,9 млн руб., при этом неоплаченные платежи по обязательствам золотом достигли 103 млн руб. [Осокина, 2009. С. 365].

³ Внешняя политика СССР (1917–1920). Сборник документов. М., 1944. С. 48.

⁴ Международная политика новейшего времени в договорах, нотах и декларациях. Ч. 2. М., 1926. С. 158.

В 1922 г. в Генуе и Гааге были проведены две международные конференции, на которых решался так называемый «русский вопрос». Советская сторона просила предоставить ей кредиты для восстановления экономики, европейцы требовали признать «царские» долги. Обе конференции закончились ничем. Во многом нежелание европейских держав идти на компромисс объяснялось не только тем, что советское правительство предъявило требование по компенсации за интервенцию в 3 раза (39 против 13 млрд) выше, чем иностранцы по аннулированным долгам и национализации, но и тем, что в соответствии с Брестским мирным договором с Германией и ее союзниками РСФСР отправил в сентябре 1918 г. в Берлин два эшелона с золотом (на 120,799 млн руб.) и кредитными билетами (на 203,635 млн руб.) в качестве компенсации за убытки германских подданных, последовавшие после отказа РСФСР от выполнения обязательств по государственным займам и национализации их собственности⁵. Тем самым был создан прецедент для требований других кредиторов. Правда позднее, несмотря на то, что Брестский договор был аннулирован, золото перешло к Франции и Англии «в погашение долга России по отношению к обоим государствам»⁶.

Но Советской России удалось добиться дипломатического успеха, так как накануне Генуэзской конференции 16 апреля 1922 г. в договоре между РСФСР и Германией, который был заключен в Рапалло во время Генуэзской конференции, зафиксировано окончательное урегулирование советско-германских финансово-экономических отношений. Стороны согласились на нулевой вариант в отношении взаимных претензий «при условии, что Правительство РСФСР не будет удовлетворять аналогичных претензий других государств»⁷. Впоследствии этот документ стал основой для заключения кредитных договоров СССР с Германией в 1926, 1931 и 1932 гг.

В середине 1920-х гг. началась серия двусторонних переговоров, в ходе которых обсуждалась и проблема дореволюционных долгов. 14 апреля 1924 г. после прихода к власти в Великобритании лейбористского правительства состоялось первое пленарное заседание

⁵ Российский государственный архив экономики (РГАЭ). Ф. 7733. Оп. 1. Д. 7016. Л. 1.

⁶ Исторический архив. 1998. № 1. С. 137.

⁷ Советско-германские отношения от переговоров в Брест-Литовске до подписания Рапалльского договора. Сб. докум. М., 1971. Т. 2 (1919–1922). С. 480.

англо-советской конференции, где обсуждались все важнейшие проблемы двусторонних отношений, в том числе и долговые. Советская делегация противопоставила английским претензиям контр-претензии советских граждан к английскому правительству за ущерб, причиненный иностранной военной интервенцией. В результате вопрос о военных долгах был оставлен «для обсуждения впоследствии» [Волков, 1958. С. 48].

В советско-английском договоре, который подписан 8 августа 1924 г., указывалось, что «правительство Союза ССР заявляет, что, в изъятие из декрета от 28 января 1918 г. (об аннулировании долгов бывшего императорского и временного правительств), оно удовлетворит при условиях, установленных в настоящем договоре, претензии британских держателей займов, подлежащих оплате в иностранной (нерусской) валюте и выпущенных либо принятых на себя, либо гарантированных бывшим императорским российским правительством или самоуправлениями городов, расположенных на территории, ныне включенной в Союз». Но договор от 8 августа 1924 г. не был ратифицирован, так как в ноябре того же года к власти в Англии вновь пришло правительство консерваторов. Таким образом, вопрос о долгах снова был отложен [История дипломатии, 1945. С. 374].

Видя, что Англия начала с СССР переговоры о дипломатическом признании, а в ходе них обсуждается, в том числе, и долговая проблема, свою позицию была вынуждена изменить и Франция. Контакты между Парижем и Москвой по долговой тематике начались в 1925 г., а 25 февраля 1926 г. открылась Парижская конференция. Основные принципы переговоров состояли в следующем. С одной стороны, Советский Союз «в порядке исключения» из декрета от 21 января 1918 г. об аннулировании долгов царского и Временного правительств был готов удовлетворить требования французских граждан, вытекающие из довоенных долгов царского правительства. С другой стороны, правительство Франции обязалось сделать все необходимое для предоставления СССР кредитов, которые облегчат выполнение его обязательств перед французскими держателями облигаций русских займов.

В ноте от 21 сентября 1927 г. советская делегация согласилась уплачивать Франции в течение 61 года по 60 млн зол. франков. Указанные годовые взносы должны вноситься в Общую кассу русских

займов, которая должна быть образована в Париже и будет производить их распределение.

Общая сумма французских кредитов СССР была определена в сумме 120 млн долл., предоставляемых в течение 6 лет, по 20 млн ежегодно и исключительно на оборудование для промышленности, транспорта, сельского и коммунального хозяйства. Две трети кредитов предполагалось использовать на оплату заказов промышленности Франции, одну треть – на закупки товаров у французских фирм. Погашение каждых 20 млн долл. осуществляется по истечении 6 лет, но выплата процентов должна начинаться со дня окончания года после предоставления кредитов.

Согласно советским предложениям, соглашение о долгах должно было вступить в силу лишь после заключения соглашения о кредитах. В шестимесячный срок правительство СССР обязалось депонировать в одном из банков Франции в качестве предварительного взноса 30 млн зол. франков, которые немедленно после ратификации соглашений о долгах и кредитах обеими договаривающимися сторонами должны были быть распределены между держателями российских ценных бумаг⁸.

Но 1 октября французское правительство официально поставило вопрос о замене советского полпреда в Париже Х. Раковского, воспользовавшись его призывами к мировой революции на одном из партийных форумов. И. Сталин отозвал одного из лидеров оппозиции в СССР, что вернуло позиции сторон в первоначальное положение. Более того, в 1928 г. французская сторона попыталась арестовать партию советского золота, направлявшуюся для продажи в США.

Параллельно проведению переговоров с европейскими странами Советский Союз пытался наладить аналогичный процесс и на своих дальневосточных границах. В июле 1924 г. на официальных переговорах японская сторона среди прочих требований предъявила и условия оплаты дореволюционных долгов (правительственных – на 300 млн иен и частных – на 69 млн иен). Данные переговоры завершились подписанием в январе 1925 г. в Пекине Конвенции об основных принципах взаимоотношений между СССР и Японией, где финансовым претензиям была посвящена лишь одна фраза о

⁸ Международная политика новейшего времени... Ч. III, вып. 1. М., 1928. С. 396–401.

том, что «все вопросы о долгах правительству или подданным Японии в связи с займами царскому и Временному правительствам оставлены для разрешения на последующих переговорах» [Кутаков, 1961. С. 187]. Аналогичная позиция зафиксирована и на советско-американских переговорах в начале 1930-х гг.

Если говорить о внутренних последствиях аннулирования государственных долгов, то стоит вспомнить прежде всего о конфискации церковного имущества. И неслучайно процесс ограбления церкви начался в марте 1922 г., накануне Генуэзской конференции, где решался вопрос о «русских» долгах. В.И. Ленин 19 марта 1922 г. писал: «Нам во что бы то ни стало необходимо провести изъятие церковных ценностей самым решительным и быстрым образом, чем мы можем обеспечить себе фонд в несколько сотен миллионов золотых рублей... Без этого фонда никакая государственная работа вообще, хозяйственное строительство в частности, и никакое отстаивание своей позиции в Генуе в особенности, совершенно невысказано...»⁹. Это прекрасно понимало и население. Так, рабочие Яхромской фабрики Дмитровского уезда заявили, что «протестуют против принудительного отбора церковных ценностей, потому что все отобранное не последует по назначению и только сотая часть собранного пойдет на помощь голодающим, все остальное золото и все ценности уйдут на уплату царских долгов» [Кривошапкина, 1997. С. 97].

Остро нуждаясь в притоке иностранного капитала, сразу после Генуэзской конференции советское правительство попыталось осуществлять заемные операции на международном финансовом рынке. Первый опыт подобной работы был получен в процессе подготовки и выпуска в сентябре 1922 г. Первого международного 5%-ного займа. Эмитентом этого займа являлось находившееся в Берлине торгово-промышленное акционерное общество Международной рабочей помощи (Межрабпом). Заем был выпущен в виде долгосрочных облигаций на сумму 1 млн долл., хотя первоначально обсуждалась сумма в 1 млрд. Оплату процентов и погашение облигаций должно было осуществлять Российское отделение общества. Советское правительство гарантировало выкуп и оплату процентов по займу. Но полностью целей займа достигнуть не удалось [Голицын, Соколов, 2017а. С. 168–170].

⁹ Русская Православная Церковь и коммунистическое государство. 1917–1941. Документы и фотоматериалы. М., 1996. С. 89.

Кроме того, РСФСР пыталась распространять за границей и собственные облигации. Так, постановлением СНК РСФСР от 31 октября 1922 г. о выпуске выигрышного займа предполагалась его реализация не только внутри страны, но и за рубежом. В Германии об этом займе был опубликован проспект. Все расчеты с владельцами облигаций за границей производились в российской золотой валюте или долларах. Однако эта попытка фактически провалилась. В 1923–1924 финансовом году предполагалось реализовать за рубежом облигаций этого займа на 50 тыс. руб., а получили только 5 тыс. руб., при том что общий объем этого займа составлял 100 млн руб. [Хейфец, 2003. С. 97].

Не имея возможности получать иностранные кредиты, советское правительство было вынуждено восстанавливать внутренний фондовый рынок. Но разместить облигации госзаймов внутри страны было практически невозможно, так как население не доверяло правительству. Поэтому распространение Первого выигрышного займа, выпущенного в 1922 г. первоначально в свободное обращение, стало на следующий год «добровольно-принудительным». Провал объясняется достаточно просто. Несмотря на очень привлекательные условия займа, у потенциальных покупателей не было уверенности в прочности и последовательности новой экономической и финансовой политики советского государства, ведь еще несколько лет назад революционные декреты угрожали суровым наказанием за операции с ценными бумагами [Голицын, 2020. С. 265].

Во второй половине 1920-х гг. для населения страны невозможность получения иностранных кредитов обернулась фактически обязательной подпиской на облигации внутренних госзаймов. В 1927 г. практически во всех предприятиях и организациях появились комитеты содействия госкредиту (комсоды), которые и занялись распространением гособлигаций. Каждый рабочий и служащий должен был подписаться на облигации в размере месячного заработка, правда, разрешалось оплачивать облигации частями по 7–8 % в месяц. Характерно, что советские облигации имели маленький номинал, что позволяло собирать в государственную казну даже небольшие суммы с самых широких слоев населения. При этом практически все займы имели выигрышные выпуски, чтобы хоть как-то сделать их привлекательными. В дореволюционной же России номинал ценных бумаг был высоким, чтобы отсечь «от игры» на фон-

довом рынке малообеспеченные слои населения. Выигрышных же займов за всю историю выпуска гособлигаций было размещено всего три.

По официальным данным, на 1 октября 1929 г. в СССР 75 % государственного долга состояли из массовых займов, распространявшихся по коллективной подписке, и лишь 25 % – из рыночных займов. В результате доходы от внутренних займов в бюджете 1928/1929 гг. составили 34,3 % [Соколов, 2005. С. 310].

Кроме государственных займов, советское правительство в первые годы индустриализации пыталось выпускать и облигации акционерных обществ, размещая их за валюту. Так, в целях привлечения средств на нужды технической реконструкции Уссурийской железной дороги 19 июня 1928 г. советское правительство разрешило ее правлению выпустить облигационный заем на сумму 30 млн руб. сроком на 4 года. По облигациям займа со дня выпуска назначались проценты в размере 8 % годовых. Разрешалось продавать облигации займа за иностранную валюту как за границей, так и на территории СССР. Облигации займа могли котироваться на бирже, свободно продаваться и закладываться, без ограничений ввозиться и пересылаться в СССР из-за границы. Предусматривалось, что продажа облигаций начнется по курсу 75 руб. и производиться будет только в иностранной валюте, паритетной курсу червонца. За время с 1 октября 1930 г. по 1 ноября 1931 г. Дальбанком в Харбине было продано облигаций займа Уссурийской железной дороги на сумму немногим более 9 млн руб. И хотя это немаленькая сумма, но общий объем займа был гораздо выше. В октябре 1936 г. данные облигации на сумму 49 млн руб. были уничтожены из-за отсутствия спроса.

Другим корпоративным займом стал облигационный заем Акционерного Камчатского общества. «В целях привлечения средств для развития промышленных предприятий» правлению АКО в 1931 г. разрешалось выпустить облигационный заем на сумму в 25 млн руб. сроком на 4 года. Заем обеспечивался доходами и всем имуществом Акционерного Камчатского общества. Но и их размещение нельзя признать успешным, так как полностью они не были размещены. Остаток тиража сожгли в 1934 г. [Голицын, Соколов, 2017б. С. 182–187].

В годы первой пятилетки появляется еще один вариант получения валюты для индустриализации. В июле 1930 г. создается «Спе-

циальная контора по торговле с иностранцами в СССР “Торгсин”». В первое время покупать товары в Торгсине могли только иностранцы, через год советские граждане уже тоже могли приобретать что-либо за золотые рубли царской чеканки, а в ноябре 1931 г. Торгсину было разрешено скупать у населения бытовое золото. В декабре 1932 г. Торгсин начинает принимать в оплату за продукты серебро, особенно активно эта операция будет проводиться весной 1933 г. в разгар голода. За короткий период своего существования (около 5 лет) Торгсин скупил ценностей на сумму более 287 млн руб., что эквивалентно 220 т золота [Осокина, 2019. С. 310, 334–337].

Еще одной возможностью получения валюты являлась продажа за рубеж произведений искусства. За шесть лет (1928–1934 гг.) из музеев СССР было продано около 20 тыс. различных экспонатов, в том числе около 1500 произведений живописи. Среди них – неопределимые шедевры (Боттичелли, Ван Дейк, Ван Эйк, Веласкес, Веронезе, Рафаэль, Рембрандт, Рубенс, Тициан и др.). По мнению Ю. Жукова, за все, включая шедевры, получено около 2,5 млн золотых руб. или 12,5 млн долл. [Жуков, 2005. С. 324–326.] Е.А. Осокина, ссылаясь на оценку наркома просвещения Бубнова, считает, что антикварный экспорт принес государству около 40 млн руб., что примерно равно стоимости импортного оборудования для Горьковского автомобильного завода или Магнитки [Осокина, 2003. С. 264].

Но, конечно, самым масштабным последствием невозможности внешнего финансирования индустриализации стало проведение коллективизации. Именно отсутствие внешних кредитов заставило советское правительство покупать промышленное оборудование за наличные. Это поставило импорт в прямую зависимость от экспорта. А так как главным экспортным продуктом было зерно, начинается его изъятие у крестьянства. В августе 1930 г. Сталин писал Молотову: «Микоян сообщает, что заготовки растут и каждый день вывозим хлеба 1–1,5 млн пудов. Я думаю, что *этого мало*. Надо поднять теперь же норму ежедневного вывоза до 3–4 млн пудов *минимум*. Иначе рискуем остаться без наших новых металлургических и машиностроительных (Автозавод, Челябинский завод и пр.) заводов. Найдутся мудрецы, которые предложат *подождать* с вывозом, пока цены на хлеб на международном рынке не подымутся “до высшей точки”. Таких мудрецов немало в наркомторге. Этим мудрецам надо гнать в шею, ибо они тянут нас в капкан. Чтобы ждать, надо иметь валютные

резервы. А у нас их нет... Словом, нужно *бешенно форсировать* вывоз хлеба»¹⁰.

В стране разворачивается процесс чрезвычайных мер в хлебозаготовках, а затем насильственная коллективизация. Взаимосвязь этого процесса с аннулированием государственных долгов в 1918 г. для крестьян была очевидна. Неслучайно в разных районах страны отзывы крестьян были одинаковыми («хлеб забирают, чтобы расплатиться по царским долгам»)¹¹.

При этом у крестьян не только изымали зерно, но и заставляли покупать облигации госзаймов. Вот что писал в июне 1928 г. Ю. Степанов из деревни Ново-Николаевка Лисогорского района Первомайского округа УССР «всеукраинскому старосте» Г.И. Петровскому: «...Это интересная комедия – облигации укрепления крестьянского хозяйства. Но разве вы этими облигациями укрепляете хозяйство? Вы разоряете его. А именно, для того чтобы мне выплатить все облигации, я продал все, чуть ли не последнюю рубашку»¹².

Подводя итоги, можно констатировать, что финансирование индустриализации из-за невозможности получения внешних займов способствовало чрезвычайному напряжению при получении валюты за счет практически всего, что можно было отправить на экспорт (золото, зерно, лес, нефть, произведения искусства и др.). При этом усиленная бумажно-денежная эмиссия и бюджетные вложения в развитие промышленности во многом за счет внутреннего рынка капиталов не только не способствовали подъему благосостояния населения (особенно сельского), но и привели к его заметному снижению, особенно в годы первой пятилетки. Напротив, использование внешних кредитов при проведении индустриализации позволило бы избежать многих тягот для населения СССР. Основной же причиной отсутствия зарубежных займов и необходимости получения валюты любым способом в конце 1920 – начале 1930-х гг. стало аннулирование внешних и внутренних займов в январе 1918 г. и невозможность реструктуризации государственного долга в дальнейшем

¹⁰ Сталин И.В. Сочинения. Тверь, 2004. Т. 17. С. 347–348.

¹¹ Печерский В.А. Отношение крестьян Хакасии к аграрной политике государства в 30–40 годы XX в. URL: <http://hist.dkn-asu.ru/45-220.html&text>; Хришкевич Т.Г. Кооперация в оценке крестьян северо-запада России (по материалам 1920-х годов). URL: <http://journal.pskov.ru/docs/number16/17.html&text/>.

¹² Голос народа. Письма и отклики рядовых советских граждан о событиях 1918–1932 гг. М., 1997. С. 211.

из-за потери доверия со стороны иностранных инвесторов и правительств.

Литература

Волков Ф.Д. Англо-советские отношения (1924–1929 гг.) М.: Госполитиздат, 1958. 464 с.

Голицын Ю.П. Первые советские государственные займы и денежная реформа 1921–1924 гг. // Деньги в российской истории. Вопросы производства, обращения, бытования. Вып. 3. СПб.: Гознак, 2020. С. 261–266.

Голицын Ю.П., Соколов А.С. «Связан с честью и авторитетом Коммунистического Интернационала» // «До основания, а затем...» (ценные бумаги революционной и советской России: исторические сюжеты). М.: Перо, 2017а. С. 168–174.

Голицын Ю.П., Соколов А.С. «Право требовать оплаты в иностранной валюте» (внешние займы советских акционерных компаний) // «До основания, а затем...» (ценные бумаги революционной и советской России: исторические сюжеты). М.: Перо, 2017б. С. 182–187.

Жуков Ю. Сталин: операция «Эрмитаж». М.: Вагриус, 2005. 335 с.

Зак А.Н. Государственное банкротство России как явление финансово-экономическое и международно-правовое // Коллас К. Государственное банкротство и его течение. Пг.: б.и., 1918. 128 с.

История дипломатии: в 3 т. / под ред. В.П. Потемкина. Т. 3: Дипломатия в период подготовки второй мировой войны (1919–1939) / сост. И.И. Минц, А.М. Панкратова и др. М., Л.: ОГИЗ, 1945. XII, 883 с.

Кривова Н.А. Власть и церковь в 1922–1925 гг.: Политбюро и ГПУ в борьбе за церковные ценности и политическое подчинение духовенства. М.: АИРО-XX, 1997. 247 с.

Кутаков Л.Н. Портсмутский мирный договор (Из истории отношений Японии с Россией и СССР. 1905–1945 гг.) М.: Соцэкгиз, 1961. 291 с.

Осокина Е.А. Антиквариат (Об экспорте художественных ценностей в годы первой пятилетки) // Экономическая история: Ежегодник. 2002. М.: РОССПЭН, 2003. С. 233–268.

Осокина Е. Алхимия советской индустриализации: время Торгсина. М.: Новое литературное обозрение, 2019. 344 с.

Прокопович С.Н. Идея планирования и итоги пятилетки. Париж: б.и., 1934. 115 с.

Соколов А.С. Финансовая политика Советского государства. 1921–1929 гг. М.: Звездапад, 2005. 366 с.

Хейфец Б.А. Кредитная история России. Характеристика суверенного заемщика. М.: Экономика, 2003. 392 с.

Н.А. Потапова

**ПРОБЛЕМА НЕЗАНЯТОСТИ НАСЕЛЕНИЯ
В СИБИРСКОМ КРАЕ НА РУБЕЖЕ 1920–1930-Х ГГ.:
СТАТИСТИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ¹**

N.A. Potapova

**THE PROBLEM OF UNEMPLOYMENT
IN THE SIBERIAN REGION AT THE TURN
OF THE 1920S–1930S: STATISTICAL ASPECTS**

Аннотация. В статье анализируется численность безработных в Сибирском крае в период конца 1920-х – начала 1930-х гг. Это время, когда официальная безработица в стране в целом и в Сибирском крае в частности достигала максимальных значений по сравнению с предыдущими годами, при этом рост безработицы не прекращался до 1930 г. Но, несмотря на численные показатели незанятого населения, руководство страны на рубеже 1928–1929 гг. санкционировало закрытие бирж труда повсеместно. В статье ставится под сомнение тезис, закрепившийся в советской историографии, о ликвидации безработицы в СССР в 1930 г., а также на основании различных статистических данных делается вывод о состоянии рынка труда в Сибирском крае во второй половине 1920-х гг.

Ключевые слова: безработица, Сибирский край, биржи труда, профсоюзы.

Безработица являлась чуждым феноменом для советской идеологии, так как, с позиций социализма, непрерывный рост производства сопровождается постоянным увеличением численности работающих, что ведет к полной занятости населения, в то время как в капиталистическом обществе часть трудоспособного населения не может найти работу и превращается в «излишнее» население, резервную армию труда. Но, несмотря на идеологические доктрины,

¹ Статья выполнена по теме госзадания «Социально-экономический потенциал восточных регионов России в XX – начале XXI вв.: стратегии и практики управления, динамика, геополитический контекст» (FWZM-2024-0005).

большевистское руководство уже в 1921 г. столкнулось с этой проблемой, которая продолжала не только существовать, но и усугубляться на всем протяжении 1920-х гг. до тех пор, пока в марте 1930 г. в Москве не была закрыта последняя в стране биржа труда. А в январе 1931 г., в разгар мирового экономического кризиса, СССР заявил о ликвидации в стране «тяжелейшего наследия капитализма», тем самым став первым государством, победившим это социально-экономическое явление². И.В. Сталин, подводя итоги первому этапу индустриализации, констатировал: «Одно из основных завоеваний пятилетки в четыре года состоит в том, что мы уничтожили безработицу и избавили рабочих СССР от ее ужасов»³.

Первые шаги в реформировании рынка труда большевистское руководство предприняло в 1918 г. В начале года СНК принял декрет «О биржах труда», который закрывал все частные и платные бюро и конторы по найму, вводя в действие государственные биржи труда, в функции которых входило трудоустройство безработных, выдача им пособий, учет и распределение рабочих во всех отраслях народного хозяйства, а также упорядочение спроса и предложения труда, организации общественных работ и т.д.⁴ На деле это означало, что теперь биржи труда выступали в качестве посредника между работниками и работодателями. Устройство и принятие на работу в обход бирж труда усложнялись, в это время процедура постановки на учет еще не была строго обязательной, но подразумевалось, что к этому людей будет подталкивать тяжелое материальное положение, так как претендовать на пособия и другие льготы по безработице могли только зарегистрированные биржами труда. Принятые меры позволяли государству контролировать рынок труда, управление которым отныне становилось более централизованным. С другой стороны, тяжелое материально-экономическое положение вследствие революционных событий подталкивало людей обращаться к биржам труда.

Уже к концу 1921 г. только по официальным сведениям ЦСУ (Центральное статистическое управление) в стране зарегистрирова-

² Решения партии и правительства по хозяйственным вопросам. 1917–1967 гг.: сб. док-тов за 50 лет. М., 1967. Т. 2: 1929–1940 гг. С. 250–254.

³ Сталин И.В. Вопросы ленинизма. Изд. 10-е. М., 1938. С. 500–501.

⁴ Собрание узаконений и распоряжений правительства за 1917–1918 гг. Управление делами Совнаркома СССР. М., 1942. С. 322–323.

но около 100 тыс. безработных, к 1 января 1923 г. эта цифра увеличилась до 641 тыс. чел., к началу 1924 г. – до 1240 тыс. чел. [Рогачевская, 1973. С. 76–77]. Во второй половине 1920-х гг. ситуация также свидетельствовала об отрицательной динамике. Весной 1927 г. уже около 1,5 млн чел. не имели постоянной работы, весной 1928 г. – около 1,6 млн чел., весной 1929 г. – около 1,7 млн чел., весной 1930 г. – около 1,1 млн чел.⁵, т.е. за период конца 1921 г. – весны 1929 г. численность незанятого населения в молодой советской стране выросла в 17 раз.

Особенно тяжелое положение с поисками работы наблюдалось среди лиц неквалифицированного (44,3 %) и интеллигентного (25,1 %) труда, а также среди женщин (47,5 %) и подростков (12,2 %)⁶. Подчеркнем, что вопрос с трудоустройством женщин стоял более остро, чем мужчин. Средняя продолжительность срока мужской безработицы была почти в 2 раза меньше, чем женской (16,8 и 8,6 мес соответственно) [История индустриализации, 1969. С. 350–366]. Незанятость населения приобрела застойный характер, это подтверждают и отчеты Наркомтруда. В среднем срок пребывания человека на бирже труда (включая и срок пребывания на временных работах) достигал в 1926 г. 4,5 мес, а в 1927 г. – 4–6 мес. Кроме того, длительность безработицы со времени окончания последней работы перед регистрацией на бирже труда в среднем составляла до 12,2 мес.

В данной статье мы не ставим цели осветить причины незанятости населения в Советском Союзе в 1920-е гг., этот вопрос требует отдельного глубокого и детального рассмотрения. Однако отметим, что руководство страны «возникновение и сохранение массовой безработицы объясняло численным увеличением трудоспособного населения, а также аграрным перенаселением страны»⁷. Представляется, что факторы, к которым апеллировала партия, не были главными основаниями сохранения в СССР проблемы незанятости. Политика большевиков в деревне, сохранение и поддержание «ножниц

⁵ Народное хозяйство СССР за 70 лет: Юбилейный статистический ежегодник / Госкомстат СССР. М., 1987. С. 11.

⁶ Государственный архив Новосибирской области (ГАНО). Ф. Р-532. Оп. 1. Д. 1033. Л. 21 (доля каждой категории в общем числе безработных).

⁷ Российский государственный архив социально-политической истории (РГАСПИ). Ф. 17. Оп. 3. Д. 767. Л. 17–25.

цен», недостаточные темпы роста промышленного производства, низкий уровень грамотности населения, а также в целом изменение уклада жизни населения, трансформации социально-бытовых условий в частности вынуждали женщин выходить на работу и т.д.

Безработица в стране не была локальной проблемой, она коснулась всех регионов, но в разной степени, и, кроме того, имела территориальные особенности, которые зависели от различных факторов. В Сибирском крае незанятость населения особо остро затронула семь основных городов края⁸, где функционировали биржи труда, а именно: Иркутск, Красноярск, Омск, Томск, Новосибирск, Барнаул, Бийск. Вопрос о численности безработных в регионе неоднозначен и многоаспектен, усложняет подсчет и наличие различных источников статистического характера, таких как перепись населения, данные бирж труда, профсоюзов, которые зачастую плохо коррелируются друг с другом.

Перепись 1926 г. зафиксировала около 76,3 тыс. чел., ищущих работу⁹. В сравнении с переписью 1923 г., где этот показатель составил около 48,7 тыс., численность безработных за период 1923–1926 гг. выросла в 1,5 раза. По переписи первой половины 1920-х гг. большая доля – около 21,9 тыс. чел. (45 %) – скопления незанятого населения приходилась на губернские города, такие как Новониколаевск, Томск, Омск, Иркутск и др. Эта тенденция к 1926 г. не только не исчезает, но и приобретает более угрожающий характер. В желании найти работу люди устремлялись в более крупные центры, где, по их мнению, спрос на рабочие руки был выше, кроме того, среди населения распространялись различные слухи о масштабных стройках, что тоже побуждало к передвижениям из периферии в центр. Само по себе наличие бирж труда также имело эффект привлечения новых и новых потоков безработных, которые рассчитывали не только на трудоустройство, но и на получение материальной помощи и льгот от государства. Для ограничения прибывания потоков людей в некоторые крупные города, где ситуация с безработицей носила особо

⁸ Сибирский край с центром в Новосибирске был образован в результате административно-территориальной реформы 1925 г., включив себя Алтайскую, Енисейскую, Ново-Николаевскую, Омскую, Томскую и Иркутскую губернии.

⁹ Посчитано по: Всесоюзная перепись населения 1926 года. Т. XXIII. Сибирский край. Бурято-Монгольская АССР. Занятия. М.: Издание ЦСУ Союза ССР, 1929. С. 2–3, 362.

сложный характер, в феврале 1927 г. НКТ издал циркулярное письмо, согласно которому запрещалось нетрудоустроенному населению приезжать в Москву, Ленинград, Ярославль, Севастополь, Фрунзе, Кызыл-Орду, Минск, Могилев, Харьков, Одессу, Киев, Баку, Тифлис, Самарканд, Ташкент и др.¹⁰ Позднее в этот список добавили и Новосибирск.

Еще одним источником статистических сведений о численности безработных в СССР в целом и в Сибири в частности являются материалы профсоюзов. При их анализе следует учитывать, что профсоюзный учет, в сравнении с биржами труда, был менее регулярным, так как они на первом этапе вели поквартальный учет, а позднее полугодовой. Кроме того, в отчетах фиксировали только членов профсоюзов, зачастую считали безработными тех, кто уже трудоустроился, а также включали в категорию незанятого населения тех, кто имел сезонную временную работу. Стоит отметить и позитивный момент профсоюзного учета – территориально он охватывал всю территорию Сибири, в том числе и небольшие города, в отличие от бирж труда. Согласно этим сведениям безработица в Сибирском крае к октябрю 1928 г. составила 75,7 тыс. чел. Данные также фиксируют стремительное увеличение численности незанятого населения. За 5-летний период (октябрь 1923 г. – октябрь 1928 г.) этот показатель вырос в 4,5 раза¹¹. Максимальную отметку в 105,1 тыс. безработных профсоюзы зафиксировали в апреле 1928 г. На основании сведений профсоюзов можно говорить о сезонном характере безработицы, рост которой фиксируется весной, в то время как к осени численность незанятого населения снижалась. Так, например, профсоюзный учет 1927 и 1928 гг. явно выделяет сезонные колебания на рынке труда, которые достигают соответственно 16 и 29,3 тыс. чел.

Богатый статистический материал для анализа содержат данные бирж труда, которые ежемесячно представляли сведения о состоянии рынка. Цифры также указывают на сезонный характер незанятости населения. Сокращение числа нетрудоустроенных приходилось на летне-осенние месяцы (июль-ноябрь). Размер ее в указанный период во второй половине 1920-х гг. варьировался в пределах от 26 до 33 тыс. чел. Наибольшие размеры безработицы отмечались

¹⁰ ГАНО. Ф. Р-532. Оп. 1. Д. 1033а. Л. 179–182.

¹¹ ГАНО. Ф. 12. Оп. 1. Д. 287. Л. 323–324; ГАНО. Ф. 627. Оп. 1. Д. 371. Л. 29.

в зимне-весенние месяцы – январь, апрель и май. Этот показатель во второй половине 1920-х гг. определялся в границах от 30 до 52 тыс. чел.

Данные бирж труда не коррелируются с профсоюзными сведениями и материалами переписи 1926 г., они были ниже, что подтверждает табл. 1, в которой представлены сведения о численности незанятого населения по городам Сибирского края в январе каждого года. Максимальное число безработных биржи фиксируют в мае 1928 г. – около 52 тыс. [Кекалова, 1984. С. 197–200], но даже эта цифра существенно ниже обозначенной во всеобщей переписи. Эта разница объясняется, во-первых, тем, что биржи труда функционировали не повсеместно, а значит часть населения, нуждающаяся в работе, но проживающая в местности, где отсутствовали такие службы, не отражалась в отчетах. Во-вторых, со второй половины 1920-х гг. НКТ стал постепенно вводить в практику санкционные меры, снимая с учета различные группы населения, в частности лишенцев и их родственников, тех, кто отказывался от предлагаемой работы, или тех, кто был обвинен в участии или организации беспорядков на бирже труда [Потапова, 2021]. Поэтому при анализе количественных показателей бирж труда стоит понимать, что в категорию «безработных» они относили только тех, кто стоял на учете. Подводя итог о численности безработных в крае, принимая во внимание данные бирж труда, профсоюзов и переписи 1926 г., отметим, что этот показатель к 1927 г. составлял около 76 тыс. чел. Эта же цифра называлась и советскими специалистами [Кекалова, 1984. С. 81]. Однако, беря во внимание стабильный ежегодный рост незанятого населения, можно предположить, что в 1928–1929 гг. безработица достигала порядка 80 тыс. чел.

Из табл. 1, составленной на основании данных бирж труда Сибирского края, видно, что безработица в регионе имела тенденцию численного ежегодного увеличения незанятого населения на всем протяжении второй половины 1920-х гг. Принимаемые руководством меры в борьбе с этим явлением были слабоэффективны и малодейственны. Численность незанятого населения продолжала расти. Лидирующую позицию по количеству безработных занимал Омск, на втором месте Новосибирск, затем Иркутск. Меньше всего безработных было в Бийске. Особенностью сибирской безработицы стало то, что она сосредотачивалась главным образом в семи основ-

ных городах региона, где действовали биржи труда. В среднем на одну биржу труда в крае приходилось самое большое число незанятого населения по СССР, без Москвы и Ленинграда – до 7 тыс., в то время как по стране и в отдельных республиках – 5 тыс.¹²

Таблица 1

**Данные бирж труда о численности безработных
в городах Сибирского края**

Город	1925	1926	1927	1928	1929	1930
Иркутск	6034	5974	7122	5541	7614	9307
Красноярск	3741	4216	4498	4425	4324	2692
Омск	8616	6631	7950	10500	8686	7506
Новосибирск	4583	4404	6826	9257	10343	8918
Томск	4269	4291	4299	5094	5265	2961
Барнаул	4076	2756	3888	4523	4983	4515
Бийск	–	2705	3134	2949	2035	1919
Всего за год по краю	31 319	30 977	37 717	42 289	43 250	37 818

Источник: ГАНО. Ф. 532. Оп. I. Д. 1566.

Таким образом, безработица второй половины 1920-х гг. в сравнении с первой половиной третьего десятилетия имела более массовый и острый характер. Численность желающих найти работу в Сибирском крае на рубеже 1920–1930-х гг. продолжала увеличиваться из года в год, т.е. приобрела стабильный характер. Анализ данных всех видов учета незанятого населения в Сибири показал, что размер безработицы на рубеже 1920–1930-х гг. в крае составлял порядка 76–80 тыс. чел. Верхняя цифра, вероятно, приходилась на период 1928–1929 гг., когда отмечался пик безработицы. Несмотря на фиксируемый стабильный рост незанятого населения, в стране закрывались биржи труда (к середине 1930 г. биржи функционировали только в двух городах – Новосибирске и Красноярске), а руководство страны все чаще и чаще заявляло о победе социализма над «тяжелейшим наследием капитализма».

Кампания по уничтожению безработицы активизировалась в 1927 г., с этого времени началось масштабное реформирование рынка труда, направленное на переход к жесткому регулированию этой

¹² ГАНО. Ф. 532. Оп. I. Д. 1534. Л. 3.

сферы со стороны государства, планомерному обеспечению промышленности рабочей силой. В этой обстановке биржи труда в их свободной посреднической деятельности между работником и работодателем стали ограничивать, так как «стихийность рынка труда и найма рабочей силы» не соответствовала задачам индустриализации. Для этого в практику вводилось организованное снабжение промышленности, регулирование отходничества, перераспределение излишков рабочей силы и др. В такой ситуации функции бирж труда постепенно передавали хозорганам, профсоюзам и др., параллельно проводя «чистки» среди тех, кто был на учете. Руководство на рубеже 1920–1930-х гг. отказалось от экономических факторов регулирования рынка труда в пользу административных методов. Закрыв биржи труда, тем самым уничтожив свободный рынок труда и объявив об уничтожении безработицы, государство, отказавшись от спроса и предложения на рабочую силу как регуляторов рынка труда, перешло к другим формам его комплектования – через оргнаборы, мобилизационные кампании и т.д.

Литература

История индустриализации в СССР. 1926–1928 гг.: Документы и материалы / под. ред. М.П. Ким. М.: Наука, 1969. 535 с.

Кекалова Л.Н. Ликвидация безработицы в Сибири (1922–1930 гг.): дис. ... канд. ист. наук. Новосибирск, 1984. 222 с.

Потапова Н.А. Безработица в СССР в 1920-е годы: идеологическая доктрина и экономическая реальность // Исторический курьер. 2021. № 6 (20). С. 134–141. URL: <http://istkurier.ru/data/2021/ISTKURIER-2021-6-11.pdf> (дата обращения: 08.06.2024).

Рогачевская Л.С. Ликвидация безработицы в СССР 1917–1930 гг. М.: Наука, 1973. 382 с.

Н.Ф. Тагирова

**ИЗ ИСТОРИИ СЕЛЬСКОХОЗЯЙСТВЕННОГО
МАШИНОСТРОЕНИЯ В СССР (1920–1930-Е ГГ.)**

N.F. Tagirova

**FROM THE HISTORY OF AGRICULTURAL ENGINEERING
IN THE USSR (1920–1930S)**

Аннотация. В статье рассматриваются научно-организационные, технологические, политические аспекты создания и использования машинной техники в сельском хозяйстве. Автор прослеживает формирование идеи сельскохозяйственной механики, превращение ее в инструмент государственной политики, «материализацию» в условиях ускоренной индустриализации промышленности и коллективизации сельского хозяйства. Источниковой основой работы стали материалы НИИ сельскохозяйственного машиностроения, находящиеся в Российском государственном архиве в г. Самаре, и другие документы.

Ключевые слова: сельскохозяйственные машины, тракторостроение, индустриализация, коллективизация, первая пятилетка, НИИ сельскохозяйственного машиностроения.

Введение

Актуальность темы. Вопросы сельскохозяйственного машиностроения как научная тема могут рассматриваться в контексте различных комплексных тем, среди них индустриализация промышленности и создание отечественного машиностроения, индустриализация аграрного сектора, технологии и инновации в сельскохозяйственном производстве (земледелии, животноводстве, растениеводстве, садоводстве, чаеразведении и т.д.), эволюция технологических укладов, развитие сельскохозяйственной науки (теории и практики), институты научных исследований сельскохозяйственного производства, изменения традиционных духовно-нравственных ценностей и формирование массовой «мотокультуры» крестьянства.

Каждое из этих научно-исследовательских направлений отражает различные плоскости и пласты темы, вынесенной в название данной статьи.

Методология. Теоретическим основанием для исследования стал алгоритм развертывания большой волны технологических революций, предложенный исследовательницей из Венесуэлы К. Перес. Ею рассмотрена большая волна изменений на примере эволюции промышленности XVIII–XX в. [Перес, 2011]. Примерно каждые 50 лет «большая волна» захватывает экономику и общество, меняя технологии, структуры, социальные, культурные нормы и правила поведения. Зарождение волны связано с изменениями научно-технических представлений. Смена ведущей системы взглядов проявляется на всех уровнях производства, в том числе и на микроуровне, корректирует всю систему социального и политического регулирования, включая профессиональное образование. Ментальные подвижки К. Перес не рассматривает, хотя замечает, что такие радикальные перемены совершаются в конкретных исторических и политических обстоятельствах, сопровождаются конфликтами, в том числе социальными и политическими [Перес К., 2011. С. 64–75].

Цель работы состоит в изучении «волны» перемен в аграрном секторе на примере сельскохозяйственного машиностроения в России, обозначении этапов становления и более подробно этапа 1928–1933 гг., выявлении исторических, социально-культурных, политических и научно-организационных условий развития отрасли в реалиях первой трети XX в. Изложение ведется по проблемному принципу, где главными сюжетами выступают: а) рождение и институционализация идеи сельского машиностроения; б) превращение ее в инструмент государственной политики; в) «материализация» идеи в годы первой пятилетки.

Источниковой базой работы стали материалы Всесоюзного ордена Трудового Красного Знамени научно-исследовательского института сельскохозяйственного машиностроения (ВИСХОМ) им. В.П. Горячкина, разрозненная коллекция «Отчеты по испытанию сельскохозяйственных машин и орудий», техническая документация (проекты тракторов, разработанные Челябинским тракторным заводом) и другие материалы, которые находятся в Российском государственном архиве в г. Самаре. В работе также использованы опубликован-

ные в 1934 г. итоги выполнения первого пятилетнего плана, отдельные биографические данные об ученых и практиках аграрно-промышленного переустройства.

Результаты исследования

Сельская машина: институционализация идеи. В 1860–1930-е гг., на протяжении жизни примерно двух-трех поколений, российская деревня претерпела кардинальные «ломки» земельных, технических, технологических и организационных отношений. Среди них, пожалуй, наименее заметными для широкой общественности были подвижки, связанные с трансформацией технологического уклада – способа обработки земли, когда наряду, а затем и на смену традиционным методам вспашки, боронования почвы, сбора урожая пришли машинные технологии и современная техника. Эти перемены не были одномоментными, но заняли годы и даже десятилетия, постепенно распространяясь на разные сельские работы.

Ремонт, поддержание рабочего состояния инструментов, их техническое усовершенствование – постоянная текущая забота сельского хозяина. Революция в деревню пришла с машинами, работавшими на дизельном и электрическом топливе, т.е. искусственной энергии. В начале XX в. для вспашки земли в крупных предпринимательских хозяйствах помещиков, фермеров и крестьян-предпринимателей, особенно на Юго-Востоке Европейской России, Заволжье, Южном Урале, Западной Сибири, чаще использовались тракторы заграничного производства (производились в филиалах фирм на территории России), хотя и в небольших объемах. Экспериментировали с техникой и российские земледельцы [Цейч, 2019. С. 109–115].

В 1910-е гг. в среде российской научно-технической интеллигенции разрабатывались идеи и концепции, в основе которых лежали не простые усовершенствования орудий, а технологии использования вместо конной тяги энергии паровых (электрических) двигателей. В 1909 г. В.П. Горячкин разработал самоходный зерноуборочный комбайн. В эти же годы Б.И. Угримов на международной выставке в Берлине представил опытный образец электроплуга. Исследования и изготовление опытных образцов ученые вели на базе

вузов аграрного и технического профиля – Всероссийской императорской Петровской сельскохозяйственной академии (с 1923 г. Тимирязевской), Московского технического училища.

Организационное оформление (институционализация) идеи машинных способов обработки земли произошло в конце 1920-х гг.: в СССР в течение 1928 г. были образованы два научно-исследовательских института сельскохозяйственного машиностроения – в Москве и Харькове, а также другие НИИ аграрного профиля (Кубанский НИИ по испытанию тракторов и с/х машин, Всесоюзный институт механизации и электрификации сельского хозяйства (ВИМЭ)). Институтов сельского машиностроения на тот период, как известно на настоящий момент, было два: ВИСХОМ – НИИ сельскохозяйственного машиностроения им. В.П. Горячкина в Москве [Тагирова Н.Ф., 2024. С. 93–101] и Украинский НИИ сельскохозяйственного машиностроения в г. Харькове¹, созданный Постановлением СНК Украинской ССР от 8 сентября 1928 г. В отличие от Московского собрата (ВИСХОМ), сформированного на базе уже работоспособного единого коллектива, УкрНИИ объединил разнородных участников – кафедры разных вузов и городов Киева, Харькова, Одессы, а также Комитет по стандартизации сельскохозяйственных машин и орудий, Комиссию по изобретениям, Институт механизации и электрификации. Головной офис НИИ располагался в Харькове, филиалы – в Одессе и Киеве.

В отличие от ВИСХОМ, «старых специалистов» здесь не брали на работу, объясняя это слабостью материальной базы. В Украинском НИИ опирались на молодые кадры, которые проходили обучение в рабочей аспирантуре, без отрыва от производства². В течение года они должны были освоить курс высшей математики, пройти подготовку на получение квалификации инженера-механика, обучиться на курсах по диалектическому материализму и выучить один из иностранных языков. Всего в 1931 г. в аспирантуре Украинского НИИСХМ обучалось 8 чел. (вскоре 5 чел. отсеялось), а в рабочей аспирантуре – 26 чел. Получив квалификацию инженера-механика, аспиранты работали в течение трех лет над научной темой и по ее

¹ Российский государственный архив в г. Самаре (РГА в г. Самаре). Ф. Р-69. Оп. 1-1. Д. 26. Л. 6–7.

² РГА в г. Самаре. Ф. Р-69. Оп. 1-1. Д. 26. Л. 91–92.

завершению принимались на работу в НИИ. Подавляющее число аспирантов были членами ВКП(б) и кандидатами в члены ВКП(б)³.

Всего в институте на начало его работы числился 81 сотрудник (в том числе 45 научно-технических и 36 технико-вспомогательных). К 1933 г. число сотрудников возросло до 107 чел. (63 научно-технических и 44 технико-вспомогательных)⁴. У нас нет данных, сколько человек работало в ВИСХОМ в эти годы, полагаем, что примерно столько же.

Итак, идея сельскохозяйственного машиностроения приобрела организационные формы в виде двух научно-исследовательских институтов, пройдя путь институционализации на протяжении двух десятилетий (1909–1929 гг.). Первый учебник по теории и практике сельскохозяйственного машиностроения вышел в 1937 г., через два года после смерти его автора В.П. Горячкина.

Политические условия: принятие идеи и отчуждение ее авторов. В процессе институционализации идеи в стране изменилось многое. Новая советская власть разрешила аграрный вопрос, «камень преткновения» споров ученых и политиков первых десятилетий XX в. Теперь земельные отношения строились на основе государственной собственности на землю, провозглашенной в 1917 г. Землепользование же оставалось самым разнообразным. Иными словами, многоукладная российская деревня представляла собой огромное разнообразие форм и методов обработки земли при преобладании традиционных, особенно в центральной европейской части страны.

Перспективы развития деревни в СССР, как и в индустриальных странах Запада, связывали с машинными технологиями, использованием электрической энергии. Для советской страны после разрушений мировой и гражданской войн, технологического отката эти задачи были особенно актуальны.

Теоретическое осмысление данных процессов шло по нескольким направлениям, одним из которых была уже обозначенная выше сельскохозяйственная механика (сельскохозяйственное машиностроение).

Другое организационно-производственное направление в наименьшей степени затрагивало технические вопросы. Автор концеп-

³ РГА в г. Самаре. Ф. Р-69. Оп. 1-1. Д. 26. Л. 93.

⁴ Там же. Л. 87–98.

ции А.В. Чаянов исходил из учета производственных возможностей крестьянского семейного хозяйства небольших размеров. Анализируя его бюджет, ученый предлагал организационные улучшения (распределение работ среди членов семьи, изменение структуры расходов и т.д.).

Были подходы, связанные с поиском баланса и пропорций в развитии промышленности и сельского хозяйства (Н.Д. Кондратьев, В. Громан).

Плюрализм позиций существовал и в партийном руководстве. Лидеры, споря о возможностях социализма в одной стране, путях и методах социалистического строительства, опирались на разные научные концепции. Плюрализм закончился в 1929 г. В декабре в Москве состоялась Всесоюзная конференция аграрников-марксистов. В повестке дня были обозначены теоретические и практические задачи аграрного развития, связанные с землепользованием, получением ренты, энерговооруженностью и др. Тракторизация деревни и роль в этом машинно-тракторных станций (МТС) рассматривались на ней в качестве важных вопросов. П. Лященко видел в них переходные формы к будущим агропромышленным комбинатам [Лященко, 1930]. А. Лозовой проводил мысль о том, что МТС являются не только центрами энерговооруженности деревни, но и связаны с ожесточенной классовой борьбой⁵.

Конец теоретическому «разномыслию» положило выступление генерального секретаря ЦК ВКП(б) И.В. Сталина, опубликованное в газете «Правда» 29 декабря. В нем резкой критике подвергались все «немарксистские» «буржуазные» теории: равновесия, «самотека», устойчивости мелкого крестьянского хозяйства. Были названы и имена «ошибавшихся» ученых – среди них А.В. Чаянов, В. Громан. Поставлена задача «выкорчевать с корнями все и всякие буржуазные теории», которые «засоряют головы нашим практикам»⁶. Единственно правильным концептуальным подходом было обозначено развитие крупного хозяйства, где тракторы и машинно-тракторные

⁵ Лозовой А. Роль машинно-тракторных станций в коллективизации сельского хозяйства // Труды первой Всесоюзной конференции аграрников-марксистов (20–27 декабря 1929 г.). Т. 2. Ч. 1: Доклад. М.: Издательство Комакадемии, 1930. С. 61–79.

⁶ Речь тов. И. Сталина на конференции аграрников-марксистов 27 декабря 1929 г. URL: https://marxism-leninism.info/paper/pravda_1929_309-10703 (дата обращения: 23.07.2024).

станции покажут «превосходство коллективных форм хозяйствования перед индивидуальным крестьянским хозяйством».

Итак, идея технологического переустройства деревни, обозначенная впервые в плане ГОЭЛРО (1920 г.), к концу десятилетия обрела конкретные направления, формы и очертания государственной стратегии. Все другие подходы назывались «засоряющими головы практиков».

Далее последовали разгром «буржуазных теорий» и репрессии в отношении их носителей. Политические процессы по делу «Трудовой партии», «Промпартии» 1930-х гг. не являются предметом данного рассмотрения, заметим, что вопрос «электропахоты» фигурировал в судебных разбирательствах. В 1935 г. скончался директор ВИСХОМ В.П. Горячкин. Б.И. Угримов, глава сельскохозяйственной секции Комиссии ГОЭЛРО, долгие годы работал в заключении. Вопросами сельского хозяйства он больше не занимался, хотя издал в 1940-е г. учебник по «Электротехнике и электрооборудованию автомобилей и тракторов СССР» [Книга памяти, 2011. С. 175–176].

Превращение идей тракторизации в инструмент государственной политики требовало конкретных цифровых показателей (маркеров), на основании которых возможно было судить о воплощении идеи в жизнь, ее «материализации». И здесь оказывались важными не только экономические, технические, но и социальные показатели. Идея тракторизации «обрастала» дополнительными плановыми параметрами. Персонализация научной идеи в этих обстоятельствах оказалась совершенно неуместной.

В планах первой пятилетки было обозначено строительство тракторных заводов в Сталинграде, Харькове, Челябинске и других городах. Производство тракторов приобретало массовый характер. Один только Челябинский тракторный завод (ЧТЗ) с 1933 г. должен был выпускать 40 тыс. тракторов в год.

Конструкционные особенности первенцев тракторных и комбайновых заводов мы не рассматриваем, отметим лишь, что ЧТЗ до середины 1950-х гг. выпускал четыре модели тракторов «Сталинец» (СТ): СТ-2, СТ-60, СТ-65 и на его базе СТ-80, работавших на дизельном топливе.

На базе дизельного трактора СТ-60 пытались создать гусеничный электротрактор (всего к середине 1950-х гг. сконструировано до 20 моделей). Работоспособная гусеничная модель электротрактора

была спроектирована во Всесоюзном институте электрификации сельского хозяйства (ВИЭСХ) в 1937 г. Это был трактор ВИМЭ-2 (авторы П.Н. Листов и В.Г. Стеценко). Однако его массовое производство еще не было налажено [Загинайлов, 2017. С. 22].

Известно, что в строительстве тракторных заводов в СССР в годы первой пятилетки активное участие принимали американские специалисты, заводские корпуса строились по западным технологиям и продукция должна была выпускаться также по западным патентам. Более того, при ЧТЗ в 1929–1930 г. создавался Опытный завод, главным инженером которого был Э.Дж. Терри [Богданов, 2013. С. 144–145].

25 августа 1931 г. И.В. Сталин телеграфировал Л.М. Кагановичу, первому заместителю Председателя СНК СССР, о необходимости разрыва всех договоренностей с американской стороной и отмене всех работ. Причина – отсутствие валютных средств [Богданов, 2013. С. 144–145]. Современные авторы отмечают, что в 1930 г. были ужесточены санкции против СССР, рос внешний долг. Только перед американскими частными фирмами он превышал 350 млн долл. против 150 млн долл. всех резервов Центробанка, включая золотой запас – 138 т [Галушка, 2021. С. 28].

Финансовые трудности и поиск дополнительных источников для индустриализации промышленности, безусловно, изменили все расчеты относительно западных патентов и импорта сельскохозяйственного оборудования. Неслучайно в отчетах ВИСХОМ и УкрНИИ находим информацию о том, что до 1932 г. все работы строились вокруг импортных образцов, а с 1932 г. – упор только на отечественное машиностроение. Вероятно, именно финансовые трудности не позволили продолжать прежнюю линию на производство американской техники.

Таким образом, политические, экономические, финансовые обстоятельства, сопровождавшие первые годы работы НИИ сельхозмашиностроения, политизация идеи и превращение ее в инструмент государственной политики создавали атмосферу ее отчуждения от авторов. Одновременно она упрощалась, переводилась в конкретные цифровые показатели пятилетнего плана, ей придавался политический окрас (смысл). Автономная реализация идеи (без опоры на иностранную технику и импорт) была обусловлена особенностями международного момента (недостаток валюты в СССР, экономиче-

ская блокада). Этот тезис косвенно подтверждают отчеты двух НИИ, в которых однозначно указана разработка отечественной сельскохозяйственной техники с 1932 г. К концу первой пятилетки материализованная идея приобрела масштабы и массовый характер.

«Индустриальная деревня»: ожидания и реальность первой пятилетки. Официальные цифровые итоги выполнения первого пятилетнего плана показывают огромный прорыв в тракторостроении в последний год первой пятилетки. Прежде всего, это касалось объемов производства. В 1932 г. было произведено 50,1 тыс. тракторов, что почти вдвое превышало весь тракторный парк 1928 г. (26,7 тыс. тракторов), начат выпуск сложного тракторного инвентаря и комбайнов (10 тыс. комбайнов)⁷. С 1933 г. полностью прекращен импорт сельскохозяйственной техники. Тракторы выпускали заводы «Красный путиловец» (в Ленинграде), Сталинградский, Харьковский и Челябинский тракторные заводы, комбайны – «Ростсельмаш», «Гомсельмаш», «Саркомбайн», «Ташсельмаш»⁸.

Также за два-три года освоено крупносерийное и массовое производство «совершенно нового инвентаря для механизации трудоемких процессов в обработке технических и пропашных культур: хлопкокурузные сеялки, картофелесажалки, свеклокопатели, свеклокомбайны, картофелекопатели, кукурузные пиккера, льнотеребилки, хлопкоуборочные машины, сеноуборочный и животноводческий инвентарь»⁹.

В деревне начиналось типовое сельскохозяйственное строительство (скотные дворы, крупные животноводческие комплексы с водоснабжением, силосные башни, гаражи, ремонтные мастерские заводского типа)¹⁰.

Судя по официальным данным, налицо «развернутое наступление социализма по всему аграрному фронту». В контексте термино-

⁷ Итоги выполнения первого пятилетнего плана развития народного хозяйства Союза ССР. 2-е изд. М.: Издание Госплана Союза СССР, 1934. С. 17–18.

⁸ РГА в г. Самаре. Ф. Р-69. Оп. 1-1. 26. Л. 3. По документам НИИ, отложившимся в РГА в г. Самаре, видно, что они взаимодействовали с заводами «Ростсельмаш», «Сибсельмаш», «Рязсельмаш», «Кр. Аксай», «Гомсельмаш», Котельниковский завод сельскохозяйственных машин.

⁹ Итоги выполнения первого пятилетнего плана развития народного хозяйства Союза ССР. 2-е изд. М.: Издание Госплана Союза СССР, 1934. С. 79.

¹⁰ Там же.

логии концепции «больших волн» К. Перес этот период можно назвать агрессивным продвижением новой парадигмы.

Официальная эйфория от результатов пятилетки несколько отличалась от того, что отражено в отчетах НИИ. Они были более осторожными. В отчете ВИСХОМ о работе за 1929–1933 гг. видим выразительные рукописные исправления в печатном тексте: слова «осуществлялся полный..» исправлены на «наметился» переход в сельском хозяйстве «от конного инвентаря на тракторный». Правки есть и над словом «все». Оно заменено на «значительную часть» типов тракторных с/х машин «для некоторых отраслей с.х. промышленности пришлось создавать заново, т.к. заграничная техника не имела этих машин даже в экспериментальных образцах».

Отчет ВИСХОМ фиксировал проблемы, нуждавшиеся в решении: унификацию и стандартизацию орудий, качество производимой техники. Так, при проверке комбайна «Коммунар» (разработка Северо-Кавказского филиала) были выявлены «существенные недостатки», которые потребовали замены 40 % деталей (60 % деталей сохранены).

В отличие от официальных итогов, НИИ фиксировали качественные критерии эффективности: пользу, новизну, степень реконструкции объекта, объем промышленного применения¹¹. Повышению качества продукции должны были способствовать всесоюзные испытания комбайнов и проверка их эффективности в различных районах страны (1932–1933 г.).

Тем временем в стране разворачивались масштабные действия по созданию в колхозах и совхозах тракторных колонн и машинно-тракторных станций. В 1928 г. в стране тракторные колонны были уже в 73 совхозах, в 1929 г. – 98 МТС, из них более половины приходилось на Северный Кавказ, Центрально-Черноземную область и Поволжье. В мае 1929 г. создан Всесоюзный центр по организации и руководству машинно-тракторными станциями (ВЦМТС), впоследствии Трактороцентр [Томилини, 2012. С. 477]. К концу второй пятилетки тракторный парк страны состоял преимущественно из новых машин отечественного производства». Гусеничные тракторы составляли 12 % [Томилини, 2012. С. 480].

¹¹ РГА в г. Самаре. Ф. Р-67, Оп. 2-1. Д. 118.

Можно ли говорить о том, что произошло техническое перевооружение аграрного сектора? Безусловно, нет. Но для этого уже в годы первой пятилетки сделано было многое. В СССР в 1932 г., по официальным данным, доля всех машин механической тяги составила 84 % (в 1928 г. – 4,6 %) ¹². Даже если цифры преувеличены, заметим, что до середины 1950-х гг. недостаточная степень механизации в сельском хозяйстве ощущалась во всех развитых странах мира [Клочков, 2007. С. 6]. В эти годы СССР вышел на первое место в мире по механизации сельскохозяйственных работ [Галушка, 2021. С. 28].

До 1958 г. в деревне действовали машинно-тракторные станции. Их важная индустриально-техническая и политическая роль отмечена в исторической литературе [Томилин, 2012]. Значительно расширилась сеть вузов аграрного профиля: в 1932 г. насчитывалось 62,2 тыс. студентов (в 1928 г. – 25 тыс.), 53 тыс. организаторов и руководителей в сельском хозяйстве высшей и средней квалификации получили специальное образование ¹³.

Заключение

История сельскохозяйственного машиностроения есть частный случай индустриализации и коллективизации сельского хозяйства, но в нем, как в капле воды, отражаются все самые разнообразные и разнонаправленные процессы и явления советской действительности того времени. Работа над темой позволила обозначить несколько пластов. Самый глубокий из них, менявшийся медленнее всего, но вовлекавший в свою орбиту все население страны, состоял в формировании принципиально иного взгляда на жизнь и окружающее пространство. Традиционное мировоззрение (земля-кормилица) подтачивалось индустриальными техническими и политическими веяниями. На смену сакральному философско-религиозному отношению к земле с ее животворящей функцией постепенно стала приходиться иная культура. В ней все сильнее просматривались вскоре обретшие плоть и кровь элементы индустриального общества, в котором машины и механизмы заняли ведущие позиции.

¹² Итоги выполнения первого пятилетнего плана... С. 135, 139.

¹³ Там же. С. 142.

Для эпохи 1930-х гг. характерным проявлением этих процессов стало словосочетание «массовая мотокультура» – культура механизированного труда. Мотокультура отчуждала человека от земли. В русском языке слово «машина» восходит к слову «махина» – чему-то большому и неуправляемому¹⁴. Отстранение человека от сельскохозяйственного труда и формирование машинных способов работы на земле вносили принципиально иной взгляд на собственные действия. Отчуждение труда, отчуждение ответственности за результат, отчуждение от заботы и сопереживания происходящему на поле – долговременные последствия такой трансформации крестьянского сознания.

Другой пласт в истории сельскохозяйственного машиностроения связан с развитием агротехнической науки. На протяжении первой трети XX в. в России идея сельскохозяйственной механизации (машиностроения) прошла стадии формирования, апробирования, институционализации, превращения в инструмент государственной политики, «материализации» в виде массового производства тракторов и другой машинной техники. Наука развивается. Как отмечает доктор технических наук А.В. Клочков, решения и «выбор между принципами энергоресурсосбережения и интенсификацией до сих пор не найдены» [Клочков, 2007. С. 3].

Другие ракурсы связаны с быстротечными и текущими переменами в истории 1930-х гг. Среди них вопросы международных контактов, научных, технических обменов идеями, патентами, трансфера технологий. Научно-технические контакты сохранялись, хотя определяющее воздействие оказывали, как показала история с ЧТЗ, финансовые трудности. Эта тема нуждается в дальнейшем изучении.

Политические аспекты истории сельскохозяйственного машиностроения 1930-х гг. связаны с тем, в полной ли мере власть опиралась на научные идеи или брала лишь часть из них, те, которые отвечали моменту времени.

¹⁴ Слово «машина» от слова «махина» (синонимы: снаряд, подсилоч). Машиной называлось всякое устройство, приспособленное для переноса или увеличения силы или скорости движения. Механическими машинами в деревне еще первой половины XIX в. называли веревку, рычаг и склон. – См.: Даль В.И. Толковый словарь живого великорусского языка. Репринт. М., 1989. Т. 2. С. 309.

Литература

Богданов А.В. Челябинский тракторный завод: проблемы строительства и выпуска продукции. 1929–1933 // Наука ЮУрГУ. Материалы 65-й научной конференции. Секция социально-гуманитарных наук. Челябинск, 2013. Т. 1. С. 143–146.

Галушка А.С., Ниязметов А.К., Окулов М.О. Кристалл роста. К русскому экономическому чуду. М.: Наше завтра, 2021. 360 с.

Загинайлов В.И., Андреев С.А. История развития, состояние и перспективы применения электромобильной техники в полеводстве // Агроинженерия. 2017. № 6. С. 15–22.

Клочков А.В. Механизация сельского хозяйства в XX веке и современные перспективы // Тракторы и сельскохозяйственные машины. 2007. № 2. С. 3–6.

Книга памяти. Репрессированная техническая интеллигенция. Самара, 2011. С. 175–176.

Перес К. Технологические революции и финансовый капитал. Динамика пузырей и периодов процветания / пер. с англ. М., 2011. 231 с.

Тагирова Н.Ф. Вклад НИИ сельхозмашиностроения СССР в аграрное переустройство (1928–1932 гг.) // Уральский исторический вестник. 2024. № 2 (83). С. 93–101.

Томилини В.Н. Роль машинно-тракторных станций в трансформации аграрного строя СССР // Ежегодник по аграрной истории Восточной Европы. 2012. № 1. С. 476–487.

Труды Первой Всесоюзной конференции аграрников-марксистов. 20–27 декабря 1929 г. М.: Издательство Комкадемии, 1930. Т. 2. Ч. 1.

Цейч Ю.С. Становление и развитие сельскохозяйственного машиностроения в России до 1917 г. // Сибирский вестник сельскохозяйственной науки. 2019. Т. 49, № 6. С. 109–115.

Н.Н. Аблажей

ПАСПОРТИЗАЦИЯ КУЗБАССА В 1933 Г.¹

N.N. Ablazhey

INTRODUCING OF THE PASSPORT SYSTEM IN KUZBASS IN 1933

Аннотация. Статья посвящена истории паспортизации Кузбасса в 1933 г. Разбирается практика деления территорий на «режимные» и «нережимные». Показано, что получившие статус режимных городов Сталинск, Прокопьевск, Ленинск и Анжеро-Судженск стали таковыми в силу того, что население было занято в угольной промышленности и на строительстве Кузнецкого металлургического комбината. Остальные города и поселения городского типа, а также зона отчуждения железной дороги получили статус нережимных. Доказано, что в период проведения паспортизации наблюдался самовольный отток населения, кроме того, имели место принудительные выселения. В научный оборот вводится комплекс архивных материалов органов милиции, позволивших описать цели и механизм кампании, выявить ее региональную специфику, оценить количественные параметры паспортизации.

Ключевые слова: Кузбасс, урбанизация, паспортизация, режимный город.

Динамика прироста населения крупных городов, начавшаяся со второй половины 1920-х гг. и резко усилившаяся на рубеже 1920–1930-х гг. в связи с раскрестьяниванием деревни и интенсивным промышленным строительством, не могла не настораживать власти. В начале 1930-х гг. в верхах сформировалось установка, согласно которой «города растут чрезмерно», а перемещение значительных масс населения из деревни создает большие трудности. И к тому были основания: если в 1931 г. городское население составляло 31,8 млн чел., то в 1932 г. – 35,6, а в 1933 г. – почти 38,4 млн чел.

¹ Статья выполнена по теме госзадания «Социально-экономический потенциал восточных регионов России в XX – начале XXI вв.: стратегии и практики управления, динамика, геополитический контекст» (FWZM-2024-0005).

В целом в 1926–1939 гг. среднегодовой миграционный прирост в городах превышал 2,5 млн чел. [Прокопович, 1952. С. 102.]. Пиковое значение в 4,1 млн отходников зафиксировано в 1931 г. [Прокопович, 1952. С. 68]. Наиболее динамичная ситуация была в столицах, крупных городах и городах-новостройках, где рост населения за период 1926–1933 гг. увеличился в среднем в 2 раза [Прокопович, 1952. С. 102]. Так, например, в течение 1926–1931 гг. численность городского населения Западной Сибири выросла почти в 1,5 раза, а некоторые территории, в частности Кузбасс, демонстрировали одни из самых высоких темпов урбанизации в стране [Исупов, 2018. С. 17].

Миграция в города привела к появлению избыточной рабочей силы и высокой текучести населения, обострила жилищный кризис и продовольственную ситуацию. Стоит согласиться с мнением специалистов, что в начале 1930-х гг. имел место кризис миграционной политики, который возник из-за противоречия между наличием стихийного рынка труда, основанного на свободе передвижения, с одной стороны, и огосударствлением экономики, в том числе сферы труда, с другой. Кризис стал явным результатом преднамеренной стратегии неравномерного развития городского и сельского секторов экономики [Kessler, 2001]. При этом миграционный и продовольственный кризис 1932 г. взаимозависим, поскольку государство оказалось не готово к такому резкому росту городского населения и обострению проблемы снабжения городов. В качестве решения данной проблемы было предложено ужесточить административный контроль в сфере миграции [Моисеенко, 2018. С. 135].

Создание паспортной системы в СССР представляет собой важную веху в истории национально-государственного строительства. Советская власть сначала ликвидировала паспортную систему, но спустя полтора десятилетия пошла на ее введение. В течение трех лет, в 1933–1934 гг., 56 млн чел. получили внутренние паспорта². Паспортизация проводилась на основании серии решений Политбюро ЦК ВКП(б), постановлений ЦИК и СНК СССР и приказов ОГПУ, принятых в период с ноября 1932 по август 1933 г., носящих как открытый, так и секретный характер. Проработка вопроса о введении в СССР внутренних паспортов проводилась ОГПУ СССР по поручению Политбюро, для чего была создана особая комиссия по паспортной

² Государственный архив Российской Федерации (ГАРФ). Ф. Р-9401. Оп. 1. Д. 4155. Л. 199–201.

системе и разгрузке городов, руководил которой заместитель председателя ОГПУ В.А. Балицкий. Комиссия изучила существовавшую в Российской империи систему учета и регистрации населения, а также зарубежный опыт и сложившиеся в СССР нормативно-правовые основы и практики в этой области³. Реализация задач паспортизации была подкреплена реформой милицейского ведомства, ставшего фактически частью ОГПУ.

Власть не афишировала, но и не скрывала цели и задачи, которые решались в связи с началом паспортизации страны. Текущими задачами стали «разгрузка» или «очистка» городов от маргинального и люмпинизированного населения, а также создание системы учета. К среднесрочным целям можно отнести ограничение миграции сельского населения в города при сохранении возможности перетока излишней рабочей силы в зоны приоритетного индустриального развития, а также ликвидацию «социального паразитизма» в условиях нехватки рабочей силы. В качестве долгосрочной цели рассматривалось создание национального реестра населения на территориях приоритетного развития, позволявшего контролировать миграцию методами административного регулирования, с постепенным расширением зоны охвата. Вопрос об эффективности созданной системы, с одной стороны, неотделим от изучения механизмов правоприменения и бытовавших практик, с другой – важен в плане оценки последствий ее введения для развития городской экономики, роста уровня жизни населения промышленных центров, новостроек и городов. С точки зрения региональных и местных властей, цель паспортизации состояла в «очистке центральных городов и важнейших промышленных районов от антиобщественного элемента и взятии на учет классово-чуждого, преступного и деклассированного элемента» [Исупов, 2010. С. 191]. Паспортизацию планировали провести за полтора года, что дает основание характеризовать ее как чрезвычайную кампанию по учету населения.

Вводилось ранжирование территорий и очередность кампании. В первую волну попали 30 режимных городов, в том числе Москва и Ленинград со 100-километровой меридианной зоной, западные и дальневосточные приграничные территории. Вслед за ними паспортизацию провели в городах и поселениях городского типа, в зоне от-

³ Вестник Архива Президента Российской Федерации. 1997. № 6. С. 104.

чуждения 22 важнейших железных дорог, на приграничных территориях и частично в сельской местности. Этапы паспортизации территории Западно-Сибирского края определялись на основе экономических приоритетов. В первую волну (весна 1933 г.) попали четыре города Кузбасса, которые получали статус режимных. Остальные города края, а также зона отчуждения Томской и Омской железных дорог, а также приграничье с Тану-Туовой и Монголией, проходили как нережимные территории, и паспортизация здесь началась осенью 1933 г. Кампания должна была завершиться к концу 1933 г., но в реальности заняла большую часть 1934 г.

Согласно постановлению СНК СССР от 28 апреля 1933 г. № 861⁴, статус режимных получили города Сталинск, Прокопьевск, Ленинск-Кузнецкий и Анжеро-Судженск, население которых было занято преимущественно в угольной промышленности и на строительстве Кузнецкого металлургического комбината. При этом для трех режимных городов Кузбасса (Анжеро-Судженск, Сталинск/Новокузнецк, Прокопьевск) это стало лишь подтверждением соответствующего статуса, полученного еще в 1931 г. Анжеро-Судженск, Кемерово, Ленинск-Кузнецкий, Прокопьевск и Сталинск характеризовались как города, имеющие сельскую местность. Анализ данных локальной переписи городского населения Кузбасса 1931 г. показывает, что среди новоселов, проживавших в городах региона менее трех лет, доля выходцев из села составляла 87 % [Исупов, 2018. С. 19], что подтверждает тезис о стихийном характере складывания регионального рынка труда. Региональные городские переписи 1931–1932 гг. позволяют оценить численность городского населения страны, но, заметим, их данные существенно расходятся с данными о численности населения городов периода паспортизации. Согласно данным переписи городского населения, проведенной весной 1931 г. в Кузбассе, численность Сталинска оценивалась в 45 тыс. чел., Прокопьевска – 54, Анжеро-Судженска – 54,5, Ленинск-Кузнецка – 39 тыс. чел.⁵

На деле власти оценивали население Сталинска приблизительно в 185–200 тыс. чел., в том числе на площадках Кузнецкстроя количество занятых составляло 92 тыс. чел. В ходе паспортизации власти

⁴ Собрание Законов СССР (СЗ СССР). 1932. № 84. Ст. 516.

⁵ Кузбасс: Результаты переписи гор. населения 1931 г. Новосибирск, 1931. 44 с.

повсеместно столкнулись с тем, что официальная численность городского населения, в том числе работающего, оказалась сильно заниженной. Так, например, в ходе составления списка работающих на площадке КМК выяснилось, что учет рабсилы фактически не ведется, при устройстве на работу документы изымались, зачастую оказывались просто утеряны⁶.

Паспортизация наглядно показала, что городские власти, имея весьма противоречивые представления о численности проживающего населения, также затрудняются четко определить границы города, зачастую относя рабочие пригороды, промышленные и промысловые объекты к городам, не имеют планов и карт городской застройки, особенно когда речь идет о так называемых «нахаловках». Специфика ситуации определялась и тем, что шахты находились на расстоянии 10–30 км от городов, при этом рабочие поселки и поселения при шахтах составляли единый комплекс. Так, Осиновские угольные копи относились к Сталинску, Киселевские – к Киселевску, Барзасские сапропелиты – к Кемерово. Зона Анжерки, Прокопьевска и Сталинска была зоной трудпоселков и лагпунктов, в которых суммарно могло находиться более 6 тыс. семей ссыльных и около 5 тыс. заключенных, занятых на стройке и в шахтах [Бикметов, 2004. С. 113].

Паспортизацию в соответствии с решением руководства Запсибкрая от 23 февраля 1933 г. в режимных городах планировалось провести с марта по середину мая 1933 г. Городские власти были ознакомлены с ним 24–25 февраля, 26 февраля изданы решения горсоветов. Основная роль в проведении кампании возлагалась на милицию. Мобилизация прошла и среди местных чекистов: из Новосибирска прибыла команда сотрудников Полномочного представительства (ПП) ОГПУ по ЗСК. В городах вводился режим повышенной готовности. Сиблагу было поручено всех заключенных, занятых на производстве, поселить в отдельных бараках, не допуская в дальнейшем их дисперсное проживание. То же самое сделано в отношении спецпоселенцев.

Основная предварительная работа сводилась к обработке учетных данных и составлению списков «лишенцев», ссыльных, лиц с судимостью, раскулаченных и так называемых социально-вредных

⁶ Государственный архив Новосибирской области (ГАНО). Ф. Р-47. Оп. 5. Д. 174. Л. 8.

элементов, к которым относили в первую очередь неработающих и лиц с девиантным поведением. Списки передавались в паспортные столы и отделения. К работе были привлечены городские адресные столы, работники уличных и домовых комитетов. Так как получение работающим населением паспортов планировалось организовать преимущественно на производстве, составлялись списки работающих с указанием места жительства. Временные паспортные столы учреждались по производственному принципу – по цехам и шахтам, для неорганизованного населения и служащих – по территориальному, в зависимости от места службы или жительства. В Сталинске было создано сначала 19 пунктов, потом их число возросло до 22: 11 из них были общегородскими, 9 – производственными (например, коксовый и мартеновский цеха КМК) и 2 – для населения пригородных совхозов. В Прокопьевске и Ленинск-Кузнецке работало по 10 паспортных столов в каждом, в Анжеро-Судженске – 14. Первыми в очереди на получение документов стояли ударники производства, но члены их семей получали документы в обычном порядке в общегражданских паспортных пунктах. Существовали особые пункты для выдачи паспортов партийно-советской и хозяйственной номенклатуре, руководящим сотрудникам силовых структур и военнизированных подразделений.

Единственная информация в прессе о начавшейся паспортизации в Кузбассе прошла 1 марта 1933 г. Несколько фраз о подготовке к выдаче паспортов в Сталинске опубликовала главная газета края «Советская Сибирь»⁷. В заметке упоминалось, что паспортизация в городе закончится уже 1 мая. Фактически вся агитационно-массовая работа в рамках паспортизации сводилась к информационно-пропагандистским выступлениям на производстве и собраниях актива, регламент которых предусматривал вопросы и обсуждения, естественно только в позитивном духе. Горкомы разрабатывали свои средства агитации, но в основном использовали спущенные из Центра типовые лозунги. Несмотря на ограниченный формат пропагандистской кампании, следует отметить, что какая-то информация о ходе паспортизации все-таки доходила до населения, в то время как обмен паспортов в 1936–1937 гг. проходил в условиях полного информационного вакуума. Судить о дина-

⁷ В Сталинске началась подготовка к выдаче паспортов // Советская Сибирь. 1933. № 47 (4030). 1 марта. С. 3.

мике паспортизации и масштабах миграции в городах позволяють данные милиции. Отчеты о ходе кампании предоставлялись в типовой форме всеми регионами, где она проводилась. Ход паспортизации подробно отражен в спецсводках и сводных отчетах милиции за 1933–1934 гг., которые готовились на местах каждые пять дней. Эти уникальные источники практически не выявлены и не введены в научный оборот. В сводках информация аккумулировалась по четырем позициям: 1) количество выданных паспортов и временных удостоверений; 2) количество отказов в выдаче паспорта с разбивкой по категориям; 3) количество выданных паспортов после жалоб граждан; 4) количество выбывших, которым отказано в выдаче паспорта. Напомним, что выдавались документы четырех видов, а именно: трехгодичные паспорта, бланки годичных удостоверений личности и два вида временных документов (сезонные и «сомнительные» удостоверения).

Имеющиеся материалы позволяют судить о количестве бежавших, «отказников» и высланных в добровольно-принудительном порядке. Как нам представляется, самый массовый отток был обусловлен бегством из городов и промзон, пик которого пришелся на начало кампании. О его наличии свидетельствуют:

- данные о росте заявлений об увольнении, особенно с производства;
- рост числа брошенного жилья, особенно в пригородах и в зонах самовольной застройки;
- повышенный спрос на железнодорожные билеты и всплеск конокрадства;
- массовая распродажа имущества.

В ходе обходов пригородов и промзон было обнаружено, что только за первые три дня паспортизации в Сталинске, где насчитывалась около 6 тыс. землянок, оказались брошенными 343, в которых числилось 388 семей (1437 чел.)⁸. За следующие пять дней количество брошенных землянок увеличилось до 445, число семей – до 608, проживающих – до 2210 чел.⁹ За вторую половину марта было брошено еще 923 землянки, в которых жили 1172 семьи (4916 чел.)¹⁰.

⁸ ГАНУ. Ф. Р-47. Оп. 5. Д. 174. Л. 13.

⁹ Там же. Л. 17.

¹⁰ Там же. Л. 29.

Суммарный отток за март превысил 7,1 тыс. чел. К середине апреля общее число брошенного жилья оценивалось в 1100 землянок, а на 25 апреля эта цифра выросла до 1970. Большинство выезжали ночью, жилье обычно просто бросали, в силу чего оно резко падало в цене. Рыночная стоимость землянок снизилась с 500–700 и даже 1000 руб. до 100, нередко до 50–25 руб. В целом, по данным милиции, на начало мая Сталинск покинуло не менее 10 тыс. чел. Количество уехавших в трех других городах превысило 17 тыс.¹¹

Данные по самовольному оттоку населения из городов существенно превосходят статистику милиции о числе выселенных в связи с невыдачей паспортов. Секретный раздел инструкции о выдаче 1933 г. устанавливал ограничения на выдачу паспортов и пропуску в режимных местностях для нескольких групп населения, а именно: лиц, лишенных избирательных прав; раскулаченных и отправленных на поселение; судимых по политическим и ряду уголовных статей; не занятых общественно-полезным трудом и «дезорганизаторов производства», под которыми понимались лица, допустившие самовольный уход с производства или отработки, а также уволенные за нарушение трудовой дисциплины, в том числе прогулы. В списке оказались и так называемые перебежчики, к числу которых относились лица, незаконно прибывшие на территорию СССР, а также иждивенцы тех, кто не получил паспорта¹². Исключения были предусмотрены для специалистов, служителей религиозных конфессий, а также сезонных рабочих.

Статус режимных городов, особенно тех, где располагались новостройки, существенно осложнял наем отходников. Массовый набор работников на производство разрешался только через оргнабор. В сентябре 1934 г. правительство все-таки разрешило принимать на работу в паспортизированных местностях колхозников по заявлениям предприятий и без договора колхоза с хозорганами¹³. Но уже в начале 1935 г. законодательство ужесточили в плане требования получения паспорта до выезда на сезонную работу¹⁴. В нережимных городах допускалось получение паспортов «лишенцами», выехав-

¹¹ ГАНО. Ф. Р-47. Оп. 5. Д. 174. Л. 128.

¹² ГАРФ. Ф. Р-9401. Он. 12. Д. 137. Л. 59–60.

¹³ ГАРФ. Ф. Р-5446. Оп. I. Д. 91. Л. 149.

¹⁴ Собрание законов и распоряжений Рабоче-Крестьянского Правительства СССР. 1935. № 21. Ст. 116.

шими из режимных городов и территорий, но только для тех из них, кто мог доказать наличие работы и стажа не менее пяти лет. В марте 1935 г. эта норма была отменена постановлением правительства СССР.

Имеющиеся материалы милиции также позволяют судить о количестве лиц, не получивших паспорта и высланных в добровольно-принудительном порядке. Согласно отчетам, из режимных городов было выслано 4189 чел., в том числе 155 чел. в принудительном порядке¹⁵. При этом паспорта не получили 6591 чел.¹⁶ Анализ состава отказников указывает на то, что паспорта не выдавали преимущественно тем, кто не смог доказать свою трудовую занятость или подтвердить социальный статус. Получившие отказ в выдаче паспорта подлежали выселению в 10-дневный срок. Циркуляр ОГПУ № 96 в августе 1933 г.¹⁷ предписывал формировать «тройки» при региональных Полномочных представительствах (ПП) ОГПУ, в состав которых входили помощник ПП ОГПУ по милиции, начальник паспортного отдела и начальник оперотдела ПП ОГПУ. Оформление и рассмотрение дел должны были занимать не более трех суток. Отказ в выдаче паспорта можно было обжаловать в комиссии при горсовете, и в среднем около 30 % жалоб удовлетворялось¹⁸ (в общей сложности, по итогам работы городских комиссий, таким образом паспорта получили 815 чел., или каждый десятый¹⁹). После положительного решения дело поступало в пункт паспортизации, где заявитель получал временное удостоверение. Ситуация усугублялась тем обстоятельством, что рассмотрение дела занимало какое-то время, а отказникам грозило выселение.

Согласно итоговым отчетам по четырем режимным городам, в общей сложности паспортные документы разного типа получили чуть менее 214 тыс. чел., в том числе в Сталинске – 99 057, Прокопьевске – 40 638, Ленинск-Кузнецке – 37 741, Анжеро-Судженске – 36 249 чел.²⁰ В целом можно утверждать, что основное количество паспортов было выдано в марте-апреле, с резким (в 6 раз) сокраще-

¹⁵ ГАНО. Ф. Р-47. Оп. 5. Д. 174. Л. 113.

¹⁶ Там же. Л. 112.

¹⁷ ГАРФ. Ф. Р-9401. Оп. 12. Д. 137. Л. 202–204.

¹⁸ ГАНО. Ф. Р-47. Оп. 5. Д. 174. Л. 27.

¹⁹ Там же. Л. 112 об.

²⁰ Там же. Л. 119.

нием в первой половине мая и колебаниями в диапазоне от тысячи до полутора тысяч в течение каждой последующей пятидневки. Пяту часть выдаваемых документов составляли временные удостоверения и годовичные паспорта.

Паспортизация означала введение и поддержание паспортного режима, основанного на механизме прописки по месту жительства и соблюдении правил проживания, которые определялись статусом поселения или территории. Прописку в городах ввели в 1925 г., и поначалу она носила уведомительный характер, но с 1928 г. за ее нарушение ввели административную ответственность. Для территорий, где проходила паспортизация, она стала обязательной. Процесс прописки в Кузбассе начали с опозданием: в Сталинске – с середины мая, в Прокопьевске – с июня, в Анжеро-Судженске и Ленинск-Кузнецке – с середины июля 1933 г.²¹ Домовые книги и приписные бланки в срочном порядке были отпечатаны в городских типографиях. В кампании, на проведение которой отводился месяц, были задействованы в основном сотрудники паспортных столов, которых переключили с выдачи паспортов на прописку. За месяц в Анжеро-Судженске, Ленинск-Кузнецке и Прокопьевске прописали 51 тыс. чел.²²

За незаконное получение паспорта или его подделку давали три года лагерей и пять лет ссылки. В Ленинск-Кузнецке под суд за это попали 43 чел., среди которых оказались и бывшие кулаки, и рабочие²³. За нарушение паспортного режима – проживание без прописки и паспорта, в местностях, где вводилась паспортная система, на нарушителей налагался штраф в 100 руб. или исправительные работы сроком до 30 дней. Повторное нарушение влекло за собой уголовную ответственность. Включенная в 1934 г. указом ВЦИК и СНК РСФСР в Уголовный кодекс 1926 г. статья 192а предусматривала за такое правонарушение лишение свободы на срок до двух лет или исправительные работы на срок до шести месяцев²⁴.

Большой интерес представляет анализ хода паспортизации населения в так называемых нережимных зонах. В зависимости от

²¹ ГАНО. Ф. Р-47. Оп. 5. Д. 174. Л. 94.

²² Там же. Л. 132.

²³ Там же. Л. 130.

²⁴ Собрание Узаконений (СУ). 1923. № 54. Ст. 530.

экономического потенциала, численности населения и территориальных особенностей города и районы Запсибкрая, отнесенные к нережимным, были разбиты на три группы. Датой начала паспортизации для первой группы названо 1 октября, для второй – 20 октября и третьей – 5 ноября 1933 г. Все три волны завершились в конце 1933 – январе 1934 г. Города Кемерово и Киселевск с прилегающей к ним сельской местностью, а также г. Тайга были отнесены к первой группе и их паспортизация началась с 1 октября 1933 г. При этом различные районы одной области могли относиться к разным группам. Так, к концу 1933 г. на ст. Тайга было выдано более 10 тыс. документов, в Уч-Пристани – намного меньше, 4,3 тыс. При этом в Тайге процент «социально-чуждых» доходил до 6,6 %, а в Уч-Пристани – 0,7 %²⁵.

В начале 1930-х гг. в Кузбассе шло активное железнодорожное строительство, ориентированное на создание транспортных коридоров для вывоза из региона угля и металла. Томская железная дорога считалась одной из крупнейших в стране по протяженности и грузообороту, включая в себя, помимо Кемерово, Ленинск-Кузнецка, Новокузнецка, Прокопьевска, такие станции, как Топки, Юрга, Белово. Тем не менее дорога, в зоне ответственности которой паспортизация прошла в 1933–1934 гг., попала лишь в третью группу²⁶. Транспортные органы дороги внепланово получили порядка 150 тыс. паспортов²⁷, что закономерно передвинуло сроки завершения паспортизации в остальных районах Запсибкрая.

В 1933 г. властям удалось резко снизить масштаб миграции в города, но это обострило ситуацию на рынке труда. Выборочное введение паспортной системы в СССР продемонстрировало многоступенчатую иерархию стратегических приоритетов власти при оценке роли регионов и территорий. Одновременно произошло разделение граждан на паспортизированных и беспаспортных, что усугубило дискриминацию и неравенство. К сожалению, в силу слабой изученности как самого механизма, так и результатов паспортизации на региональном уровне, дать количественные и ка-

²⁵ ГАНО. Ф. Р-47. Оп. 5. Д. 160. Л. 155.

²⁶ ГАРФ. Ф. Р-9401. Оп. 12. Д. 137. Л. 10–41.

²⁷ ГАНО. Ф. Р-47. Оп. 5. Д. Л. 154 об.

чественные оценки всех ее аспектов на данный момент не представляется возможным.

Литература

Бикметов Р.С. Трудпоселенцы на шахтах Кузбасса (1930–1950 гг.) // Вестник Кузбасского государственного технического университета. 2004. № 1 (38). С. 113–121.

Исупов В.А. Численность населения Западно-Сибирского края в расчетах сибирских статистиков // Вестник НГУ. Сер.: История, филология. 2010. Т. 9. Вып. 1: История. 2010. С. 188–200.

Исупов В.А. Урбанизация Западной Сибири: взгляд историка // ЭКО. 2018. № 7. С. 7–22.

Моисеенко В. Миграция из сельской местности в городские поселения в СССР в 1920-е годы // Демографическое обозрение. 2018. Т. 5, № 2. С. 122–146.

Прокопович С.Н. Народное хозяйство СССР. Нью-Йорк: Изд-во им. Чехова, 1952. Т. 1. 398 с.

Kessler G. The Passport System and State Control over Population Displacement in the Soviet Union, 1932–1940 // Cahiers du monde russe. 2001/2. Vol. 22. P. 477–504.

В.И. Исаев

**СОЦИАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ ИНДУСТРИАЛИЗАЦИИ
В СИБИРИ В ГОДЫ ПЕРВЫХ ПЯТИЛЕТОК¹**

V.I. Isaev

**SOCIAL PROBLEMS OF INDUSTRIALIZATION IN SIBERIA
DURING THE FIRST FIVE-YEAR PLANS**

Аннотация. В годы первых пятилеток в СССР была осуществлена ускоренная индустриализация, ставшая частью общего процесса модернизации страны. Цель статьи – исследование социальных аспектов проведения индустриализации в Сибири в годы первых пятилеток. Выделены наиболее острые проблемы социального развития населения Сибири, возникшие в результате концентрации сил и средств на форсированном создании тяжелой промышленности. Наиболее ощутимо отставание социальной сферы проявилось в тяжелом жилищном положении в городах Сибири и в трудностях снабжения, вызвавших введение карточной системы. Рассмотрены причины кризисных процессов в социальной сфере, коренящиеся в сложившемся отношении правящего слоя к социальным проблемам. Сделаны выводы о субъективных и объективных предпосылках отставания социальной сферы.

Ключевые слова: индустриализация, социальная сфера, рабочие, городское население, жилищный кризис, снабжение, карточная система.

Главной особенностью индустриализации в СССР стало то обстоятельство, что впервые в мировой истории она проходила в условиях господства государственной собственности на средства производства. Поэтому государство имело монополию на определение приоритетов в развитии промышленности, на выделение финансирования при выборе направлений индустриализации. Ограниченность финансов, обусловленная отсутствием в стране свободного капитала и невозможностью иностранных займов, диктовала руко-

¹ Статья выполнена по теме госзадания «Социально-экономический потенциал восточных регионов России в XX – начале XXI вв.: стратегии и практики управления, динамика, геополитический контекст» (FWZM-2024-0005).

водству страны необходимость сосредоточения всех сил и средств на наращивании материально-технической базы средств производства при сокращении финансирования производства предметов потребления. В такой ситуации выделение средств для социальной сферы общества и внимание к ней неизбежно оказывались на втором плане. Еще одной особенностью советской индустриализации являлась ведущая роль государства в производстве товаров массового спроса и в их распределении.

В настоящей статье мы попытаемся проследить, как отразились на жизни рабочих и в целом городского населения Сибири в годы первых пятилеток эти особенности советской индустриализации. Последствия скудного финансирования социальной сферы в исследуемый период в городах Сибири наиболее ярко проявились в жилищном кризисе, который остро затронул рабочих, и в кризисе снабжения городского населения товарами повседневного спроса. Поэтому выделим эти две проблемы из широкого круга проблем социальной сферы и рассмотрим их на материалах Сибири.

Хронологические рамки исследования ограничены 1928–1937 гг. По необходимости используются данные, относящиеся к более ранним или более поздним годам. Территориальные рамки включают пространство от Урала до Байкала. Под Сибирью в тексте понимается территория Западной и Восточной Сибири (в основном входившая с 1925 г. в Сибирский край), без Якутии и Дальнего Востока.

Источниками исследования являются архивные материалы: в основном это документы партийных, советских и правоохранительных органов Сибири, хранящиеся в государственном архиве Новосибирской области и других сибирских архивах. Другой важной частью источниковой базы являются статистические и иные материалы, опубликованные в научной и периодической печати.

Рассматривая жилищное положение индустриальных рабочих и в целом городского населения Сибири в исследуемый период, мы должны констатировать, что уже до начала первой пятилетки оно было довольно плачевным. При минимальной норме по стране в 8 кв. м средняя обеспеченность жильем в городах Сибири в 1926 г. достигала только 4,8 кв. м на человека, в то время как в среднем по СССР этот показатель составлял 5,86 кв. м². При этом обеспеченность

² Жизнь Сибири. 1926. № 12. С. 15.

жилием рабочих в большинстве городов была еще ниже средней. А в начале первой пятилетки на одного жителя городов Сибири приходилось только 4,6 кв. м³.

Развертывание индустриализации, строительство и ввод новых промышленных предприятий потребовали резкого увеличения количества рабочих и служащих, что обусловило быстрый рост численности городского населения. За исследуемый период оно увеличилось в 2,5 раза: если в середине 1920-х гг. горожане составляли только 12,8 % населения Сибири⁴, то к концу 1930-х гг. доля городского населения достигла 31,3 %. При этом численность рабочих с 1926 по 1939 г. выросла в 7,7 раза [Московский, 1984. С. 31, 97].

Основную долю прироста городского населения давали переселенцы из сибирской деревни. Так, в общем пополнении населения городов Западной Сибири в течение 1926–1937 гг. мигранты из сельской местности составили 68,5 % [Население, 1997. С. 95]. Прибывавшие в города мигранты вынуждены были мириться с самыми неблагоприятными условиями проживания. Немногим удавалось построить дом-временку не самого лучшего качества, большинство же оказывались в бараках и землянках.

Наиболее резко отставание социальной сферы от темпов развертывания индустриализации проявилось в ходе строительства новых промышленных предприятий. Показательно в этом отношении жилищное положение строителей Кузнецкого металлургического комбината. При планировании строительства комбината на создание жилья для рабочих выделялись совершенно недостаточные средства. Предполагалось, что в первое время большинство рабочих будут размещаться в бараках. Однако даже место в бараках удавалось получить далеко не всем. Значительная часть рабочих вынуждена была рыть землянки или строить временки. В первые годы строительства КМК 95 % рабочих проживали в бараках и землянках⁵.

В пропаганде и общественном сознании такое положение преподносилось как неизбежная жертва на алтарь строительства социализма. Считалось, что необходимо любой ценой решить главную за-

³ Государственный архив Новосибирской области (ГАО). Ф. Р-47. Оп. 1. Д. 501. Л. 2.

⁴ Всесоюзная перепись населения 1926 г. М., 1928. Т. 6. С. 8.

⁵ Государственный архив Кемеровской области в городе Новокузнецке (НФ ГАКО). Ф. 143. Оп. 1. Д. 60. Л. 66–67.

дачу – создание индустриального потенциала страны в быстрые сроки, не считаясь при этом с трудностями быта. Такие убеждения формировались у подавляющей части коммунистов, руководящих работников, они внедрялись и в массовое сознание. Показательным в этом плане является выступление заместителя начальника Кузнецкстроя А.М. Морозова в октябре 1929 г. на первой районной партийной конференции. «Мы совершим преступление, если вместо заводских сооружений будем строить магазины, жилые помещения, контору кооперации и т.д. <...> Нам партия поручила строить завод, а не здание дома торговли»⁶, – заявлял он.

После пуска комбината положение стало постепенно улучшаться, но очень медленно. В 1932 г. только 47,9 % рабочих КМК были обеспечены хотя бы каким-либо жильем от предприятия, в основном это было место в бараках. На одного жителя Новокузнецка приходилось всего 1,27 кв. м жилплощади. При этом если не учитывать жилье в землянках и времянках, то этот показатель снизится до 0,44 кв. м⁷.

Расхождение между пропагандистской картиной успешного строительства промышленного гиганта и катастрофическим жилищным положением рабочих грозило нарастанием недовольства и разрушением доверия курсу большевистской партии на форсированную индустриализацию. В начале 1933 г. в докладной записке Новокузнецкого горкома в Западно-Сибирский крайком ВКП(б) подчеркивалось: «Земляночный сектор, обложивший 10-тысячным кольцом дерновых халуп с населением в 50–70 тыс. человек Соцгород и площадку комбината, выросший за год на 50 %, настолько крупное социально-политическое явление, что игнорирование его, которое характерно для данного момента, дальше нетерпимо»⁸.

Конечно, во многом такая ситуация была вызвана тем, что Новокузнецк создавался на почти необжитом месте, но бедственное жилищное положение рабочих наблюдалось и при строительстве новых предприятий в старых городах. Так, на строительстве завода «Сибкомбайн» в Новосибирске в 1930 г. обеспеченность жилплоща-

⁶ ГАНО. Ф. П-74. Оп. 2. Д. 1. Л. 191–192.

⁷ НФ ГАКО. Ф. 3. Оп. 2. Д. 6. Л. 6–7.

⁸ ГАНО. Ф. П-3. Оп. 2. Д. 384. Л. 58.

дью рабочих составляла лишь около 2 кв. м⁹. В 1931 г. в индустриальных районах Восточной Сибири на рабочего приходилось от 2 до 2,5 кв. м¹⁰.

На площадке строительства завода горного оборудования в Новосибирске зимой 1932 г. катастрофическая ситуация с жильем потребовала срочного вмешательства партийного руководства города. В переполненных бараках из-за антисанитарного состояния вспыхнула эпидемия тифа и холеры. Значительная часть рабочих не получила даже места в бараках и вынуждена была рыть землянки, чтобы иметь место для ночлега и укрытия от лютых сибирских морозов. На склонах оврага реки Каменка возник так называемый «Копайгород».

На состоявшемся в феврале 1932 г. обсуждении ситуации на расширенном заседании горкома ВКП(б) представители дирекции строительства завода в свое оправдание выдвигали следующие доводы: на строительство жилья из центра не выделяется достаточно средств и стройматериалов, каждый вагон кирпича приходится буквально выбивать в Москве. При этом на все жалобы и требования следует стандартный ответ: на Кузнецкстрое было еще хуже, но комбинат успешно построили и запустили¹¹. Можно сказать, что пренебрежение к обеспечению нормальных бытовых условий рабочих становилось как бы негласной нормой, хотя в пропаганде постоянно подчеркивалась забота партии и правительства о людях.

За годы первой пятилетки в городах Сибири происходило постоянное снижение обеспеченности жильем: в 1929 г. на одного жителя приходилось 4,2 кв. м жилья, в 1930 г. – 4 кв. м, в 1931 г. – 3,8 кв. м, в 1932 г. – 3,6 кв. м¹².

В годы второй пятилетки жилищный кризис в городах Сибири продолжал обостряться. Причины этого заключались в недостатке финансирования социальной сферы. Например, в Кузбассе, где наиболее остро проявлялся жилищный кризис, из общего объема капиталовложений в 1932–1937 гг. только около 15–20 % шло на строительство жилья.

⁹ Государственный архив Российской Федерации (ГАРФ). Ф. Р-5451. Оп. 14. Д. 542. Л. 25.

¹⁰ Государственный архив Иркутской области (ГАИО). Ф. Р-600. Оп. 1. Д. 177. Л. 194.

¹¹ ГАНО. Ф. П-22. Оп. 1. Д. 48. Л. 91–93.

¹² ГАНО. Ф. Р-917. Оп. 1. Д. 111. Л. 2.

Получить жилье в благоустроенном доме, в основном комнату в коммунальной квартире, удавалось немногим счастливицам. В 1937 г. 89 % всего жилого фонда шахтеров Кузбасса составляли дощатые, бревенчатые и саманные жилища, а также землянки. Не лучшим было положение и рабочих других профессий. В 1937 г. в Новокузнецке более половины работников КМК размещались в бараках¹³.

Следствием форсированной индустриализации стало появление в городах Сибири пролетарских окраин, застроенных хаотично бараками, временками и землянками. Например, в Прокопьевске в 1936 г. количество землянок достигало 2,5 тыс. В Барнауле на окраине пос. Ильича возникла пролетарская слободка из землянок под названием «Копай-город», подобные слободки существовали и в других частях города¹⁴. Подобная ситуация наблюдалась в большинстве городов Сибири.

К концу второй пятилетки среднедушевая обеспеченность жильем в городах Сибири оставалась очень низкой. В 1937 г. в Новосибирске на одного жителя приходилось 3,2 кв. м жилой площади, в Новокузнецке, Кемерово, Анжеро-Судженске – 3,1, в Красноярске – 2,8, в Ленинске-Кузнецком, Игарке – 2,5 кв. м [История, 1982. С. 303].

Вместе с тем следует отметить, что в годы первых пятилеток объемы строительства нового жилья постепенно нарастали. В целом фонд жилплощади в городах Западной Сибири за 1928–1932 гг. вырос на 1 млн кв. м, т.е. увеличился в 1,7 раза, а в городах Кузбасса – в 3,2 раза¹⁵. За годы второй пятилетки в городах Новосибирской области было введено в строй (с учетом индивидуального строительства) 1,5 млн кв. м, в городах Восточной Сибири – 3,3 млн кв. м жилья. Только государственный жилой фонд в городах Западной Сибири вырос с 2,5 млн кв. м в 1932 г. до 3,8 млн кв. м в 1937 г. [История, 1982. С. 302]. Все это свидетельствовало о том, что государство пыталось снизить остроту жилищного кризиса, но численность городского населения возрастала значительно быстрее, чем объемы вводимого жилья.

Важным компонентом социальной сферы в исследуемый период являлась организация снабжения населения потребительскими то-

¹³ ГАНО. Ф. Р-1353. Оп. 1. Д. 174. Л. 6–11.

¹⁴ Центр хранения архивного фонда Алтайского края (ЦХАФАК). Ф. Р-312. Оп. 1-а. Д. 18. Л. 37; Ф. Р-33. Оп. 1. Д. 170. Л. 157.

¹⁵ ГАНО. Ф. Р-47. Оп. 1. Д. 1609. Л. 11–12.

варами. С началом первой пятилетки возник дефицит товаров массового спроса, который быстро перерос в острый кризис снабжения и привел к введению карточной системы.

В 1928 г. в городах Сибири возникли серьезные затруднения со снабжением населения хлебом. Информационные сводки для ЦК ВКП(б), составленные сибирским представительством ОГПУ по материалам с мест, показывают, что ситуация резко обострилась. Так, в сводке, поступившей в секретариат Сталина в июне 1928 г., сообщалось: «В Новосибирске, Славгороде, в городах Кузбасса магазины осажены толпами народа, очереди от 200 до 1000 человек. В Красноярске в очередь записываются в 1 час ночи»¹⁶.

В 1929 г. в городах Сибири, как и в целом по стране, вводится карточная система приобретения товаров: сначала хлеба, потом и других продуктов, а затем товаров промышленного производства; однако это не решило проблем со снабжением. Нормы отпуска товаров устанавливались в централизованном порядке, однако в реальности они постоянно снижались из-за недостатка товаров. По-прежнему люди вынуждены были стоять в очередях в ожидании подвоза или получения товара.

В сводках ОГПУ за 1929 г. отмечаются массовые проявления недовольства населения. Рабочий коммунально-хозяйственного треста Томска во время ожидания в очереди так обобщил эту ситуацию: «Сколько народу клянут сейчас советскую власть из-за того, что приходится по три часа стоять за пайкой»¹⁷.

С введением карточной системы большая часть снабжения городского населения товарами массового спроса стала осуществляться через нормированное распределение на предприятиях и учреждениях, где все работавшие получали карточки через закрытые рабочие кооперативы (ЗРК). Продажа товаров по карточкам осуществлялась через действовавшие торговые точки, к которым прикреплялись работники предприятия, или на предприятиях организовывались собственные распределители. В городах Западной Сибири на начало 1931 г. было образовано 279 ЗРК, их число продолжало бы-

¹⁶ Российский государственный архив социально-политической истории (РГАСПИ). Ф. 17. Оп. 85. Д. 307. Л. 32.

¹⁷ ГАНО. Ф. П-22. Оп. 3. Д. 69. Л. 88–89.

стро увеличиваться¹⁸. В городах Восточной Сибири в мае 1931 г. действовало 479 ЗРК¹⁹.

Проблемы со снабжением городского населения Сибири еще более обострялись в связи с его быстрым ростом. Так, в 1931 г. в списках по четырем категориям снабжаемого населения в городах Западной Сибири числилось 947 657 чел., а к концу 1932 г. контингент снабжаемого населения вырос почти на 400 тыс. и составлял уже 1 341 600 чел.²⁰

Добывание необходимых продуктов и других товаров стало в 1930-е гг. постоянной заботой городских жителей. По данным опросов потребителей и по сведениям Наркомата снабжения РСФСР, в первой половине 1930-х гг. выдачи по карточкам обеспечивали лишь от трети до половины реальных потребностей людей [Осокина, 1993. С. 40–41]. Остальное нужно было искать на рынке или в так называемых «коммерческих» магазинах, где товары продавались без карточек, но цены были в 2–3 раза выше обычных. Доля «коммерческой» торговли в розничном товарообороте городов Западной Сибири с 7,9 % в 1932 г. возросла до 36,6 % в 1934 г., а в продаже промышленных товаров достигла 53 %. При этом продавались в ней в основном те же необходимые для жизни товары, но уже по завышенным ценам. Так, в 1934 г. из 479,8 млн руб., полученных в сети «коммерческих» магазинов, более половины – 248,5 млн руб. – дали продажи хлеба²¹.

Существовавшее положение с обеспечением населения товарами массового спроса подрывало денежный оборот, тормозило нормальное развитие экономики. В течение 1935–1936 гг. карточная система была отменена сначала на продовольственные, а затем и на промышленные товары. Однако снабжение городского населения и в последующие годы продолжало быть одной из острейших проблем социальной сферы. В 1937 г. в редакцию «Комсомольской правды» поступило письмо жителя г. Сталинска Федора Ермакова, в котором он по итогам многочисленных командировок пишет: «Побывав последние два года в городах Иркутске, Чите, Сретинске, Улан-Удэ, Ом-

¹⁸ ГАНО. Ф. Р-627. Оп. 1. Д. 693. Л. 22.

¹⁹ ГАИО. Ф. Р-600. Оп. 1. Д. 436. Л. 5.

²⁰ ГАНО. Ф. П-22. Оп. 3. Д. 67. Л. 6, 19.

²¹ ГАНО. Ф. П-3. Оп. 7. Д. 599. Л. 26.

ске, Сталинске и во многих селах Восточной и Западной Сибири, я наблюдал везде острый промтоварный голод.

...Я заинтересовался – почему нет промтоваров. В самое ближайшее время я хочу ехать туда, где можно купить брюки, носки, пару простыней, пальто. Но где такое место – не знаю. Может быть, товарищи из редакции знают, пусть опубликуют»²².

Возможность свободного приобретения товаров осложнялась их дефицитом и состоянием торговой сети, существенно ухудшившимся за годы карточной системы. Как правило, магазины представляли собой тесные помещения, ассортимент товаров был скудным, работали они часто с перебоями из-за отсутствия товаров. Так, в 1937 г. из имевшихся в г. Прокопьевске 68 магазинов более-менее нормально работали только 5–6²³.

Если в магазинах появлялся дефицитный товар, возникали огромные очереди, перерастающие в давку, в которой к прилавку могли прорваться только физически сильные. В письме, направленном в ЦК ВЛКСМ, комсомолец из Кузбасса так описывает подобную ситуацию: «Я жду со дня на день первого ребенка, надо же во что-то его завернуть. Привезли ткани в лавку: очереди, давка, люди теряли сознание, меня придавили так, что оторвали борт пиджака вместе со значками ГТО и КИМ, но материю так и не взял.

...Я никак не могу понять, неужели рабочие и крестьяне боролись в 1917 году за то, чтобы сейчас давиться за кусок материи, не съест свободно кусок мяса, выпить кружку пива»²⁴.

Проблема отсутствия в продаже необходимых товаров была обусловлена не столько плохой работой местных органов снабжения, сколько социальной политикой государства в целом. В торговлю поступало значительно меньше того объема товаров, который был необходим для нормального обеспечения населения, при этом часто даже менее запланированного. Так, прокопьевским отделением Кузбасторга в четвертом квартале 1937 г. было получено по тканям от 8 до 35 % от запланированного объема, по кожаной обуви – 35 %, по швейным изделиям – 26 %. Нехватка товаров в торговле приводила к очередям и таким давкам, которые в некоторых случаях за-

²² РГАСПИ. Ф. М-1. Оп. 23. Д. 1287. Л. 41.

²³ ГАНО. Ф. П-2. Оп. 1. Д. 1687. Л. 42.

²⁴ РГАСПИ. Ф. М-1. Оп. 23. Д. 1287. Л. 38.

канчивались травмами, фиксировались и случаи смерти задавленных в очередях²⁵.

В целом можно сделать вывод, что в исследуемый период покупка необходимых для жизни товаров превратилась в ожесточенную борьбу за добывание пищи, одежды или других вещей; значительная часть свободного времени и сил горожан тратилась на поиск товаров и стояние в очередях.

Итак, негативным следствием успешной в целом индустриализации в СССР в годы первых пятилеток стало снижение уровня и качества жизни народа. В Сибири этот процесс был выражен еще более резко в силу исходного отставания от европейской части страны. К тому же значительное число промышленных предприятий в регионе создавалось с нуля, часто на необжитых местах. Недостаток средств, выделяемых в исследуемый период на жилищное строительство, обусловил снижение показателей средней обеспеченности жильем в городах Сибири. Система снабжения могла обеспечивать лишь самое скудное удовлетворение повседневных потребностей жителей городов Сибири.

В исторической литературе и публицистике встречаются различные оценки и мнения по поводу неудовлетворительного состояния социальной сферы в годы первых пятилеток. Некоторые историки утверждают, что в условиях нараставшей военной угрозы ускоренное создание промышленного и оборонного потенциала СССР было жизненно необходимо, поэтому пренебрежение к социальным проблемам полностью оправдано. Другие же считают, что большевистская партия не выполнила своих обязательств перед народом: нельзя было допускать таких экстремальных условий жизни рабочих, резкого снижения уровня жизни всего населения СССР.

На наш взгляд, такое положение в социальной сфере было обусловлено как объективными, так и субъективными факторами. Во-первых, сталинская модель социализма, в которой интересы государства всегда получают приоритет, объективно порождала пренебрежение к условиям частной жизни людей, несмотря на декларативную заботу о них. Во-вторых, субъективные убеждения правящего слоя в том, что ради достижения светлого будущего неизбежны большие жертвы, еще более усугубляли ущемление материальных

²⁵ ГАНО. Ф. П-189. Оп. 1. Д. 1092. Л. 176–177.

интересов и потребностей рядовых строителей социалистического общества.

Литература

История рабочего класса Сибири. Рабочий класс Сибири в период упрочения и развития социализма. Новосибирск: Наука, 1982. 425 с.

Московский А.С., Исупов В.А. Формирование городского населения Сибири (1926–1939). Новосибирск: Наука, 1984. 168 с.

Население Западной Сибири в XX веке. Новосибирск: Изд-во СО РАН, 1997. 169 с.

Осокина Е.А. Иерархия потребления. О жизни людей в условиях сталинского снабжения. 1928–1935. М.: Изд-во МГОУ, 1993. 144 с.

Н.Н. Макарова

**ТРУДОВЫЕ БУДНИ МАГНИТОСТРОЯ В УСЛОВИЯХ
МОБИЛИЗАЦИОННОЙ МОДЕЛИ НАЧАЛА 1930-Х ГГ.**

N.N. Makarova

**EVERYDAY WORK MAGNITOSTROY
UNDER THE CONDITIONS OF THE MOBILIZATION MODEL
OF THE EARLY 1930S**

Аннотация. Эпоха советской индустриализации ознаменовалась трансформацией повседневной жизни населения СССР в результате утверждения мобилизационной модели развития государства. Изменения коснулись всех категорий населения страны, но особенно сильно изменилась жизнь тех, кто оказался вовлечен в «будни великих строек». Одним из широкомасштабных начинаний советского руководства в годы первой пятилетки стало строительство металлургического завода и города Магнитогорск. Повседневная жизнь каждого человека связана в значительной мере с трудовой. Будни магнитогорцев в первой половине 1930-х гг. были перенасыщены трудом: рабочие смены сменялись организацией домашнего быта, который требовал немалых усилий, субботниками и, наконец, выполнением общественной нагрузки.

Ключевые слова: история повседневности, индустриализация, труд, Магнитогорск.

Исследования в сфере рабочей истории были объединены в ежегоднике «Социальная история» в рамках проекта «Мотивация труда в России, 1861–2000». Российские и зарубежные историки исследовали как теоретические вопросы мотивации труда, так и помещали системы мотивации труда в соответствующие исторические контексты. С.П. Постников и М.А. Фельдман в последней монографии раскрыли масштабные изменения в социальной структуре, общеобразовательных и квалификационных характеристиках, духовной среде рабочих в первые четыре десятилетия XX в. [Постников, 2009]. Изучением вопросов повседневной жизни и мотивации труда на советских предприятиях занимались С.В. Журавлев и М.Ю. Му-

хин [Журавлев, 2005]. Однако в современной историографии отсутствуют работы, касающиеся мотивации труда на новостройках.

Магнитогорск – город на Южном Урале, созданный в период форсированной индустриализации. Уникальность города связана не только с его рудной базой, географическим положением, уникальной архитектурой, но и трудовой доблестью. В июле 2020 г. В.В. Путин подписал Указ о присвоении Магнитогорску почетного звания «Город трудовой доблести». В данной статье предпринята попытка наметить контуры трудовой повседневности магнитогорцев как единой социальной общности и рассмотреть проблемы мотивации труда в годы первой и отчасти второй пятилеток в крупнейшем индустриальном центре Урала.

Повседневная жизнь каждого человека связана в значительной мере с трудовой деятельностью в разнообразных ее проявлениях, будь то непосредственно деятельность на работе или домашний труд. Будни магнитогорцев в первой половине 1930-х гг. были перенасыщены трудом. Мотивация труда есть уровень трудовой дисциплины и заинтересованность трудящихся в результатах своей деятельности. Отношение к труду традиционно проявляется через разнообразные формы, среди которых следует отметить прогулы, опоздания на работу, недоброкачественную работу, воровство и пьянство. Отношение к трудовому процессу определяется также общими условиями труда на производстве.

Исследование состояния санитарно-гигиенических условий и медицинского обслуживания рабочих позволяет сделать вывод о том, что практически все виды трудовой деятельности в Магнитогорске велись в неблагоприятных условиях для здоровья, а порой и жизни рабочих. Первый этап работ на Магнитострое был связан со строительством объектов будущего металлургического завода и объектов социальной инфраструктуры, следовательно работать приходилось в основном на улице. Несмотря на наличие специального закона о работе в условиях пониженной температуры, некоторые рабочие стремились стать ударниками и просто отказывались делать перерывы в работе: «Девушки-каменщицы обедали наверху, еду им поднимали в котелках. Мороз 40 градусов»¹. Часто работали на высоте без специального страховочного оборудования (его про-

¹ Российский государственный архив литературы и искусства (РГАЛИ). Ф. 2285. Оп. 1. Д. 104. Л. 56.

сто не было!). Второй этап – время непосредственной эксплуатации возведенных цехов – связан в основном с авариями на производстве. Последние чаще всего случались на домнах.

Охрана труда на производстве была поставлена не на должном уровне: помещения цехов не проветривались, плевательницы отсутствовали, влажная уборка проводилась редко, что пагубно влияло на здоровье рабочих². Подобные нарушения были очень распространены. Причем не только на металлургическом предприятии, но и на электростанции, городской насосной, в типографии, медучреждениях и пр. В связи с этим вопросы оздоровления труда были рассмотрены на совещании при управлении организации и оздоровления Народного комиссариата труда РСФСР в июне 1930 г. Главное решение совещания заключалось в требовании немедленной нормализации санитарных условий на строительстве в целом.

Ведущим звеном амбулаторной помощи являлись здравпункты в цехах заводов и на предприятиях. Основная цель их создания – оказание немедленной медицинской помощи травмированным рабочим: «В целях успешной борьбы с травматизмом и отравлениями на строительстве и эксплуатации Магнитостроя необходимо расширить сеть здравпунктов и вести учет травм...»³.

Официальная организация, контролирующая правила техники безопасности в Магнитогорске, была создана только в 1931 г. В заводууправлении на работу по контролю за соблюдением правил техники безопасности был направлен один рабочий-выдвиженец. Последний не разбирался в вопросах технической эксплуатации механизмов и безопасного строительства объектов городской и социальной инфраструктуры⁴. В связи с участившимися несчастными случаями на Магнитострое было принято решение об их регистрации в книгах учета на всех строительных объектах и о создании городского отдела труда. В последний было избрано 109 общественных инспекторов труда, в обязанности которых входили контроль за соблюдением техники безопасности и проведение бесед просветительского характера. Только 13 сентября 1934 г. было издано специальное постановление «О регистрации несчастных производствен-

² Магнитогорский печатник. 1932. 23 февр.

³ МКУ «Городской архив» г. Магнитогорска (МКУ ГА г. Магнитогорска). Ф. 121. Оп. 2. Д. 6. Л. 23.

⁴ МКУ ГА г. Магнитогорска. Ф. 10. Оп. 1. Д. 34. Л. 114.

ных случаев по Магнитогорскому району», в соответствии с которым в специальные бланки учета вносили не только число происшествий, но также причины случившегося и меры, принятые для устранения возможных аналогичных случаев в будущем⁵. В целях профилактики травматизма с весны 1934 г. Институт оздоровления труда проводил регулярные выставки по технике безопасности и охране труда⁶.

Правила техники безопасности трудящимися практически не соблюдались. Американский рабочий Дж. Скотт отметил то, с какой обыденностью каждый день на строительстве велись разговоры о гибели людей. Несмотря на существование правил и норм работы, рабочие отказывались соблюдать их или же просто не понимали необходимости их соблюдения. Дж. Скотт называет, пожалуй, самые объективные причины высокого травматизма в Магнитогорске: «Во-первых, у рабочих не было опыта, во-вторых, не хватало стройматериалов, чтобы делать по всем правилам леса и помостки, в-третьих, не хватало электрических лампочек, поэтому утром и вечером работали практически в темноте...» [Скотт, 1991. С. 54]. Жизнь в обстановке всеобщего хаоса и дефицита, по-видимому, оказала серьезное влияние на восприятие американцем обстановки в городе. Проанализировав причины высокого травматизма, Скотт говорит, что попытки строить качественные леса и помостки абсолютно бесполезны, потому что практически все стройматериалы, которые хоть какое-то время «залеживались», оказывались в печах, обогревающих комнаты рабочих [Скотт, 1991. С. 54]. В ходе работы комиссии по проверке правил техники безопасности на Магнитострое выявлено большое количество разнообразных нарушений: от неправильной закладки фундаментов в жилых домах до монтажа кауперов домен⁷. Следует отметить, что в воспоминаниях участников строительства возникают сюжеты о том, что часто строили, надеясь на везение. Данные статистики не дают полной картины о смертности от травм, полученных на строительстве, производстве или в

⁵ Магнитогорский рабочий. 1934. 2 окт.

⁶ Магнитогорский рабочий. 1934. 9 мая.

⁷ РГАЛИ. Ф. 1443. Оп. 1. Д. 199. Л. 1–6.

быту. Однако отдельные сведения, сохранившиеся в архиве города, позволяют судить о том, что их доля была существенной⁸.

Отдельного внимания заслуживают воспоминания магнитогорцев, посвященные особо ответственным моментам строительства, сопровождавшимся подчас новыми рекордами. Общей характерной чертой для всех воспоминаний является то, что рабочие практически самостоятельно осуществляли сложные манипуляции на строительных объектах, руководство, включая иностранных специалистов, отсутствовало⁹. Второй характерный момент – работа ранним утром, чтобы как можно меньше привлекать внимание посторонних и не рисковать их жизнями¹⁰. Наконец, большинство рекордов рабочие ставили без специальной подготовки, не советовались с инженерами, не делали расчетов, а просто отклонялись от правил техники безопасности и «пробовали». Так, сталевар восьмой доменной печи А.Н. Грязнов рассказывал: «По инструкции во время заливки чугуна газ надо закрывать, держать ноль кубометров. А тут взяли <...> просто на полном ходу печь стали заливать – и никаких, ничего не случилось... Инженеры к этому относились безразлично...»¹¹.

Вопросы трудовой дисциплины в Магнитогорске были наиболее острыми. Управление Магнитостроя и руководство металлургического завода считали ненормальным явлением систематические нарушения со стороны трудящихся¹². Среди нарушений трудовой дисциплины были опоздания, прогулы, отказы выполнять ту или иную работу, ссоры, пьянство, драки. Проблема прогулов среди сотрудников Управления строительством магнитогорского завода возникла уже в 1929 г. Работники Управления без уважительных причин не выходили на работу, регулярно опаздывали. В результате в целях подъема трудовой дисциплины был установлен строгий рабочий график. В Управлении Магнитостроя ввели систему бирок и регистрации времени прихода и ухода на работу каждого сотрудника¹³. Непосредственно на строительных участках подобную систему вне-

⁸ МКУ ГА г. Магнитогорска. Ф. 16. Оп. 1. Д. 13. Л. 27, 31, 35, 39, 44, 49, 52, 57, 74.

⁹ РГАЛИ. Ф. 1443. Оп. 1. Д. 199. Л. 2.

¹⁰ Там же. Л. 4.

¹¹ Государственный архив Российской Федерации (ГАРФ). Ф. Р-7952. Оп. 5. Д. 306. Л. 231.

¹² Борьба за металл. 1933. 15 янв.

¹³ МКУ ГА г. Магнитогорска. Ф. 99. Оп. 4 Д. 1. Л. 125.

дрить было крайне сложно. В 1930–1931 гг. невыход на работу по всему строительству составил в среднем 3 %, а на отдельных участках дошел до 12 %¹⁴. Например, на строительстве плотины практически каждый рабочий 2–3 дня не выходил на работу без уважительной причины¹⁵. Чаще всего прогуливали ночные смены¹⁶. Кроме того, рабочие могли просто бросить работу и пойти в бараки. Чаще всего такое случалось, если прораб покидал строительный участок¹⁷. Пики падения трудовой дисциплины приходились на летний и зимний периоды, когда стояли сильные морозы и когда крестьяне, занятые на строительстве, подобно крестьянам-отходникам XIX столетия, уходили в деревни на полевые работы¹⁸.

В структуре прогулов 65–70 % занимали прогулы по причине отсутствия обуви и одежды, кратковременной болезни без обращения к врачу, а также погодные условия¹⁹. Нарушение трудовой дисциплины было явлением распространенным не только на строительных работах, но и в административных учреждениях, а также в школах и больницах Магнитогорска [Макарова, 2008]. Трудовая дисциплина являлась, по мнению заведующего городским отделом здравоохранения Колчанова, одним из важнейших «факторов, обеспечивающих планомерный и нормальный ход работы». Однако нарушения трудовой дисциплины случались постоянно: врач мог самовольно покинуть дежурство, явиться на работу в пьяном виде²⁰. Преодолению массовых нарушений трудовой дисциплины способствовали выдача пайков исключительно за отработанные смены²¹ и лишение жилплощади²². Начиная с 1932 г. карточки можно было отovarить только при наличии специального штампа в заборной книжке, подтверждающего факт отсутствия прогулов.

Опоздания были также распространены в городе. Рабочие практически ежедневно задерживались к началу смены. Чаще всего эти

¹⁴ МКУ ГА г. Магнитогорска. Ф. 10. Оп. 1. Д. 9. Л. 71.

¹⁵ ГАРФ. Ф. Р-7952. Оп. 5. Д. 230. Л. 11.

¹⁶ Магнитогорский комсомолец. 1931. 28 янв.

¹⁷ ГАРФ. Ф. Р-7952. Оп. 5. Д. 360. Л. 9.

¹⁸ ГАРФ. Ф. Р-7952. Оп. 5. Д. 173. Л. 24; Ф. Р-5515. Оп. 1. Д. 375. Л. 6.

¹⁹ ГАРФ. Ф. Р-5515. Оп. 1. Д. 375. Л. 6.

²⁰ Там же. Д. 2. Л. 92.

²¹ Борьба за металл. 1932. 23 дек.

²² РГАЛИ. Ф. 2285. Оп. 1. Д. 104. Л. 29.

опоздания объяснялись проблемами с перемещением на довольно значительные расстояния. Вплоть до августа 1930 г. в Магнитогорске отсутствовал общественный транспорт. В 1930 г. по заводской и городской строительным площадкам были проложены две железнодорожные ветки. По маршруту курсировали 8 поездов. Рабочих перевозили бесплатно, а время в пути составляло 15–20 минут, с остановками в конечных пунктах около часа. Но поезда ломались и отправка состава задерживалась на 2–3 часа: «И пешком никто назло не шел. Все ждали»²³.

Разнообразные конфликтные ситуации были распространённым явлением. Ссоры возникали преимущественно на бытовой и национальной почве. Несомненно, разнообразная культурно-историческая среда, образ жизни, ментальные установки и традиции осложняли взаимоотношения среди магнитогорцев и влекли за собой формирование конфликтных ситуаций. Особую группу причин, формирующих конфликты, составляли бытовые условия магнитогорцев. Более тёплое, более чистое жильё или получение дополнительного пайка вызывали зависть, а порой и серьёзные ссоры. Если учесть, что система иерархии в Магнитогорске получила очень широкое распространение в сфере снабжения, распределения жилищного фонда и здравоохранения, то конфликты были постоянным спутником жизни горожан.

Попытки регулировать потребление спиртных напитков в Магнитогорске оказались неудачными. При официальном запрете продавать спиртное в городе существовала проблема алкоголизма²⁴. По воспоминаниям Э. Казакевича, в город не ввозили водку, но привозили одеколон: «...приходит партия одеколону, все пьют, бараки воняли одеколоном»²⁵. Довольно часто рабочие получали посылки из дома, в которых традиционно находились алкогольные напитки. Крестьяне обычно рассматривали пьянство как единственное развлечение и удовольствие, как способ «расслабиться» после тяжелого физического труда. Кроме того, на территории города и в пригороде было распространено самогонварение²⁶. Довольно часто из-за употребления

²³ РГАЛИ. Ф. 2285. Оп. 1. Д. 104. Л. 29.

²⁴ Горняк. 1931. 13 апр.; 1931. 21 июня.

²⁵ РГАЛИ. Ф. 2285. Оп. 1. Д. 104. Л. 29; Казакевич Эм. Слушая время. М., 1990. С. 104.

²⁶ МКУ ГА г. Магнитогорска. Ф. 46. Оп. 1. Д. 8. Л. 46.

спиртного срывались важные производственные задания²⁷, но иногда спирт выступал своего рода лекарством. Вообще, судя по воспоминаниям рабочих Магнитостроя, собранным редакцией «Истории фабрик и заводов», многие горожане выходили на смену в нетрезвом виде. В состоянии алкогольного опьянения рабочие не чувствовали усталости и работали без отдыха по две-три смены.

Качество выполняемой работы во многом зависело от уровня профессионализма рабочих в Магнитогорске. На первых порах в город вербовали буквально всех желающих вне зависимости от их квалификации. В результате число чернорабочих оказалось в десятки раз больше необходимого количества, а вот квалифицированных специалистов было недостаточно. Таким образом, строительство нуждалось в грамотных рабочих, способных овладеть новой техникой, однако в Магнитогорске процент грамотных был крайне низким. Объяснялось это не только значительным числом крестьян, приехавших на Магнитострой, но и пестрым половозрастным и национальным составом Магнитогорска [Макарова, 2014]. Дополнительной сложностью решения задачи повышения уровня грамотности населения, а часто и ликвидации безграмотности, являлись сложные бытовые условия и материальные проблемы. Требовались учительские кадры и технические специалисты. Осенью 1931 г. в Магнитогорске числилось 273 инженера, что составляло всего 2 % от общего числа рабочих²⁸.

Большинство магнитогорцев приобретали специальность, повышали квалификацию или проходили курсы ликбеза впервые именно на Магнитострое. Изначально деятельность отдела народного образования была направлена на ликвидацию неграмотности и малограмотности среди прибывающих рабочих. В октябре 1930 г. горсовет объявил о начале культпохода, в ходе которого выявляли неграмотных и малограмотных и проводили с ними занятия. Но число неграмотных не только не сокращалось, но, напротив, возрастало. Объяснялось это значительной текучестью кадров, низким качеством обучения, оставались и неучтенные граждане. Ко второй половине 1930-х гг. в Магнитогорске функционировала сеть техникумов, училищ и институтов, однако проблема неквалифицированных кадров не была преодолена полностью.

²⁷ ГАРФ. Ф. Р-7952. Оп. 5. Д. 360. Л. 10.

²⁸ ГАРФ. Ф. Р-7952. Оп. 5. Д. 230. Л. 16.

Задача интенсификации труда решалась с помощью комплекса мер, среди которых видное место принадлежало системе снабжения. В условиях латентного голода и всеобщего дефицита товаров широкого потребления премирование за ударные темпы работы имело существенное воздействие на горожан. Кроме общепринятой в стране иерархии снабжения, в Магнитогорске возникли новые категории снабжаемых: рабочие-ударники и рабочие-неударники, служащие-ударники и служащие-неударники, ударники производственных цехов и ударники непромышленных цехов, ударники производства первоочередного значения и второстепенного. Жилье выступало не только средством удержания рабочего на строительстве, но и способом принуждения его к труду, способом «побуждения рабочего к нужному администрации образу поведения в рамках трудового коллектива» [Меерович, 2003. С. 80].

Таким образом можно говорить об определяющей роли труда в жизни горожан и подчиненности всего образа жизни его ритму. Основными же чертами, характеризующими трудовые будни магнитогорцев, являлись рестрикционизм и слабая трудовая дисциплина, невысокий средний уровень профессионализма и система привилегий, определявшие качество труда в городе.

Литература

Журавлев С.В. «Крепость социализма»: повседневность и мотивация труда на советском предприятии, 1928–1938 гг. М.: РОССПЭН, 2004. 239 с.

Макарова Н.Н. «В котле индустриализации»: повседневная жизнь Магнитогорска (1929–1941). Магнитогорск: Магнитогорский дом печати, 2014. 432 с.

Макарова Н.Н. Из истории становления системы здравоохранения Магнитогорска (1929–1935) // Проблемы истории, филологии, культуры. 2008. № 19. С. 70–77.

Меерович М.Г. Жилищная политика в СССР и ее реализация в архитектурном проектировании (1917–1941 гг.). Очерки истории. Иркутск: Изд-во ИрГТУ, 2003. 217 с.

Постников С.П., Фельдман М.А. Социокультурный облик промышленных рабочих России в 1900–1941 гг. М.: РОССПЭН, 2009. 367 с.

Скотт Дж. За Уралом. Американский рабочий в русском городе стали. М.: Изд-во МГУ; Свердловск: Изд-во Урал. ун-та, 1991. 298 с.

К.П. Прибыткова

**ПРИНУЖДЕНИЕ В СОВЕТСКОЙ СИСТЕМЕ МОТИВАЦИИ
ТРУДА В ГОДЫ ТРЕТЬЕЙ ПЯТИЛЕТКИ (НА ПРИМЕРЕ
ПРОМЫШЛЕННЫХ ПРЕДПРИЯТИЙ АЛТАЙСКОГО КРАЯ)**

K.P. Pribytkova

**COERCION IN THE SOVIET SYSTEM OF LABOR
MOTIVATION DURING THE THIRD FIVE-YEAR PLAN
(ON THE EXAMPLE OF INDUSTRIAL ENTERPRISES
IN THE ALTAI TERRITORY)**

Аннотация. Рассматривается реализация принудительных стимулов к труду в промышленности Алтайского края в 1938–1941 гг. Определяются причины неудачи попыток снизить текучесть, улучшить дисциплину и повысить интенсивность труда рабочих с помощью введения трудовых книжек, активизации практики увольнения за прогулы и ужесточения норм выработки в 1938–1939 гг. Устанавливаются результаты введения уголовной ответственности за дисциплинарные нарушения в июне 1940 г. на трудовые стратегии рабочих и эффективность работы предприятий.

Ключевые слова: мотивация труда, принудительные стимулы, трудовая дисциплина, текучесть кадров, индустриализация, Алтайский край.

Индустриализация в СССР сопровождалась непрерывным поиском эффективного сочетания разных по своему содержанию трудовых стимулов. В период третьей пятилетки (1938–1941 гг.), реализация которой проходила в условиях ожидания и начала Второй мировой войны, государство постепенно усиливало меры принуждения по отношению к рабочим.

С помощью введения трудовых книжек, ужесточения наказаний за прогулы, опоздания и самовольные увольнения предполагалось справиться с огромной текучестью кадров и укрепить трудовую дисциплину, а благодаря регулярным пересмотрам норм выработки – заставить рабочих повышать интенсивность труда. В конечном ито-

ге предприятия должны были выполнять плановые задания и демонстрировать рост производства.

В современных исследованиях, посвященных проблемам стимулирования труда в СССР, усиление принудительных способов мотивации труда в годы третьей пятилетки рассматривается как часть сложной системы стимулов, менявшейся в ответ на возникающие в промышленности проблемы [Соколов, 2004. С. 76–80]. Историки отмечают трудности в реализации принудительных мер [Хлевнюк, 1989] и расходятся во мнении относительно их эффективности, указывая на снижение текучести и количества прогулов к началу Великой Отечественной войны [Романов, 2018. С. 69] или на сохранение и даже укоренение в рабочей среде нарушений дисциплины и практик сдерживания интенсивности труда [Filtzer, 1996. P. 11, 16].

Настоящая статья нацелена на установление на примере предприятий Алтайского края результатов усиления мер принуждения по отношению к рабочим в советской промышленности в 1938–1941 гг., а также на определение роли принудительных стимулов в действовавшей системе мотивации труда.

Источниковую базу исследования составили отложившиеся в Государственном архиве Алтайского края (ГААК) делопроизводственные документы алтайских заводов и фабрик, а также материалы, подготовленные инструкторами и секретарями Алтайского крайкома и Барнаульского горкома ВКП(б) по итогам разнообразных исследований промышленных предприятий региона.

В период первых пятилеток низкая трудовая дисциплина и высокая текучесть представляли для алтайских заводов серьезные проблемы, затруднявшие выполнение плановых заданий. Местные партийные работники в ходе проводимых проверок фиксировали массовые прогулы, опоздания и уходы до окончания смены, бесконечные перекуры и отказы выполнять порученную работу. Текучесть создавала на предприятиях настоящий хаос, в течение года некоторые из них могли потерять рабочих больше, чем принять. Так, в 1938 г. Барнаульский меланжевый комбинат (БМК) принял 4716 рабочих, уволил 5097; Барнаульская сапоговаляльная фабрика – 867 и 1132 рабочих соответственно¹.

¹ Государственный архив Алтайского края (ГААК). Ф. Р-618. Оп. 2. Д. 30. Л. 133, 135; Ф. Р-278. Оп. 1. Д. 78. Л. 184.

Важная причина обозначенных проблем заключалась в составе рабочей силы промышленных предприятий, которая в аграрном Алтайском крае формировалась в основном за счет завербованных работников колхозов, не имевших квалификации и производственного опыта. С помощью нарушений дисциплины они сокращали рабочее время, что позволяло облегчить непривычный труд. Выходцы из села возвращались в деревни, если оказывались нужны для помощи семье или не могли справиться с материальными трудностями, связанными с дефицитом жилья и низкими заработками, которые на предприятиях края в начале третьей пятилетки значительно отставали от средних в СССР. Так, в 1938 г. среднемесячная заработная плата рабочих на Барнаульском молочном заводе составила 154 руб., в пищевой промышленности СССР – 218 руб. (на 29,4 % больше); на Барнаульском кожевенном заводе – 180 руб., в кожевенной отрасли – 242 руб. (на 25,6 % больше); на Барнаульском вагоноремонтном заводе (ВРЗ) – 213 руб.², в машиностроении СССР – 331 руб. (на 35,6 % больше) [Постников, 2009. С. 79]. Многие рабочие, так называемые «летуны», после увольнения оставались в городе и переходили на другое предприятие. Такие «перелеты» часто представляли собой шаг, необходимый для выживания.

Рост промышленных предприятий опережал развитие их энергетической базы и отсутствие электроэнергии регулярно становилось причиной длительных простоев. Например, в 1938 г. Барнаульская сапоговаляльная фабрика простояла почти 45 % рабочего времени³. В период простоя рабочие получали 1/2 или 2/3 тарифной ставки и не могли рассчитывать на сдельный приработок, что в условиях невысоких заработков в регионе опускало размер вознаграждения ниже критического минимума. Так, рабочие упомянутой сапоговаляльной фабрики в январе 1938 г. в период простоя в среднем заработали 142 руб., в июле в период «штурма» – 211 руб.⁴ В обувной промышленности СССР в этом году рабочие в среднем зарабатывали 260 руб. в месяц [Постников, 2009. С. 79]. Во время простоя рабочие массово увольнялись и уходили на то предприятие, которое в данный момент работало. Многие не имели сбережений и не

² Подсчитано по: ГААК. Ф. Р-3. Оп. 1. Д. 76. Л. 26; Ф. Р-119. Оп. 1А. Д. 3. Л. 10; Ф. Р-497. Оп. 1. Д. 39. Л. 119.

³ ГААК. Ф. Р-278. Оп. 1. Д. 78. Л. 183 об.

⁴ Там же.

могли ждать месяц, который следовало отработать при увольнении по собственному желанию, поэтому покидали место работы самовольно.

Постановлением СНК СССР от 20 декабря 1938 г. для советских рабочих и служащих были введены трудовые книжки. Увольнение по собственному желанию допускалось теперь только при условии предупреждения заводского руководства за один месяц. Увольнение за дисциплинарное нарушение было немедленным и его причина фиксировалась в трудовой книжке. Согласно постановлению СНК СССР и ВЦСПС от 23 декабря 1938 г., предприятиям следовало непременно увольнять рабочих за прогул, к которому приравнивалось опоздание свыше 20 минут. Угроза увольнения за дисциплинарный проступок, способная помешать трудоустройству на хорошую работу, должна была заставить рабочих воздержаться от нарушений.

Под давлением местных партийных органов в 1939 г. на всех предприятиях края резко активизировалась практика увольнения за дисциплинарные нарушения. Например, БМК в 1938 г. по этой причине уволил 886 рабочих или 11 % от их среднего числа, в 1939 г. – уже 4502 рабочих или 64 %⁵. Усиление дисциплинарного воздействия не оказало влияния на трудовое поведение работников. Они продолжали опаздывать, прогуливать и не боялись увольнения за нарушения. Последнее подтверждают данные о причинах увольнений рабочих. Так, за 1-е полугодие 1939 г. Барнаульский меланжевый комбинат (БМК) за дисциплинарные проступки уволил 24 % рабочих, за первое полугодие 1940 г. – почти столько же – 25 %⁶; овчинно-шубный завод (г. Барнаул) – 40 и 44 % соответственно⁷.

Спрос на рабочую силу в регионе был настолько велик, что найти новое место работы или вернуться на старое не составляло труда, а на причину увольнения при приеме на работу никто не обращал внимания. Рабочие даже использовали прогул в качестве способа для быстрого увольнения (самовольного ухода), позволяя руководителям формировать подходящую статистику для партийных органов.

⁵ ГААК. Ф. Р-618. Оп. 2. Д. 30. Л. 135; Д. 32. Л. 204–205.

⁶ ГААК. Ф. П-10. Оп. 22. Д. 36. Л. 23, 26; Ф. Р-618. Оп. 2. Д. 34. Л. 15.

⁷ ГААК. Ф. П-10. Оп. 22. Д. 36. Л. 21; Оп. 24. Д. 133. Л. 153.

Единственным результатом усиления принуждения в конце 1938 г. стал рост текучести. Так, в 1938 г. БМК покинул 61 % рабочих, в 1939 г. – уже 97 %⁸. Одновременно увеличился приток рабочей силы на предприятия края, и получалось, что заводы и фабрики «обменивались» прогульщиками.

В 1938–1939 гг. на советских предприятиях прошел пересмотр норм выработки в сторону их повышения, который в алтайской промышленности натолкнулся на объективные препятствия. Большая часть предприятий региона была оснащена устаревшим оборудованием и на многих операциях использовался ручной труд. Промышленность края испытывала дефицит кадров-нормировщиков и проблемы с их техническим оснащением – у многих не было секундомера или даже часов с секундной стрелкой, поэтому нормы выработки, установленные или пересмотренные, носили весьма приблизительный характер и не побуждали рабочих повышать интенсивность труда. Исключение представлял Барнаульский меланжевый комбинат, построенный в 1932–1934 гг. На этом предприятии даже стахановцы перевыполняли нормы всего на 5–10 %⁹, в то время как рабочие соседнего вагоноремонтного завода в январе 1940 г. справлялись с нормами в среднем на 160 %¹⁰ (при том что в 1939 г. на предприятии прошел пересмотр норм). В 1939 г. часовая ставка рабочего-сдельщика 1-го разряда на БМК составляла 5,5 руб., на ВРЗ – 0,7 руб.¹¹ Несмотря на разницу, средние заработки рабочих предприятий в 1939 г. были близки: 253 и 256 руб. в месяц¹². Приведенный факт указывает на практику сохранения заниженных норм выработки на заводах с низкими тарифными ставками, которая являлась следствием стремления заводских руководителей использовать материальные стимулы для привлечения и сохранения рабочих кадров.

Необходимо отметить, что на ряде предприятий ужесточение норм сопровождалось повышением тарифных ставок, а значит и расценок за каждую единицу произведенной рабочим-сдельщиком продукции, что создавало и материальные стимулы для повышения интенсивности труда.

⁸ ГААК. Ф. Р-618. Оп. 2. Д. 32. Л. 200, 204–205.

⁹ Там же. Д. 30. Л. 149; Д. 32. Л. 217.

¹⁰ ГААК. Ф. Р-3. Оп. 1. Д. 78. Л. 18.

¹¹ ГААК. Ф. Р-3. Оп. 2. Д. 27. Л. 23; Ф. Р-119. Оп. 1А. Д. 3. Л. 20.

¹² ГААК. Ф. Р-3. Оп. 1. Д. 77. Л. 7; Ф. Р-618. Оп. 2. Д. 32. Л. 240.

Усиление принуждения в 1938–1939 гг. не помогло алтайской промышленности справиться с плановыми заданиями. План по валовой продукции в 1939 г. ВРЗ выполнил на 83 %¹³, БМК – на 96 %; предприятия края, производящие стройматериалы, – на 78 %, предприятия легкой промышленности – на 83 %, пищевой – на 96 %¹⁴.

Провал предпринятых принудительных мер на фоне стремительных успехов немецкой армии в Западной Европе побудил партийное руководство к более серьезному ужесточению политики по отношению к рабочим летом 1940 г.

Указ Президиума Верховного Совета СССР от 26 июня 1940 г. распространил уголовное право на сферу трудовых отношений, запретив самовольный уход с места работы под угрозой тюремного заключения на срок от двух до четырех месяцев и установив в качестве наказания за прогул не увольнение, а исправительные работы по приговору народного суда на срок до шести месяцев с вычетом до 25 % от заработной платы. Чтобы рабочие не использовали другие нарушения в качестве повода для увольнения, в августе 1940 г. было установлено наказание в виде тюремного заключения на один год за мелкие кражи и хулиганство на производстве. Увольнение по желанию работника оставалось возможным, но только в случае приобретения инвалидности, выхода на пенсию или поступления в учебное заведение.

Согласно июньскому указу, увеличивалась продолжительность рабочего дня с семи до восьми часов. Всем предприятиям требовалось повысить нормы выработки и на этот раз снизить тарифные ставки и расценки с целью заставить рабочих увеличить интенсивность труда для сохранения заработка за каждый отработанный час.

В первые недели реализация указа была тесно связана с идеологическими мероприятиями. Чтобы убедить рабочих в обоснованности ужесточения трудового законодательства прямой угрозой советским границам, партийные работники провели сотни митингов в городах края и тысячи бесед с рабочими в жилых кварталах. На предприятиях прошли показательные судебные процессы, которые должны были сформировать в рабочей среде негативное отношение к нарушителям, а значит и к самим нарушениям.

¹³ ГААК. Ф. Р-3. Оп. 1. Д. 77. Л. 50.

¹⁴ ГААК. Ф. П-1. Оп. 1. Д. 330. Л. 108.

После Пленума ЦК ВКП(б), прошедшего в конце июля 1940 г., следуя сигналам из Центра, на местах активно заработал механизм принуждения [Соломон, 1998. С. 301]. В результате за два месяца со дня издания указа от 26 июня 1940 г. народные суды Алтайского края рассмотрели 5344 дела, по которым вынесли 98 % обвинительных приговоров, осудив за прогул 4419 человек, за самовольный уход – 814¹⁵. В сумме 7 % рабочих в крае получили судимость [Лизина, 1971. С. 25]. В первом полугодии 1941 г. подавляющее большинство дел также заканчивалось обвинительными заключениями. Так, за этот период доля обвинительных приговоров по делам, переданным в народный суд вагоноремонтным заводом, составила 80 %¹⁶.

Ужесточение принуждения летом 1940 г. оказало значительное влияние на трудовые стратегии рабочих. В первую очередь отметим, что многие из них «закрепились» на предприятиях. Если в первом полугодии 1940 г. барнаульские заводы и фабрики покинули 48 % рабочих, то во втором полугодии – только 13 %. Самовольный уход превратился в опасный и поэтому редко используемый способ смены места работы. Во втором полугодии 1940 г. к нему обратились только 2,5 % рабочих предприятий г. Барнаула¹⁷. Часть из них воспользовалась «лазейкой» в системе принуждения – оказавшись не найденными, избежали наказания.

Некоторые рабочие добивались увольнения по собственному желанию, для чего прибегали к неформальным практикам взаимодействия с заводским начальством. Инструкторы барнаульского горкома фиксировали случаи безосновательных разрешений на увольнения от начальников цехов с санкции директора или без нее¹⁸. Возможности для увольнения по собственному желанию у рабочих алтайских предприятий в течение третьей пятилетки сокращались, но все же оставались. Так, за первое полугодие 1940 г. по собственному желанию уволился 681 рабочий БМК (8 % от их общего числа), за этот же период 1941 г. – 491 (7 %) ¹⁹.

Под давлением принуждения уменьшилось количество зарегистрированных прогулов. Так, во втором полугодии 1940 г. 14 % рабо-

¹⁵ Подсчитано по: ГААК. Ф. П-1. Оп. 1. Д. 368. Л. 122.

¹⁶ ГААК. Ф. Р-3. Оп. 1. Д. 79. Л. 16 об.

¹⁷ ГААК. Ф. П-10. Оп. 24. Д. 133. Л. 154.

¹⁸ Там же. Л. 35 об., 36.

¹⁹ ГААК. Ф. Р-618. Оп. 2. Д. 34. Л. 15; Д. 36. Л. 31.

чих ВРЗ совершили прогулы, в первом полугодии 1941 г. – только 5 %²⁰. Конечно, не все нарушения дисциплины фиксировались на местах, но обвинительный вектор работы народных судов заставил большинство рабочих скорректировать свое трудовое поведение. Теперь, чтобы безопасно для себя решить личные проблемы в рабочее время, нужно было получить незаконное разрешение от мастера или начальника цеха на опоздание или отсутствие на работе в течение одного или нескольких дней.

В 1940 г. и первой половине 1941 г. промышленность края в целом справилась с плановыми заданиями по производству продукции и производительности труда²¹. В 1940 г. последний показатель превысил плановое значение на БМК на 6 %, на вагоноремонтном заводе – на 11 %, на сапоговаляльной фабрике – на 16 %. В том же году рост производительности труда на перечисленных предприятиях по отношению к 1939 г. составил 14, 19 и 28 % соответственно²².

Успехи, которые продемонстрировали алтайские предприятия, нуждаются в уточнении. В заводской отчетности под производительностью труда понималась годовая выработка одного рабочего в рублях. В 1940 г. количество рабочих часов значительно увеличилось, что и послужило значимым источником улучшения производственных показателей. Есть основания сомневаться, что достигнутые результаты были следствием труда рабочих в полную силу.

Важно отметить, что предпринятые меры не позволили взять под контроль интенсивность труда. На предприятиях сохранялись проблемы, которые затрудняли установление точных норм, что способствовало их занижению заводскими руководителями. Если на ВРЗ до пересмотра норм в июне 1940 г. в среднем рабочие выполняли их на 175 %, то после пересмотра – в июле этого же года – значительно ниже, на 162 %²³. В то же время план по производительности труда на предприятии был перевыполнен только на 11 %, план по валовой продукции – на 4 %.

²⁰ ГААК. Ф. П-10. Оп. 24. Д. 133. Л. 153–154; Ф. Р-3. Оп. 1. Д. 79. Л. 16 об.

²¹ ГААК. Ф. П-10. Оп. 25. Д. 115. Л. 43.

²² ГААК. Ф. Р-3. Оп. 1. Д. 79. Л. 81; Ф. Р-278. Оп. 1. Д. 79. Л. 15; Ф. Р-618. Оп. 2. Д. 34. Л. 18.

²³ ГААК. Ф. П-10. Оп. 24. Д. 146. Л. 48.

Кроме того, усиление принудительных мер в промышленности Алтайского края проходило в условиях ослабления и без того ограниченных материальных стимулов. К отмеченному снижению расценок добавим введение в 1940 г. в городах края нормированного распределения хлеба, которое вызывало зафиксированное партработниками недовольство рабочих²⁴, явное не побуждавшее к повышению трудозатрат.

Подведем итоги. В период третьей пятилетки советское руководство для решения проблем мотивации труда сделало выбор в пользу усиления принудительных способов воздействия на рабочих. Запреты и наказания не могли реализовываться изолированно от других стимулов и мотивов и имели пределы эффективности. Именно материальные мотивы побуждали рабочих нарушать установленные правила. Ужесточение принуждения в 1938–1939 гг. оказалось недостаточным для того, чтобы заставить рабочих пренебречь своими потребностями. В свою очередь, введение уголовной ответственности за дисциплинарные нарушения снизило текучесть и позволило предприятиям выполнить плановые задания, но повысило востребованность способов неформального взаимодействия рабочих и заводских руководителей, из-за которых нельзя сделать вывод об однозначном улучшении трудовой дисциплины. Сложность установления точных норм выработки на предприятиях не позволила в рассматриваемый период взять под контроль интенсивность труда рабочих и давала возможность заводским руководителям, маневрируя с нормами, повышать размер заработной платы.

Литература

Лизина А.И., Макеева Т.М., Легкоступ И.М., Иванов Н.А. Преображенный Алтай. Барнаул: Алтайское книжное издательство, 1971. 286 с.

Постников С.П., Фельдман М.А. Социокультурный облик промышленных рабочих России в 1900–1941 гг. М.: РОССПЭН, 2009. 366 с.

Романов Р.Е. Эволюция стратегии принуждения рабочих к труду в оборонной промышленности Сибири в конце 1930-х – начале 1940-х гг. // Вестник Кемеровского государственного университета. 2018. № 4. С. 65–71.

²⁴ ГААК. Ф. П-1. Оп. 1. Д. 368. Л. 101, 105 об., 107, 114, 115, 126.

Соколов А.К. Принуждение к труду в советской промышленности и его кризис (конец 1930-х – середина 1950-х гг.) // Экономическая история: ежегодник. 2003. М.: РОССПЭН, 2004. С. 74–99.

Соломон П. Советская юстиция при Сталине. М.: РОССПЭН, 2008. 462 с.

Хлевнюк О.В. 26 июня 1940 г.: иллюзии и реальности администрирования // Коммунист. 1989. № 9. С. 86–96.

Filtzer D. Labor Discipline, the Use of Work Time, and the Decline of the Soviet System, 1928–1991 // International Labor and Working-Class History. 1996. № 50. P. 9–28.

О.К. Павленко

**МОДЕРНИЗАЦИЯ ПРЕДПРИЯТИЙ УГЛЕДОБЫВАЮЩЕГО
КОМПЛЕКСА ДАЛЬНЕГО ВОСТОКА В ГОДЫ
ПЕРВЫХ ПЯТИЛЕТОК (1928–1941 ГГ.)**

О.К. Pavlenko

**MODERNIZATION OF ENTERPRISES OF THE COAL
MINING COMPLEX OF THE FAR EAST DURING
THE FIRST FIVE-YEAR PLANS (1928–1941)**

Аннотация. В статье рассмотрены условия и особенности модернизации угольных предприятий Дальнего Востока в годы индустриализации. Показано, что, несмотря на кратно возросшие объемы финансирования, техническое переоснащение, а также усилия по формированию кадрового потенциала, реконструкция отрасли окончательно не была завершена. Частые изменения в системе управления, непреодоленный дефицит трудовых ресурсов и, как следствие, невозможность в полном объеме освоить отпущенные средства обусловили сохранение топливного дефицита на Дальнем Востоке и зависимость от поставок угля из Восточной Сибири.

Ключевые слова: угольная промышленность, индустриализация, модернизация, планирование, Дальний Восток.

Непременным условием масштабного индустриального строительства, намеченного в годы первых пятилетних планов, являлась модернизация топливно-энергетической промышленности. На Дальнем Востоке угольная отрасль занимала исключительное положение в обеспечении нужд экономики региона. При этом ее состояние к 1928 г. можно охарактеризовать как кризисное: предприятия не располагали необходимыми оборотными средствами, оборудование было изношенным, сохранялась острая нехватка рабочей силы, в особенности квалифицированной. В условиях исчерпания дореволюционного потенциала и дефицита трудовых и финансовых ресурсов успешное решение обозначенных проблем являлось возможным лишь при активной поддержке со стороны общесоюзного центра.

Уже в первый хозяйственный год индустриализации трест «Дальуголь», сосредоточивший 98,2 % добычи угля на Дальнем Востоке, получил 5 млн 213 тыс. руб., в последующем рост инвестиций неуклонно продолжался¹. Итоговый объем отпущенных средств в годы двух первых пятилеток составил около 276,7 млн руб. или 12,7 % от общей суммы, направленной в этот период на развитие тяжелой промышленности региона. Кратный рост капиталовложений позволил дальневосточным предприятиям впервые перейти от частичного ремонта собственными силами к масштабным закупкам нового оборудования: в 1929 г. были размещены первые заказы на Горловском и Сталинском заводах – крупнейших центрах машиностроения в стране². Вместе с тем начавшееся в 1930-е гг. реформирование системы управления отраслью поставило вопрос снабжения шахт механизмами и техникой в затруднительное положение.

Поиск оптимального пути управления, характерный для формирующейся командно-административной системы, при отсутствии четкой программы на практике привел к дезорганизации работы предприятий. С 1930 по 1939 г. региональная отрасль претерпела по меньшей мере девять преобразований, касавшихся как изменения ее ведомственной принадлежности, так и численности структурных подразделений. Так, в 1930 г. трест «Дальуголь» был расформирован, а предприятия переданы в состав объединения «Востуголь», в рамках которого заняли периферийное положение и снабжались по остаточному принципу: заявки и финансирование подвергались значительным урезкам, полученное оборудование, снятое с шахт Донбасса и Кузбасса, приходило уже изношенным, без запасных частей³.

В 1931 г. в связи с ходатайством регионального руководства трест «Дальуголь» был восстановлен и подчинен ВСНХ СССР, затем передан в наркомат тяжелой промышленности. В течение 1933 г. был дважды реорганизован: сначала разукрупнен, а затем снова объединен и с передачей в наркомат путей сообщения получил название «Дальтрансуголь». Фактически работа угледобывающих предприятий проходила в условиях управленческого хаоса. К примеру, в от-

¹ Государственный архив Приморского края (ГАПК). Ф. Р-1197. Оп. 1. Д. 11. Л. 172.

² Российский государственный исторический архив Дальнего Востока (РГИА ДВ). Ф. Р-2456. Оп. 1. Д. 8. Л. 2.

³ ГАПК. Ф. Р-1197. Оп. 1. Д. 4. Л. 89.

существование организации, ответственной за решение текущих вопросов, руководство Сучанских копей в Приморье позже намеченного перечислило необходимые суммы для проведения промышленного переселения, оставив шахты в начале 1933 г. без необходимого числа рабочих. Также сорванным оказалось Постановление Совета труда и обороны от 15 ноября 1933 г. об обеспечении копей электроэнергией. Несмотря на наличие необходимого оборудования, оно в течение всего года лежало без использования, так как ни один из сменявших друг друга подрядчиков не приступал к работе⁴.

Временная стабилизация в системе управления позволила в годы второго пятилетнего плана провести наиболее масштабные преобразования. Именно к 1934–1936 гг. относится массовое внедрение на шахтах Приморья отбойных молотков, врубовых машин, конвейеров, ленточных транспортеров, электровозов, электросверл. В 1935 г. механизированная добыча с использованием врубовых машин по отношению к предыдущему году выросла в Сучане в 4 раза, в Артеме – в 10 раз. В 1936 г. предприятия треста впервые перевыполнили планы по общей и механизированной добыче – на 101,3 и 101,5 % соответственно⁵.

Значительно медленнее продвигалась модернизация отрасли на северном Сахалине. Угледобыча на острове была рассредоточена между пятью предприятиями, производительность каждого из которых уступала отдельным шахтам Сучана и Артема. В довоенные годы не удалось создать систему централизованного энергоснабжения, что повлекло за собой повышение себестоимости, а также невозможность механизировать погрузку для вывоза угля на материк. В периоды остановки электростанции шахтеры либо частично прекращали работу, либо полностью возвращались к ручному труду. Так и не было налажено стабильное снабжение материалами даже при их наличии во Владивостоке, в итоге трест «Сахалинуголь» систематически не выполнял задания в полном объеме, выдавая на 20–25 тыс. т меньше намеченного планом⁶.

⁴ Государственный архив Российской Федерации (ГАРФ). Ф. Р-5446. Оп. 15а. Д. 596. Л. 2, 2 об.; ГАПК. Ф. Р-498. Оп. 2. Д. 16. Л. 17, 18.

⁵ ГАПК. Ф. Р-498. Оп. 2. Д. 64. Л. 5, 6, 6 об.; Д. 83. Л. 2, 21.

⁶ Государственный архив Хабаровского края (ГАХК). Ф. Р-719. Оп. 2. Д. 3. Л. 12, 37, 38, 41, 42.

Очевидная невозможность обеспечить возрастающие с каждым годом потребности региональной экономики в топливе исключительно за счет «старых» промышленных предприятий обусловила внимание Центра к проблеме освоения новых угольных районов. Уже в 1934 г. Совнарком СССР Постановлением от 11 июня обращал внимание на необходимость развития месторождений в Приамурье, что должно было снизить нагрузку на транспортно-логистическую систему, не справляющуюся с вывозом приморского и сахалинского угля. Для реализации поставленной задачи из резервного фонда Правительства СССР было выделено 1 млн 620 тыс. руб.⁷

Крупнейшим угольным месторождением, введенным в эксплуатацию на Дальнем Востоке в годы довоенных пятилеток, стал Райчихинский разрез. В 1933 г. на разрезе началась добыча открытым способом, уже в 1937 г. ее размер превысил 1 млн т в год, предприятие по этому показателю заняло второе место в регионе. Работа осложнялась общими для отрасли проблемами: нехваткой электроэнергии и неудовлетворительным состоянием оборудования. К примеру, самый новый паровоз на предприятии был 1915 г. выпуска, самый старый – 1897 г., локомотивы, получаемые с Кузбасса, приходили с уже предельным прокатом и износом запчастей до 40 %⁸.

Тем не менее к началу Великой Отечественной войны Райчихинский разрез обеспечивал около 40 % производства угля на Дальнем Востоке. Организация нового крупномасштабного предприятия стала возможной лишь после обращения к практике принудительного труда. Уже с 1933 г. подрядчиком работ выступало 6-е отделение Дальлага. В 1938 г. приамурские копи (Кивдинские и Райчихинские) переданы в непосредственное подчинение ГУЛАГ НКВД, на их базе был основан Райчихинский исправительно-трудовой лагерь, численность заключенных в котором в 1940 г. достигла 11 034 чел.⁹

Проблема нехватки рабочих рук лимитировала рост добычи на протяжении всего периода индустриализации. Несмотря на привлечение кадров в отрасль и внутри региона, и из центральных областей СССР (в рамках только промышленного переселения для работы на предприятиях прибыло около 35 тыс. чел.), высокая текучесть,

⁷ ГАРФ. Ф. Р-5446. Оп. 15а. Д. 210. Л. 1.

⁸ ГАПК. Ф. Р-498. Оп. 2. Д. 83. Л. 19. Л. 20 об.

⁹ ГАПК. Ф. Р-498. Оп. 2. Д. 170. Л. 2.

вызванная неудовлетворенностью шахтеров жилищно-бытовыми условиями, сводила на нет результаты вербовки [Щуковская, 2008. С. 37]. В 1932 г. количество убывших превысило количество прибывших на 8003 чел., неукomплектованность штата трудящихся составляла 41,2 %¹⁰. К концу 1930-х гг. так и не был сформирован постоянный контингент рабочих в отрасли. Еще более неблагоприятным образом обстояло положение с квалифицированными кадрами: в Артеме в 1940 г. из 38 начальников участков только 11 имели инженерно-техническое образование, на крупнейшей шахте треста из девяти лишь один. На Сучанском руднике из 33 начальников участков 25 были без специального образования¹¹.

Решение накопившихся проблем намечалось в годы третьего пятилетнего плана, когда региональная угледобыча получила беспрецедентное внимание Центра. Согласно резолюции XVIII съезда ВКП(б), чьи решения легли в основу программы на 1939–1942 гг., добычу на Дальнем Востоке предполагалось увеличить в 2,7 раза, для этого требовалось развернуть производство на 15 новых шахтах в Хабаровском крае и 34 в Приморском. Объем выделенных на капитальное строительство средств только в 1938–1939 гг. составил 151,3 млн руб., в случае полной реализации плана сумма вложений превысила бы 1 млрд руб.¹²

Реализация более чем амбициозных целей третьей пятилетки осуществлялась с использованием прежних подходов как в системе управления, так и в организации непосредственной работы. В 1938–1939 гг. вследствие преобразований в системе центральных учреждений дальневосточные предприятия вновь перешли из ведения наркомата путей сообщения в наркомат тяжелой промышленности, затем в наркомат топливной промышленности, наконец в октябре 1939 г. – в только что созданный наркомат угольной промышленности.

Как и ранее, в предвоенные годы сохранялись проблемы со своевременным получением оборудования, с механизацией основных производственных процессов, с обеспечением электроэнергией, в особенности на Сахалине. Строительство новых шахт, на которые

¹⁰ Российский государственный архив экономики (РГАЭ). Ф. 7566. Оп. 1. Д. 20. Л. 2 об.

¹¹ РГАЭ. Ф. 8225. Оп. 1. Д. 341. Л. 64.

¹² Там же. Д. 1650. Л. 2, 215.

возлагалась задача ликвидировать имевшийся в регионе топливный дефицит, продвигалось медленнее намеченных сроков: из 14 новостроек сданы были только две¹³.

Наиболее наглядным примером положения дел в капитальном строительстве служит история освоения Буреинского каменно-угольного бассейна. Хотя первые работы по подготовке месторождения к эксплуатации начаты еще в 1934 г., ко второй половине 1939 г. была заложена только разведочно-эксплуатационная шахта. Общий расход средств при этом за указанный период составил 32 млн руб.¹⁴

В 1940 г. после выделения правительством 17 млн руб. для возведения промышленных, инфраструктурных и жилищно-бытовых объектов на Бурее освоение бассейна вновь активизировалось. В соответствии с решениями XVIII съезда ВКП(б) было решено пересмотреть объем работ: вместо строительства двух малых и четырех крупных шахт решено заложить 12 малых шахт с общей производительностью до 3 млн т в год, первые из которых надо было сдать в 1940 г. Однако строительство в течение года велось без смет, по типовым проектам. В марте 1940 г. «Кузбассшахтострой», ответственный за проектирование, впервые предоставил требуемую документацию, однако для большинства поверхностных объектов она не соответствовала техническим требованиям, так как была составлена для совершенно других строек. Необходимость исправления проектов вновь привела к отставанию работ от графика и фактическому срыву ввода в эксплуатацию шахт¹⁵.

Проблемным оказался и выбор места строительства, а именно Ургальского месторождения. Несмотря на его лучшую изученность в сравнении с остальными районами бассейна, на момент возведения шахт к нему не имелось подъездных путей. В результате масштабная промышленная стройка была развернута при отсутствии должного транспортно-логистического обеспечения.

В течение 1940 г. и первой половины 1941 г. сооружение шахт «Ургал № 1» и «Ургал № 2» велось без достаточного количества строительных материалов, крепежных механизмов, а также при остром дефиците транспорта и электроэнергии – нужды стройки обеспечи-

¹³ РГАЭ. Ф. 8225. Оп. 1. Д. 341. Л. 20.

¹⁴ ГАХК. Ф. П-35. Оп. 3. Д. 139. Л. 35.

¹⁵ Там же. Л. 13, 34.

вались одной временной электростанцией локомобильного типа. Помимо проблем со своевременным обеспечением материалами, имели место также нерациональное использование и бесхозяйственность в отношении уже доступных ресурсов. Так, с лесоучастка не было вывезено более 16 тыс. кубометров деловой древесины при ее острой нехватке на возводимых объектах¹⁶.

Крайне тяжелым было положение рабочих, прибывших на Бурею. Основной проблемой, так же как и в уже сложившихся угольных районах, являлся острый дефицит жилплощади и крайне низкое качество жилых построек. К примеру, прибывшие в 1939 г. в рамках промышленного переселения 450 семей были размещены в общежитиях, построенных из сырого леса. В целях решения проблемы основная масса рабочих перебрасывалась на жилищное строительство и лесозаготовки, однако в таком случае это приводило к снижению темпов возведения шахт.

Приступить к добыче угля в Буреинском бассейне к началу Великой Отечественной войны так и не смогли: за первые десять месяцев 1940 г. капитальные работы выполнены на 54,8 %, к маю 1941 г. освоено только 5 млн 862 тыс. руб. из намеченных 28 млн 23 тыс. руб. Ставка на развитие Ургальского месторождения, удаленного от линии строящейся БАМ, не позволила вовлечь дополнительные угольные ресурсы в народно-хозяйственный оборот Дальнего Востока. В то же время Тырминский угленосный район, ставший в эти годы логистически доступным, остался невостребованным по причине своей неисследованности и отсутствия детального плана освоения бассейна¹⁷.

В итоге к окончанию индустриализации топливоснабжение Дальнего Востока основывалось, с одной стороны, на работе «старых» угольных предприятий Приморья, введенных в эксплуатацию еще в дореволюционный период (удельный вес Сучанских и Артемовских копей от общей добычи в регионе в 1940 г. – 42,2 %), с другой – на работе разрезов в Приамурье, где активно применялся принудительный труд (удельный вес Райчихи от общей добычи также составлял около 40 %). Суммарная добыча шахт Сахалина и районов Крайнего Севера не превышала 20 % от производства угля в регионе.

¹⁶ ГАХК. Ф. П-35. Оп. 3. Д. 139. Л. 47, 94.

¹⁷ Там же. Л. 85, 109.

Успешно решить стоявшую перед отраслью задачу – ликвидировать топливный дефицит – в годы довоенных пятилеток не удалось. Как и в конце 1920-х гг., на Дальний Восток, располагавший колоссальными минеральными запасами, ввозили уголь из Черемховского бассейна. Согласно имеющимся данным, в последнем квартале 1938 г. Экономический совет при Совнаркоме СССР намечал к ввозу 50 тыс. т, в следующем – уже 70 тыс. т¹⁸. Сохранившийся разрыв между требуемым и достигнутым уровнем добычи продолжал неуклонно увеличиваться, достигнув колоссальных значений в годы войны.

Таким образом, за годы индустриализации угольная промышленность Дальнего Востока прошла долгий путь технической реконструкции, основными итогами чего стал рост добычи в 6,7 раза (табл. 1), увеличение удельного веса производства угля в регионе от общего в СССР с 3,04 до 4,3 %. Если к 1928 г. на шахтах преобладал исключительно ручной труд, то к 1941 г. основные производственные процессы на крупнейших предприятиях были механизированы. Также кратно возросла численность занятых в отрасли, что позволило, сформировав ядро постоянного контингента, выдержать испытания военного времени.

Таблица 1

Основные параметры работы угольных предприятий Дальнего Востока в годы индустриализации

Показатель	Ед. изм.	1928/1929 гг.	1932 г.	1937 г.	1940 г.
Общая добыча	тыс. т	1073	1974	4983	7217
Механизированная добыча	тыс. т	–	811	3391	н/с
Численность занятых	тыс. чел.	6,4	5,2	12,7	22,5

Источники: РГАЭ. Ф. 7566. Оп. 1. Д. 20. Л. 18; ГАПК. Ф. Р-498. Оп. 2. Д. 135. Л. 17 об. [Унпелев, 1975. С. 211; Ткачева, 1982. С. 202].

Вместе с тем выполнить весь объем поставленных задач не удалось. Частые преобразования в системе управления, приводившие к дезорганизации снабжения предприятий техникой и оборудованием, переоценка производственных возможностей, а также нехватка рабочей силы в регионе не позволили в установленные планами сроки достигнуть требуемых результатов. Основным следствием

¹⁸ ГАРФ. Ф. Р-5446. Оп. 23а. Д. 1662. Л. 3, 4, 6.

сложившегося положения стало то, что на Дальний Восток по-прежнему ввозился уголь из Восточной Сибири, значительная часть которого сгорала в топках паровозов за время пути.

Литература

Ткачева Г.А. Трудовая и политическая активность рабочих промышленных предприятий Дальнего Востока в период строительства социалистического общества в СССР (1938–1945 гг.): дис. ... канд. ист. наук. Владивосток, 1982. 263 с.

Унпелев Г.А. Завершение социалистической реконструкции промышленности Дальнего Востока (1933–1937). О деятельности Коммунистической партии по социальной индустриализации Дальневосточного края. Владивосток: Дальневост. кн. изд-во, 1975. 254 с.

Шуковская Ю.П. Кадровая политика в угольной отрасли Приморья в 30-е гг. XX в. (По документам Государственного архива Приморского края) // Россия и АТР. 2008. № 4. С. 32–38.

А.В. Маклюков

**МОБИЛИЗАЦИОННАЯ МОДЕЛЬ ЭЛЕКТРИФИКАЦИИ
ДАЛЬНЕГО ВОСТОКА СССР (1929–1945 ГГ.)**

A.V. Maklyukov

**MOBILIZATION MODEL OF ELECTRIFICATION
OF THE USSR FAR EAST (1929–1945)**

Аннотация. Анализируется процесс электрификации Дальнего Востока как составной части мобилизационной модели развития экономики СССР в 1929–1945 гг., раскрываются региональные особенности его осуществления. Установлено, что, в отличие от западных районов страны, на Дальнем Востоке изначально отсутствовала необходимая энергетическая инфраструктура, не было создано резервов мощностей для индустриализации региона, а времени и ресурсов на крупное энергетическое строительство и реализацию пятилетних планов не хватило.

Ключевые слова: электрификация, мобилизационная модель, индустриализация, промышленность, российский Дальний Восток.

Актуальность темы исследования обусловлена тем, что с усилением регулирующей роли государства в обеспечении социально-экономического развития Российской Федерации изучение и переосмысление исторического опыта советской индустриализации обретают важное научное и практическое значение. Мобилизационная модель развития экономики СССР в 1930-е гг. была направлена на достижение чрезвычайных целей с помощью исключительных средств и экстренных организационных форм. Для индустриального скачка в сжатые сроки стране потребовалось воссоздание национальной научно-технологической базы и повышение эффективности общественного производства. В условиях формирования мобилизационной экономики природные богатства и геополитический потенциал Дальнего Востока стали важными источниками для укрепления индустриальной мощи страны. Освоение дальневосточных территорий в свою очередь требовало от государства выработки

подходов и принятия решений для развития транспортной, производственной и социальной инфраструктуры.

В современных историко-экономических исследованиях мобилизационная модель используется для анализа макро- и микроуровневых процессов, характеристики мероприятий модернизационных преобразований в СССР в конце 1920-х – середине 1940-х гг. В базовые принципы данной модели исследователи включают государственную монополию ресурсов, централизацию управления, наличие целенаправленной программы развития, широкое применение внеэкономических методов принуждения, коллективный характер выполнения заданий, достижение цели любой ценой [Гончаров, 2013; Побережников, 2009; Погребанская, 2020]. Региональные аспекты мобилизационной модели на Дальнем Востоке изучались в контексте создания оборонного потенциала, индустриального и транспортного освоения, внутривнутриполитических и социальных трансформаций и т.д. Авторы [Ткачева, 2022; Зеляк, 2015] подчеркивали, что мобилизационная модель на Дальнем Востоке сочетала в себе военно-стратегическую, экономическую и социальную политику, реализуемую в условиях малой заселенности, географической оторванности, экономической отсталости и неосвоенности региона. Специфика региона определила основные черты экономического развития – ускоренное освоение природных ресурсов и укрепление оборонного потенциала [Маклюков, 2022].

Цель данной статьи – проанализировать процесс электрификации Дальнего Востока как составной части мобилизационной модели развития экономики СССР, раскрыть региональные особенности его осуществления.

Методологической основой исследования являются традиционные исторические методы. Исследование опирается на корпус неопубликованных источников, выявленных в фондах федеральных и региональных архивов. Основными разновидностями изученных делопроизводственных документов являются постановления правительства и распоряжения местных органов власти, касающиеся электрификации региона, планы, аналитические записки, справки, статистические материалы, годовые отчеты электростанций.

Фундаментом для формирования мобилизационной экономической модели в СССР стал план ГОЭЛРО, утвержденный прави-

тельством в 1920 г. План электрификации являлся первой масштабной программой развития экономики страны на 10–15 лет, он создавал необходимые политические и идеологические условия для консолидации интеллектуальных, трудовых, финансовых и материально-технических ресурсов советского государства, позволил направить политику в единое русло крупного энергетического строительства.

В странах Европы и США крупные частные электротехнические корпорации не обладали такими ресурсами и возможностями, как Главэлектро ВСНХ СССР – главный государственный орган по электрификации страны [Lewis, 1994. Р. 182]. Однако планирование электрификации Дальнего Востока началось значительно позже, чем в западных районах страны. Это было связано с затянувшейся Гражданской войной и ее последствиями. В условиях дефицита средств и отсутствия понимания у властей будущего индустриального облика региона созданные в середине 1920-х гг. местные плановые органы смогли наметить приблизительный план электрификации. Центр ничем не мог помочь региону, который функционировал в режиме относительной автономности.

На рубеже 1920–1930-х гг. в системе планирования СССР происходят изменения, связанные с индустриализацией страны и сдвигом индустрии в восточные районы, что подстегивалось необходимостью укрепления оборонного потенциала в условиях обострившейся борьбы за передел мира. В апреле 1929 г. ЦК ВКП(б) принял специальное решение об ускорении социалистического строительства на Дальнем Востоке, а год спустя, в феврале 1930 г., ВЦИК и СНК РСФСР обязали Госплан РСФСР создать условия для резкого увеличения удельного веса региона в промышленном производстве СССР [Дальний Восток России..., 2018. С. 150].

С включением Дальнего Востока в общесоюзную плановую систему в 1931–1932 гг. разрабатывался «Генеральный план электрификации Дальневосточного края». Согласно плану, в регионе намечалось построить 15 крупных электростанций, к 1945 г. ввести в строй 2000 тыс. кВт мощностей. На практике генплан оказался бесполезным. Дальневосточные ученые, участвовавшие в разработке плана, не могли точно определить, где следует строить крупные электростанции и на каком топливе или источнике энергии они будут работать. Они лишь рекомендовали усилить деятельность

научных институтов по изучению энергоресурсов Дальнего Востока¹.

В середине 1930-х гг. из центральных организаций для проектирования электростанций в регион стали приезжать специалисты из управления Главэнерго, Главвостокэнерго, Северо-Западного отделения Всесоюзного государственного проектного института Теплоэлектропроекта и других структур². Лишь ко времени составления третьего пятилетнего плана у Дальплана и Госплана СССР появились материалы, позволяющие более точно обозначить объекты энергетического строительства, объемы и сроки работ, рассчитать параметры роста электропотребления.

Изменения геополитической ситуации в мире и пограничные конфликты на дальневосточных границах СССР в конце 1930-х гг. привели к переоценке значимости дальневосточных рубежей в обеспечении безопасности страны. В третьей пятилетке советское правительство планировало превратить Дальний Восток в мощную всесторонне развитую индустриальную базу, укрепляющую обороноспособность границ.

Третий пятилетний план развития региона был утвержден на XVIII партийном съезде ВКП(б) 10–21 марта 1939 г. Раздел плана, касающийся электрификации региона, был развернутым, конкретным и детальным. В нем ставилась задача по созданию трех энергетических узлов: Комсомольского, Хабаровского и Приморского. Намечалось в течение 2–3 лет построить ряд угольных электростанций, а к 1942 г. ввести в строй Комсомольскую ТЭЦ-1, Хабаровскую ТЭЦ и Сучанскую ГРЭС, увеличить общую мощность энергетической базы в 4,7 раза, а выработку электроэнергии – в 3 раза³.

Для реализации плана 17 декабря 1939 г. во Владивостоке был образован государственный трест по строительству и монтажу электростанций, подстанций и линий электропередачи Дальэнергострой. Однако строительная база треста оказалась очень слабой для организации работ, строительной техники и трудовых ресурсов не хватало. В 1941 г. Дальэнергострой имел всего 2 экскаватора, 2 кра-

¹ Российский государственный исторический архив Дальнего Востока (РГИА ДВ). Ф. Р-2413. Оп. 4. Д. 575. Л. 74.

² РГИА ДВ. Ф. Р-2848. Оп. 1. Д. 174. Л. 18.

³ Третий пятилетний план развития народного хозяйства Союза ССР (1938–1942 гг.). М., 1939. С. 147–148.

на, 8 тракторов, 6 камнедробилок и 16 бетономешалок. Кадровый состав удалось укомплектовать только на 28 %. К строительству запланированных объектов трест практически не приступил, а 2 октября 1941 г. был ликвидирован⁴.

Итак, времени, материальных и трудовых ресурсов на крупное энергетическое строительство на Дальнем Востоке не хватило. С началом Великой Отечественной войны в июле 1941 г. приказом НКЭС СССР строительство Комсомольской ТЭЦ-1 и Хабаровской ТЭЦ подлежало консервации, а по распоряжению Госплана СССР выделенное для них оборудование было вывезено за Урал⁵.

В условиях индустриализации и динамичного роста электропотребления электрификация дальневосточной части СССР осуществлялась в режиме принятия промышленными наркоматами и разными ведомствами текущих решений и их корректировок с учетом производственных задач. Ведомственный принцип определил сущность мобилизационной модели электрификации региона, в котором, в отличие от западных районов страны, изначально отсутствовала необходимая энергетическая инфраструктура, не было создано по плану ГОЭЛРО резервов мощностей.

На Дальнем Востоке каждый наркомат вместе с предприятиями строил собственные электростанции, выбирал их месторасположение, тип, мощность, источники топлива. Наркоматы между собой не согласовывали вопросы, связанные с развитием электрического хозяйства в районе, вели борьбу за финансовые ресурсы, поставки электрического оборудования, кадры. В реалиях конца 1920-х – середины 1940-х гг., с учетом резко ухудшающейся внешнеполитической обстановки, уровня развития Дальнего Востока и его оторванности от центральной части страны, у государства, создающего мобилизационную экономику в кратчайшие сроки, не было другого варианта электрификации такой периферийной и неосвоенной территории.

Строительство энергетической инфраструктуры на Дальнем Востоке начиналось не только без конкретного плана, но и контроля со стороны центральных и местных органов власти. В августе 1931 г. Дальневосточная рабоче-крестьянская инспекция констатировала,

⁴ Российский государственный архив экономики (РГАЭ). Ф. 7855. Оп. 1. Д. 12. Л. 3, 31, 34; Оп. 2. Д. 94. Л. 33.

⁵ Государственный архив Хабаровского края (ГАХК). Ф. П-35. Оп. 3. Д. 195. Л. 2.

что строительству мешает «ведомственная автономность и параллелизм, распыляющие материальные и денежные средства, понижающие эффективность капиталовложений в энергетику»⁶.

Происходила неразбериха: правительством то принимались, то отменялись решения по строительству энергообъектов. Так, СНК СССР в постановлении от 13 августа 1930 г. поручал Главэнерго ВСНХ ввести в строй Артемовскую ГРЭС в октябре 1932 г. Однако СТО постановлением от 13 марта 1933 г. его отменило, исключив станцию из строящихся объектов, а заложенные средства перераспределив в пользу электростанций в западных районах СССР. Далькрайисполком возразил такому решению, отметив, что оно привело к напрасной растрате уже вложенных средств⁷.

Только во второй пятилетке энергетическое строительство в регионе пошло уже в более организованном русле. Решения о строительстве электростанций принимались СТО, СНК, Госпланом СССР, Главэлектро ВСНХ, Главэнерго НКТП, Главвостокэнерго, Далькрайисполкомом. Дальневосточные партийно-хозяйственные органы курировали энергетические стройки и докладывали о состоянии дел в СНК, Главэнерго, Госплан, а также в ЦК ВКП(б).

Непосредственно под управлением главного органа по электрификации страны – Главэнерго НКТП – на Дальнем Востоке в 1930-е гг. удалось построить только одну крупную электростанцию – Артемовскую ГРЭС (24 000 кВт) на юге Приморья. Первую очередь ввели в строй с грубыми недоделками и нарушениями в начале 1937 г. В строительные работы было вложено 104,7 млн руб. В пояснительной записке Госплана СССР по поводу дороговизны объекта указывалось, что станция возводилась в сложных природно-климатических условиях, при полном бездорожье, удаленности стройки от крупных населенных центров, слабости местной стройиндустрии⁸.

Все остальные электростанции на Дальнем Востоке – от мелких передвижных генераторных до капитальных – строились и управлялись разными наркоматами. Всего в Хабаровском крае к 1940 г. было введено в строй 230 ведомственных электростанций, преимуще-

⁶ ГАХК. Ф. Р-907. Оп. 1. Д. 6. Л. 95.

⁷ Государственный архив Российской Федерации (ГАРФ). Ф. Р-5446. Оп. 14. Д. 220. Л. 5; РГИА ДВ. Ф. Р-2848. Оп. 1. Д. 343. Л. 30.

⁸ РГАЭ. Ф. 4372. Оп. 34. Д. 337. Л. 27.

ственно мелких. В самом Хабаровске восемь разных наркоматов имели 19 электростанций суммарной мощностью 23 186 кВт, лишь одна из них – НККХ 6000 кВт – работала на двух современных отечественных паротурбинах ОК-30 и угольном топливе, остальные – на дизельных генераторах. В городе отсутствовала единая электрическая сеть, станции работали изолированно друг от друга. Децентрализация энергического хозяйства порождала множество проблем, связанных с дефицитом электроэнергии, перебоями в подаче тока. Бюро Далькрайкома ВКП(б) в постановлении от 3 марта 1940 г. признавало сложившуюся ситуацию с электроснабжением в Хабаровске катастрофической⁹.

Характерная особенность электрификации региона в рассматриваемый период – повсеместное внедрение маломощных локомотивных и дизельных электростанций, мобильных дизель-генераторов для энергообеспечения предприятий, населенных пунктов, военных городков и объектов оборонного значения. Завозимые в регион локомотивные и дизельные станции были самых различных марок, годов производства и стран происхождения – Германии, Англии, Чехии, Японии, США, СССР. Подчас они представляли собой демонтированное, изношенное и списанное оборудование с заводов центральных районов СССР. Временные или мобильные электростанции быстро удовлетворяли спрос на электричество, питая отдельно каждого потребителя, особенно в труднодоступных районах.

Оборудование для ввода в строй мелких электростанций динамично завозилось на Северо-Восток. Так, на предприятиях Дальстроя на 1 января 1941 г. насчитывалось 210 локомотивных и 1174 дизельных генераторов суммарной мощностью 35 700 кВт, 40 % от них приходились на станции, сжигавшие древесину. Более сотни мелких дизель-генераторов ввели в строй для предприятий Камчатки и Чукотки. В Петропавловске-Камчатском из-за угрозы налета японской авиации правительство отказалось от строительства ТЭЦ, и для обеспечения судоверфи электричеством запустили электростанцию, состоящую из пяти независимо работающих дизель-генераторов по 500 кВт¹⁰.

⁹ ГАХК. Ф. Р-353. Оп. 9. Д. 53. Л. 14-об; ГАРФ. Ф. Р-5446. Оп. 24а. Д. 932. 4-об.

¹⁰ Государственный архив Магаданской области (ГАМО). Ф. Р-23. Оп. 1. Д. 17а. Л. 45; РГАЭ. Ф. 8198. Оп. 2. Д. 317. Л. 8.

С началом Великой Отечественной войны темпы ввода в строй ведомственных электростанций в регионе резко сократились, что вызвало энергетический кризис. Электротехническое снабжение из центра практически прекратилось. В 1943 г. по Тихоокеанскому маршруту через порт Владивосток генерирующее оборудование в виде энергопоездов, энерговагонов, турбогенераторов и динамо-машин стало поступать в рамках программы ленд-лиза из США. В том же году предприятия Дальстроя получили 8 турбогенераторов фирмы Westinghouse Electric Company по 1000 кВт каждый. Всего за годы войны только Хабаровский край получил американских генерирующих установок суммарной мощностью 60 000 кВт¹¹.

Мобилизационный путь электрификации привел к значительному количественному росту ведомственных электростанций. Если в 1928 г. на Дальнем Востоке насчитывалось всего 14 источников генерации, то на начало 1941 г. – 668, не считая 1200 мелких дизель-генераторных установок. В 1945 г. только в Хабаровском крае функционировало 427 электростанций, из которых 271 принадлежала промышленным и транспортным предприятиям, 86 – колхозам и совхозам, 8 – коммунальным и 62 – остальным организациям¹².

Характерной чертой мобилизационной модели являлось резкое ухудшение качества обеспечения электричеством населения. На рубеже конца 1920–1930-х гг. из-за промышленного спроса на энергоресурсы жители городов Дальнего Востока стали нерегулярно получать электроэнергию, а иногда и полностью ее лишаться. Общественные учреждения и жилые дома отключались от подачи тока в пики нагрузок, лампочки в квартирах из-за низкого напряжения светили тускло, а на использование электробытовых приборов вводились строгие запреты. В 1928–1940 гг. в общем электробалансе региона электропотребление на бытовые нужды снизилось с 18 до 6 %. Если в 1940 г. в СССР потребление электричества на душу городского населения в среднем составляло 100 кВт·ч в год, на Дальнем Востоке при самой низкой плотности населения в стране в 2 раза меньше – 48 кВт·ч¹³. В годы войны в дальневосточных городах коммунальные

¹¹ ГАМО. Ф. Р-128. Оп. 1. Д. 89. Л. 61; ГАХК. Ф. П-35. Оп. 3. Д. 218. Л. 41-об.

¹² ГАХК. Ф. Р-353. Оп. 9. Д. 78. Л. 14 об.

¹³ ГАХК. Ф. Р-719. Оп. 8. Д. 93. Л. 4.

и бытовые нагрузки резко урезались, наружное и уличное освещение использовалось редко, незначительное количество электроэнергии отпускалось для освещения административных зданий, больниц, школ и детских садов.

Таким образом, в мобилизационной модели процессы электрификации Дальнего Востока были целиком сосредоточены в руках государства, подчинены общим задачам создания индустриальной экономики и укрепления обороноспособности страны. На Дальнем Востоке, в отличие от западных районов страны, изначально отсутствовала необходимая энергетическая инфраструктура, не было создано по плану ГОЭЛРО резервов мощностей, а времени и ресурсов на крупное энергетическое строительство и реализацию пятилетних планов не хватило. Мобилизационный характер ускоренного развития производительных сил в регионе обуславливал децентрализованный ведомственный путь развития электроэнергетики. Такой малоэффективный с экономической точки зрения принцип электрификации позволял удовлетворять текущие потребности промышленности в электричестве, в краткосрочной перспективе решать задачи мобилизационного характера, но создавал несовершенную энергетическую базу. В результате произошел резкий разрыв между темпами роста индустриальной экономики региона и электроэнергетики, который к началу Великой Отечественной войны перерос в энергетический кризис. Этот разрыв превратился в одну из главных проблем экономического развития региона, которую государству, несмотря на все дальнейшие усилия и инвестиции, направленные на электрификацию, так и не удавалось решить до конца советской эпохи.

Литература

Гончаров Г.А., Баканов С.А., Гришина Н.В., Пасс А.А., Фокин А.А. Мобилизационная модель развития российского общества в XX веке. Челябинск: Энциклопедия, 2013. 128 с.

Дальний Восток России в эпоху советской модернизации: 1922 – начало 1941 года. Владивосток: Дальнаука, 2018. 650 с. (История Дальнего Востока. Т. 3. Кн. 2).

Зеляк В.Г. «Валютный цех страны»: история развития горнопромышленного комплекса Северо-Востока России в 1928–1991 гг. Томск: Изд-во ТГУ, 2015. 466 с.

Маклюков А.В. Особенности модернизации российского Дальнего Востока: имперская и советская модели индустриального освоения // Новейшая история России. 2022. Т. 12, № 1. С. 92–108.

Побережников И.В. Мобилизационные механизмы в контексте модернизации (теоретические аспекты) // Мобилизационная модель экономики: исторический опыт России XX в.: сборник материалов Всерос. науч. конф. Челябинск: Энциклопедия, 2009. С. 95–100.

Погребанская В.А. Мобилизационная модель догоняющей модернизации России (первая половина XX века) // Экономическая политика. 2020. № 2. С. 82–90.

Ткачева Г.А. Мобилизационная модель модернизации Дальнего Востока СССР в 1920–1930-е гг. // Труды института истории, археологии и этнографии ДВО РАН. 2022. Т. 37. С. 63–82.

Lewis R. Technology and the transformation of the Soviet economy // The economic transformation of the Soviet Union, 1913–1945. N.Y.: Cambridge University Press, 1994. P. 182–197.

С.А. Пьянков

**ГРУЗОВИК ЭПОХИ ИНДУСТРИАЛИЗАЦИИ:
ИЗ ИСТОРИИ СОЗДАНИЯ И ПРОИЗВОДСТВА ЗИС-5**

S.A. P'yankov

**TRUCK OF THE INDUSTRIALIZATION ERA:
FROM THE HISTORY OF THE CREATION
AND PRODUCTION OF THE ZIS-5**

Аннотация. Статья посвящена истории создания и производства грузового автомобиля ЗИС-5. Рассмотрены основные этапы процесса модернизации автомобиля ЗИС-5 различными автозаводами в СССР на протяжении 1933–1956 гг., анализируются статистические данные о количестве произведенных автомобилей. Сделан вывод о том, что созданное в годы индустриализации автомобильное производство позволило в годы Великой Отечественной войны снабжать армию сравнительно недорогим и конструктивно простым автотранспортом. Отмечено, что производство ЗИС-5 в модернизированном виде способствовало послевоенному восстановлению автопарка страны.

Ключевые слова: история автомобилестроения, ЗИС-5, ЗИС-5В, Московский автомобильный завод им. Сталина, Ульяновский автомобильный завод им. Сталина, Уральский автомобильный завод им. Сталина.

Легендарный грузовой автомобиль ЗИС-5, ставший символом фронтовых дорог Великой Отечественной войны, начал свою «трудовую биографию» задолго до военных лет, в годы индустриализации СССР. Автомобиль был поставлен на конвейер Московского автомобильного завода им. Сталина в 1933 г. Советский «Захар Иванович» имел иностранное происхождение и вел свою родословную от американских грузовиков компании Autocar: в 1930-е гг. СССР заимствовал передовые технологии поточно-массового производства, лидерами же в этом направлении были автомобильные компании США [История Московского..., 1988. С. 216; Завод..., 2016. С. 167–173].

Предшественниками «Захара» на конвейере московского автозавода были два автомобиля. Первый, 2,5-тонный АМО-2, создан «по образу и подобию» американского грузовика Autocar Dispatch. Изготавливался этот автомобиль с применением иностранных комплектующих. Второй – АМО-3 был сконструирован на основе АМО-2 и представлял собой адаптированную под советские условия копию американского автомобиля, производился из отечественных комплектующих [Дашко, 2014. С. 74–80].

В результате модернизации грузовика АМО-3 был создан ЗИС-5. В отличие от предшественников, он имел более высокую грузоподъемность – 3 т, модернизированный двигатель (его мощность была увеличена с 66 до 73 л.с.), кардинально переработанную коробку переключения передач (КПП), которая стала более простой и надежной. В машине была полностью изменена карданная передача на задний мост, вместо двух валов с промежуточной опорой стали устанавливать один карданный вал. Не совсем удачные гидравлические тормоза передних колес (конструкции компании «Тимкен») были заменены на механические. Кабина получила боковое остекление, новое рулевое колесо, покрытое пластмассой, а также более мягкие подушки сидений [Дашко, 2014. С. 81]. Итогом работы советских инженеров стал относительно дешевый, неприхотливый и массовый среднетоннажный грузовой автомобиль, полностью адаптированный к отечественным условиям производства и эксплуатации.

ЗИС-5 был знаковым, но не единственным достижением советского автомобилестроения в предвоенные годы. В результате колоссальных усилий, приложенных в годы индустриализации, в СССР была фактически создана новая отрасль промышленности, страна самостоятельно производила все виды автомобильных транспортных средств. К началу 1940-х гг. советская автомобильная промышленность выпускала пять типов грузовых автомобилей грузоподъемностью 1,5, 2, 3, 4 и 5 т. ЗИС-5, наряду с ГАЗ-АА и ЯГ-6, был одной из базовых моделей советского автопрома. Именно на основе этих моделей выпускались разнообразные модификации грузовых и специальных автомобилей. Например, на Московском автомобильном заводе им. Сталина на базе грузового автомобиля ЗИС-5 выпускались трехосные автомобили ЗИС-6, тягачи ЗИС-10 для полуприцепов, газогенера-

торные автомобили ЗИС-21, автомобили с двумя ведущими осями ЗИС-32, автобусы ЗИС-8 и ЗИС-16. Велись работы по созданию полугусеничных машин ЗИС-22 и ЗИС-42 [Паньков, 1985. С. 35–36].

Разработанный в годы индустриализации грузовой автомобиль и модели на его основе Московский автомобильный завод им. Сталина производил до 1948 г. (табл. 1).

Таблица 1

Выпуск продукции в натуральном выражении на Московском автомобильном заводе им. И.В. Сталина в 1933–1948 гг. (шт.)

Год	Грузовые автомобили			Автобусы
	всего	двухосные	трехосные	
1933	20 785	20 765	20	131
1934	20 413	19 713	700	222
1935	30 233	28 733	1500	267
1936	47 800	45 920	1880	58
1937	60 259	58 189	2070	–
1938	65 327	62 158	3169	21
1939	66 913	62 447	4466	594
1940	55 928	52 429	3499	1209
1941	48 176	44 241	3935	1398
1942	6780	6780	–	26
1943	22 450	22 450	–	–
1944	31 052	31 052	–	2
1945	36 200	36 200	–	–
1946	43 004	43 004	–	–
1947	55 506	55 506	–	80
1948	63 605	63 041	564	404

Источник: Центральный государственный архив города Москвы (ЦГАМ). Ф. Р-415. Оп. 38. Д. 43. Л. 3–4.

Вступление СССР в войну кардинальным образом отразилось на автомобильной промышленности. Война приостановила дальнейшее увеличение выпуска автомобилей, отрасль перешла в основном на производство продукции, необходимой фронту. В 1941 г. вражеские войска оккупировали Прибалтику, Украину, Белоруссию, часть территории РСФСР. Были захвачены крупные промышленные цен-

тры и сырьевые базы. На оккупированной территории оказался и завод «Запорожсталь», снабжавший всю отрасль страны автомобильным листом. Поэтому автозаводы были вынуждены экономить металл, упрощать технологию производства.

Конструкция ЗИС-5 была существенно упрощена. Кабина, которая раньше облицовывалась стальными листами, стала каркасной, обшитой деревом. Это позволило сэкономить на каждом грузовике по 124 кг металла. Подножки также стали изготавливать из дерева. Была изменена форма передних крыльев: взамен штампованных крыльев округлой формы были установлены упрощенные брызговики, изготавливавшиеся на гибочной машине. Для их производства не требовалось дорогостоящих штампов, а в случае необходимости такое крыло могло быть сделано неквалифицированным жестянщиком.

Изменения коснулись также тормозной системы: привод тормозов стали устанавливать только на задние колеса. Вследствие этого регулировка тормозов стала возможна без специального гаражного оборудования и вполне доступна любому водителю без помощи квалифицированного механика. Производители отказались от хромированных декоративных деталей – бампера и заводской эмблемы. Система освещения стала комплектоваться лишь одной фарой. Грузовые платформы ЗИС-5 стали делать только с одним (задним) откидным бортом. В то же время двигатель ЗИС-5, благодаря применению алюминиевых поршней (позволивших повысить степень сжатия до 5,3), был форсирован с 73 до 76 л.с. при 2400 об./мин.

С 1942 г. измененный таким образом автомобиль стал выпускаться под индексом ЗИС-5В [Устинов, 1975. С. 15–16]. Значительное упрощение конструкции автомобиля позволяло собирать его не только на конвейере, как это предусматривала технология, но и в более сложных условиях (в непригодных помещениях, стапельным способом на деревянных подставках) [История Ульяновского..., 1988. С. 15–16].

В годы войны ЗИС-5В производили несколько предприятий. Основным производителем был Московский автомобильный завод им. Сталина (МосЗИС). После эвакуации части оборудования и кадров московского автозавода в конце 1941 – начале 1942 г. в тыловые районы страны – в Поволжье и на Урал изготовление автомоби-

лей было налажено еще на двух предприятиях, а производство автомобилей на Московском автозаводе существенно сократилось – до уровня 6780 шт. в 1942 г. (см. табл. 1).

С 1942 г. грузовики стали собирать на Ульяновском автозаводе им. Сталина (УльЗИС), а в 1944 г. было организовано производство машин на Уральском автомобильном заводе им. Сталина (УралЗИС). Автомобили ЗИС-5В являлись основной продукцией автозаводов им. Сталина. Наряду с Горьковским автозаводом им. Молотова, который изготавливал 1,5-тонные грузовики, предприятия ГлававтоЗИС являлись главными производителями грузового автотранспорта в стране (табл. 2). По данным доктора технических наук Н.П. Панькова, за годы войны автозаводы им. Сталина выпустили 102,7 тыс. автомобилей, большая часть которых была направлена в Красную армию.

Таблица 2

Производство автомобилей в СССР в 1941–1945 гг. (тыс. шт., %)

Завод	22.06.1941– 01.01.1942	1942	1943	1944	01.01.1945– 09.05.1945	Всего
Горьковский	26,8	23,6	21,3	23,2	7,4	102,3
Московский	19,3	6,8	22,5	31,0	11,6	91,2
Ульяновский	–	1,9	4,1	0,4	–	6,4
Уральский	–	–	–	2,8	2,3	5,1
Итого	46,1	32,3	47,9	57,4	21,3	205,0
Из них поставлено Народному комис- сариату обороны:						
тыс. шт.	37,3	25,0	40,6	36,7	10,8	150,4
в % к выпуску	80,9	77,4	84,7	64,0	50,7	73,3

Источник: [Паньков, 1985. С. 36].

Данные заводских отчетов по производству автомобилей на предприятиях ГлававтоЗИС, имеющиеся в нашем распоряжении, подтверждают показатели, приведенные Н.П. Паньковым. Так, например, в 1942 г. на МосЗИС было изготовлено 6806 автомобилей. В том числе: ЗИС-5 – 5482 шт., шасси ЗИС-5 – 543 шт., ЗИС-42 – 752 шт., ЗИС-16 – 26 шт., ЗИС-44 – 3 шт. В 1943 г. завод выпустил 22 450 машин. В том числе: ЗИС-5 – 18 490 шт., шасси ЗИС-5 – 1605 шт., ЗИС-42 – 2115 шт., ЗИС-41 – 5 шт., ЗИС-44 – 227 шт., прочие

марки – 8 шт.¹ В 1944 г. МосЗИС изготовил 31 054 автомобиля. Из них: ЗИС-5 – 25 280 шт., шасси ЗИС-5 – 3182 шт., ЗИС-42 – 2333 шт., ЗИС-16 – 2 шт., ЗИС-44 – 224 шт., ЗИС-41 – 5 шт., 2 легковых автомобиля ЗИС-110. У остальных 26 автомашин марка не указана².

Кроме машин собственного производства, московский автозавод собирал автомобили из машинокомплектов, поставлявшихся по ленд-лизу, а также ремонтировал трофейную технику. Однако в статистических сводках завода эта продукция указывалась отдельными строками и в общее количество произведенных автомобилей не включалась. В 1942 г. на заводе были собраны 4222 импортные автомашины, в 1943 г. – 13 334, а в 1944 г. – 15 607. Отремонтировал завод и большое количество трофейной техники: в 1942 г. на автозаводе была восстановлена 791 трофейная машина, а в 1943 г. – 66³.

Таким образом, как показывают статистические данные, основной продукцией МосЗИС на протяжении Великой Отечественной войны был грузовой автомобиль ЗИС-5В, а также автотранспортные средства, созданные на его основе. То же самое можно сказать и о производстве на УльЗИС и УралЗИС, где производили шасси и грузовики ЗИС-5В [История Ульяновского..., 1988. С. 8–26; Пьянков и др., 2018]. Основная часть продукции этих заводов поступала в Красную армию. Всего за годы войны автозаводы отправили в войска более 55,6 тыс. автомобилей ЗИС-5 [Паньков, 1985. С. 36].

Водители-фронтовики ценили «Захара Ивановича» за простоту и надежность. Так, например, водитель-испытатель экспериментального цеха МосЗИС Д. Смышкин, работавший в годы войны на Дороге жизни под осажденным Ленинградом, вспоминал: «Вместе со мной возили продовольствие для города и фронта шоферы с Горьковского автомобильного, Челябинского и Сталинградского тракторных заводов. Помню, как хвалили они нашу заводскую машину, и сам я тоже очень гордился ЗИСом» [Легенды..., 2016. С. 235].

В первые послевоенные годы Московский автомобильный завод им. Сталина начал переход на новый модельный ряд, в 1948 г. ЗИС-5 уступил свое место на конвейере грузовику ЗИС-150 [История Московского..., 1966. С. 426]. Производство «Захара Ивановича» было

¹ Российский государственный архив экономики (РГАЭ). Ф. 8573. Оп. 3. Д. 33. Л. 71, 81.

² РГАЭ. Ф. 8573. Оп. 3. Д. 54. Л. 37 об.

³ РГАЭ. Ф. 8573. Оп. 3. Д. 33. Л. 71; Д. 54. Л. 37 об.

сохранено на Уральском автомобильном заводе им. Сталина в городе Миассе. Сохранение на уральском конвейере автомобиля ЗИС-5 было обусловлено потребностью ускоренного наращивания производства, необходимого для удовлетворения острой потребности народного хозяйства в грузовых автомобилях. Грузовик ЗИС-5 и его модификации наилучшим образом отвечали этой задаче. Автомобиль был сравнительно прост в производстве, а технологии его изготовления хорошо отлажены. Для увеличения выпуска этих грузовиков не требовалось кардинальной модернизации заводского оборудования в городе Миассе. Кроме того, машина была хорошо знакома «потребителю» – эксплуатирующим организациям, механикам и водителям.

В 1946 г. на УралЗИС было налажено производство газогенераторных автомобилей ЗИС-21А, с этого времени предприятие становится ведущим производителем серийных газогенераторных автомобилей в стране. Газогенераторные автомобили, работавшие на газе из древесных чурок, были востребованы в лесном хозяйстве, активно использовались в местностях с неразвитой транспортной инфраструктурой. Использование «газгенов» позволяло снизить потребление бензина, дефицитного в первые послевоенные годы.

Дальнейшее развитие производства шло по пути частичной модернизации выпускаемых автомашин. Модернизированные автомобили Уральского автозавода получили наименование ЗИС-5М. В технической справочной литературе данная модель также имела обозначение УралЗИС-5. Уральский завод, используя опыт Московского ЗИСа, переходил к производству более совершенных моделей без остановки конвейера. Так, например, с 1948 по 1951 г. на заводе производилась переходная модель ЗИС-50. Ее основное отличие от ЗИС-5 заключалось в двигателе. Грузовик оснащался более мощным мотором ЗИС-120, поставившимся в рамках межзаводской кооперации из Москвы. Двигатель ЗИС-120 был разработан для нового грузовика ЗИС-150, который начали производить на московском автозаводе в 1947 г. Модернизировались и газогенераторные автомобили. В 1952 г. на заводской конвейер в Миассе был поставлен автомобиль УралЗИС-352, являвшийся улучшенной версией газогенераторного грузовика ЗИС-21А. Выпускал уральский завод и небольшие серии автомобилей ЗИС-361 и ЗИС-362. По данным заводского отчете-

та эти автомобили были выпущены в количестве 222 и 100 единиц соответственно.

Таблица 3

Производство автомобилей Уральским автомобильным заводом им. И.В. Сталина в 1944–1957 гг. (шт.)

Год	ЗИС-5В, ЗИС-5 модерни- зированный, (Урал- ЗИС-5)	ЗИС- 21А	ЗИС- 50	Урал- ЗИС- 352	Урал- ЗИС- 355	Урал- ЗИС- 355В	Урал- ЗИС- 356	Урал- ЗИС- 361
1944	2760	–	–	–	–	–	–	–
1945	8674	–	–	–	–	–	–	–
1946	9802	446	–	–	–	–	–	–
1947	10 453	792	–	–	–	–	–	–
1948	15 205*	3001	–	–	–	–	–	–
1949	6476	4015	10 367	–	–	–	–	–
1950	11 063	5027	12 188	–	–	–	–	–
1951	8019	4975	227	–	–	–	–	–
1952	14 585	364	–	3773	–	–	–	–
1953	20 026	–	–	4137	–	–	–	261
1954	25 070	–	–	3033	–	–	–	231
1955	26 239	–	–	4001	–	–	–	222
1956	2488	–	–	359	28 864	–	606	–
1957	1	–	–	1	30 998	1190	–	–
Итого	160 861	18 620	22 782	15 304	59 862	1190	606	714

Источник: [Пьянков, 2019. С. 8].

* Здесь же указаны и автомобили ЗИС-50.

Переходной моделью на уральском конвейере стал автомобиль УралЗИС-355, который отличался от УралЗИС-5 целым рядом новых узлов и агрегатов, но, как и «Захар Иванович», имел устаревшую конструкцию кабины. В течение первого и второго кварталов 1956 г. завод в Миассе осуществлял поузловой переход на модернизированные автомобили УралЗИС-355. В результате в счет запланированных автомобилей УралЗИС-355 и УралЗИС-356 (газогенераторный) было выпущено 2488 автомобилей ЗИС-5 с новыми деталями от УралЗИС-355 и 359 автомобилей УралЗИС-352. Последний грузо-

вик ЗИС-5 сошел с конвейера завода в 1957 г. В тот год был выпущен только один экземпляр этой прославленной марки. В 1957 г. был собран и последний грузовик УралЗИС-352, являвшийся газогенераторным аналогом модернизированного автомобиля ЗИС-5 [Пьянков, 2019. С. 5–11].

Разработки и технологические решения, внедренные в производство в первое послевоенное десятилетие, нашли свое воплощение в новом серийном грузовике УралЗИС-355М. В отличие от своего довоенного предшественника, УралЗИС-355М обладал более мощным двигателем и цельнометаллической кабиной, выгодно отличавшейся от деревянной кабины ЗИС-5 по уровню комфорта. Производство УралЗИС-355М наладили в 1958 г.

В заключение отметим, что «Захар Иванович» стал одним из «долгожителей» автомобильной индустрии. Автомобиль сходил с различных конвейеров СССР почти четверть века. Созданное в годы индустриализации массовое производство грузовых автомобилей пригодились стране в период Великой Отечественной войны. Изготовленный в предвоенные годы автопарк стандартной и однотипной техники послужил хорошим мобилизационным ресурсом, а отлаженное производство позволило даже в тяжелейших условиях военного времени снабжать армию сравнительно недорогими, конструктивно простыми автомобилями. По меркам первой половины 1940-х гг. ЗИС-5 не являлся самым современным автомобилем, однако он вполне соответствовал суровым условиям военных лет. Слагаемыми успеха «Захара Ивановича» были надежность, удобство ремонта и обслуживания. Являясь сравнительно простым и технологичным продуктом, ЗИС-5 в модернизированном виде внес свой вклад и в послевоенное восстановление страны. Длительная «трудовая биография» автомобиля стала возможной не только благодаря разумному заимствованию передового технологического опыта, но и совершенствованию системы производства, адаптации конструкции автомобиля под конкретные условия эксплуатации.

Литература

Дашко Д. Советские грузовики. 1919–1945. М.: Автомобильный архивный фонд, 2014. 240 с.

Шелепенков М.А. (ред.). Завод и люди. 1916–2016: в 3 т. Т. 1: Зарождение автомобилестроения / авт.-сост. В.Г. Мазепа, М.А. Шелепенков; под ред. М.А. Шелепенкова, А.В. Курковой. М.: Московский политехнический университет, 2016. 548 с.

Салов А.П., Сидоренко Т.М., Смирнов П.И. История Московского автозавода имени И.А. Лихачева. М.: Мысль, 1966. 647 с.

Алибеков К.И., Антонов Е.Н., Анфимов Л.В. История Ульяновского автомобильного завода. М.: Профиздат, 1988. 146 с.

Мазепа В.Г. (ред.). Легенды и были Тюфелевой рощи / авт.-сост. В.Г. Мазепа; под ред. В.Г. Мазепы, О.О. Петровой, А.В. Курковой. М.: Московский политех, 2016. 554 с.

Паньков Н.П. Автомобили Красной армии в годы Великой Отечественной войны // Автомобильная промышленность. 1985. № 2. С. 35–37.

Пьянков С.А., Беделъ А.Э. Война, люди и моторы: история создания Уральского автомобильного завода (1941–1945 гг.) // Клио. 2018. № 9 (141). С. 175–183.

Пьянков С.А. «Уральская трехтонка»: из истории производства и модернизации грузового автомобиля ЗИС-5 (1944–1957 гг.) // История науки и техники. 2019. № 10. С. 3–13.

Устинов Е.А., Лирман Н.Я. Советское автомобилестроение в период Великой Отечественной войны 1941–1945 гг. (К 30-летию победы советского народа в Великой Отечественной войне). Обзор. М.: НИИНАВТОПРОМ, 1975. 79 с.

В.Н. Макарова

**ФОРСИРОВАННАЯ ЗОЛОТОДОБЫЧА КАК ФАКТОР
ИНДУСТРИАЛИЗАЦИИ В БАШКИРСКОЙ АВТОНОМНОЙ
СОЦИАЛИСТИЧЕСКОЙ РЕСПУБЛИКЕ**

N. V. Makarova

**FORCED GOLD MINING AS A FACTOR
OF INDUSTRIALIZATION IN THE BASHKIR AUTONOMOUS
SOCIALIST REPUBLIC**

Аннотация. Золотодобывающая промышленность в Башкирии пережила два этапа модернизации. На первом этапе в последней четверти XIX в. были разведаны и установлены приисковые работы на многочисленных приисках. Разрабатывались как россыпные, так и жильные месторождения. В начале 1920-х гг. именно здесь первыми стали восстанавливаться предприятия, объединенные «Башгортрест» местного значения. В дальнейшем, учитывая непреходящее значение золотодобычи как фактора развития экономики страны, на территории республики был организован трест «Башзолото», входивший в систему «Главзолото» и осуществивший модернизацию отрасли в рамках предложенной модели, которую мы представили в настоящей статье.

Ключевые слова: Башкирская Автономная Социалистическая Республика, золотодобыча, трест «Башзолото», модернизация, индустриализация.

Индустриализация является составляющим элементом модернизации. По мере развития индустриального общества техноструктура и необходимость ее совершенствования все в большей степени становятся причастными к процессу принятия политических решений. Начало восстановления советской золотопромышленности положено Постановлением СНК РСФСР от 31 октября 1921 г. «О золотой и платиновой промышленности». Этим узаконением, обобщившим распоряжения, издававшиеся ВСНХ и СНК, была создана почва для допущения и развития частной промышленности. Подтвердив свою собственность на недра, государство, признавая, что добыча

золота и платины является делом особо важного государственного значения, определило возможность получать для эксплуатации на договорных началах государственные золотоплатиновые предприятия и прииски. Постановление предусматривало освобождение предприятий от всех видов промысловых налогов, вознаграждение за открытие новых месторождений золота и платины.

Среди предприятий, которые после Гражданской войны быстро восстановили свой производственный потенциал, были объекты горной промышленности. Вся промышленность БАССР разделилась на четыре группы:

1) предприятия, подчиняющиеся непосредственно ВСНХ СССР (группа Белорецких заводов);

2) предприятия федеративного значения, управляемые ЦСНХ БАССР на основе мандата ВСНХ РСФСР (Башгортрест и Башгорлес);

3) предприятия республиканского значения (АССР), подчиненные ЦСНХ республики (Башпром);

4) промышленные заведения местного значения, объединяемые отделами местного хозяйства.

В республике, как и во всей стране, получила распространение практика трестирования предприятий. В 1922 г. на базе предприятий Баймакского района был организован трест местного значения – Башгортрест¹.

Благодаря организации трестов при допущении старателей к добыче благородных металлов улучшилось состояние золотоплатинового дела. С 1922 по 1924 г. в короткое время ценой огромного напряжения всех внутренних ресурсов была восстановлена Тубинская бегунная фабрика². Бегунные фабрики были построены в Ишберде и Байкаре. В начале 1925 г. восстановлен Баймакский золотомедный завод. Значительное количество золота было добыто в 1922/1923 гг. в Таналыко-Баймакском районе (760 кг), где началась обработка руд железной шляпы цианированием. В конце 1924 г. в состав Башкирии были переданы и остальные районы золотодобычи – Учалинский и Белорецкий. Указанная добыча насчитывала 40 % общеуральской [Трифонов, 1948. С. 56], а в 1925/1926 хозяйственном году вырабо-

¹ Национальный архив Республики Башкортостан (НА РБ). Ф. Р-700. Оп. 2. Д. 175. Л. 40.

² НА РБ. Ф. Р-629. Оп. 1. Д. 350. Л. 47–48.

танное Башгортрестом золото составило более 15 % общесоюзной добычи³.

В 1923 г. число действующих предприятий фабрично-заводской промышленности в Башкирии составляло лишь 39 %, рабочей силы – 48 % от довоенного уровня. Сокращение численности рабочих произошло главным образом в пищевой и горнозаводской промышленности. В этих отраслях, в сравнении с 1913 г., осталось около трети рабочих [Гизатуллин, 1929. С. 76]. Начало восстановительных работ на заводах и рудниках Башгортреста и в Белорецке способствовало формированию рабочих кадров. В 1920-е гг. на предприятиях Башгортреста было устойчиво занято около четверти всего рабочего класса промышленности республики⁴.

Позитивный опыт деятельности предприятий, использующих для развития только прибыль от производственной деятельности, был убедительным. В 1925 г. предприятия местной промышленности перешли на хозрасчет, плановую систему производственной деятельности. Башкирское отделение Промбанка и отделение Всекомбанка с 1925 г. стали осуществлять кредитование промышленности, но это не коснулось предприятий Башгортреста⁵.

Активная эксплуатация производительных сил привела к значительному истощению средств производства. Вследствие разработанности наиболее богатых и разведанных месторождений многие фабрики и заводы нуждались в реконструкции. Зарабатывать прибыль становилось все сложнее из-за расхождения цен на золото с товарными ценами. Практика приравнивания старателей к кустарям привела к резкому сокращению их численности. Требовались решительные меры для поддержания курса по пути сбалансированного развития в соответствии с экономическими законами.

В годы первых пятилеток в золотодобывающей промышленности, так же как и во всей стране, на выполнение экономических задач использовались различные способы мобилизации трудящихся. Было развернуто соцсоревнование, ударничество, стахановское движение, участие рабочих в производственных совещаниях. Проводились кампании по повышению производительных сил, сниже-

³ Российский государственный архив экономики (РГАЭ). Ф. 8152. Оп. 1. Д. 24. Л. 36.

⁴ НА РБ. Ф. 122. Оп. 10. Д. 196. Л. 17.

⁵ НА РБ. Ф. Р-1148. Оп. 1. Д. 230. Л. 17.

нию себестоимости продукции, проведению режима экономии и рационализации производства. Главное же – рыночные механизмы регулирования отрасли были нарушены, а основным рычагом воздействия становится распределение материальных и финансовых ресурсов в соответствии с плановой экономикой⁶.

В 1929 г. Башгортрест признан трестом союзного значения. Из его состава выделили несколько районов (кроме Таналыко-Баймакского), которые были слиты с Миасским, на основе которого было организовано Башкирское Главное приисковое управление. Через два года на базе предприятий Таналыко-Баймакского района создан 1-й, а на базе Авзяно-Петровской и Вознесенской групп Учалинского и Белорецкого районов – 2-й Башкомбинат. В 1932, 1933, 1937, 1939, 1941 гг. были частые реорганизации, что являлось фактором нестабильности⁷.

Очень большой потребностью реконструктивного периода являлись кадры. В принятом правительством законодательстве устанавливались два типа специалистов высшей квалификации: первый тип – с ярко выраженной узкой производственной специализацией, второй – с более широкой теоретической подготовкой в определенных областях народного хозяйства. Кадры для золотопромышленности готовились в Московской промакадемии, Урало-Казахстанской промакадемии, Свердловском металлургическом институте, Свердловском горном техникуме, на промкурсах в Уфе, в Исовском, Миасском, Баймакском горно-металлургических техникумах, Златоустовском металлургическом техникуме, Баймакской и Тунгатаровской школах ФЗУ⁸. На всех крупных приисках и рудниках существовали школы массовых профессий и мастеров стахановского труда. Активно использовался опыт старых специалистов: инженеров, технологов, рабочих, старателей⁹.

В 1937 г. на следствии по делу управляющего трестом «Башзолото» Ф.А. Ульмасова данный факт предъявлен в качестве обвинения¹⁰. В действительности сотрудничество со старыми специалистами Ворониным, Дрозжиловым, Кузнецовым, Мендельсоном, Прибыле-

⁶ НА РБ. Ф. 122. Оп. 18. Д. 655. Л. 88.

⁷ НА РБ. Ф. 122. Оп. 3. Д. 29. Л. 3–5.

⁸ НА РБ. Ф. Р-108. Оп. 2. Д. 670. Л. 106–110.

⁹ НА РБ. Ф. 122. Оп. 7. Д. 17. Л. 13.

¹⁰ Временный фонд УФСБ РФ по РБ. Ф. 4653. Д. 45190.

вым, Рамеевым, Тарновским, Шиловским, Шаманским, Кобылянским, Емельяновым, Садыковым, Нагаевым и другими создавало особый микроклимат в отрасли и способствовало скорейшему и более эффективному выполнению производственных задач. Вместе с тем это не исключало явлений «спецедействия», широко представленного в 1920-е гг.¹¹

К 1933 г. численность рабочих тюркского происхождения заметно возрастает по всем группам предприятий, по Башгортресту – с 80 до 90 %. В последующие годы процентное соотношение башкир, занятых в отрасли, доходило до 30–40 %, на 1 января 1938 г. число занятых в отрасли равнялось 2506¹². В некоторых районах (Учалинский, Баймакский, Зилаирский), где отходничество на горные работы было широко распространено, колхозы получают особый статус и их переводят на Уставы промколхозов¹³.

Объем капиталовложений в развитие отрасли был весьма мизерный¹⁴. А запасы золота в республике благодаря разведывательным работам за период 1932–1933 гг. были увеличены в 7 раз. Рост добычи ежегодно равнялся 1,5–2 т, а в 1936 г. достиг абсолютного максимума, составив 2,4 т¹⁵. Большую роль в этом сыграли старатели, которых в разные годы насчитывалось от 4 до 5 тыс. Старателями добывалось россыпное и частично рудное золото¹⁶. Россыпное золото в общей добыче составило 19 %.

Таблица 1

Данные по добыче золота в 1932, 1933, 1934 гг. по БАССР и СССР

Год	По Союзу (%)	По Башкирии (%)	По Башкирии (кг)
1932	100	100	846,3
1933	135,5	172,6	1430
1934	01	40	400

Источник: НА РБ. Ф. 122. Оп. 13. Д. 39. Л. 267.

¹¹ НА РБ. Ф. 122. Оп. 7. Д. 17. Л. 13.

¹² НА РБ. Ф. 122. Оп. 18. Д. 234.

¹³ НА РБ. Ф. 122. Оп. 10. Д. 6. Л. 92–103.

¹⁴ НА РБ. Ф. 122. Оп. 13. Д. 39. С. 267–271.

¹⁵ НА РБ. Ф. Р-1148. Оп. 1 Д. 106. Л. 31–33, 104–106.

¹⁶ НА РБ. Ф. 122. Оп. 18. Д. 655.

Малая механизация представлена весьма слабо. В указанный период не было использовано ни одной драги, хотя подобные полигоны представлены в Зилаирском районе, Авзяне, Миндякской россыпи, Мулдакаевском, Благодарном месторождениях, Березовой роще, Александровском хребте. С применением дражных и экскаваторных работ значительно повысился бы удельный вес добычи россыпного золота. В этих районах активно задействовались старатели, которым предоставили льготы по трудгужповинности и сельхозналогу, а колхозам – статус «промколхозов»¹⁷.

Стоимость электроэнергии была чрезвычайно высокой. Для рационализации процесса добычи было необходимо направление средств по энергетике на строительство линий электропередач Баймак – Магнитогорск, Дразная – Мулдакай – Поляковка, Блява – Бурибай. Узким местом золотопромышленности в Башкирии считался транспорт. Предприятия треста были разбросаны на большие расстояния друг от друга (от 20 до 60 км). Ближайшая железная дорога находилась в 135 км. Интересы развития золотодобывающей промышленности требовали проведения железной дороги, в первую очередь Магнитогорск – Баймак¹⁸.

Требовалось совершенствовать технику и технологию добычи попутного золота из колчеданных руд, строить амальгамационные заводы. Вложение средств в разведку недр создало бы условия для создания запасов золота в Башкирии. Все районы Башкирии имели огромные перспективы на открытие многих новых месторождений, а некоторые обещали наличие серьезной сырьевой базы. Необходимо было переводить месторождения из одной категории в другую.

С большими осложнениями происходило вложение средств в производственную сферу. На капитальное строительство в рудниках выделялись небольшие средства, но и те очень часто «замораживались». Строительство одного двухквартирного дома обходилось в 9 тыс. руб. Целесообразность возведения такого жилья на рудниках ставилась под сомнение, так как через 5–10 лет по мере выработанности месторождения такие дома приходилось покидать. Проектов сборно-разборных конструкций не существовало и старатели очень

¹⁷ НА РБ. Ф. 122. Оп. 10. Д. 6. Л. 92–103.

¹⁸ Временный фонд Управления ФСБ РФ по РБ. Ф. 4653. Д. 45190. С. 7–11.

часто жили в землянках. Норма жилья по тресту составляла от 3 до 3,5 кв. м на человека¹⁹.

На культурно-бытовое обслуживание, например в 1936 г., было выделено 1 297 400 руб. Из перечисленных на народное образование 870 тыс. руб. должны были содержаться: 15 начальных школ с числом учащихся 2055 чел., средние школы – 240 чел., 4 общежития при школах, 5 детских садов на 187 чел., техническая станция. На школы взрослых отпущено только 70 тыс. рублей (50 % от потребности). К 1936 г. закончивших ликбезы насчитывалось 2242 чел., а продолжавших обучаться – 4091 чел. Утверждено строительство двух школ: в Бакр-Узяке (начальная) и Тубинске (неполная средняя). В школах треста преподавателей насчитывалось 110 чел., из них 4 – с высшим, 50 – средним, 56 – с начальным образованием. На отпущенные здравоохранению деньги 427 400 тыс. руб. содержались две больницы (Поляковка, Тубинск) на 55 чел., четыре врачебные амбулатории, три здравпункта и двое сезонных яслей на 40 детей. Планировалось построить здания под врачебную амбулаторию в Бакр-Узяке, Миндяке и Сибаете²⁰.

Золотодобыча в первой пятилетке проводилась в основном в Баймакском и Учалинском районах, что в значительной степени обусловило развитие хозяйственной специализации этих районов и занятость населения. Наряду с реконструктивными работами на предприятиях Баймакского района осуществлялось новое строительство. В 1931 г. введены в эксплуатацию Тубинский цианоильный завод и Бурибаевская бегунная фабрика (Хайбулинский район). В первую пятилетку состав золотодобывающих предприятий республики пополнился 7 бегунными золотоизвлекательными фабриками и 3 эфельными цианоильными заводами Второго Башкомбината. Объем капиталовложений в предприятия цветной металлургии за эти годы составил 27 % всех затрат тяжелой промышленности [15 лет Советской Башкирии, 1934. С. 118].

В годы второй пятилетки продолжалось развитие производственных мощностей золотодобывающей промышленности. В 1933 г. производится реорганизация золотомедной промышленности. Созданы единый трест «Башзолото» и 11 приисковых управлений. На Баймакском медеплавильном заводе осуществлено рас-

¹⁹ НА РБ. Ф. Р-629. Оп. 1. Д. 354. Л. 1.

²⁰ НА РБ. Ф. 749. Оп. 1. Д. 414. Л. 51.

ширение производственной базы. В 1933–1934 гг. в Тубинске была расширена бегунная фабрика и пущен новый эфельный завод. Кроме того, построен Байкаринский иловый завод, Саратурская и Ярлыкаповская, расширена Ишбердинская бегунная фабрика. Из заводов нового поколения необходимо отметить строительство цианоиловых заводов в Миндяке (1935 г.) и Бурибае (1936 г.). Завершение строительства и ввод их в эксплуатацию в годы второй пятилетки затянулись из-за нерегулярного финансирования²¹.

Таблица 2

Сведения о добыче золота в Башкирии с 1919 по 1937 г.

Год	Количество, кг
1918	180
1920	39
1921/1922	95
1922/1923	877
1923/1924	1605
1924/1925	2347
1925/1926	1936,743
1926/1927	1821,175
1927/1928	1844,429
1928/1929	1698,200
1929/1930	1370
1930/1931	549,617
1931/1932	866
1933	1494,1
1934	2115,750
1935	2327,533
1936	2456,855
1937	1424,774
Итого	2.48802.422

Источник: НА РБ. Ф. Р-1148. Оп. 1. Д. 106. Л. 42–50, 104–106, 118, 176; Д. 129. Л. 30, 30 об.; Д. 218. Л. 3 об., 4 об., 5; Д. 316. Л. 11–13; Д. 396. Л. 12 об.; Д. 397. Л. 9, 20, 73; Д. 799. Л. 163; Д. 802. Л. 2, 36, 36 об., 43; Д. 1210. Л. 7; Оп. 2. Д. 158. Л. 70; Р-629. Оп. 1. Д. 383. Л. 130 об.; Оп. 2. Д. 624. Л. 8, 10–11; Д. 666. Л. 3 об.; Ф. 122. Оп. 13. Д. 39. Л. 267 (подсчеты автора); Сборник статистических данных по горной и горнозаводской промышленности СССР за 1911–1924/25 гг. / М. Джаксон, А.Н. Флеров. М., 1928 (Сведения с 1919–1924/25 гг.).

²¹ НА РБ. Ф. 122. Оп. 11. Д. 40. Л. 177, 178.

К 1937 г. трест «Башзолото» представлен 15 приисковыми управлениями, где действовало 13 амальгамационных фабрик с 26 чанами общей производительностью в 3000 т эфелей и два цианоильных завода: зимний в Тубинске и летний в Байкаре общей производительностью 300 т/сут, 30 чаш при амальгамационных фабриках и Баймакском мелькомбинате²².

«Все, что мы делали до сих пор, можно рассматривать только как подготовку к дальнейшему развитию золотопромышленности. Разведали огромные запасы, выдвинувшие страну Советов на первое место по количеству рудного и россыпного золота. Создали кадры инженеров и техников, мастеров, квалифицированных рабочих, хозяйственников. Кустарные прииски превратили в крупные индустриальные центры. Золотодобывающая промышленность стала индустрией. Все это делалось одновременно с глубокой организационной перестройкой» [Золотая промышленность, 1935. С. 11].

Очень большой урон делу золотопромышленности нанесли репрессивные процессы 1937 г. в «Союззолоте», захватившие по периферии и «Башзолото» [Макарова, 2003]. Был ликвидирован старый аппарат руководящих сотрудников и основных приисковых управлений. «Почти весь коллектив треста был взят под подозрение, что особенно отразилось на работоспособности специалистов, тем более что как в аппарате треста, так и на производстве имеются хорошие преданные работники. С августа по декабрь 1937 г. положение сделалось нестерпимым. План 1937 г. был выполнен только на 52,5 %»²³.

Пополнение золотого запаса считалось одной из важнейших и очередных задач с точки зрения упрочения международного положения Советского Союза и внутривнутриполитического его положения. Золото необходимо было для устойчивости червонца, создания резервного маневренного фонда, развития народного хозяйства.

В годы первой и второй пятилеток, несмотря на настойчивые требования местных властей о республиканском подчинении и самостоятельности, усиливаются тенденции к централизации управления. Поиск рациональной системы управления и подчинения

²² НА РБ. Ф. 1148. Оп. 1. Д. 795. Л. 15–31; Д. 218. Л. 18, 19, 19 об.

²³ НА РБ. Ф. 22. Оп. 18. Д. 655. С. 189.

предприятий золотопромышленности региона, связанный с кризисным состоянием в промышленности в годы первой пятилетки, проблемы хозяйствования, связанные с «неизменными ценами» и недостатком оборотных капиталов, приводят к централизации управления и двойному подчинению предприятий золотопромышленности республики. Основными механизмами хозяйствования становится пятилетний план и централизованное распределение ресурсов.

Управление промышленностью через наркоматы в 1930-е гг. обеспечивало проведение единой технической политики, внедрение достижений науки и техники. При этом не всегда учитывались местные интересы. Об этом свидетельствует замедление темпов строительства новых производственных объектов, введения новых мощностей в годы второй пятилетки, игнорирование развития энергоснабжения и транспортной инфраструктуры золотопромышленных районов республики. Внедрение ударничества и стахановского движения приводит к временному подъему и реализации производственных задач. Необходимость выполнения пятилетних планов сопровождалась экстенсивной эксплуатацией недр. Добывалась только руда с высоким содержанием золота, что приводило к разубоживанию месторождений и ухудшению экологической обстановки. За 18 лет советской власти добыча золота в республике различными способами составила 24 802,42 кг. За 33 дореволюционных года, по неполным данным, извлечено 27 718,52 кг.

При этом отрасль развивалась по общим законам, установленным в государстве. На ее развитие влияли кризисы, неизменные цены. Ненормальные условия пополнения оборотных средств замораживали капитальное строительство, создавали проблемы снабжения, приводили к слабому развитию непромышленной сферы. Недостаток специалистов, репрессивные меры, несовершенство системы управления и организации труда приводили к срыву производственных программ, увеличению себестоимости продукции.

В целом стадия становления индустриального производства для золотопромышленного сектора развития экономики Башкирской Республики, а также для всего Урала, характеризовалась структурными изменениями в социально-экономической и производственной (техничко-технологической) сферах региона, формирование ко-

торых происходило под влиянием многих причин, в том числе хозяйственно-экономических, социально-политических и культурно-исторических.

Литература

15 лет Советской Башкирии: сборник статей. Уфа: Правительство Башкирской АССР, 1934. XIX, 283 с.

Гизатуллин Н.К. К проблеме коренизации аппарата // Хозяйство Башкирии. 1929. № 6–7.

Макарова В.Н. Ульмасов Филипп Афанасьевич // Археография Южного Урала. Уфа, 2003. С. 68–84.

Золотая промышленность: в 2 т. / А.П. Серебровский. М.; Л., 1935. Т. 2: СССР. 617 с.

Трифонов В.П. Развитие золотодобывающей промышленности Урала после Октябрьской революции // 200 лет золотодобывающей промышленности Урала. 1745–1945 гг. Свердловск: Изд-во Уральского филиала АН СССР, 1948.

Раздел 4. ИНДУСТРИАЛЬНАЯ ЭКОНОМИКА В ПЕРИОД ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ

УДК 94(47).084.8

DOI 10.25205/978-5-4437-1718-0-28

В.В. Кондрашин

**НИКОЛАЙ ИВАНОВИЧ РЫЖКОВ КАК ИССЛЕДОВАТЕЛЬ
И ПОПУЛЯРИЗАТОР ЭКОНОМИЧЕСКОЙ ИСТОРИИ РОССИИ**

V.V. Kondrashin

**NIKOLAI IVANOVICH RYZHKOV AS A RESEARCHER
AND POPULARIZER OF THE ECONOMIC HISTORY OF RUSSIA**

Аннотация. В статье предпринята попытка показать личность крупного государственного деятеля СССР и России Н.И. Рыжкова как исследователя и популяризатора экономической истории страны. В ней приводятся факты его общественной деятельности в этом направлении, кратко характеризуется содержание подготовленных им научных трудов, посвященных анализу экономики СССР в годы Великой Отечественной войны (производство оружия, роль ленд-лиза). Делается вывод, что монографические труды Н.И. Рыжкова – несомненный вклад в изучение экономической истории России.

Ключевые слова: Н.И. Рыжков, экономическая история России, Великая Отечественная война, производство оружия, ленд-лиз.

Одной из замечательных страниц в биографии Н.И. Рыжкова, менее известной широкой общественности, чем его многогранная и плодотворная деятельность на ниве служению России в качестве государственного деятеля и политика, являются его труды, посвященные истории экономики СССР, а также сотрудничество с российскими архивистами и историками в деле популяризации экономической истории страны в целом и ее важнейших сюжетов в частности.

Так, например, Н.И. Рыжков в 2011 г. принял непосредственное участие в подготовке праздничных мероприятий в связи с 50-летним

юбилеем Российского государственного архива экономики (РГАЭ) – главного в России архивохранилища документов по экономической истории страны. По его инициативе и при его самой активной поддержке 9 ноября 2011 г. в Совете Федерации Федерального собрания Российской Федерации состоялось торжественное открытие выставки исторических документов из фондов Российского государственного архива экономики «Опыт прошлого – на службе будущему». На выставке были представлены документы, характеризующие становление и деятельность в XX в. базовых отраслей промышленности, а также главных индустриальных центров страны. Языком достоверных источников был показан трудный и героический путь созидания советским народом мощного народно-хозяйственного комплекса, который вместе со страной прошел и Н.И. Рыжков сначала в качестве рядового инженера, начальника цеха, главного инженера и генерального директора Уральского завода тяжелого машиностроения им. Серго Орджоникидзе (ПО «Уралмаш»), а затем на высоких и ответственных должностях первого заместителя министра тяжелого и транспортного машиностроения СССР, первого заместителя председателя Госплана СССР, председателя Правительства СССР.

Иницируя на площадке Совета Федерации проведение выставки «Опыт прошлого – на службе будущему» и курируя ее подготовку в Российском государственном архиве экономики, организовывая рабочие встречи с директором архива Е.А. Тюриной и другими архивистами и историками по данной теме, Н.И. Рыжков стремился привлечь внимание своих коллег-сенаторов и широкой российской общественности к уникальному историческому опыту создания и функционирования мощной индустриальной базы в России в советский период ее истории, фундамент которой в виде топливно-энергетического и оборонного комплекса обеспечивал современное развитие российской экономики и ее национальную безопасность. Этот опыт, по глубокому убеждению Н.И. Рыжкова, необходимо было не только знать, но и использовать при решении ключевых проблем народного хозяйства страны, особенно его базовых отраслей, о которых он знал не понаслышке, возглавляя Комиссию Совета Федерации по естественным монополиям.

Именно об этом на официальной церемонии открытия выставки в Совете Федерации 9 ноября 2011 г. говорил сам Н.И. Рыжков, указывали в своих выступлениях его коллеги-сенаторы, а также и дру-

гие официальные лица: заместитель Председателя Совета Федерации В.А. Штыров, заместитель руководителя Федерального архивного агентства О.В. Наумов, директор Российского государственного архива экономики (РГАЭ) Е.А. Тюрина.

Размещенная в стенах Совета Федерации экспозиция документов РГАЭ отразила ключевые этапы исторической панорамы экономики страны прошлого и нынешнего столетий. Многие из представленных в экспозиции документов находились ранее на секретном хранении, но благодаря усилиям архивистов и при поддержке Н.И. Рыжкова они стали доступны, и у сенаторов таким образом появилась уникальная возможность познакомиться с содержанием «государственных секретов».

Убедительным примером служения своему Отечеству является деятельность Н.И. Рыжкова по сохранению исторической памяти россиян о ратных подвигах предков, прежде всего в годы Великой Отечественной войны. Он всегда понимал важность патриотического воспитания молодежи и значение государственной политики в этом направлении, неоднократно подчеркивая, что если в России не будет создано мощной пропагандистской машины для работы с молодежью в патриотическом ключе, в частности – не будет поддерживаться память о Великой Отечественной войне, то возникнет угроза потери страны. Чтобы не допустить этого, по его мнению, следовало не только снимать военные фильмы и выпускать книги на данную тему, но и уделять особое внимание мемориализации наиболее памятных мест боевой славы россиян в годы Великой Отечественной войны. Как это делать, Н.И. Рыжков показал своим примером. Будучи многие годы сенатором от Белгородской области, он сделал все возможное, чтобы увековечить великий подвиг советских танкистов на Прохоровском поле, где, по его словам, «хребет фашистского зверя основательно треснул» после того, как его «перемололи под Прохоровкой». Благодаря усилиям Н.И. Рыжкова под Прохоровкой создан мемориальный комплекс «Третье ратное поле России» (после Куликовского и Бородино), открыты музеи боевой славы и бронетанковой техники, а также библиотека Н.И. Рыжкова, в которую сенатор передал книги из своей личной библиотеки и открытие которой в мае 1995 г. благословил Патриарх Московский и всея Руси Алексей II.

Создавая музей на месте самого крупного в истории Второй мировой войны танкового сражения, одновременно Н.И. Рыжков заду-

мывает написание обобщающего научного труда, посвященного «оружию Победы» и вкладу экономики СССР в Великую Победу. Обращаясь к данной теме и не будучи профессиональным историком, он тем не менее верно указал влияние танкового сражения под Прохоровкой на переоснащение Красной армии. Оно научило советское командование многому: были установлены системы связи на танки, улучшалась танковая оптика. Верховный главнокомандующий И.В. Сталин лично приказал прекратить приемку Т-34 с пушками 76 мм, а делать их 85-миллиметровыми.

Результатом творческих усилий Н.И. Рыжкова стал выход в 2011 и 2012 гг. в издательстве «Экономическая газета» двух монографий: «Великая Отечественная. Битва экономик и оружие» и «Великая Отечественная. Ленд-Лиз» [Рыжков, 2011; Рыжков, 2012]. Их содержание свидетельствует о большой и плодотворной исследовательской работе, проделанной автором за сравнительно небольшой по традиционным меркам профессиональных историков срок. Причем самое главное, что эти книги можно с полным основанием назвать научными изданиями по взятым для исследования темам. В них представлен и всесторонне проанализирован значительный статистический материал, многочисленные опубликованные источники и труды историков, архивные документы. Таким образом, Н.И. Рыжков проявил себя как настоящий историк, что вполне закономерно, поскольку сказался его огромный опыт государственной деятельности, высокий интеллектуальный уровень, а также глубокое знание экономики страны, в создании и управлении которой он принимал непосредственное участие.

Но более значимыми являются выводы автора монографий по важнейшим аспектам рассматриваемых проблем. Так, например, в первой из монографий Н.И. Рыжкова, посвященной изучению экономических факторов победы СССР в войне с фашистской Германией, проведя сравнительный анализ военно-промышленного потенциала воюющих держав, их хозяйственных моделей и методов управления экономик в военные годы, аргументированно доказано, что Советский Союз, имея меньшие по объему, в сравнении с противником, промышленные мощности из-за потери значительной части территории в начале войны, тем не менее в период Великой Отечественной войны произвел оружия и боевой техники вдвое больше и лучшего качества, чем вся экономика подвластной Гитлеру Западной и Вос-

точной Европы. При этом Н.И. Рыжков убедительно объясняет этот феномен управленческими успехами советского правительства в деле организации работы на оборону промышленных предприятий СССР, с одной стороны, и массовым трудовым героизмом советского народа, с другой. Он специально заостряет внимание на значении сложившегося в стране в годы первых пятилеток механизма планового управления государственной экономикой. Именно этот механизм позволил в наиболее сжатые сроки с наибольшей эффективностью решать первоочередные задачи обороны страны и работы всего ее народно-хозяйственного комплекса в условиях военного времени. Он же обеспечил создание в СССР первоклассного «оружия Победы»: возможность изобретения и массового производства в кратчайшие сроки новых образцов военной техники.

Приводя данные факты, Н.А. Рыжков выступил против огульного охаивания и оголтелой критики советской модели экономики и ее базисного элемента – государственного планового регулирования. В годы Великой Отечественной войны эта экономика, основанная на государственной собственности на основные средства производства и их подконтрольное государству использование и управление, продемонстрировала свои достоинства и преимущества над экономикой врага, обеспечив материально-техническую основу победы над врагом. В данном контексте исторический опыт функционирования экономики России в военное лихолетье Великой Отечественной, всесторонне и убедительно описанный Н.А. Рыжковым в его исторических исследованиях, может быть полезен и в настоящее время для решения стратегических задач развития экономики страны. Этот посыл проходит красной нитью не только в первой, но и во второй книге Н.И. Рыжкова, посвященной американскому «ленд-лизу» в СССР в годы Великой Отечественной войны.

Так же как и другие современные ведущие специалисты России по данной теме, Н.И. Рыжков не отрицает важную роль военных поставок продукции союзниками (США и Англией) в рассматриваемый период. Особенно важными из них были поставки стратегического сырья для производства вооружений (алюминия, олова, кобальта, меди), взрывчатых веществ (пороха, динамита и т.д.), а также некоторых видов вооружений (грузовиков «студебеккеров» и «джипов») и продовольствия (мясных консервов – тушенки). Тем не менее, как убедительно доказывает Н.И. Рыжков в монографии по «ленд-лизу»

и в первой книге, содержащей соответствующую главу (7 глава), в годы Великой Отечественной войны в производстве всех основных видов вооружений подавляющая их часть приходилась на собственные разработки и их производство. При этом отечественная военная продукция по подавляющему большинству образцов отличалась более высокими боевыми характеристиками, чем завезенная по ленд-лизу. Вклад союзников в общем объеме военного производства СССР в период войны Н.И. Рыжков обоснованно оценил в 10–11 %.

Обращаясь к теме ленд-лиза и критикуя авторов, преувеличавших его значение в победе СССР над фашистской Германией, Н.И. Рыжков обоснованно указывает на такую его неприглядную страницу, как всяческое затягивание или фактическое прекращение союзниками военных поставок на начальном этапе войны и в первые пять месяцев 1942 г., когда в первом случае гитлеровцы рвались к Москве, а во втором – к нефтяным месторождениям Северного Кавказа. И только когда Красная армия ценой огромных потерь стала побеждать, союзники активизировали военные поставки. Но и тогда до последнего они всячески тормозили открытие второго фронта, считая, что ленд-лиз «спасает множество американских жизней». Именно эту черту союзников СССР по антигитлеровской коалиции особо отметил Н.И. Рыжков, указывая тем самым, что Россия никогда не должна слепо полагаться на чью-то «добрую волю» в трудной ситуации, а рассчитывать прежде всего на свои силы, укрепляя свою оборону, залогом которой должна быть сильная и современная экономика, а также поддерживающее свою власть и государство население, создающее эту экономику и в равной мере пользующееся ее достижениями и богатствами.

Монографические труды Н.И. Рыжкова о советской экономике и ленд-лизе в годы Великой Отечественной войны – важный вклад в изучение экономической истории России. Они всегда найдут своего читателя и будут востребованы специалистами.

Литература

Рыжков Н.И. Великая Отечественная: битва экономик и оружие победы. М.: Экономическая газета, 2011. 448 с.

Рыжков Н.И. Великая Отечественная. Ленд-Лиз. М.: Экономическая газета, 2012. 480 с.

Н.Н. Мельников

**ЭКОНОМИЧЕСКИЕ ИСТОЧНИКИ И ПОСЛЕДСТВИЯ РОСТА
ПРОИЗВОДСТВА ВООРУЖЕНИЙ НА ВОСТОКЕ СССР
В ВОЕННЫЕ ГОДЫ**

N.N. Melnikov

**ECONOMIC RESOURCES AND CONSEQUENCES
OF THE GROWTH OF ARMS PRODUCTION IN THE EAST
OF THE USSR DURING THE WAR**

Аннотация. В течение первых полутора лет Великой Отечественной войны советская экономика потеряла около половины своего промышленного потенциала. Однако за этот же период промышленность СССР оказалась способна резко увеличить объем производимой военной техники и боеприпасов, несмотря на сокращение отечественной производственной базы. Основным фактором такого роста выпуска вооружений стал процесс перераспределения основных производственных ресурсов в пользу военпрома. Этот подход позволил насытить фронт необходимым объемом материального обеспечения, но поставил гражданский сектор экономики в ситуацию тяжелого ресурсного дефицита.

Ключевые слова: война, экономика, военное производство, Урало-Кузбасс, металлургия, угледобыча, энергетика.

Народное хозяйство Советского Союза столкнулось с серьезными испытаниями в первые полтора года военного периода. На оккупированных территориях, которые были наиболее развитыми в экономическом отношении районами страны, производилась треть всей валовой продукции страны. Наиболее ощутимым оказался удар по тяжелой промышленности. До войны захваченные регионы давали 71 % общесоюзной выплавки чугуна, 58 % выплавки стали и 57 % проката черных металлов. Противник полностью контролировал Донецкий угольный бассейн – основную топливную базу СССР. В 1940 г. в Донбассе было получено 60 % всего добытого в СССР угля [Чадаев, 1985. С. 82–83].

Выбытие большей части таких важнейших ресурсов, как черный металл и каменный уголь, создавало серьезную экономическую проблему для советского руководства. Потребности войны неизбежно вели к необходимости резкого роста производства всех видов вооружений, среди которых важнейшее место стало занимать производство боеприпасов. Именно на выпуск этой продукции все годы войны тратились основные ресурсы металлургии (до трети всего стального проката [Симонов, 1996. С. 168]).

Такой мощный удар по народному хозяйству СССР заставил руководство страны пересмотреть приоритеты в экономической политике и изменить направления развития промышленного производства в тыловых районах. Был принят ряд важнейших решений, которые позволили перераспределить основные производственные ресурсы в пользу выпуска вооружений: «Мобилизационный народнохозяйственный план на III квартал 1941 года» и «Военно-хозяйственный план» на IV квартал 1941 г. и на 1942 г. [Чадаев, 1985. С. 81–82].

Ставка была сделана на угольно-металлургическую базу Урало-Кузбасского региона. И довольно быстро принятые решения стали приносить экономические результаты. Уже в 1942 г. Советский Союз на 1 млн т выплавленной стали выпускал самолетов в 4,4 раза больше и танков в 6,8 раза больше, чем Германия. По сравнению с первой половиной 1942 г., во второй половине года советская промышленность увеличила производство pistols-пулеметов на 81,3 %, орудий – на 36,9 %, боевых самолетов – на 62,2 %, снарядов и мин – на 84,8 % и т.д. [Подсчитано по: История второй мировой войны, 1976. С. 342–343].

Подробнее динамику роста вооружений в СССР хорошо видно на примере развития танковой промышленности (рис. 1). Советское танкостроение уверенно наращивало выпуск всех типов танков вплоть до осени 1941 г., когда под временную оккупацию попала Восточная Украина, был блокирован ленинградский промышленный район и вывезены в эвакуацию московские заводы. Таким образом, в течение первой военной осени перестали действовать все основные советские танкостроительные центры, формирование которых продолжалось с начала 1930-х гг.

Однако уже с ноября 1941 г. восточные танковые заводы, запустившие свое производство с началом Великой Отечественной войны, продемонстрировали уверенный рост изготовления основной

продукции. Нарастивание продолжалось вплоть до конца 1942 г. Колебания динамики производства и общее снижение выпуска легких и тяжелых машин с середины 1942 г. объясняются тем, что советская танковая промышленность с этого момента начала перестраивать свою работу в пользу средних танков и самоходных артиллерийских установок (САУ) на их базе¹ за счет перевода части производственных мощностей на изготовление Т-34.

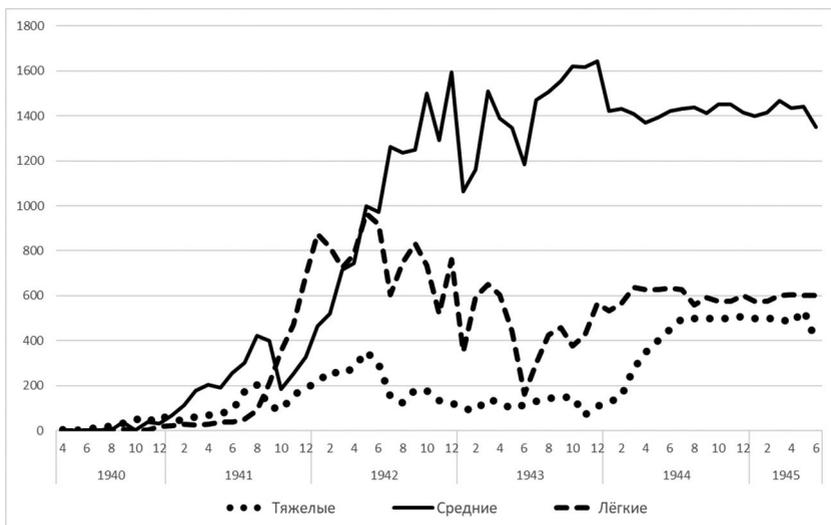

Рис. 1. Динамика производства советских танков и самоходных установок в 1940–1945 (штук в месяц)
Источник: [Мельников, 2024. С. 105]

В течение 1943 г. происходили процессы, связанные со стабилизацией технологических цепочек и наращиванием снабжения военпрома всеми основными производственными ресурсами, что уже к концу года привело к ситуации, когда выпуск вооружений в целом был отлажен и стал соответствовать установленным планам.

Непосредственно в танковой промышленности этот процесс занял период с осени 1942 г. по лето 1943 г., когда среднемесячное производство средних машин перестало расти и оставалось в течение года примерно на одном уровне – около 1300 танков и САУ (подсчита-

¹ Серийный выпуск самоходных артиллерийских установок начался в конце 1942 г.

но по данным рис. 1). Во второй половине лета уверенный рост ежемесячного выпуска возобновился и продолжился до конца года. С января 1944 г. Кировский завод прекратил изготовление средних танков, которые выпускал параллельно с тяжелыми машинами с лета 1942 г., и полностью сосредоточился на производстве новых тяжелых танков серии ИС и САУ на их основе. Именно этим фактом объясняется резкое сокращение выпуска Т-34 в начале 1944 г. (см. рис. 1).

Рост производства вооружения не мог не сопровождаться увеличением поставок соответствующих объемов различных промышленных ресурсов: металлов, угля, электроэнергии и пр. Урало-Кузбасская база не могла полностью восполнить восточно-украинский потенциал, что неизбежно привело к резкому сокращению объема всех основных производственных ресурсов.

На примере рис. 2 хорошо видно, что в 1942 г. объем продукции черной металлургии сократился в 2,3–3,1 раза. Развитие Урало-Кузбасской металлургической базы позволило в значительной степени нивелировать эту ситуацию. Уже со следующего года начался устойчивый рост, который привел к сокращению отставания от довоенных показателей. В 1945 г. объем производства составил 59–67 % от последнего довоенного года.

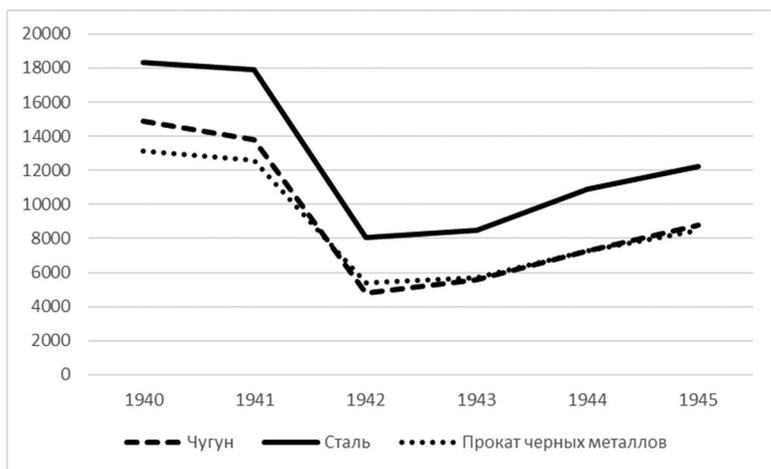

Рис. 2. Производство чугуна, стали и проката черных металлов в СССР (тыс. т)
Источник: Народное хозяйство СССР в Великой Отечественной войне (1941–1945): Статистический сборник. М.: Информационно-издательский центр, 1990. С. 44 (Подсчеты автора)

Подобная ситуация наблюдалась и в других базовых отраслях советской промышленности – резкое сокращение (почти в 2 раза или более) производственных показателей в течение первых полутора лет войны и последующий рост, к концу военного периода приближающийся к результатам 1940 г. Так, угледобыча в 1942 г. упала до 45,5 % по сравнению с довоенным периодом, но в 1945 г. восстановилась до 90,0 % [Подсчитано по: Народное хозяйство СССР..., 1990. С. 53]. Аналогичным образом развивалась электроэнергетика: падение до 60,2 % в 1942 г. и рост до 89,5 % в 1945 г. [Подсчитано по: Народное хозяйство СССР..., 1990. С. 60].

Совершенно по-иному ситуация развивалась в гражданском секторе промышленности (т.е. в тех отраслях, которые не были напрямую связаны с производством вооружений). Такие предприятия столкнулись с многократным падением объемов выпуска своей продукции к 1942–1943 гг., которое так и не было отыграно к 1945 г. К примеру, производство цемента в 1945 г. составляло лишь 32,5 % от уровня 1940 г., а чулочно-носочных изделий – 18,8 % [Подсчитано по: Народное хозяйство СССР..., 1990. С. 74, 77]. Следовательно, в течение военного времени развивалась прежде всего та часть промышленного производства, которая работала на обеспечение военных нужд. Однако картина будет неполной, если мы не упомянем, что в течение войны (особенно ее первой половины) даже в металлургии и угледобыче осуществлялись серьезные структурные изменения.

Данные рис. 3 показывают, что, несмотря на некоторое общее падение производства в черной металлургии в тыловых районах в 1942 г. по сравнению с предыдущим периодом, доля выплавки качественного металла (т.е. того металла, из которого изготавливались боеприпасы и военная техника) резко возросла и стала доминировать в выпуске продукции. Точно такой же ситуация оказалась в Кузбассе – основном угледобывающем регионе СССР на тот момент. Здесь в 1942 г. на фоне общего падения показателей добычи топлива объем добытого коксующегося угля вырос на 2,2 % и впоследствии продолжил расти [Коновалов, 2015. С. 33].

Сопоставление рис. 1, 2 и 3 наглядно демонстрирует, что уже в первый период военного времени основные усилия советской промышленности были сосредоточены на удовлетворении нужд фронта. Мы видим, что в течение второй половины 1941 и всего 1942 г.

наблюдался постоянный рост выпуска советской бронетехники (как, впрочем, и других вооружений), что было обеспечено перераспределением основных производственных ресурсов в пользу военной составляющей. В течение 1943 г. выпуск танков и самоходных установок стабилизировался и в 1944 г. выполнение плановых заданий заводами советского танкостроения стало нормой.

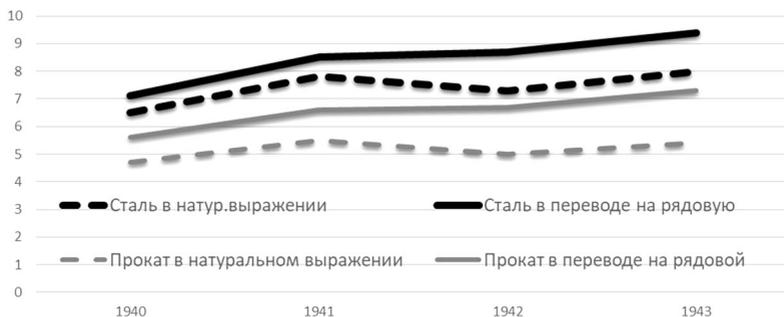

Рис. 3. Выпуск стали и проката в СССР в тыловых районах СССР в 1940–1943 гг.

Источник: РГАСПИ. Ф. 82. Оп. 2. Д. 524. Л. 169

В то же время гражданская промышленность не смогла продемонстрировать подобных успехов. В случае отраслей, которые рассмотрены в качестве примера, видно трехкратное сокращение выпуска продукции в цементной промышленности и пятикратное в производстве чулочно-носочных изделий в 1945 г. по сравнению с уровнем довоенного 1940 г. Такой подход позволил в кратчайший срок насытить фронт необходимыми материалами, но предопределил тяжелый дефицит продукции гражданского сектора экономики как для промышленных предприятий, так и для населения.

Литература

История второй мировой войны 1939–1945 гг.: в 12 т. М.: Воениздат, 1976. Т. 6. Коренной перелом в войне. 520 с.

Коновалов А.Б. Политика укрепления потенциала угольной промышленности Кузбасса в 1941–1945 годах (по документам федеральных архивов) // Шахтерские города Кузбасса в годы Великой Отечественной войны (1941–1945). Кемерово: Кузбассвуиздат, 2015. С. 12–33.

Мельников Н.Н. Урало-Кузбасская угольно-металлургическая база в условиях Великой Отечественной войны // Уральский исторический вестник. 2024. № 2 (83). С. 102–112.

Народное хозяйство СССР в Великой Отечественной войне 1941–1945 гг. (Статистический сборник). М: Информационно-издательский центр, 1990. 236 с.

Симонов Н.С. Военно-промышленный комплекс СССР в 1920–1950-е годы: темпы экономического роста, структура, организация производства и управление. М.: РОССПЭН, 1996. 336 с.

Чадаев Я.Е. Экономика СССР в годы Великой Отечественной войны (1941–1945 гг.). М.: Мысль, 1985. 494 с.

В.В. Запарий, Вас.В. Запарий

**ОЦИФРОВАННЫЕ ФОНДЫ ГОСУДАРСТВЕННОГО
КОМИТЕТА ОБОРОНЫ КАК ИСТОЧНИК ИНФОРМАЦИИ
ДЛЯ ПОНИМАНИЯ ПРОЦЕССОВ ФОРМИРОВАНИЯ
МЕХАНИЗМА ПОСТУПЛЕНИЙ НОВОЙ ТЕХНИКИ
В ЭКОНОМИКУ СССР В 1944–1945 ГГ.¹**

V.V. Zapariy, Vas. V. Zapariy

**DIGITIZED FUNDS OF THE STATE DEFENSE COMMITTEE
AS A SOURCE OF INFORMATION FOR UNDERSTANDING
THE FORMATION PROCESSES OF THE MECHANISM OF
NEW EQUIPMENT INTO THE USSR ECONOMY IN 1944–1945**

Аннотация. В статье рассмотрены процессы формирования принципов ремонтных изъятий в последний период Великой Отечественной войны и их влияние на поступление новой техники в советскую экономику. На основе документов рассекреченных архивов Государственного комитета обороны дается анализ этих процессов.

Ключевые слова: ГКО, архив, материалы, ремонты, экономика, новая техника.

Введение

В последние десятилетия в отечественной исторической науке существенно вырос интерес к экономической истории. Это направление истории имеет довольно большой разброс тем исследования. Однако чрезвычайно существенным, на наш взгляд, является вопрос выработки ряда основополагающих политико-экономических решений, оказывающих кардинальное влияние на развитие целых стран и отраслей производства.

¹ Работа выполнена при поддержке гранта РФФИ № 24-28-00837.

This work was supported by the Russian Science Foundation grant No. 24-28-00837.

Именно к такому вопросу относится проблема формирования механизма получения с освобожденных Красной армией территорий Третьего рейха оборудования и материальных ценностей в качестве репараций. Именно такую задачу стало возможно решить после того, как некоторое время назад были рассекречены документы Государственного комитета обороны, а относительно недавно они стали доступны широкому кругу исследователей, так как были оцифрованы и выложены в Интернет².

Обсуждение проблемы

В документах ГКО наиболее интересным является период с конца 1944 и первой половины 1945 гг. Именно тогда формировались основные принципы, которые потом были сформулированы в принятых документах по реализации репараций в пользу СССР с целью хотя бы частичной компенсации тех огромных потерь оборудования и механизмов в промышленности страны. Мы уже касались этих вопросов в ряде своих публикаций [Запарий, 2022. С. 64–67].

Следует отметить, что хотя вопрос между союзниками антигитлеровской коалиции был принципиально решен в 1943 г. в Тегеране, только после окончания войны он мог быть согласован окончательно. Интересно отметить, что в ходе войны советская сторона, как самая заинтересованная в этом, начала реализовывать эти меры по своему усмотрению. С одной стороны, это позволяло облегчить проблему восстановления народного хозяйства, с другой стороны, это позволило выработать реально действующие алгоритмы функционирования и создать собственно систему осуществления репарационных выплат.

Следует сказать, что вывозилось не все подряд доступное для этого оборудование, механизмы и материалы, а только современные или те, что в принципе отсутствовали в Советском Союзе [Запарий, 2023. С. 344–359].

Далее в ряде случаев обращалось внимание на то, насколько это может повлиять на падение занятости местного населения на данном предприятии в случае его вывоза в СССР. Об этом свидетель-

² Документы советской эпохи. Документальные комплексы. Великая Отечественная война. URL: <http://sovdoc.rusarchives.ru/docs/>

ствуют материалы переписки со структурами Наркомцветмета³ и Г.К. Жукова в одном из документов⁴.

Следует сказать, что именно тогда сложился механизм данного процесса. Все материальные ценности, которые находились в составе каждого фронта, должны были быть учтены специальным органом – Трофейным управлением и Главным ТУ. Дальше действовала следующая система. Или ГТУ рекомендовало для вывоза то или иное предприятие либо часть его оборудования, или те или иные структуры наркоматов выходили на руководство с предложением о вывозе тех или иных материальных ценностей.

Далее с обоснованием выходили на кого-то из членов ГКО, часто Г.М. Маленкова, или писали на имя И.В. Сталина о проблемах с предложениями их решения. Иногда инициаторами выступали партийные органы, как это было с первым секретарем ЦК Компартии Украины, которым был тогда Н.С. Хрущев, или ЦК Компартии Эстонии, предложивший вывезти из Германии даже музыкальные инструменты.

Интересно было обращение академика Курчатова, который предложил вывезти для спецлаборатории № 2 все оборудование института фон Ардене и библиотеки Берлинского университета задолго до освобождения столицы гитлеровской Германии. Ему было указано на необходимость подготовки специального запроса на ГКО с сопроводительными бумагами и дать время Красной армии освободить Берлин, что и было сделано в мае 1945 г., после чего его пожелания и были выполнены⁵. Второй такой интересный случай – это получение комендантом Кремля двух автоматических станций из Восточной Пруссии или Польши⁶.

В ходе изъятий оборудования и техники (а нам кажется, что называть их следует именно так, потому что еще не было оконча-

³ Народный Комиссариат цветной металлургии (Наркомцветмет) – орган советского государственного управления, осуществляющий руководство добычей, переработкой и обогащением руд цветных металлов, а также выплавкой цветных металлов, их сплавов и соединений. Существовал с 1939 по 1946 г. – данные из открытых источников.

⁴ Российский государственный архив социально-политической истории (РГАСПИ). Ф. 644. Оп. 4. Д. 13. Л. 25.

⁵ РГАСПИ. Ф. 644. Оп. 4. Д. 13. Л. 6.

⁶ РГАСПИ. Ф. 644. Оп. 4. Д. 15. Л. 15.

тельных документов и решений, утвержденных директивными органами союзников о репарациях, и не закончилась сама война, поэтому это не могло называться репарациями), руководящими органами ГКО был принят ряд документов, которые прописывали механизм принятия решений по тому или иному случаю специально, с указанием ответственного органа исполнительной и военной власти, назначением руководителя работ, выделением заинтересованной стороне необходимого числа инженерно-технических работников, обеспечением логистики и сохранности грузов⁷.

Затем был создан соответствующий координационный орган для осуществления решений по данному вопросу. Вывозу подлежали не только оборудование и механизмы, необходимые для восстановления народного хозяйства страны, особенно ее западные наиболее пострадавшие от войны регионы, и для предприятий восточных территорий страны, где за годы войны в результате сверхэксплуатации оборудования и механизмов многие предприятия имели чрезвычайно изношенную технику и оборудование.

Это касалось не только, хотя в первую очередь, предприятий тяжелой промышленности: металлургии, энергетики, машиностроения, стройматериалов, транспорта, но и таких вопросов, как вывоз телефонного оборудования и кабелей, научного оборудования, трамваев, а также научных фондов ряда библиотек и научного оборудования. Были и экзотические пожелания типа микрофонов и аккордеонов на территорию Эстонии⁸.

Сформировывалась и территория, с которой осуществлялись изъятия. Это освобожденные территории, входившие в фашистскую Германию, такие как территория бывшего государства Польши, восточные регионы Германии, венгерские и румынские территории.

При изучении документов из материалов архива видно, что уже в 1944 г. складывается четкий алгоритм инициирования и прохождения решения. Сначала это обращение к одному из руководителей ГКО, затем от него этот документ поступает в секретариат комитета,

⁷ РГАСПИ. Ф. 644. Оп. 4. Д. 13. Л. 60.

⁸ Там же. Л. 73.

который обеспечивает, как сейчас сказали бы, экспертизу и предлагает механизм решения с учетом интересантов и возможных исполнителей. После этого идет обсуждение передаваемого решения и только после этого принимается решение, которое утверждает лично Сталин.

Весь путь от поступления инициативы до принятия решения занимал от нескольких дней до месяца, т.е. был очень эффективным по затраченному на это времени.

Следует отметить, что полученные в ходе репараций оборудование, механизмы и материалы, наряду с поставками по ленд-лизу из США, особенно на завершающем этапе войны, как это мастерски было подано в книге Н.Н. Рыжкова [Рыжков, 2020], позволило восстановить экономику не на устаревшем, а на современном уровне, и в дальнейшем обеспечить не только разработку ядерного оружия и его производство, но и дало возможность получить паритет в этом вопросе с Западом.

Выводы

Научно-технические знания, полученные с репарацией, существенно продвинули нашу страну по пути научно-технического прогресса и обеспечили в дальнейшем, впрочем, наряду с другими условиями, реализацию научно-технической революции, которая дала свои плоды уже во второй половине 1950-х – начале 1960-х гг.

Следует сказать, что документы ГКО, как и совнаркома, ставшие доступными исследователям, дали возможность как бы заглянуть в «святая святых» высшего эшелона политико-экономического и военного руководства страны, лучше понять подоплеку тех или иных как глобальных, так и вполне тривиальных решений, принятых руководителями нашей страны в чрезвычайных условиях Великой Отечественной войны. Увидеть «кухню», где готовилась «похлебка войны».

Несомненно то, что архивы директивных органов такого порядка, как ГКО и Совнарком, ставшие доступными исследователю, существенно продвинуло дело изучения реальной истории нашей страны в тяжелейшие годы Великой Отечественной войны, что особенно актуально в современных условиях.

Литература

Запарий В.В., Запарий Вас.В., Мельников Н.Н. Ремонтные изъятия металлургического оборудования в странах Центральной и Восточной Европы на завершающем этапе Великой Отечественной войны (1944—1945) // Научный диалог. 2023. № 12 (10). С. 344–359.

Запарий В.В. Механизм принятия решений по ремонтам Государственным комитетом обороны в годы войны // История и современное мировоззрение. 2022. № 3. С. 64–67.

Рыжков Н.И. Великая Отечественная: ленд-лиз. М.: Экономическая газета, 2020. 480 с.

Раздел 5.
ИНДУСТРИАЛЬНОЕ РАЗВИТИЕ СССР
ВО ВТОРОЙ ПОЛОВИНЕ 1940-Х – 1980-Е ГГ.

УДК 94 (57) '1950 /1959'

DOI 10.25205/978-5-4437-1718-0-31

Н.В. Гонина

**НОРИЛЬСКИЙ КОМБИНАТ В ПЕРЕХОДНЫЙ ПЕРИОД
(1950-Е ГОДЫ)**

N.V. Gonina

NORILSK PLANT IN THE TRANSION PERIOD (1950S)

Аннотация. В 1950-е гг. начался новый этап развития отечественной экономики, связанный с переходом на вольнонаемный труд. Это стало ударом в первую очередь для сырьевых предприятий, так как техническое обеспечение было недостаточным, а план постоянно повышался. Однако Норильскому ГМК удалось выдержать это испытание, во многом благодаря стратегическому значению производства, а также ведомственной и социальной политике. С другой стороны, необходимая модернизация производства осуществлена не была.

Ключевые слова: Норильский ГМК, Таймыр, 1950-е, модернизация, ГУЛАГ.

Проблемы Норильского ГМК как в контексте освоения Севера, так и в контексте развития ВПК не теряют актуальности почти 90 лет. Однако об истории комбината написано относительно немного, особенно в сравнении с Норильском. Обычно этот материал рассматривают в контексте более крупных тем. Большой блок литературы о Норильском ГМК связан с темой ГУЛАГа. В коллективном труде «ГУЛАГ: Экономика принудительного труда» рассматриваются малоизученные вопросы экономики сталинских лагерей. В том числе глава 7, написанная Л.И. Бородкиным и С. Эртцем, посвящена труду заключенных Норильлага [Бородкин и др., 2008. С. 197–238]. В рабо-

те дается краткая история создания Норильского ГМК и оценка его экономического значения для страны. Авторы отметили динамику его подчиненности и приоритетного статуса, структуру лагеря, в том числе отдельно сказано о Горлаге, рассмотрели динамику и структуру рабочей силы в Норильлаге. Другой блок связан с промышленным освоением новых районов, молодыми городами и адаптацией человека на Севере. Примером могут быть труды А.И. Тимошенко [Тимошенко, 2007; Тимошенко, 2012].

Значимое место в историографии Норильска занимает книга «Живые капли истории. Судьба Иосифа Шамиса: Москва – Соловки – Норильск – Нью-Йорк. Письма, воспоминания, размышления» [Живые..., 2018]. Статьи и документы рассказывают о труде и быте Норильлага, строительстве города и комбината.

Журналист В. Толстов в 2000-е гг. написал и опубликовал хронологию и энциклопедию Норильска [Толстов, 2007]. Также он написал историю заводов, составляющих Норильский ГМК [Толстов, 1999; Толстов, 2020]. В книгах использованы материалы норильского музея, научно-технической библиотеки, воспоминания работников завода, фотоматериалы из личных архивов. История завода тесно связывается с историей освоения Крайнего Севера.

Краеведы Норильска иногда объединяются для общей работы. Такова книга В. Денисова, С. и Л. Стрючковых «История Норильска» [Денисов и др., 2013]. Излагается история Норильска от каменного века к медному и железному до начала 2000-х гг. Важный вклад в описание истории Норильского промышленного района вносят сотрудники Норильского индустриального института и в первую очередь архитекторы. Среди них много энтузиастов-краеведов. Регулярно проводятся институтские конференции, в материалах которых можно встретить много интересных данных по истории и специфике развития комбината [Блохин и др., 2003. С. 4–50].

Важную группу составляют работы, выполненные под эгидой общества норильчан в Москве, организованного одним из бывших директоров Норильского ГМК В.И. Долгих, которые привлекли финансирование, собрали московских, норильских и красноярских специалистов-историков. Издания выходили в период 1992–2022 гг. В первую очередь это четырехтомник «Феномен Норильска. История развития Норильского промышленного района» [Феномен..., 2007]. Это издание выполнено на хорошем научном уровне и под-

робно рассказывает историю освоения и развития территории. В книгах содержатся публикации важных исторических источников: воспоминаний, документов и фотографий, ряд из них цитируется большими отрывками. Очень много данных по историческим персоналиям. Дан информативный рассказ о природе Таймыра и норильских месторождениях полезных ископаемых.

Интересен сборник «Заполярный: жизнь и судьба. 70 лет», в который включены воспоминания трех поколений горных инженеров, работавших на руднике. Технические данные соединены с воспоминаниями о людях и стихами [Заполярный..., 2015].

Источниковая база статьи включает материалы трех архивов: РГАЭ, ГАКК и МКУ «Норильский городской архив», а также опубликованные документы и воспоминания¹. Важный вклад в обработку этих данных и публикацию документов внесен сотрудниками архивов².

Методологическую основу работы составляет теория модернизации.

Строительство комбината было окончено в 1953 г. В это время он производил 35 % никеля, 12 % меди, 30 % кобальта и 90 % платиноидов от общесоюзного объема. На комбинате осуществлялась модернизация оборудования, которая основывалась, в том числе, и на внедрении местных изобретений и разработок. Но, несмотря на это, работа оставалась экстенсивной. Отмечалась низкая степень извлечения металлов из руды, малая комплексность использования, аварийность, высокий уровень травматизма и, как следствие, низкая рентабельность³.

¹ НГМК в документах. М.: Современная экономика и право, 2006; Долгих В.И. Дорогой созидания. М., 2020; Борис Иванович из Норильска. М., 2004.

² Дворецкая А.П., Липатова К.Ю. Норильск и Норильский комбинат в документах Государственного архива Красноярского края: 1930–1992 годы. URL: <http://memorial.krsk.ru/Articles/2014/2014Dvoreckaya.htm> (дата обращения: 17.03.2023); Обзор документов по истории Норильского ГМК им. А.П. Завенягина. URL: norilsk-city.ru/enterprise/18203/municipal/32294/42829/index.shtml (дата обращения: 17.03.2023); Основные вехи таймырской летописи. URL: https://taimyr24.ru/about/Histori_T/dop_letop20-21v (дата обращения: 17.03.2023).

³ Дворецкая А.П., Липатова К.Ю. Норильск и Норильский комбинат в документах Государственного Архива Красноярского края: 1930–1992 годы. URL: <http://memorial.krsk.ru/Articles/2014/2014Dvoreckaya.htm> (дата обращения: 17.03.2023); Развитие производственных сил Восточной Сибири: сб. тр. конф. М., 1960. Т. 1. С. 24; НГМК в документах. М.: Современная экономика и право, 2006. С. 537–549.

Обеспечение крупномасштабного строительства и предприятия требовали перевозки огромного количества грузов. В 1950 г. у комбината было шесть самолетов, которые базировались в аэропорту «Надежда». Наиболее развитым транспортом был речной. Значительную часть грузов для Норильска, в первую очередь по Северному морскому пути, перевозил ГУСМП. Однако комбинат создал и свою флотилию, ему также принадлежала часть складов и погрузочных верфей Красноярского порта. В 1952 г. Дудинский порт и комбинат связала железная дорога с широким полотном, а в 1954 г. железная дорога от Норильска до Кайеркана была электрифицирована. Имелся у комбината и свой автомобильный парк, и для него также строились дороги⁴.

В годы войны НГМК создал свою продовольственную базу. Однако добиться продовольственной независимости от завоза не удалось. Причем привозили в Норильск не только продукты, но и фураж. Например, в навигацию 1951 г. по Северному морскому пути для комбината было перевезено 60 тыс. т грузов, из них 5 тыс. т сена, 12 тыс. т соли, 10 тыс. т хлебопродуктов; по Енисею – 160 тыс. т грузов, из них 16 тыс. т овощей⁵.

1953–1956 гг. стали важнейшим рубежом в истории комбината и города. После смерти И.В. Сталина и восстания заключенных лагерь был закрыт, а на работу взяты вольнонаемные. Этот переход был сложным по многим параметрам. По состоянию на 1 марта 1953 г. на комбинате было около 84 000 рабочих, в том числе в основном производстве 59 700 чел. и в строительстве 24 300 чел. 1 мая 1954 г. осталось 66 033 рабочих, из них примерно 50 % – заключенные. Кроме того, для выполнения программы работы предприятия и строитель-

⁴ Дворецкая А.П., Липатова К.Ю. Норильск и Норильский комбинат в документах Государственного Архива Красноярского края: 1930–1992 годы. URL: <http://memorial.krsk.ru/Articles/2014/2014Dvoreckaya.htm> (дата обращения 17.03.2023); Основные вехи таймырской летописи. URL: https://taimyr24.ru/about/Histori_T/dop_letop20-21v.php (дата обращения: 17.03.2023); Обзор документов по истории Норильского ГМК им. А.П. Завенягина. URL: norilsk-city.ru/enterprise/18203/municipal/32294/42829/index.shtml (дата обращения: 17.03.2023); НГМК в документах. М.: Современная экономика и право, 2006. С. 130–132, 518.

⁵ Норильские фермы. URL: norilsk-city.ru/enterprise/18203/municipal/34994/80783/index.shtml (дата обращения: 17.03.2024); Лагерь для заключенных: Норильлаг. URL: my.krskstate.ru/docs/greatwar/lagerya-dlya-zaklyuchyennykh-norillag (дата обращения: 17.03.2024); НГМК в документах. М.: Современная экономика и право, 2006. С. 205.

ства требовалось дополнительно 9000 чел. Ситуация была настолько тяжелой, что возникла идея завоза 6000 рабочих из Китая⁶.

Министерство цветной металлургии СССР предложило комбинату заключить с лицами, освобожденными по окончании срока и по снятию ограничений, индивидуальные трудовые договоры на добровольных началах. Кроме того, при заключении договора на работу на срок не менее двух лет выплачивалось пособие в 1000 р., предоставлялась ссуда на хозяйственное обзаведение в размере до 2000 руб. с погашением в течение 1,5 лет, оплачивался переезд членов семей и стоимость провоза багажа. На период замены заключенных на вольнонаемных была разрешена совместная работа⁷.

В решениях Совета Министров СССР было четко прописано, что в целях развития никелевого производства и закрепления постоянных кадров требуется улучшить строительство города и ряда промышленных объектов, чтобы в ближайшие годы полностью перевести Норильский горно-металлургический комбинат на вольнонаемный состав⁸. Было принято постановление на 1955–1957 гг. обеспечить Норильский ГМК рабочей силой по оргнабору в количестве 34 тыс. чел. Таким количеством жилья комбинат не располагал, поэтому новоприбывших расселяли в бараках и временках⁹. Вот как это описывает В.И. Долгих в своих воспоминаниях: «Жилые микрорайоны представляли собой скопления маленьких домишек и сараюшек, которые назывались “балками”. Их во время пурги заносило под самую крышу, и людям приходилось после пурги откапывать дома друг друга»¹⁰.

Совет Министров СССР обязал Министерство цветной металлургии построить и сдать в эксплуатацию жилой площади в г. Норильске в течение 1955–1957 гг. в количестве 400 тыс. кв. м. Организовать обучение неквалифицированных рабочих, создав для этой цели необходимое количество курсов и школ технического обучения без отрыва от производства. Предоставить необходимое количество мяг-

⁶ Российский государственный архив экономики (РГАЭ). Ф. 9022. Оп. 1. Д. 3336. Л. 94, 114.

⁷ РГАЭ. Ф. 9022. Оп. 1. Д. 3336. Л. 31–33, 53, 67, 76.

⁸ Там же. Л. 91.

⁹ Там же. Л. 76–79, 88–90; Государственный архив Красноярского края (ГАКК). Ф. П-5117. Оп. 1. Д. 86. Л. 35.

¹⁰ Долгих В.И. Дорогой созидания. М., 2020. С. 101.

кого и жесткого инвентаря, оборудовать общежития и создать надлежащие культурно-бытовые условия вновь прибывающим рабочим. Финансирование должно было производиться сверх генеральных смет на строительство Норильского комбината в пределах годовых ассигнований, выделяемых Министерству цветной металлургии СССР, по утвержденным Министерством цветной металлургии СССР проектам и сметам¹¹.

11 ноября 1957 г. вышло постановление СМ РСФСР «Об улучшении жилищных и культурно-бытовых условий трудящихся Норильского горно-металлургического комбината». В свете его решений в 1959 г. на развитие социально-бытовой сферы Норильска были выделены фонды из государственных ресурсов. В дальнейшем практика наполнения городского бюджета – частично за счет государства, частично за счет комбината – стала постоянной. По итогам 1959–1961 гг. в Норильске было сдано 182 тыс. кв. м жилья, на одного норильчанина приходилось 5 кв. м жилой площади¹².

Большие непроизводственные расходы при сохранении экстенсивной организации производства негативно сказались на окупаемости предприятия. Запасы месторождения «Норильск-1» быстро истощались. Кроме того, на рудниках наблюдалась высокая аварийность, низкая квалификация и большая текучесть кадров [НГМК в документах. С. 228, 272–291]. Во второй половине 1950-х гг. Норильский комбинат значительно уступал по объему и качеству металла развивающемуся параллельно с ним «Североникелю» на Кольском полуострове. В 1957 г. сверхплановые убытки предприятия составили 13,7 млн руб. В министерстве даже возникла идея закрытия комбината. Тем не менее в 1958 г. предприятие стало рентабельным и дало 96 млн руб. прибыли от реализации товарной продукции¹³. Ситуацию спасло продолжение геологических исследований, которые привели к открытию новых богатых месторождений (Талнах и Октябрьское).

Значимость Норильского комбината для страны подчеркивалась тем, что он постоянно находился в фокусе внимания правительства и отраслевого министерства. К его руководству привлека-

¹¹ РГАЭ. Ф. 9022. Оп. 1. Д. 3336. Л. 76–79.

¹² ГАКК. Ф. П-5117. Д. 107. Л. 34, 117; Д. 128. Л. 49, 51–52.

¹³ Там же. С. 288–289.

ли талантливых и хорошо зарекомендовавших себя управленцев. «Проверка Норильском» играла важную роль в дальнейшей карьере чиновника¹⁴. Это ярко проявилось в период преобразований Н.С. Хрущева. В 1957 г. председателем Красноярского совнархоза стал бывший министр цветной металлургии СССР П.Ф. Ломако, который в первую очередь совершил визит в Норильск вместе с ученым-металлургом И.П. Бардиным, где провел совещание для определения перспектив развития Норильского комбината. Заместителями П.Ф. Ломако на новом посту стали В.С. Зверев и В.Н. Ксинтарис, которые также работали на комбинате [Курячий, 2011; Павлюкевич 2017. С. 147–150].

Нельзя не упомянуть экологические проблемы НГМК. Строительство комбината проходило в условиях предвоенного и военного времени и об охране природы не думали. Позднее установить очистные сооружения и следовать технологиям природосбережения мешала погоня за планом и прибылью. Итогом стало крупномасштабное загрязнение окружающей среды и истощение природных ресурсов. При транспортировке грузов по суше разрушался растительный покров, что приводило к обнажению и таянию мерзлоты, а затем к образованию оврагов. Выбросы в воздух и в воду отравляющих веществ нанесли огромный ущерб природе. Например, от выбросов Норильского ГМК в период 1950–1960 гг. погибло 5 тыс. га приундровых лесов [Гонина, 2009].

Таким образом, в рассматриваемый период Норильский ГМК переживает два серьезных кризиса – кадровый и сырьевой, которые отягощались низкой рентабельностью и социальными расходами предприятия. При этом комбинат продолжил работу, основываясь на стратегическом значении сырья, а также административной и ведомственной поддержке. Несмотря на всю уникальность работы крупного предприятия в условиях Заполярья и оригинальность решения производственных и строительных задач, можно констатировать его типичность для периода ранней модернизации. Это, в свою очередь, позволяет выявить специфику запаздывания развития экономики региона относительно общих процессов модернизации в стране.

¹⁴ Борис Иванович из Норильска. М., 2004. С. 19–20.

Литература

Блохин П.Г., Бровкова Е.В., Лолаев А.Б., Сетков В.Ю., Хлопук Л.Ю., Шкляров Н.Д. История строительства Норильского комбината и города Норильска // Строительство и эксплуатация зданий и сооружений на Крайнем Севере. 2003. С. 4–50.

Бородкин Л.И., Эрцц С. Никель в Заполярье: труд заключенных Норильлага // ГУЛАГ: Экономика принудительного труда. М.: Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН); Фонд Первого президента России Б.Н. Ельцина, 2008. С. 197–238.

Денисов В., Стрючков С., Стрючкова Л. История Норильска: сборник краеведческих очерков. Норильск: Апекс, 2013. 432 с.

Гонина Н.В. Исторический опыт природопользования в Ангаро-Енисейском регионе. 1945–1970 гг. Красноярск: Красноярский государственный аграрный университет, 2009. 175 с.

Живые капли истории. Судьба Иосифа Шамиса: Москва – Соловки – Норильск – Нью-Йорк. Письма, воспоминания, размышления. М.: Вече, 2018. 576 с.

«Заполярный»: жизнь и судьба. 70 лет. М.: Изд. Дом МИСиС, 2015. 330 с.

Курячий А.Н. Министр Ломако. Созидатель в мире металлов. М.: Национальное обозрение, 2011. 523 с.

Норильский горно-металлургический комбинат в документах (1935–1990): документы и материалы / сост. А.А. Клишас (отв. сост.), А.П. Вихрян, Т.В. Царевская-Дякина. М.: Современная экономика и право, 2006. 598 с.

Павлюкевич Р.В. Северные районы Красноярского края в ходе проведения реформы управления промышленностью и строительством 1957 г. // Технологии развития социальных, экономических и логистических процессов Арктической зоны России: история и современность. 2017. С. 147–150.

Тимошенко А.И. Адаптация населения в новых городах Сибири в 1950–1980-е гг. // Формирование и адаптация населения в районах индустриального освоения Сибири. Вып. 2. Новосибирск: Параллель, 2007. С. 124–127.

Тимошенко А.И. Индустриальное строительство в Сибири во второй половине XX столетия как вариант фронтальной модернизации // Модернизация в условиях освоения восточных регионов России в XVIII–XX вв. Екатеринбург, 2012. С. 104–111.

Толстов В. Дни и ночи медного. Норильск, 1999. 432 с.

Толстов В. Летопись Норильска: популярная энциклопедия. Норильск: Апекс, 2007. 448 с.

Толстов В. Никелевый. Тверь: Юнга, 2020. 240 с.

Феномен Норильска. История развития Норильского промышленного района: Научно-популярное издание. М.: Студия «Полярная звезда», 2007. Кн. 1–4.

А.С. Соколов

**ИНДУСТРИАЛЬНОЕ РАЗВИТИЕ
РЯЗАНСКОЙ ОБЛАСТИ В 1946–1959 ГГ.**

A.S. Sokolov

**INDUSTRIAL DEVELOPMENT
OF THE RYAZAN REGION IN 1946–1959**

Аннотация. Рассматривается процесс индустриального развития Рязанской области в послевоенное время. Значительное внимание уделяется проблеме технического перевооружения предприятий в контексте развития оборонно-промышленного комплекса страны. Анализируются условия строительства оборонных заводов. Делается вывод о том, что руководство Рязанской области, несмотря на тяжелое послевоенное время, выполняло оборонные заказы, что обеспечивало национальную безопасность государства.

Ключевые слова: Рязанская область, индустриализация, экономика, промышленность, военно-промышленный комплекс, оборонные предприятия.

Послевоенное развитие СССР характеризовалось новым этапом развития индустрии. Начавшаяся «холодная война» диктовала необходимость военно-промышленной мобилизации промышленности. Стержнем послевоенной милитаризации стало развитие новых вооружений (ядерного, ракетного, радиоэлектроники) [Быстрова, 2015. С. 8]. В июне 1946 г. Постановлением Совета Министров СССР был создан Комитет по радиолокации, в состав которого вошли Г.М. Маленков, М.З. Сабуров, А.И. Шокин, П.И. Кирпичников, А.И. Берг [Артемов, 2006. С. 94]. Если в первую послевоенную пятилетку темпы роста военно-промышленной продукции упали относительно довоенного уровня, то в конце второй послевоенной пятилетки, в 1953–1958 гг., весьма высокий довоенный показатель степени милитаризации советской промышленности планировалось превзойти [Симонов, 1996. С. 210]. Новый, не виданный ранее экономи-

ческий бум начался в начале 1950-х гг., в результате чего военно-промышленный комплекс (ВПК) оформился как властная система. В 1952 г. прямые военные расходы СССР составили почти четверть всего годового бюджета страны. В этой связи ВПК был поставлен в исключительное положение. Отрасли ВПК постоянно модифицировались в зависимости от новых политических и научных задач. Именно в этот период в Рязанской области происходит активное индустриальное развитие.

В довоенный период индустриализация Рязанскую область практически не затронула. Регион являлся поставщиком сельскохозяйственной продукции и человеческих ресурсов для столицы. В области не было крупных производственных предприятий. Низкий уровень экономического развития Рязани повлек за собой значительное отставание от большинства областей страны. Уровень сокращения производства промышленной продукции в Рязанской области за военный период в 6–8 раз ниже, чем в соседних более промышленно развитых Московской, Тульской, Воронежской и других областях [Муравьева, Агарев, 2017. С. 91].

Начало индустриализации и благоустройству Рязани положил январь 1949 г., когда на городской партийной конференции было решено превратить ее в индустриальный центр. В марте этого же года состоялся пленум горкома партии, посвященный вопросам дальнейшего развития хозяйства и благоустройства Рязани [История, 2007. С. 280]. Во многом активное развитие промышленности в области было связано с деятельностью первого секретаря Рязанского обкома партии А.Н. Ларионова – целеустремленного ответственного руководителя с большим опытом работы в аппарате ЦК КПСС. Благодаря близости к Москве Рязанская область, по словам Ларионова, была «золотым дном в Подмосковье... богатой кладовой по снабжению трудящихся промышленных центров страны, особенно Москвы» [Хлевнюк, Горлицкий, 2024. С. 256]. В мае 1949 г. руководство Рязанской области обратилось к председателю Госплана СССР М.З. Сабурову с просьбой начать строительство в области новых промышленных предприятий. С 1949 по 1959 г. было принято более 50 постановлений советского правительства по вопросам развития оборонной промышленности Рязанской области [Муравьева, 2014. С. 69]. Важнейшей составляющей этого созидательного процесса стало возведение на Рязанской земле предприятий так называемого

двойного назначения, производящих продукцию, необходимую экономике страны, и изделия, используемые в производстве продукции военного назначения.

В 1946 г. в Рязани началось строительство станкостроительного завода. Этот же год стал годом рождения завода счетно-аналитических машин (САМ), который стал производить шрифты к пишущим машинкам. Из оккупированных Советским Союзом районов Германии в Рязань в счет репараций за разрушение народного хозяйства СССР поступило 58 вагонов трофейного оборудования, крайне необходимого для завода по изготовлению шрифтов для пишущих машин. Это было некомплектное оборудование немецких фирм «Астра», «Рейнметалл», производивших в то время счетную технику – суммирующие, кассовые и фактурные машины. В 1946 г. было изготовлено 25 тыс. комплектов шрифтов, 40 стенографических машин и ряд товаров народного потребления. В 1948 г. из деталей и узлов, вывезенных из Германии, на заводе были собраны первые 48 счетных машин «Архимедос» [Юшковский, Витухин, Мальцев, 2006. С. 22]. С 1949 г. завод стал производить суммирующую десятиклавишную счетную машину СДУ-110, а через пять лет был налажен выпуск многосчетчикового аппарата КИМ.

Еще в конце 1933 г. было подписано решение правительства о строительстве в Рязани электролампового комбината. Начавшаяся война приостановила строительство завода. С переходом к мирной жизни в условиях военной конверсии завод имел четко сформулированную номенклатуру производства изделий из цветного и термостойкого стекла. В 1949 г. начинается производство радиотехнических приборов (специальных осветительных ламп, ламп-фар и игнитронов).

В годы войны в Рязани работал деревообделочный завод (завод № 463), специализировавшийся на военной технике из деревянных конструкций. С 1947 г. завод, получивший впоследствии название Государственный Рязанский приборный завод, наладил выпуск десантных планеров Г-11. С начала 1950-х гг. предприятие стало производить выпуск радиолокационных прицелов слепого бомбометания (ПСБН-М) для самолетов Ил-28, а также радиоизмерительные приборы типа «Октава». С 1956 г. было обеспечено производство системы опорожнения топливных баков (изделия СОБ и ДРОБ) для ракет класса «воздух-воздух», начат выпуск самолетных ответчиков

семейства СРО-2 и СРО-2м. Впоследствии завод наладил выпуск радионавигационной станции «Эмблема» для гражданской авиации и КП-3А для военно-транспортной. С 1955 г. началось освоение, а затем и выпуск радиолокационных станций перехвата РП-6 («Сокол»), предназначенных для самолетов Як-25 и Як-27.

В 1945 г. в Рязани был организован завод «Красное знамя», являющийся предприятием Министерства авиационной промышленности СССР. Завод специализировался на выпуске запасных частей к самолетам ПО-2, авиационных винтов и лыж. С сентября 1950 г. завод был перепрофилирован на выпуск авиационного радиолокационного оборудования для самолетов. Предприятие выполняло работы в интересах войск ПВО: производились шкафы и кабины У-2 для зенитно-ракетного комплекса С-75 [Через тернии, 2010. С. 73].

1951–1955 гг. для Рязани были периодом бурного развития промышленности. За это время в ее развитие было вложено около 1 млрд руб. [Города, 1990. С. 73]. Вошел в строй станкостроительный завод, первый токарно-винторезный станок сошел с испытательного стенда еще 22 декабря 1949 г. В 1954 г. вводится в строй чаеразвечная фабрика, в 1955 г. начал работать завод тяжелого кузнечно-прессового оборудования. В 1957 г. вступил в строй завод «Теплоприбор», наладивший производство дифференц-реле давления ДРД 1. Предприятие выпускало приборы, имевшие важное значение для оборонной промышленности: реле и сигнализаторы уровня, индикаторы и измерители уровня [От съезда, 1961. С. 11]. В январе 1950 г. вышло постановление Совета Министров СССР «О строительстве в Рязани завода Министерства промышленности средств связи СССР» [Агарев, Хонькин, 2021. С. 2246]. Наряду с выпуском продукции для радиопромышленности завод производил танковые радиостанции «Гранат» (Р-113) [Рязанский радиозавод, 1996. С. 210].

Рязанцы, преодолевая трудности и производственные неувязки, выполняли оборонный заказ. На основании постановления ЦК КПСС и Совета Министров СССР от 3 декабря 1958 г. в Рязани впервые в стране разработали и освоили цельнометаллические игнитроны, предназначенные для мощных сварочных машин, применяемых в ракетной технике [Муравьева, 2014. С. 70]. На рязанцев была возложена обязанность разработать новую систему бортового вооружения П5-РГ для крылатой ракеты П-5 Генерального конструктора В.Н. Челомея.

В 1956–1960 гг. в Рязани продолжалось строительство крупных промышленных объектов: предприятия нефтехимии, завода искусственного волокна, комбайнового завода и др. Общий объем вложений в их строительство составил более 3 млрд руб.

В 1950-е гг. активно шло развитие газоразрядной техники. В конце 1940-х – начале 1950-х гг. разрыв между уровнем развития газоразрядной техники за рубежом и в СССР стал огромным. Для решения общегосударственной задачи в декабре 1958 г. было выпущено постановление ЦК КПСС и Совета Министров СССР о создании в Рязани специального Научно-исследовательского института газоразрядных приборов (НИИ ГРП) Госкомитета Совета Министров СССР по радиоэлектронике [Укращение разряда, 2014. С. 16]. Цель данного института заключалась в проведении научно-исследовательских и опытно-конструкторских работ в области газового разряда, необходимых для развития ракетной, счетно-решающей и радиолокационной техники, решения проблем исследования атомной энергии и других важных направлений оборонной техники и народного хозяйства. НИИ такого направления создавался в Рязани неслучайно. В городе уже строились предприятия, на которых можно было внедрять в производство новейшие разработки в сфере электронной промышленности.

Несмотря на то, что Госкомитет по радиоэлектронике оперативно выделил ассигнования на 1959–1960 гг., строительные работы по запуску первой очереди НИИ велись неудовлетворительно. Председатель Госкомитета Совета Министров СССР по радиоэлектронике В.Д. Калмыков лично поручил А.Н. Ларионову рассмотреть этот вопрос и дать указания о строительстве объектов института в первоочередном порядке.

В 1950-е гг. в городе интенсивно развивались различные отрасли промышленности, в том числе и радиоэлектроника. Это послужило основой для открытия в Рязани в декабре 1951 г., по инициативе академика А.И. Берга, радиотехнического института, ныне радиотехнического университета им. В.Ф. Уткина. Строительство в городе и области ряда предприятий, ориентированных на производство продукции оборонного значения, позволяло сформировать в регионе мощный производственный комплекс предприятий и научно-исследовательских организаций, способных осваивать новые технологии, производить новейшую продукцию, которую можно было успешно использовать как в военных, так и в мирных целях.

Литература

Агарев А.Ф., Хонькин С.Н. Становление оборонных предприятий Рязанской области в 40–60-х гг. XX века // Манускрипт. 2021. Т. 14. Вып. 11. С. 2245–2250.

Артемов Е.Т. Научно-техническая политика в советской модели поздней индустриальной модернизации. М., 2006. 254 с.

Быстрова И.В. Военно-промышленный комплекс России: исторический опыт развития // Вестник НГТУ им. Р.Е. Алексеева. Сер.: Управление в социальных системах. Коммуникативные технологии. 2015. № 3. С. 7–11.

Города и районы Рязанской области. Историко-краеведческие очерки. Рязань, 1990. 605 с.

История Рязанского края. 1778–2007. Рязань, 2007. 448 с.

Муравьева А.А., Агарев А.Ф. Великая Отечественная война и социально-экономическое развитие Рязанской области во второй половине 1940-х годов // Вестник Рязанского государственного университета. 2017. № 4. С. 90–95.

Муравьева А.А. Особенности промышленного развития Рязанской области в послевоенный период // Вестник Екатеринбургского института. 2014. № 4. С. 69–73.

От съезда к съезду. Рязань, 1961. 36 с.

Симонов Н.С. Военно-промышленный комплекс СССР в 1920–1950-е годы: темпы экономического роста, структура, организация производства и управления. М., 1996. 336 с.

Укрощение разряда: история открытого акционерного общества «Научно-исследовательский институт газоразрядных приборов «Плазма»: события, воспоминания, достижения, перспективы. Рязань, 2014. 224 с.

Хлевнюк О.В., Горлицкий Й. Секретари. Региональные секретари в СССР от Сталина до Брежнева. М., 2024. 432 с.

Через тернии к звездам, XX век – XXI век: работникам и ветеранам открытого акционерного общества завод «Красное знамя» посвящается / под общ. ред. А.И. Мороза. Рязань, 2010. 445 с.

Юшковский С.В., Витухин А.Г., Мальцев В.А. Завод САМ... годы, люди, свершения. Рязань, 2006. 355 с.

Н.А. Куперштох

**ПРОГРАММА «СИБИРЬ» КАК ОПЫТ КОМПЛЕКСНОГО
ИЗУЧЕНИЯ РЕГИОНА В СОВЕТСКИЙ ПЕРИОД**

N.A. Kupershtokh

**THE SIBERIA PROGRAM AS AN EXPERIENCE
OF A COMPREHENSIVE STUDY OF THE REGION
IN THE SOVIET PERIOD**

Аннотация. Во второй половине 1970-х гг. перед Сибирским отделением АН СССР, в развитие которого были вложены значительные государственные инвестиции, поставлены задачи представить комплексные результаты изучения и освоения производительных сил региона. Ответом на эти вызовы явилась программа «Сибирь», которая действовала почти два десятилетия начиная с 1978 г. Опыт ее реализации не утратил своего значения и в наши дни, в частности при разработке программ, направленных на реализацию долговременной стратегии развития Сибирского федерального округа.

Ключевые слова: Академия наук СССР, Сибирское отделение, программа «Сибирь», академик А.Г. Аганбегян, академик Д.К. Беляев, академик А.А. Трофимук.

Программа «Сибирь» в силу значимости полученных результатов в ходе реализации ее проектов продолжает привлекать внимание исследователей – историков, экономистов, науковедов, организаторов науки. И это неслучайно. Опыт ее реализации, особенно в советский период, не утратил своего значения при разработке современных комплексных программ, направленных на реализацию стратегии развития Сибирского федерального округа. Цель нашего исследования – изучение структуры программы «Сибирь», а также результаты реализации ряда проектов.

Разработка программы «Сибирь» началась по вполне конкретному поводу. В мае 1977 г. Сибирскому отделению АН СССР исполнилось 20 лет. В постановлении ЦК КПСС, принятом накануне юби-

лейной даты, наряду с достижениями сибирских ученых отмечались недостатки: «Медленно разворачиваются исследования по комплексному использованию природных богатств восточных районов страны. <...> Планы научных исследований отраслевых НИИ и СКБ, расположенных в новосибирском Академгородке, не всегда согласовываются с тематикой академических институтов». Кроме того, СО АН упрекали в слабой координации с институтами ВАСХНИЛ и АМН СССР, а также с министерствами, ведомствами и вузами¹.

В ответ на эти вызовы по инициативе Президиума СО АН СССР и его председателя академика Г.И. Марчука началась разработка «Программы научных исследований и разработок по комплексному использованию природных ресурсов и развитию производительных сил Сибири» (краткое название – программа «Сибирь»). Во всех регионах Западной и Восточной Сибири состоялись обсуждения примерных контуров программы, в результате которых были максимально учтены потребности развития этих регионов. По современным оценкам, программа «Сибирь» должна была оказывать перманентное воздействие на развитие производительных сил региона, на перестройку его индустриальной структуры, на стабилизацию и восстановление природной среды в условиях интенсивного техногенного воздействия [Ермиков, 2019. С. 235].

Первоначально программа включала три блока: минерально-сырьевой (академик А.А. Трофимук), биологический (академик Д.К. Беляев), экономический (академик А.Г. Аганбегян), которые суммарно объединяли 24 проекта. В феврале 1978 г. программа «Сибирь» была одобрена на Общем собрании СО АН СССР [Долголюк, 2006. С. 52]. Привлечение новых исполнителей позволило расширить тематику программы и осуществлять проекты на междисциплинарной основе. Ключевая роль в реализации проектов принадлежала Сибирскому отделению, потенциал которого состоял из 50 научно-исследовательских и опытно-конст-

¹ О деятельности Сибирского отделения Академии наук СССР по развитию фундаментальных и прикладных научных исследований, повышению их эффективности, внедрению научных достижений в народное хозяйство и подготовке кадров. Постановление ЦК КПСС 27 января 1977 г. // Решения партии и правительства по хозяйственным вопросам: сб. документов / под общ. ред. К.У. Черненко и М.С. Смирнова. М.: Политиздат, 1977. Т. 11: Ноябрь 1975 г. – июнь 1977 г. С. 616.

рукторских организаций и 16 тыс. научных и научно-технических кадров².

Следующим шагом стало формирование Научного совета программы «Сибирь» во главе с академиком А.А. Трофимуком из шести секций: минеральных ресурсов, биологических ресурсов, регионально-экономических программ, программ особой сложности и масштаба, технических и технологических программ, «Энергетики Сибири». Уже к 1980 г. программа «Сибирь» объединяла более 400 организаций из 60 министерств и ведомств³, в дальнейшем их число продолжало возрастать. В процессе реализации проектов программы складывались временные коллективы из представителей академической, отраслевой, вузовской науки, специалистов-производственников.

Архивные документы позволили воссоздать структуру секций Научного совета программы «Сибирь».

Секция минеральных ресурсов Сибири объединяла 14 программ, направленных на изучение важнейших для всей страны ресурсов: «Нефть и газ Западной Сибири»; «Нефть и газ Восточной Сибири»; «Уголь Кузбасса»; «Угли Канско-Ачинского бассейна»; «Алмазы Якутии»; «Рудное золото Сибири»; «Благородные и редкие металлы, медь и никель Красноярского края (Норильский горно-металлургический комбинат)»; «Цветные металлы Красноярского края»; «Цветные металлы Бурятской АССР (Озерное месторождение)»; «Медные руды Удокана»; «Железные руды Сибири»; «Ультракалевые алюмосиликатные руды Сыннырского месторождения»; «Фосфориты, апатиты и другое фосфатное сырье»; «Калийные соли»⁴.

В свою очередь каждая программа секции обладала собственной структурой. К примеру, программа «Нефть и газ Западной Сибири» включала несколько направлений (подпрограмм): «Геологическое обоснование и уточнение прогнозных запасов нефти, конденсата и газа Западной Сибири»; «Оценка нефтегазоносности палеозойских отложений юго-востока Западно-Сибирской плиты»; «Разработка и эксплуатация месторождений нефти и газа»; «Прогрессивные пути переработки нефти и рациональной переработки минерального сы-

² Научный архив Сибирского отделения РАН (далее – НАСО). Ф. 10. Оп. 5. Д. 865. Л. 5.

³ НАСО. Ф. 10. Оп. 5. Д. 1352. Л. 8.

⁴ Там же. Л. 3.

рья»; «Транспорт нефти и газа, строительство нефтегазопроводов, ЛЭП и других объектов в условиях вечной мерзлоты»; «Перспективы развития Западно-Сибирского нефтегазового комплекса»⁵.

Секция биологических ресурсов состояла из двух программ: «Лесные ресурсы Сибири»; «Биологические ресурсы сельскохозяйственного производства». Программа «Биологические ресурсы...» включала еще несколько подпрограмм: «Земельные ресурсы»; «Растительные ресурсы Сибири»; «Физиология питания, роста и устойчивости растений и разработка научных основ повышения их продуктивности в условиях Сибири»; «Ресурсы животного мира»; «Создание новых технологий в сельскохозяйственном производстве»; «Использование принципов молекулярной биологии для разработки прикладных вопросов сельскохозяйственного производства»⁶.

Секция регионально-экономических программ включала пять разделов, нацеленных на изучение формирования и деятельности территориально-производственных комплексов (ТПК) Сибири: Братско-Усть-Илимский; Нижне-Ангарский; Саянский; Верхне-Ленский; Южно-Якутский⁷. Кроме того, проблемы ТПК были включены в программы секции минеральных ресурсов: перспективы развития Западно-Сибирского нефтегазового комплекса (ЗСНГК) в качестве отдельного направления рассматривались в программе «Нефть и газ Западной Сибири», КАТЭКа – в программе «Угли Канско-Ачинского бассейна» и т.д.

Секция программ особой сложности и масштаба состояла из шести разделов: «Перераспределение водных ресурсов Сибири»; «Экология, охрана природной среды Сибири»; «Ресурсы бассейна озера Байкал»; «Программа хозяйственного освоения зоны БАМ»; «Гуманитарные аспекты развития Сибири в условиях промышленного освоения»; «Аэрокосмические методы исследования природных ресурсов».

Программа «Экология, охрана природной среды Сибири» в свою очередь включала четыре подпрограммы: «Общие вопросы оценки состояния и прогноза изменений природной среды»; «Рациональное использование природных ресурсов и охрана природной среды в связи с развитием производительных сил»; «Разработка новых

⁵ НАСО. Ф. 10. Оп. 5. Д. 1352. Л. 10–16.

⁶ Там же. Л. 55–64.

⁷ Там же. Л. 65–75.

технологических методов и средств защиты природной среды от техногенных воздействий»; «Рациональное использование, реконструкция и охрана растительного и животного мира Сибири»⁸.

Секция технических и технологических программ объединяла два направления: «Научные основы создания новых материалов с заданным комплексом свойств и разработка технологии их производства»; «Новая технология и техника транспорта»⁹. Секция «Энергетика Сибири» состояла из трех программ: «Топливо-энергетический комплекс Сибири»; «Методы производства электроэнергии и тепла и создание нового энергетического и электротехнического оборудования»; «Вторичные энергоресурсы» [Куперштох (1), 2012. С. 29–30].

В программе «Сибирь» впервые был поставлен вопрос о комплексном решении экологических проблем. Реализация целевой программы была невозможна без кооперации специалистов из разных областей – математиков, физиков, химиков, биологов, геологов, географов, экономистов. В 1978 г. документ, подготовленный для Госплана СССР, содержал перечень из 40 готовых к внедрению разработок институтов СО АН СССР, имеющих природоохранное значение. Дело в том, что проекты индустриального развития Сибирского региона в первой половине XX в. игнорировали вопросы экологии и рационального природопользования, поскольку масштабы региона позволяли до какой-то степени пренебрегать решением экологических проблем. Программа «Сибирь» впервые задавала ограничения при выборе стратегии освоения новых районов или использования минеральных и других ресурсов в виде рекомендаций директивным и хозяйственным органам.

В рамках целевой программы «Экология, охрана природной среды Сибири» была сделана попытка объединить теоретические и прикладные исследования в единый цикл и сформулировать рекомендации директивным и хозяйственным органам по оптимальному освоению природных ресурсов Сибири при максимально бережном сохранении природной среды и оптимальных темпах развития производительных сил. В ходе реализации целевой программы ее участники проводили работу как в районах еще недостаточно осво-

⁸ НАСО. Ф. 10. Оп. 5. Д. 1352. Л. 79.

⁹ Там же. Л. 111–114.

енных человеком (Якутия), так и в районах с большой антропогенной нагрузкой (Кузбасс) [Куперштох (2), 2012. С. 202]. Изучение проектов программы «Сибирь» экологической направленности показывает, какие мощные научные силы были задействованы в решении проблем природопользования и охраны окружающей среды в конце 1970-х – 1980-е гг. В современных условиях, когда экологические проблемы приобрели невиданную ранее остроту, необходимо вновь и вновь обращаться к опыту решения этих проблем в предшествующий период.

Итоги реализации первого этапа работы по программе «Сибирь» по всем проектам были подведены на Всесоюзной конференции по развитию производительных сил Сибири в 1980 г. Ее участники приняли решение расширить исследования и теснее увязать их с планами экономического развития страны и потребностями отдельных ведомств и субъектов. В 1984 г. Президиум АН СССР и Госкомитет СССР по науке и технике утвердили основные задания программы «Сибирь» как важнейшей региональной научно-исследовательской программы государственного значения.

Перед сибирскими учеными были поставлены новые масштабные задачи, которые требовали расширения структуры программы «Сибирь». В 1988 г. ее Научный совет состоял уже из восьми секций: «Минерально-сырьевые ресурсы»; «Биологические ресурсы»; «Агропромышленный комплекс»; «Технические и технологические проблемы»; «Межотраслевые проблемы особой сложности и масштаба»; «Энергетика Сибири»; «Социально-экономические проблемы»; «Здоровье человека в Сибири». Две последние секции отражали устремления программы «Сибирь» на решение проблем социогуманитарной направленности.

Остановимся более детально на двух блоках программы – минерально-сырьевом и социально-экономическом. Бессменным руководителем минерально-сырьевого блока являлся академик А.А. Трофимук, директор новосибирского Института геологии и геофизики СО АН. В рамках программы «Сибирь» были изучены и обоснованы реальные и потенциальные возможности развития Западно-Сибирского нефтегазового комплекса, сделаны прогнозы мощностей месторождений нефти и газа. Удельный вес ЗСНГК в союзных объемах добычи газа увеличился в 1980-е гг. с 36 до 58 % за счет освоения уникальных по запасам Уренгойского и Ямбургского ме-

сторождений, а в дальнейшем – месторождений на Ямале [Трофимук, 1988. С. 6].

Программа «Нефть и газ Восточной Сибири» включала освоение природных ресурсов Якутии. При кооперации сотрудников якутского Института геологии, новосибирского Института геологии и геофизики, СНИИГГиМСа определились главные направления нефтегазопоисковых работ на Сибирской платформе. Изучение крупных нефтегазоносных провинций – Лено-Тунгусской, Непско-Ботуобинской, Хатанго-Вилуйской – позволило открыть на территории Якутии несколько десятков месторождений нефти и газа, включая Среднеботуобинское, Среднетунгусское, Чаяндинское Крупным научным открытием академиков Н.В. Черского, А.А. Трофимука и их коллег явилось обнаружение газогидратов – залежей газа в земной коре в «твердом» состоянии.

В программе «Сибирь» постепенно усиливался социально-экономический блок. В 1980 г. на Всесоюзной конференции по развитию производительных сил Сибири в докладе академика А.Г. Аганбегяна сделан важный вывод, что возможности развития производительных сил региона «использовались недостаточно полно, с большими экономическими потерями». Для притока кадров и их закрепления предлагалось довести до средних показателей по стране показатели реальной заработной платы и обеспечения жильем, повысить уровень жизни населения Сибири до уровня жизни в обжитых районах страны [Проблемы..., 1980. С. 15, 23]. С 1981 г. участники социально-экономического блока разрабатывали подпрограммы союзного уровня: «Сибирь в едином народнохозяйственном комплексе»; «Социальные проблемы развития Сибири». Они включали, в том числе, и изучение социально-экономических проблем в районах интенсивного хозяйственного освоения – Западно-Сибирского нефтегазового комплекса, Кузбасса, Ангаро-Енисейского региона (КАТЭК), зоны БАМ и др.

На конференции по развитию производительных сил Сибири в 1985 г. А.Г. Аганбегян и А.Г. Гранберг подчеркнули устойчивый дефицит кадров, обусловленный высокими темпами миграционного оттока населения [Развитие..., 1985. С. 167]. Их коллега Т.И. Заславская предложила решать социальные проблемы Сибири в два этапа: в ближайшее десятилетие преодолеть дефицит продуктов питания, товаров повседневного спроса, отставание Сибири по обеспечению населения жильем, а затем добиться более высокого уровня этих по-

казателей по сравнению с общесоюзными [Заславская, 1985. С. 173–174]. Рекомендации конференции с одобрения ЦК КПСС использовались при формировании основных направлений экономического и социального развития СССР на 1986–1990 гг.¹⁰

Во второй половине 1980-х гг. исследования по социально-экономическим проблемам включали пять направлений (подпрограмм): «Сибирь в едином народнохозяйственном комплексе»; «Социальное развитие и повышение уровня жизни населения Сибири»; «Формирование ТПК Ангаро-Енисейского региона»; «Южно-Якутский ТПК»; «Анализ и моделирование развития административных областей (краев) в условиях Сибири».

Таким образом, основными достижениями сибирских ученых-экономистов в первое десятилетие программы «Сибирь» стали обоснование опережающего экономического и социального развития Сибири, повышение уровня жизни населения, необходимость серьезной структурной перестройки экономики при усилении ведущей роли Сибири в обеспечении страны топливом и энергией.

Подводя итоги 10-летней реализации программы «Сибирь», академик А.А. Трофимук подчеркнул, что ведущая роль в ее формировании принадлежала Сибирскому отделению АН СССР. И пояснил почему: «Академия наук СССР, по определению, является межотраслевым коллективом, который может рассмотреть вопросы во всех аспектах на уровне современной науки и дать более правильное решение возникающих проблем с учетом широких общегосударственных интересов» [Трофимук, 1988. С. 3].

Программа «Сибирь» оказалась эффективным механизмом организации исследований и действовала с различной интенсивностью 17 лет (с 1978 по 1995 г.)¹¹. В ходе реализации ее проектов была достигнута интеграция ученых академических и отраслевых институтов, вузовского сектора науки и специалистов-производственников для того, чтобы в короткие сроки определить механизмы решения тех или иных проблем в интересах социально-экономического развития Сибири. Отметим, что опыт по выполнению различных проектов в рамках программы «Сибирь» можно сравнить с опытом организации науки в годы Великой Отечественной войны с це-

¹⁰ НАСО. Ф. 10. Оп. 11. Д. 1445. Л. 2.

¹¹ Добрецов Н.Л., Ермиков В.Д. Академия наук – слагаемые успеха сибирских научных школ // Наука в Сибири. 2012. 7 июня.

люю скорейшей разработки оборонных технологий, разведки природных ресурсов, определения перспектив развития оборонного потенциала в той или иной отрасли экономики.

Наше исследование позволяет сделать следующие выводы. В рамках реализации проектов программы «Сибирь» были достигнуты впечатляющие результаты по изучению и освоению производительных сил региона. Формой подведения итогов по различным направлениям программы являлись Всесоюзные конференции по развитию производительных сил Сибири, организованные в 1980, 1985, 1990 гг. По современным оценкам, программа «Сибирь» ознаменовала фактически появление новой организационной структуры, которая сыграла большую роль в развитии Сибирского отделения АН СССР и его научных центров. Изучение новых проблем в интересах региона расширило круг актуальных исследований, способствовало концентрации усилий по их решению, значительно укрепило авторитет Сибирского отделения [Асеев, 2023. С. 68].

В то же время приходится констатировать, что многие результаты проектов программы «Сибирь», несмотря на их актуальность и значимость для социально-экономического развития страны, не были внедрены в практику по причине бюрократических барьеров между министерствами и ведомствами, невосприимчивости ряда секторов советской экономики к инновациям.

Тем не менее опыт реализации масштабной комплексной программы в советский период нуждается в более детальном изучении и обобщении. Программа «Сибирь» предвосхитила появление многих организационных форм, появившихся в России в XXI в.: программно-целевое планирование исследовательских работ, интеграционные проекты, технологические платформы, эколого-экономические экспертизы крупных проектов, проведение мероприятий по выработке стратегии развития Сибири и др.

Литература

Асеев А.Л. Судьбы председателей. Из истории Сибирского отделения РАН. Новосибирск: Параллель, 2023. 278 с.

Долголюк А.А. Разработка и реализация программы «Сибирь» в 70–90-е годы XX в. // Гуманитарные науки в Сибири. Сер.: Отечественная история. 2006. № 2. С. 51–55.

Ермиков В.Д. О временах высоких целей (записки рационального оптимиста). Новосибирск: Изд-во СО РАН, 2019. 407 с.

Заславская Т.И. Проблемы социального развития Сибири // Развитие производительных сил Сибири и задачи ускорения научно-технического прогресса в регионе. Ч. 2. Доклады и выступления на пленарных заседаниях Всесоюзной конференции / отв. ред. А.Г. Гранберг. Новосибирск: Наука, Сиб. отделение, 1985. С. 171–176.

Куперштох Н.А. Интеграционная роль программы «Сибирь» в изучении производительных сил региона // История науки и техники. 2012. № 6. С. 25–33.

Куперштох Н.А. Проблемы природопользования и охраны окружающей среды в программе «Сибирь» // Проблемы территориальной организации природы и общества: материалы Всерос. науч. конф. / отв. ред. Л.М. Корытный. Иркутск: Изд-во Ин-та географии им. В.Б. Сочавы СО РАН, 2012. С. 200–202.

Проблемы экономического и социального развития Сибири на перспективу: научный доклад / рук. А.Г. Аганбегян. Новосибирск: ИЭОПП СО АН СССР, 1980. 137 с.

Развитие производительных сил Сибири и задачи ускорения научно-технического прогресса в регионе. Ч. 1. Итоговый научный доклад Всесоюзной конференции / отв. ред. А.Г. Гранберг. Новосибирск: Наука, Сиб. отделение, 1985. 256 с.

Трофимук А.А. 10 лет программы «Сибирь»: некоторые итоги и проблемы // Региональная научно-исследовательская программа «Сибирь». Приложение к отчету за 1987 г. Новосибирск, 1988. 36 с.

Раздел 6. СОВРЕМЕННАЯ РОССИЙСКАЯ ИНДУСТРИЯ: ПУТИ ВОССТАНОВЛЕНИЯ, ПЕРСПЕКТИВЫ РОСТА

УДК 388.98

DOI 10.25205/978-5-4437-1718-0-34

О.В. Басалаев, В.Ю. Малов

ТРАНСПОРТНЫЕ КОРИДОРЫ В СИБИРИ: ОПЫТ ИСТОРИИ И ВАРИАНТЫ ФИНАНСИРОВАНИЯ НОВОГО СТРОИТЕЛЬСТВА¹

O.V. Basalaev, V.Yu. Malov

TRANSPORT CORRIDORS IN SIBERIA: HISTORICAL EXPERIENCE AND OPTIONS FOR FINANCING NEW CONSTRUCTION

Аннотация. В статье анализируется исторический опыт создания сухопутных транспортных коридоров (прежде всего железнодорожных), соединяющих западные и восточные регионы страны. Акцент делается на значимости таких проектов прежде всего для сохранения единства государства, важности стратегического видения будущего транспортного фактора в деле развития экономики. И Транссибирская магистраль, и БАМ имеют много общих характеристик, которые определили решение по их реализации, несмотря на аргументы противников таких проектов по поводу отсутствия грузовой базы на начальном периоде строительства. Подчеркивается важность создания единого органа управления как процессом проектирования, причем как объектов собственно железной дороги, так и объектов жилищного и производственного характера вдоль нее. Современный этап развития нашей страны требует завершения формирования нового широтного транспортного коридора от портов Тихого океана до портов морей Северного Ледовитого океана. Особое внимание уделено обоснованию вариантов финансирования участков Северо-Сибирской

¹ Работа выполнена по плану НИР ИЭОПП СО РАН. Проект 5.6.6.4 (0260-2021-0007) «Инструменты, технологии и результаты анализа, моделирования и прогнозирования пространственного развития социально-экономической системы России и её отдельных территорий». Регистрационный № 121040100262-7.

магистралей в пределах ХМАО и Свердловской области на основе поиска компромисса интересов всех субъектов хозяйственных отношений.

Ключевые слова: транспортные коридоры, опыт истории, специфика Сибири, варианты финансирования, управление строительством.

Вместо введения: чему может научить история?

Знакомство с исторической наукой позволило прояснить многие спорные моменты в механизмах принятия тех или иных решений по пространственному планированию [Азиатская часть России, 2012]. Особенно это заметно для транспортной сферы экономики такой большой страны, как СССР/Россия, в которой роль этого фактора всегда была заметной. Еще раз убедились, что оценивать транспортные проекты с рыночными критериями (максимальной и моментальной прибыльностью) – значит противоречить задачам поддержания национальной безопасности и сохранения единства экономического и социального пространства [Неелов, 2011].

Для азиатской части страны это было особенно актуально во все периоды ее истории. Здесь как ни в какой другой сфере можно воспользоваться опытом нашего восточного соседа – Китая, который строит дороги «в долгую» не потому, что богатый, а наоборот: он стал богатым, потому что не рассчитывает на немедленную эффективность от них [Тархов, 2005]. Опыт истории железнодорожного строительства в России может научить многому: и тому, как опасно опаздывать с созданием транспортных магистралей, и тому, как надо реализовывать стратегически важные проекты, на первый взгляд не гарантирующие немедленной отдачи. Достаточно назвать проекты Транссиб и БАМ, опыт реализации которых еще предстоит изучать и, уверенны, использовать в настоящем.

Старое и новое в деле освоения новых регионов

Хотелось бы выделить три сюжета, которые заставляют несколько иначе посмотреть на те «открытия», что казались верхом экономико-географической и региональной науки в применении к азиатской части России (табл. 1):

- первый – о роли вахтового метода в освоении новых регионов: от времен Великого Новгорода до XXI в.;

- второй – о взаимодействии частного и государственного капитала в ресурсных регионах;
- третий – о своеобразности железнодорожного проектирования и строительства в России/СССР/России.

Таблица 1

**Прошлое и настоящее в деле продвижения
в регионы нового освоения: альтернативные подходы**

Наиболее характерные черты	Опыт истории	Наши дни
1. Вахтовый метод или 2. Заселение территории	1. Новгородские ушкуйники XI–XIX вв. – аналог скандинавским викингам (морским разбойникам). 2. «Длинные руки Москвы» – хозяйственное освоение	1. Вахтовый метод. 2. Создание стационарных поселков и обеспечение транспортной доступности с близлежащими городами
1. Частник или 2. Государство	1. Главное – прибыль и ее вывоз за границу. 2. Чиновники центральной власти, учредившие акционерную компанию, были глубоко поражены соблазном личного обогащения	1. Вывоз прибыли на Запад, будь то в форме личных финансов, или инвестиций в заграничные активы, или ориентации на зарубежное оборудование. 2. Попытка решать проблемы регионального развития и ресурсной безопасности страны
1. Только после появления грузов или 2. Опережающее транспортное строительство	1. «Что, из Архангельска морошку и клюкву возить?» В 1910 г.: зачем нужна дорога на Мурман, если есть Санкт-Петербург и его порты? 2. Транссиб	1. РЖД – Севсиб: сначала докажите, что есть груз по нему возить и нет другого вида транспорта. 2. БАМ

Кто должен быть пионером в освоении ресурсных регионов: частник или государство? 1) Можно отдать все крупным корпорациям, либо 2) создавать в новых регионах условия для устойчивого прироста населения – граждан страны. Второй путь, к сожалению, (особенно для ряда наших министерств) представляется убыточным, если все измерять в денежных единицах, да еще по методикам расчета ком-

мерческой эффективности [Богачев, 1990]. Третий путь представляет собой некий взаимовыгодный союз государства и частных компаний. Суть его состоит в том, чтобы выдавать целевые кредиты частным организациям по льготным ставкам для освоения новых регионов, что приведет к появлению рабочих мест и развитию инфраструктуры новых земель. При этом очевидно, что вновь осваиваемые земли должны (и будут) обладать инвестиционной привлекательностью. Плюс данного подхода также и в том, что появляется возможность государственного контроля за деятельностью частного бизнеса.

Опыт советской власти показывает, что можно намертво перекрыть мигрантам пути проникновения на наши восточные территории. При этом оказалось, что существуют и другие (кроме насильственных) методы привлечения населения в регионы Сибири и Дальнего Востока на постоянное жительство. Экономика азиатской части России продолжает снабжать ресурсами Урал и европейскую часть страны, решая и задачи обеспечения национальной безопасности [Неелов, 2011].

Еще раз попробуем перебросить мостик в наши дни к якобы «рыночной экономике»². Какое-либо региональное развитие, тем более сбалансированное, основанное на использовании местной рабочей силы с высокими заработками, крупный бизнес просто не может интересовать. Опять повторяется сюжет многовековой давности для условий России и Сибири как ее колонии.

Историки считают, что «Эта особенность российского предпринимательства, набивающего свой карман всеми способами и средствами, как только ослабляется жесткий *государственный надзор*, была не единственной, но роковой причиной продажи Русской Америки» [Траектории, 2011]. И еще одна отличительная черта американской политики освоения новых ресурсных регионов – американская финансовая (фискальная) политика по отношению к своим регионам нового освоения не драла с пионерного предпринимательства «семь шкур» в пользу федерального бюджета, а стремилась к созданию условий наибольшего благоприятствования. К сожалению, такая политика сегодня все еще не является приоритетной для нашего правительства. По-прежнему даже средний по величине

¹ Кавычки неслучайны. По нашему (и не только) глубокому убеждению, у нас так и не сложился рынок развитого типа. Он скорее периферийный, зависимый от мирового финансового и промышленного капитала. А это уже совсем другой сюжет.

бизнес не является действительно самостоятельным: все-таки природные и инфраструктурные условия хозяйственной деятельности в восточных регионах страны требуют повышенных издержек. Без активного участия государства не обойтись.

Ограниченность транспорта как одна из причин современного экологического неблагополучия

Схема размещения населения на пространствах Сибири под воздействием сначала Московского (Сибирского) тракта, а затем дополненная Транссибом, во многом сохранилась и в наши дни. И в 1930-е, и в 1950-е гг. СССР был вынужден размещать объекты промышленности в Сибири так, как этого требовали обстоятельства данного момента: там, где уже есть дороги или реки и хоть какое-то население. И все это должно было начать работать в кратчайшие сроки – давили угрозы извне. Требования экологических ограничений если и вспоминали, то чаще всего формально и в последнюю очередь. Транспортная ущербность (однобокость, ограниченность) вариантов выбора мест размещения новых объектов явилась немаловажным фактором, заставляющим постоянно концентрировать и промышленность, и население в тех местах, которые сегодня относятся к категории экологически неблагополучных [Бандман, Малов, 2001]. Сегодня все те проблемы, которые должны были бы быть решены в прошлом, всплывают в наиболее ярком свете.

Пример Китая почему-то мало убеждает наши транспортные министерства: дороги (и авто, и ж/д, и речные пути) должны создаваться на перспективу 40–50 и более лет, но это уже выходит за границы коммерческого интереса. А стратегический интерес государства, к сожалению, часто остается вне интересов даже наших проектных учреждений³.

Наступать на те же грабли – это, вероятно, наша национальная забава. Сегодня руководство ОАО «РЖД» радостно сообщает о начале создания второго пути на отдельных участках БАМа. Причем работы будут осуществлять железнодорожные войска. Цель очевидна и не скрывается: расширить возможность экспорта угля в основном южно-якутских месторождений и Кузбасса. Задача создания нового широтного транс-

³ Что вовсе не случайно, поскольку они так или иначе аффилированы с крупными частными компаниями и «проектируют» прежде всего их интересы.

портного коридора по линии Ванино – Индига, о котором говорят вот уже почти 100 лет, почему-то не ставится [Ламин, 2005]. Опять происходит латание дыр на отдельных участках Транссиба и БАМа, что, конечно, не позволит создать конкурента не только Суэцкому каналу, но даже и китайскому «Одному поясу – одному пути», в котором сибирским магистралям вряд ли найдется достойное место. Опять нет понимания необходимости оценивать инфраструктурные проекты (прежде всего транспортные и энергетические) по государственным, а не коммерческим критериям [Хейде, 1994; Ситуационная комната, 2018].

Транссиб и БАМ: общее и особенное

Осознание геополитического и стратегического значения железнодорожного транспорта для России произошло, вероятно, только после тяжелого поражения в Крымской войне. К такой традиционной схеме принятия и реализации крупных транспортных проектов, безусловно, можно отнести и указание Императора Александра III о скорейшем начале строительства Транссиба в 1889 г.: «Уже сколько отчетов генерал-губернаторов Сибири я читал и должен с грустью и стыдом сознаться, что правительство до сих пор почти ничего не сделало для удовлетворения потребностей этого богатого, но запущенного края. А пора, давно пора»⁴.

Среди особенностей проекта Транссиб можно выделить:

- 1) геополитический подтекст стройки;
- 2) государственное финансирование (из казны, через облигационный заем);
- 3) КСЖД – единый орган управления с широкими полномочиями;
- 4) переселение и многочисленные льготы бизнесу;
- 5) разнообразии строителей (местные, заключенные, военные).

Об истории строительства Транссиба написано много [Азиатская часть России, 2012; Экономические аспекты, 2003]. Нам важно подчеркнуть именно государственный, стратегический, как бы сейчас сказали, геополитический интерес этой стройки. Более того, осознавалась важность не только самого железнодорожного пути, но и

⁴ Самые первые проекты Великого Сибирского пути (именно таково было историческое название Транссибирской магистрали) относятся еще к 1840-м гг., когда правительство Российской империи убедилось в выгодах и преимуществах железных дорог. URL: historyrussia.org/sobytiya/29-marta-1891-goda-... (дата обращения: 14.10.2024).

освоение территории Сибири и Дальнего Востока населением, считающим себя гражданами России, сохранение этой территории за Империей. То, что финансирование осуществлялось с использованием заемных средств (облигаций), не меняет того факта, что это были средства казны, пусть и «растянутые» по времени⁵. Крайне важно отметить, что одновременно с самой железной дорогой создавались населенные пункты и другие дороги, связывающие Транссиб с городами вблизи него. Конечно, города и многие дороги строились и частным капиталом, который моментально осознал выгоду нового транспортного коридора из Азии в Европу. Средства привлечения строителей были разные: и кнут, и пряник. Этот же прием был использован и при строительстве многих транспортных путей и во времена СССР, как до Великой Отечественной войны, так и в последующие годы (Дудинка – Норильск, дорога на Воркуту, Бам – Тында и др.). Использование труда заключенных и военнопленных также, конечно, имело место. Но, пожалуй, наиболее важной составляющей было использование опыта строительства Транссиба в части создания КСЖД – Комитета Сибирской Железной Дороги (1893 г.). Этот Комитет как центральное государственное учреждение был создан для преодоления ведомственной разобщенности. Председателем КСЖД был назначен наследник престола великий князь Николай Александрович, что, конечно, неслучайно. Комитет соединял в своих руках все нити управления строительством Транссиба. Другим новшеством в системе управления, самым на тот момент масштабным железнодорожным проектом Российской империи, стало сосредоточение чрезвычайно широких полномочий в руках Комитета вплоть до налаживания связей с местным населением. Указы Комитета имели силу закона, тем более с 1894 г., когда Николай II стал императором. Формально лишенный законосовещательной власти, КСЖД получил возможность принимать решения, избегая внесения значительной части законопроектов в Государственный совет. Это ускоряло процесс разработки и принятия новых законов, связанных как со строительством железной дороги, так и с мерами экономического развития Сибири.

Проект БАМ имеет как сходные, так и отличительные черты железнодорожных стратегически важных проектов:

⁵ По облигациям полагается не только платить проценты, но и в завершение указанного срока выкупить их за счет той же казны.

- 1) геополитическая значимость;
- 2) участие Политбюро (решение проблем ведомственности);
- 3) разнообразие контингента строителей;
- 4) не только железные дороги, но и жилищно-коммунальное хозяйство, и социально-бытовая инфраструктура;
- 5) прогнозы промышленного освоения (ТПК-БАМа);
- 6) разрешение использования резервного фонда Совета Министров СССР.

Опыт строительства собственно БАМа – от Тайшета до Комсомольска-на-Амуре (читай – до портов Ванино и Советская Гавань) – достоин отдельного рассмотрения. Если для спецконтингента и даже для военных строителей особого жилищного строительства не требовалось, то для строителей БАМа и ЖКХ, и СКБ проектировались и строились в соответствии с требованиями времени. Более того, желательно, чтобы часть строителей, тем более квалифицированных, осталась на постоянное жительство. Для БАМа в 1977 г. была разработана Схема районной планировки – инженерный документ, где и какие населенные пункты будут создаваться. Вахтовые поселки – один из элементов системы расселения и работы. Опыт создания Транссиба во многом использовался при строительстве БАМа [Байкалов, 2021; Байкалов, 2022]. В первую очередь это относится к организации управленческих структур (ГлавБАМстрой), а сам проект был в непосредственном ведении Г. Алиева – одного из членов Политбюро – фактически высшего органа государственной власти⁶.

Конечно, проектные организации были из разных ведомств (железнодорожных, гражданских, промышленных и др.), но координация между ними была налажена. Привлечение строителей также находилось под контролем государственных и политических органов власти, не говоря уже о значительном контингенте военных железнодорожных строителей (восточный участок БАМа). Финансирование в сроки осуществлялось из средств федерального бюджета, а Стройбанку СССР для обеспечения бесперебойного финансирования строительства БАМа поручалось создать специальную контору в районе строительства. Госплан обязывался предусматривать объемы капиталовложений комплексно – т.е. не только на производственное, но и гражданское строительство, на строительство базы

⁶ Здесь главное выделить тот факт, что проекту «БАМ» действительно придавали особое значение, и неизбежные разногласия по многочисленным вопросам стройки могли решаться в самые короткие сроки.

строительной индустрии, на научно-исследовательские работы. Более того, понимая неизбежную неопределенность в перспективных планах в связи с экстремальными условиями стройки, финансирование капитальных вложений могло производиться и за счет резервного фонда Совета Министров СССР.

Севсиб как завершение создания транспортного коридора, проходящего полностью по территории России

Одним из стратегически важных для России проектов настоящего времени предлагаем считать завершение создания широтного транспортного коридора между двух океанов: от Тихого (порт Ванино на Японском море) до Северного Ледовитого (порт Индига на Баренцевом море, рис. 1). Его характерные особенности:

1) геополитическая значимость (независимость выходов в мировой океан);

2) повышение связанности регионов России (включая возможность освобождения Транссиба от «тяжелых» грузов);

3) не только освоение, но и обживание новых регионов (рост населения и социального контроля над территорией, развитие инфраструктуры, ЖКХ, строительство объектов энергетики);

4) приближение к арктическим коммуникациям;

5) смешанное финансирование (учет интересов ресурсодобывающих компаний).

Ниже остановимся только на последней из указанных особенностей проекта Севсиб, учитывая смешанный характер ведения бизнеса в современной экономике нашей страны [Варнавский, 2009]. Источники финансирования следует рассматривать в зависимости от значимости строящихся объектов:

1) объекты геополитической значимости, повышающие **связанность** регионов;

2) объекты, способствующие **обживанию** новых земель;

3) объекты **коммерческой** структуры.

К объектам первой категории следует относить: железнодорожные пути, железнодорожные станции, объекты ж/д инфраструктуры (сети электроснабжения, электростанции, ТЭЦ). Очевидно, что финансирование объектов первой категории должно быть полностью из государственного бюджета [Артюхова, 2015]. Остается открытым вопрос соотношения участия региональных и федеральных бюджете-

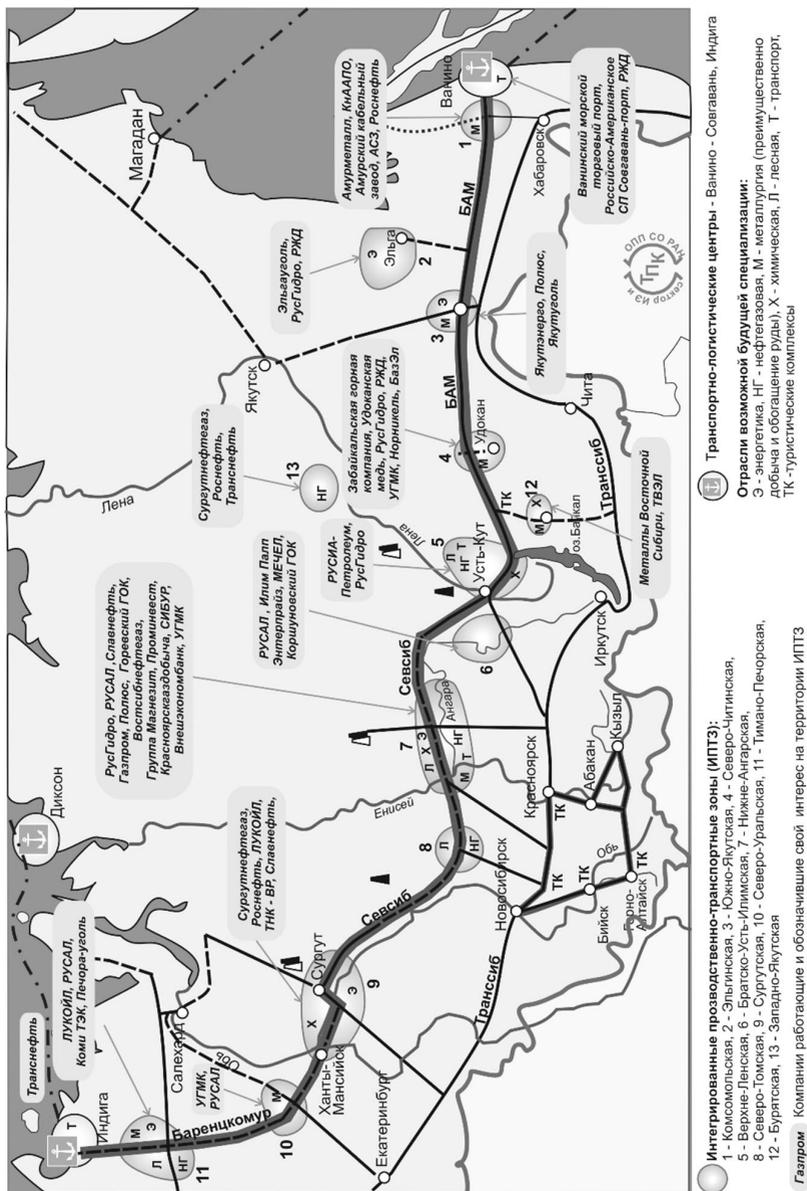

Рис. 1. Севсиб как звено нового широтного транспортного коридора [Бандман, 1996]

тов. Рассмотрим это соотношение исходя из итоговых выгод строительства для озвученных видов бюджетов (табл. 2).

Таблица 2

«Интересы» бюджетов разных уровней

Федеральный бюджет	Региональный бюджет
Реализация стратегических целей государства	Пополнение за счет региональных налогов (транспортный налог, налог на имущество)
Пополнение за счет федеральных налогов (налог на полезные ископаемые, НДС и др.)	Пополнение из федерального бюджета на содержание стратегической инфраструктуры

Понятно, что уровень и важность целей, реализуемых из средств федерального бюджета, существенно выше, чем цели, для достижения которых предназначены средства бюджета регионального. Поэтому, вероятно, и соотношение налоговой базы федерального бюджета к региональному в разных регионах можно считать справедливым распределением затрат на строительство объектов первой категории (рис. 2).

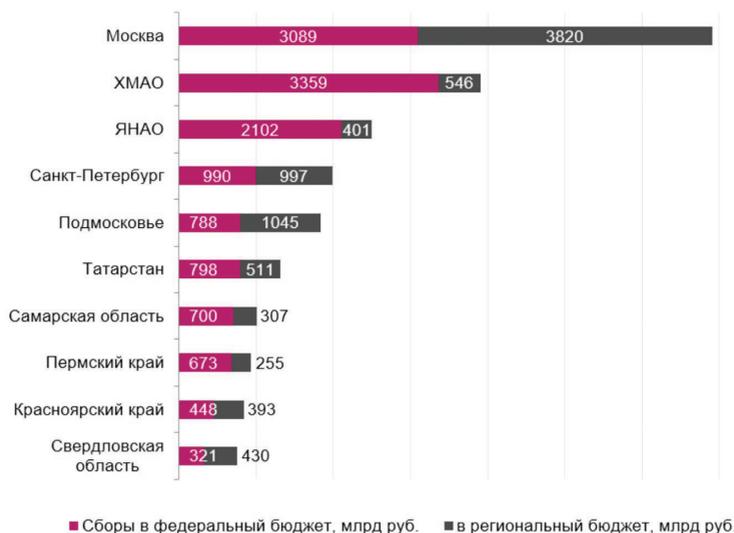

Рис. 2. Дифференциация регионов по налоговой базе (2023 г.)

Источник: URL: [https://finexpertiza.ru/press-service/researches/2024/rost-nalogh-post-2023/#:~:text=Собираемость%20налогов%20выросла%20в%204,\(%2B144%20млрд%20руб.\)](https://finexpertiza.ru/press-service/researches/2024/rost-nalogh-post-2023/#:~:text=Собираемость%20налогов%20выросла%20в%204,(%2B144%20млрд%20руб.)) (дата обращения: 14.10.2024)

В качестве примера рассмотрим два региона, на территории которых планируется строительство Севсиба: Ханты-Мансийский автономный округ (ХМАО) и Свердловская область (СО). Суммы налоговых сборов представлены в табл. 3. Для ХМАО: 3359 млрд руб. выплачено в федеральный бюджет и 546 млрд – для пополнения регионального бюджета. Для СО: 321 млрд – в федеральный бюджет, 430 млрд – в региональный.

Таблица 3

Распределение финансирования объектов первой категории для ХМАО и Свердловской области

Бюджет	Налоговые сборы (млрд руб.)		Вклад в строительство (%)	
	ХМАО	Свердловская область	ХМАО	Свердловская область
Региональный	546	430	13.98	57.26
Федеральный	3359	321	86.02	42.74

К объектам второй категории (обживание новых земель) следует относить логистические центры, объекты жилищного строительства, социальные объекты (дома культуры, школы и т.п). Строительство таких объектов производится по всей стране за счет полного или частичного привлечения частного капитала [Андрюхова, 2011]. Имеется обширный опыт организации строительства целых районов, основанный на комплексном освоении территории. Примером такого опыта может служить компания «Ренова», которая комплексно застраивает район Академический в Екатеринбурге.

Важно отметить, что участие регионального бюджета все-таки необходимо. Строительство жилья и социальных объектов предусматривает под собой не только само строительство, но и подключение к центральным коммуникациям (вода, канализация, свет, тепло). Обеспечение районов строительства центральными коммуникациями ложится на плечи регионального и федерального бюджетов [Асаул, 2009]. Учитывая тот факт, что ТЭЦ, локальные очистные сооружения входят в первую группу значимости объектов строительства, финансовые средства, необходимые для строительства, уже учтены при расчетах (см. табл. 3). Остается неучтенным только момент передачи энергии (и других ресурсов) непосредственно до потребителя – за чей счет предлагается это делать. Полагаем, что за-

траты на строительство крупных магистральных сетей должны делиться на всех участников застройки, которым необходимо подключение. Местные сети застройщик выполняет за счет собственных средств и передает эксплуатирующей организации. Следует отметить, что стоимость подключения к коммуникациям в данном случае составляет примерно 10–20 % бюджета строительства.

Наиболее острым вопросом при жилой застройке становится обеспеченность социальными объектами (садики, школы) [Загидулина, 2010]. Здесь следует пояснить, что существует несколько способов финансирования строительства социальных объектов:

1. При выделении земли под застройку сразу обговаривается, что строительство социальных объектов производится за счет застройщика⁷.

2. При покупке земли застройщик берет на себя обязанности по проектированию, прохождению государственной экспертизы и передаче проектной документации органам местного самоуправления. Непосредственно строительство объекта производится за счет регионального бюджета (опыт г. Екатеринбурга).

3. 100%-ное финансирование за счет регионального бюджета.

Наиболее приемлемым (оптимальным) вариантом, в разрезе строительства инфраструктуры в зоне влияния Севсиба, по крайней мере при первых шагах освоения, авторам видится вариант № 2. На первых этапах освоения новых земель приток населения будет небольшой, вследствие чего ожидать высокой прибыльности от продажи жилого фонда не представляется возможным. Поэтому финансирование застройщиками еще и социальных объектов может привести к убыточности девелоперских проектов [Абрамов, 2015].

Участие регионального бюджета при жилищном строительстве требуется только в части финансирования социальных объектов, что составляет (при современном уровне цен) порядка 10 % от стоимости проекта в целом. Отметим, что стоимость проектно-изыскательских работ (ПИР) относительно СМР в данном случае составляет порядка 5 %.

Финансирование третьей группы объектов следует производить исключительно за счет коммерческих организаций. Отметим, что для увеличения скорости освоения земельного фонда необходимо

⁷ Такой способ активно применяется при застройке в Москве и Московской области.

предусмотреть льготное выделение земельного фонда, льготные процентные ставки по кредитованию, упрощенное получение технических условий (ТУ) на подключение к сетям, а также ввести налоговые льготы для предприятий, который предоставляют рабочие места.

Таким образом, по итогам исследования и сравнения разных способов финансирования объектов выделенного участка Севсиба предлагается табл. 4.

Таблица 4

Направления финансирования по объектам выделенного участка предполагаемого транспортного коридора (%)

Источники финансирования, объекты	Частный капитал	Региональный бюджет	Федеральный бюджет
Линии ж/д	0-10	10-50	50-90
Жилые объекты	70-80	10-15	10-15
Социальные объекты	90-95	2-5	3-5
Коммерческая недвижимость	100	0	0

Литература

Абрамов Ф.С. Инвестиции и девелопмент. СПб.: Питер, 2015. 384 с.

Азиатская часть России: моделирование экономического развития в контексте опыта истории / отв. ред. В.А. Ламин, В.Ю. Малов; Рос. Акад. наук, Сиб. отд-ние, Ин-т экономики и организации пром. производства и др. Новосибирск: Изд-во СО РАН, 2012. (Интеграционные проекты СО РАН. Вып. 34). 464 с.

Андрюхова Н.Ю., Ультран С.И. Сравнение методик оценки инвестиционной привлекательности регионов на основе зарубежного опыта и российской практики // Вестник ПГУ. 2011. № 2. С. 82–87.

Артюхова В.О., Щербакова Н.А. Инновационный менеджмент и технологическое предпринимательство. Управление заемными источниками организации при финансировании инноваций: материалы Всерос. молодеж. науч. форума (Новосибирск, 12–14 ноября 2015 г.): в 2 т. Новосибирск: Изд-во НГТУ, 2015. 832 с.

Асаул А.Н. Экономика недвижимости. СПб.: Питер, 2009. 512 с.

Байкалов Н.С. Байкало-Амурская магистраль и северные районы Бурятии: от всесоюзной комсомольской стройки к постсоветской деиндустриализации: монография. Улан-Удэ: Изд-во ВСГТУ, 2021. 232 с.

Байкалов Н.С. Исторический опыт формирования и развития населенных пунктов в зоне Байкало-Амурской железнодорожной магистрали (1970-е – 1990-е гг.): дис. ... д-ра ист. наук. Улан-Удэ, 2022.

Бандман М.К., Малов В.Ю. Транспортный комплекс Азиатской России: укрепление экономической безопасности // Известия АН. Сер.: Геогр. 2001. № 2. С. 12–24.

Богачев В.Н. Призраки и реалии рынка. М.: Институт экономики РАН, 1990. С. 199–218.

Варнавский В.Г. Государственно-частное партнерство. М.: ИМЭМО РАН, 2009. 312 с.

Витте С.Ю. По поводу национализма. Национальная экономия и Фридрих Лист. Санкт-Петербург, 1912. 75 с.

Загидуллина Г.М. Экономика строительства. Казань: Центр инновационных технологий, 2010. 595 с.

Нижнее Приангарье: логика разработки и основные положения концепции программы освоения региона / М.К. Бандман, В.В. Воробьева, В.Д. Ионова и др. Новосибирск: ИЭиОПП СО РАН, 1996.

Проблемные регионы ресурсного типа: Азиатская часть России / отв. ред. В.А. Ламин, В.Ю. Малов. Новосибирск: Изд-во СО РАН, 2005. 386 с.

Ситуационная комната как элемент организации экспертного сообщества: задачи планирования и прогнозирования / под ред. Г.А. Унтуры. Новосибирск: Изд-во ИЭОПП СО РАН, 2018.

Тархов С.А. Железные дороги Китая как основа интеграции его регионов: уроки для России // Проблемные регионы ресурсного типа: Азиатская часть России / под ред. В.А. Ламина, В.Ю. Малова. Новосибирск: Изд-во СО РАН, 2005. С. 283–290.

Траектории проектов в высоких широтах / под ред. Ю.В. Неелова, А.В. Артеева, В.А. Ламина, С.Е. Алексеева, В.Ю. Малова. Новосибирск: Наука, 2011. 440 с.

Хейде Хенк тер. Пространственное планирование в Нидерландах: много актеров на небольшой сцене // Регион: экономика и социология. 1994. № 2.

Экономические аспекты разработки транспортной стратегии России. Материалы к обсуждению в Центре стратегических разработок (Москва, 10–11 ноября 2003 г.) по транспортной стратегии России. Новосибирск: ИЭОПП СО РАН, 2023. 60 с.

Т.О. Тагаева, А.И. Савина, А.Б. Базаров

ВНЕДРЕНИЕ НАИЛУЧШИХ ДОСТУПНЫХ ТЕХНОЛОГИЙ КАК ДРАЙВЕР ИНДУСТРИАЛЬНОГО РАЗВИТИЯ РОССИИ

T.O. Tagaeva, A.I. Savina, A.B. Bazarov

THE INTRODUCTION OF THE BEST AVAILABLE TECHNOLOGIES AS A DRIVER OF RUSSIA'S INDUSTRIAL DEVELOPMENT

Аннотация. В индустриальном развитии России немаловажную роль играет экологическая и климатическая политика. Многие страны ставят перед собой цель снижения выбросов вредных веществ и парниковых газов, предотвращения экологических аварий, что приведет к уменьшению вреда для окружающей среды. Промышленность стоит перед трудным выбором: с одной стороны – прибыльность производства, увеличение доли продукции на рынке, выход на новые рынки; с другой стороны – ужесточение требований к экологизации производственного процесса, что неминуемо приводит к росту издержек производства. Одним из решений данной дилеммы является внедрение наилучших доступных технологий (НДТ) в технологические процессы промышленных предприятий. В статье дано понятие «наилучшие доступные технологии», рассмотрены критерии отнесения технологии к НДТ, проанализированы информационно-технические справочники НДТ. Рассмотрены примеры внедрения наилучших доступных технологий в разных отраслях промышленности.

Ключевые слова: наилучшие доступные технологии, индустриальное развитие, зеленая экономика.

Страны Евросоюза поставили цель достижения климатической нейтральности к 2050 г. (нулевых нетто-выбросов всех парниковых газов). При этом планируется, что к 2030 г. выбросы парниковых газов будут уменьшены на 55 % к уровню 1990 г. Китайская Народная Республика планирует достичь углеродной нейтральности к 2060 г., а к 2030 г. – сократить выбросы CO₂ минимум на 65 % по сравнению с 2005 г. Сокращать выбросы парниковых газов Китай собирается за счет снижения зависимости от углеродных носите-

лей, в том числе за счет ускоренного наращивания мощностей зеленой энергетики.

Стратегия социально-экономического развития России с низким уровнем выбросов парниковых газов до 2050 г. была разработана и подписана в 2021 г. В стратегии описаны два варианта развития: инерционный и целевой, которые отличаются мерами по декарбонизации российской экономики. Согласно целевому сценарию (который взят за основу в данном исследовании), Россия планирует достичь углеродной нейтральности к 2060 г. Реализация этого сценария приведет в 2050 г. к сокращению нетто-выбросов парниковых газов на 60 % по сравнению с уровнем 2019 г. и на 80 % по сравнению с уровнем 1990 г.¹

На национальном уровне Россия с 2006 г. приступила к составлению национального доклада за 1990–2015 гг. о кадастре антропогенных выбросов из источников и абсорбции поглотителями парниковых газов, не регулируемых Монреальским протоколом. Данный доклад ежегодно предоставляется в соответствии с международными требованиями и процедурами руководящих принципов Межправительственной группы экспертов по изменению климата (МГЭИК)² в комитет Рамочной конвенции ООН по изменению климата как подтверждение обязательств государства по регулированию выбросов ПГ и для оценки проводимой внутри страны климатической политики. Национальные кадастры всех стран доступны для изучения на сайте комитета.

В национальных кадастрах оценка выбросов ПГ осуществляется для пяти секторов: энергетика, промышленные процессы и использование продукции (ППИП), сельское хозяйство, землепользование, изменение землепользования и лесное хозяйство (ЗИЗЛХ), отходы.

Перед страной и компаниями ставится сложная задача: с одной стороны – интенсификация индустриального развития для достижения технологического суверенитета, с другой стороны – подписанные соглашения об уменьшении выбросов парниковых газов.

¹ Распоряжение Правительства РФ от 29 октября 2021 г. № 3052-о «Об утверждении стратегии социально-экономического развития России с низким уровнем выбросов парниковых газов до 2050 года». URL: <http://static.government.ru/media/files/ADKkCzp3fW032e2yA0BhtlpyzWfHaiUa.pdf> (дата обращения: 18.06.2024).

² Руководящие принципы национальных инвентаризаций парниковых газов МГЭИК, 2006 г. URL: https://www.ipcc-nggip.iges.or.jp/public/2006gl/russian/pdf/0_Overview/V0_0_Cover.pdf (дата обращения: 18.06.2024).

Для решения этой задачи могут быть применимы наилучшие доступные технологии.

С 2015 года в России в открытом доступе публикуются информационно-технические справочники наилучших доступных технологий (ИТС НДТ). **Наилучшая доступная технология (НДТ)** представляет собой технологию производства продукции (товаров), выполнения работ, оказания услуг, определяемую на основе современных достижений науки и техники и наилучшего сочетания критериев достижения целей охраны окружающей среды при условии наличия технической возможности ее применения³.

При определении технологических процессов, оборудования, технических способов и методов в качестве наилучшей доступной технологии члены рабочей группы должны рассмотреть их на предмет соответствия следующим критериям:

а) наименьший уровень негативного воздействия на окружающую среду в расчете на единицу времени или объем производимой продукции (товара), выполняемой работы, оказываемой услуги либо уровень, соответствующий другим показателям воздействия на окружающую среду, предусмотренным международными договорами Российской Федерации;

б) высокая экономическая эффективность внедрения и эксплуатации;

в) применение ресурсо- и энергосберегающих методов;

г) научно обоснованный период внедрения;

д) промышленное внедрение технологических процессов, оборудования, технических способов и методов на двух и более объектах в Российской Федерации, оказывающих негативное воздействие на окружающую среду.

Разработка ИТС НДТ составляет минимальный промежуток в один год и включает в себя этапы от формирования технических рабочих групп, сбора данных от предприятий, публичных обсуждений, экспертизы, доработки ИТС НДТ и на заключительном этапе – утверждения ИТС НДТ.

Типовая структура ИТС НДТ определена в ГОСТ Р 56828.14–2016 «НДТ. Структура информационно-технического справочника» и включает следующие разделы:

³ Росстандарт. URL: <https://www.gost.ru/portal/gost/home/activity/NDT> (дата обращения: 18.06.2024).

- Область применения;
- Раздел 1 «Общая информация о рассматриваемой отрасли промышленности»;
- Раздел 2 «Описание технологических процессов, используемых в настоящее время в рассматриваемой отрасли промышленности»;
- Раздел 3 «Текущие уровни эмиссии в окружающую среду»;
- Раздел 4 «Определение наилучших доступных технологий»;
- Раздел 5 «Наилучшие доступные технологии»;
- Раздел 6 «Экономические аспекты реализации наилучших доступных технологий»;
- Раздел 7 «Перспективные технологии», «заключительные положения и рекомендации», «приложения», «библиография».

ИТС НДТ может быть как отраслевым, так и межотраслевым справочником. Данные в справочниках актуализируются в среднем через 5 лет. На данный момент на сайте Бюро НДТ и на сайте Росстандарта опубликованы 53 справочника НДТ.

В России в литературных источниках отмечается важность внедрения НДТ в различных отраслях экономики [Гусева, 2015. С. 64–78; Бобылев, Соловьева, 2020. С. 63–72]. Вот несколько примеров применения НДТ в различных отраслях промышленности.

Металлургическая промышленность. В черной металлургии электродуговой способ производства стали позволил отказаться от мартеновского способа производства. Новые НДТ используются на Нижнетагильском МК, Магнитогорском МК, Новолипецком МК, ПАО «ГМК “Норильский никель”», ОМК и других предприятиях [Колемазова, Аленкова, 2015. С. 42–45].

Электроэнергетика. Впервые в отечественной металлургии основным топливом для энергогенерирующего объекта станут вторичные ресурсы – попутные газы металлургического производства (75 % топливного баланса ТЭЦ обеспечат конвертерный и доменный газ). В результате использования НДТ предполагается ежегодное сокращение эмиссий парниковых газов на 650 тыс. т, оксида углерода – на 6 тыс. т. НДТ внедрена на Новолипецком МК.

Химическая промышленность. Одним из продуктов химической промышленности является аммиачная селитра (нитрат аммония NH_4NO_3), которая широко используется в сельском хозяйстве как

простое азотное удобрение и является перспективным компонентом для приготовления комплексных удобрений. Такая технология была впервые применена в России в 2015 г. и с тех пор все более широко используется (например, на предприятиях объединенной химической компании «Уралхим», в ОАО «Куйбышев Азот») [Сахаров, Махоткин, Сахаров, Махоткин, 2021. С. 187–191].

Целлюлозно-бумажная промышленность. НДТ, применяемые в целлюлозно-бумажной промышленности, предполагают использование выпарных станций нового поколения. Применяются на Архангельском ЦБК [Зылев, Москалюк, Кониная, 2022. С. 54–63].

Производство строительных материалов. В качестве примера инновационного материала, применяемого в строительстве, можно привести листовое флоат-стекло, основными характеристиками которого является энергосберегаемость, низкоэмиссионность, солнцезащитность. 11 заводов листового стекла функционируют в РФ [Секин, Кондратенко, Рудомазин, 2021. С. 53–61].

В качестве НДТ *в сельском хозяйстве* перспективным являются технологии для переработки сельскохозяйственных отходов в биологические удобрения и энергию [Астраханов, Гревцов, Силитрина, 2021].

Таким образом, ИТС НДТ уже достаточно распространены и успешно применяются в различных отраслях экономики и являются драйвером индустриального развития России.

Благодарность. Исследование выполнено в рамках научного проекта № 24-28-20096 «Использование наилучших доступных технологий в целях сокращения углеродного следа на предприятиях Новосибирской области» при поддержке РНФ и Правительства Новосибирской области.

Литература

Астраханов М.Е., Гревцов О.В., Силитрина Е.В. Основные направления переработки и использования навоза и помета на территории Ленинградской области // Зеленые проекты / ред. Д.О. Скобелев. М.: Деловой экспресс, 2021. С. 114–127.

Бобылев С.Н., Соловьева С.В. Циркулярная экономика и ее индикаторы для России // Мир новой экономики. 2020. № 14 (2). С. 63–72.

Гусева Т.В. Наилучшие доступные технологии как инструмент промышленной и экологической политики // Вестник РХТУ им. Д.И. Менделеева. Гуманитарные и социально-экономические исследования. 2015. № 2 (6). С. 64–78.

Зылев Д.И., Москалюк Е.А., Коница Ю.М. Современная практика внедрения НДТ упаривания щелоков в ЦБП // Зеленые проекты / ред. Д.О. Скобелев. М.: Деловой экспресс, 2022. С. 54–63.

Колемасова Ю.А., Аленкова И.В. Реструктуризация сталеплавильного производства // IN SITU. 2015. № 5. С. 42–45.

Сахаров И.Ю., Махоткин А.Ф., Сахаров Ю.Н., Махоткин И.А. Сокращение выбросов вредных веществ и интенсификация технологии производства аммиачной селитры // Сборник материалов III Всероссийской научно-практической конференции с международным участием, посвященной 90-летию СГЭУ. Самара: Изд-во ГБУК «Самарская ОУНБ», 2021. Т. 3. С. 187–191.

Секин С.В., Кондратенко О.В., Рудомазин В.В. Листовое стекло: возможности повышения энергоэффективности и ограничения выбросов парниковых газов в производстве и процессе применения // Зеленые проекты / ред. Д.О. Скобелев. М.: Деловой экспресс, 2021. С. 53–61.

Н.И. Пляскина

ЭКОЛОГИЧЕСКАЯ БЕЗОПАСНОСТЬ И ТРАНСФОРМАЦИЯ РАЗВИТИЯ ЭНЕРГЕТИЧЕСКОЙ ПОЛИТИКИ¹

N.I. Plyaskina

ENVIRONMENTAL SAFETY AND TRANSFORMATION OF ENERGY POLICY DEVELOPMENT

Аннотация. Россия является экологически ответственным государством, ратифицировала Киотский протокол к Рамочной конвенции ООН об изменении климата, вызванного выбросами в атмосферу парниковых газов, что в значительной мере обусловлено развитием энергетики. В работе исследуется трансформация энергетической политики, анализируются механизмы достижения углеродной нейтральности, предложена динамическая имитационная модель для оценки эффективности инвестиционных проектов в сфере «зеленой энергетики» и проведена ее апробация.

Ключевые слова: экологическая безопасность, энергетика, нефтедобывающая компания, окружающая среда, углеродная нейтральность, эффективность.

Введение. В настоящее время в мире наблюдается глобальное изменение климатической ситуации в сторону потепления за счет увеличения выбросов парниковых газов (ПГ), которые задерживают инфракрасное излучение. Промышленная революция дала импульс росту сжигания ископаемого топлива и биомассы, сведению лесов, в результате наблюдается высокая концентрация парниковых газов в атмосфере планеты и увеличение температур.

Основным источником выбросов парниковых газов является энергетический сектор. На получение энергии во всех сферах человеческой деятельности мира приходится 76 % эмиссии углекислого

¹ Исследование выполнено в рамках государственного задания по плану НИР ИЭОПП СО РАН. Проект № 5.6.1.5 (0260-2021-0002), регистрационный № 121040100284-9.

газа (CO₂), в России эта доля несколько выше – 78,7 %². Основным приоритетом энергетической политики России в условиях смены технологического уклада является обеспечение экологической безопасности, что в значительной степени обусловлено геополитической ситуацией и ролью ТЭК в деятельности других секторов экономики. Наибольшую значимость эти вопросы приобрели в связи с подписанием Рамочной конвенции ООН об изменении климата (РКИК, 1992 г.), принятием Киотского протокола (1997 г.) и Парижского соглашения (2015 г.), обязывающих участников ограничить или сократить выбросы парниковых газов. Повышение среднемировой температуры должно удерживаться на уровне 2 °С по сравнению с уровнем 1900-х гг. и не подниматься более чем на 1,5 °С³.

С ростом технического прогресса процессы загрязнения окружающей среды ускоряются, повышая вероятность деградации экосистемы земли в перспективе, что обуславливает особое внимание переходу к «зеленой экономике» и определило долгосрочное развитие глобальной энергетики в направлении обеспечения экологической безопасности.

В этих условиях начался ускоренный переход к гибкой и устойчивой энергетике, способной адекватно ответить на вызовы и угрозы и обеспечить экологическую безопасность⁴. Экологическая безопасность – это состояние защищенности окружающей среды и жизненно важных интересов человека от возможного негативного воздействия хозяйственной и иной деятельности, чрезвычайных ситуаций природного и техногенного характера, их последствий. Данное понятие определено в статье 1 Федерального закона от 10.01.2002 № 7-ФЗ (в ред. от 25.12.2023) «Об охране окружающей среды» (с изм. и доп., вступ. в силу 01.03.2024)⁵.

² Мальцев А. Как меняются отрасли, ответственные за выбросы парниковых газов // Ведомости. 2021. 3 окт.

³ Парижское соглашение. Организация Объединенных Наций. 2015. URL: https://unfccc.int/sites/default/files/russian_paris_agreement.pdf (дата обращения: 19.03.2021).

⁴ Энергетическая стратегия Российской Федерации на период до 2035 года. Утверждена распоряжением Правительства Российской Федерации 9 июня 2020 г. № 1523-р. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_354840/feb387ba6c b412e94e5c4fd72de0228c1a68af25/ (дата обращения: 10.03.2024).

⁵ Федеральный закон от 10.01.2002 г. № 7-ФЗ (в ред. от 25.12.2023) «Об охране окружающей среды» (с изм. и доп., вступ. в силу 01.03.2024). URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_34823/bb9e97fad9d14ac66df4b6e67c453d1be3b77b4c/ (дата обращения: 11.06.2024).

Глобальные тренды климатической ситуации и переход к «зеленой экономике». Для выполнения обязательств по Парижскому соглашению Европейский Союз утвердил стратегию, направленную на сокращение к 2030 г. выбросов CO₂ на 55 % и достижение к 2050 г. нулевых выбросов парниковых газов на континенте (European Green Deal – Европейский зеленый курс)⁶. Обобщенное определение понятия «зеленая экономика» сформулировано в 1972 г. Программой ЮНЕП (The United Nations Environment Programme), созданной Организацией Объединенных Наций как ведущий глобальный природоохранный орган – это экономика, имеющая низкие выбросы углеродных соединений, эффективно использующая ресурсы и отвечающая интересам всего общества⁷.

Результатом этих действий стало бурное развитие мирового сообщества в направлении экологической безопасности планеты. По прогнозу в мировом энергетическом балансе к 2040 г. произойдет значительный сдвиг в пользу чистых видов топлива: доля природного газа возрастет до 25 %, возобновляемых источников составит почти 15 %. Нефть может снизиться с 32 до 27 %, но по-прежнему будет доминировать в мировом энергетическом балансе⁸.

Россия является климатически ответственным государством, Парижское соглашение было подписано в 2016 г. и ратифицировано 23 сентября 2019 г., что стало драйвером активных действий. В 2021 г. утверждена Стратегия России до 2050 г., представлено два сценария развития страны – инерционный и интенсивный, которые предполагается взять на реализацию⁹. Интенсивный сценарий разработан с учетом соответствия российского климатического регулирования

⁶ European Green Deal – главные положения закона. Юлия Ерься. Обзор РБК Тренды 21.07.2021. URL: <https://trends.rbc.ru/trends/green/60f80a9e9a79476b4bdcc14f> (дата обращения: 11.03.2022).

⁷ Навстречу «зеленой» экономике: пути к устойчивому развитию и искоренению бедности. Обобщающий доклад для представителей властных структур. ЮНЕП, 2011 г. С. 9. URL: www.unep.org/greeneconomy. http://old.ecocongress.info/5_congr/docs/doklad.pdf (дата обращения: 11.03.2022).

⁸ Нефтегазовый комплекс России и мира. Состояние и перспективы развития // Деловой журнал Neftegaz.RU. 2020. № 6. С. 1. URL: <https://magazine.neftgaz.ru/> (дата обращения: 11.03.2023).

⁹ Распоряжение Правительства Российской Федерации от 29.10.2021 г. № 3052-р «Стратегия социально-экономического развития России с низким уровнем выбросов парниковых газов до 2050 года». URL: <http://government.ru/docs/43708/> (дата обращения: 11.12.2022).

мировым стандартам, включая ESG¹⁰. Он предусматривает учет экономических возможностей развития в условиях глобального энергетического перехода на «зеленые» технологии с низким уровнем выбросов CO₂ и принципа окупаемости инвестиций, вложенных в них. Предполагается снижение доли «традиционных» отраслей на 9,4 % в 2050 г. по сравнению с 2020 г.

Основы углеродного регулирования в России установлены Федеральным законом от 02.07.2021 г. № 296-ФЗ «Об ограничении выбросов парниковых газов»¹¹. Введен показатель «углеродная единица» и термин «целевой показатель сокращения выбросов парниковых газов». Субъекты, имеющие высокие объемы выбросов, обязаны представлять отчеты. Закон прежде всего направлен на предоставление предпринимателям возможности реализовывать инвестиционные проекты, направленные на сокращение выбросов ПГ. Государственным корпорациям, компаниям и акционерным обществам с государственным участием рекомендуется скорректировать стратегии с учетом мер по обеспечению развития государства с низким уровнем эмиссии углекислого газа.

Механизмы достижения углеродной нейтральности. Углеродная нейтральность означает, что компания сокращает до нуля выбросы углекислого газа и его аналогов в процессе производственной деятельности или компенсирует выбросы посредством реализации углеродно-отрицательных проектов¹². Тренд на углеродную нейтральность реализуется посредством сокращения прямых выбросов при производстве; перехода на возобновляемые источники энергии – гидрогенерация, солнечная энергия, энергия ветра, воды, водорода; прямого захвата CO₂ из атмосферы – поглощение растениями, почвой и водными массами.

Распространенными механизмами регулирования являются системы квотирования выбросов парниковых газов, введение углеродных налогов и сборов, маркировка продукции по уровню угле-

¹⁰ Совокупность критериев перевода компаний в пользу социально-ответственного управления – Environmental (окружающая среда), Social (социальная ответственность), Governance (справедливое управление компанией).

¹¹ Федеральный закон от 02.07.2021 г. № 296-ФЗ «Об ограничении выбросов парниковых газов». URL: <https://base.garant.ru/401420454/> (дата обращения: 11.03.2024).

¹² Георгий Макаренко. Что такое углеродная нейтральность. Обзор РБК Тренды 29.08.2019. URL: <https://trends.rbc.ru/trends/green/5ffd5a099a7947594de716ce> (дата обращения: 21.12.2022).

родного следа в соответствии с национальными критериями экологической и энергетической эффективности, запреты на продажу (использование) углеродоемкой продукции, установление технических стандартов, ограничивающих уровень выбросов ПГ для автомобилей, что направлено на сокращение использования двигателей внутреннего сгорания (Норвегия, Дания, Великобритания, Испания, Франция, Китай, Германия), а также смешанные формы регулирования. Рассматриваемыми механизмами охвачено порядка 21 % мировых эмиссий парниковых газов, что позволяет снизить углеродный след производства и вовлечь в декарбонизацию заинтересованные компании, способствовать трансформации энергосистемы, использованию новых технологий и мощностей, развитию возобновляемых источников энергии, в том числе водородной. Основными механизмами снижения углеродных выбросов является система торговли квотами на выбросы углерода (СТВ) и трансграничный углеродный налог (ТУН), который рассчитывается исходя из углеродоемкости товара. Эти два инструмента не взаимоисключающие – в некоторых юрисдикциях применяются одновременно оба.

Определенный интерес представляет создание российской системы углеродных квот и механизма торговли разрешениями на выбросы с учетом особенностей развития энергетического сектора. Сбербанк РФ предложил инвестиции в декарбонизацию частично компенсировать за счет торговли разрешениями на выбросы и заинтересован распространить СТВ на всю российскую экономику¹³.

В России планируется введение платы за выбросы ПГ посредством создания ряда вариантов системы ценообразования: европейский вариант – по системе предельного ценообразования с определением квот – 85 % квот бесплатно, 15 % квот реализуются на рынке по €50–55 за одну тонну CO₂. Вариант средней системы ценообразования – €5–7 за одну тонну CO₂¹⁴. Первые попытки оценки последствий осуществлены на примере электроэнергии. Большинство экспертов прогнозируется существенное увеличение оптовой цены электроэнергии: до 9 % при обязательной оплате лишь 10 % от объема выбросов по цене €60 за тонну, при полной оплате выбросов

¹³ Полина Смертина. Сбербанк готовится к лихим нулевым // Коммерсантъ. 2021. 1 июля.

¹⁴ В России хотят ввести систему ценообразования на выбросы CO₂ // Коммерсантъ. 2021. 28 сент.

по €50 за тонну CO₂ стоимость электроэнергии угольной ТЭС возрастет в 5,3 раза, а газовой – в 2,7 раза¹⁵.

Минприроды РФ предлагает установить оборотные штрафы за избыточные выбросы в атмосферу, плату за превышение квот начислять исходя из среднемировой цены на выбросы ПГ в \$2 за тонну CO₂ и средней цены квоты в европейской системе торговли квотами в €25 за тонну CO₂. Если предельный объем выбросов не достигается, то начисляются единицы выполнения квот (одна «экономленная» тонна CO₂ равна одной единице). Накопленные квоты предприятия смогут продавать или засчитывать при погашении¹⁶.

Процесс торговли разрешениями на выбросы в России еще не начался. Для определения эффективности механизма квотирования выбросов CO₂ предполагается реализация региональных экспериментов. Установление углеродного регулирования в тестовом режиме может начаться на Сахалине. Цель эксперимента – сократить на 10 % объем выбросов ПГ в регионе к концу 2025 г. (в 2021 г. он составил 12,3 млн т CO₂-эквивалента, объем поглощения – 11,1 млн т). Для достижения углеродной нейтральности региону необходимо перевести с угля на газ 145 котельных, повысить долю экологичного транспорта до 50 % и увеличить долю возобновляемых источников энергии¹⁷.

Одной из экономических мер является введение ТУН, который планируется взимать с 1 января 2026 г.¹⁸ По оценке Минэкономразвития РФ, проведенной в 2021 г., введение ТУН затронет экспорт из России на сумму около \$7,6 млрд в год. Ежегодные убытки импортеров российской продукции от налога к 2030 г. составят порядка \$3,5–6,3 млрд¹⁹. Рассматриваемые механизмы позволят снизить углеродный след производства и вовлечь в декарбонизацию заинтересованные компании, будут способствовать трансформации энергосистемы, использованию новых технологий и мощностей, строительству

¹⁵ Полина Смертина. Цена углеродного следа // Коммерсантъ. 2021. 1 нояб.

¹⁶ Евгения Крючкова. Минприроды предлагает оборотные штрафы за избыточные выбросы в атмосферу // Коммерсантъ. 2022. 16 февр.

¹⁷ Евгения Крючкова. Сахалинский эксперимент отложен на полгода // Коммерсантъ. 2022. 16 февр.

¹⁸ Гринкевич Д., Милькин В. В правительстве готовят российский вариант углеродного сбора ЕС // Ведомости. 2021. 23 сент.

¹⁹ Там же.

объектов на основе возобновляемых источников энергии, развитию водородной энергетики.

Энергетическая трансформация нефтегазовых компаний в условиях углеродной нейтральности. В энергетике формируется огромное количество экологически опасных отходов, попутных и вторичных ресурсов, хранение, обезвреживание и утилизация которых представляют народнохозяйственную проблему, охватывающую все сферы деятельности и окружающую среду. Накопление значительных масс отходов во многих отраслях энергетики обусловлено существующим уровнем технологии переработки сырья и недостаточностью его комплексного использования. Крупной проблемой является сжигание попутного нефтяного газа (ПНГ) в факелах, что приводит к загрязнению окружающей среды и ежегодной потере до 35 млрд куб. метров ценного сырья. По данным Всемирного Банка, Россия входит в число стран-лидеров с самыми высокими показателями сжигания ПНГ на факелах. Не урегулированы законодательными и иными нормативно-правовыми актами вопросы доступа сервисных газоперерабатывающих компаний к сжигаемому сырью и их экономического стимулирования. В связи с истощением и качественным ухудшением сырьевой базы нефти и высоконапорного природного газа особую остроту приобретает проблема рационального и наиболее полного использования запасов эксплуатируемых месторождений углеводородов.

В этих условиях в России начался ускоренный переход к гибкой и устойчивой энергетике, способной адекватно ответить на вызовы и угрозы. Для сохранения конкурентных преимуществ многие компании участвуют в программах по сокращению выбросов парниковых газов, приняли собственные стратегии использования низкоуглеродной энергетики на основе ESG-критериев, реализуют соответствующие инвестиционные проекты. Энергетическая политика трансформируется в следующих направлениях:

- структурная диверсификация в направлении увеличения доли неуглеродной энергетики – возобновляемых источников энергии (геотермальная, солнечная энергия, энергия биомассы, космоса и др.), перехода на использование топлива с меньшим содержанием углерода (увеличение доли природного газа, сжиженного природного газа, газомоторного топлива, развитие атомной и гидроэнергетики);

- повышение энергоэффективности производства, распределения, потребления. По оценкам экспертов, около 53 % потенциала снижения эмиссий в энергетическом секторе можно реализовать за счет потенциала энергосбережения;
- стимулирование поиска новых экологически чистых энергоресурсов и технологий посредством изменения ценовой и бюджетно-налоговой системы (установление специального налога на ископаемые энергоносители, введение налогов на углерод/энергию, способствующих переходу на менее углеродосодержащие виды топлива, реформирование системы субсидий, в том числе в угольном и электроэнергетическом секторах);
- создание «инновационных технологий производства энергии с незначительным воздействием на окружающую среду (нанотехнологии: углеродные наноструктуры (фуллерены, нанотрубки), строительство солнечных фотоэлектрических станций, технологий на базе исследований перспектив космонавтики и др.).

В работе рассматривается переход нефтегазовых компаний на альтернативные источники энергии. Примером является ПАО «НК Роснефть», добыча нефти которой составляет почти 6 % от мирового уровня и около 40 % в РФ. Приоритетной задачей компании наряду с высокой доходностью является применение экологически безопасных технологий. За 2016–2020 гг. «зеленые инвестиции» ПАО «Роснефть» составили более 240 млрд руб., в ближайшие пять лет планируется вложить еще 300 млрд руб.²⁰

В 2021 г. была утверждена Стратегия «Роснефть-2030: надежная энергия и глобальный энергетический переход». Основные этапы достижения целевых показателей направлены на ускорение инициатив по декарбонизации. Запланировано сокращение абсолютных выбросов ПГ по сравнению с 2020 г. на 5 % к 2025 г., более чем на 25 % к 2035 г. и достижение углеродной нейтральности к 2050 г.²¹

²⁰ «Роснефть» сегодня // Сайт ПАО «Роснефть». URL: <https://www.rosneft.ru/about/Glance/> (дата обращения: 21.05.2022).

²¹ Перспективы развития и стратегия // Сайт ПАО «Роснефть». URL: <https://vcng.rosneft.ru/about/strategy/> (дата обращения: 21.05.2022).

Для достижения поставленных целей ПАО «Роснефть» разрабатывает и внедряет инвестиционные проекты на основе различных технологий, направленных на полное поглощение и переработку углекислого газа, повторное использование материалов, наблюдается переход к использованию возобновляемых источников энергии. Сконструирована специальная установка для преобразования метана в синтетические жидкие углеводороды, которая была оценена международной экспертизой как «высокотехнологичное современное решение». Проводится ароматизация метана, позволяющая одновременно получать из природного и попутного нефтяного газа не только водород, но и ароматические нефтехимические продукты. Реализуются инфраструктурные проекты полезного использования попутного нефтяного газа (ПНГ) в целях снижения выбросов вредных веществ при сжигании ПНГ на факельных установках ПАО «Роснефть».

Крупнейшим проектом ПАО «Роснефть» является проект «Восток Ойл» на Таймыре (подтвержденная ресурсная база составляет 6 млрд т жидких углеводородов с уникально низким уровнем содержания серы в 0,01–0,04 %). В рамках Плана углеродного менеджмента на месторождении предусматривается полная утилизация ПНГ, что обеспечит проекту снижение «углеродного следа» на 75 % и является высоким показателем по сравнению с крупными нефтяными проектами мира²².

«Газпром нефть» в партнерстве с лидерами авиационной отрасли создает технологический альянс для разработки «зеленого» топлива. В реализации проекта разработки Харампурского месторождения (ООО «Харампурнефтегаз») в Ямало-Ненецком автономном округе используются солнечные батареи. На Ямале установлена автономная гибридная электростанция, в Сочи – солнечные панели на АЗС ПАО «Роснефти».

Следует отметить, что сокращение выбросов CO₂ связано с ростом инвестиций, высокими рисками и длительными сроками реализации. В этих условиях возрастает актуальность выбора подходов к оценке эффективности инвестиционных проектов энергетической трансформации компаний.

²² Перспективы развития и стратегия // Сайт ПАО «Роснефть». 2022. URL: <https://vcng.rosneft.ru/about/strategy/> (дата обращения: 10.04.2022).

Оценка эффективности инвестиционных проектов ПАО «НК Роснефть» в сфере альтернативной энергетики. Для оценки эффективности инвестиционных проектов нами предложена динамическая имитационная модель на основе метода дисконтирования денежных потоков в предположении, что имеется единственный инвестор-компания, углеродное регулирование осуществляется посредством введения трансграничного углеродного налога. Новизна предлагаемого подхода состоит в модификации критерия базовой модели [Пляскина, 2023. С. 63]. Предлагаемый подход позволяет оценивать эффективность инвестиционных проектов «зеленой энергетики» с учетом введения ТУН и экономических затрат на предотвращение ущерба окружающей среде в соответствии с тенденциями развития мировой экономики.

Расчеты выполнены в предположении, что все инвестиционные проекты в «зеленую энергетику» – один агрегированный проект, объем капитальных вложений в «зеленую энергетику» – 300 млрд руб. за период 2023–2027 гг., выбросы ПГ представлены CO₂ и метаном.

Рассмотрено два сценария:

- 1) ТУН не вводится;
- 2) учитывается ТУН и плата за загрязнение.

Сравнительный анализ сценариев показал, что при введении ТУН чистая прибыль компании за период реализации инвестиционных проектов «зеленой энергетики» снижается более чем в 3,5 раза – до 967,5 млрд руб., при этом общий объем прямых выбросов сокращается на 4030,7 тыс. т чистый дисконтированный доход составляет 6,5 млрд руб. «Зеленые» инвестиции окупаются на пятом году реализации проектов, что удовлетворяет ожидаемой доходности компании в долгосрочной перспективе.

Заключение. Введение углеродного регулирования, планируемого в рамках климатической политики Евросоюза, обуславливает необходимость трансформации стратегии развития энергетического комплекса в направлении декарбонизации. Предлагаемый подход позволяет оценить влияние введения трансграничного регулирования на эффективность развития нефтегазовых компаний. Расчеты показали, что инвестиции в альтернативную энергетику убыточны даже для крупнейшей компании в краткосрочном периоде.

Для эффективной адаптации нефтяной отрасли России к условиям трансграничного регулирования необходимо проведение ком-

плексной государственной политики: разработать отечественную методику оценки углеродоемкости продукции, создать систему тарификации углеродных выбросов и схемы торговли правами на выбросы парниковых газов, разработать меры государственной поддержки инвестиционным проектам в сфере «зеленой энергетики».

Литература

Пляскина Н.И. Эффективность инвестиционных проектов нефтегазовых компаний в условиях декарбонизации // Проблемы прогнозирования. 2023. № 5. С. 59–69.

Д.Т. Фахретдинова, О.В. Тарасова

ФАКТОР КИТАЯ В ЭКОНОМИКЕ ДАЛЬНЕГО ВОСТОКА РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ¹

D.T. Fakhretdinova, O.V. Tarasova

THE CHINA FACTOR IN THE ECONOMY OF THE RUSSIAN FAR EAST

Аннотация. В статье кратко охарактеризована ретроспектива российско-китайских взаимоотношений, рассмотрены возможности и угрозы сотрудничества на современном этапе. Авторами анализируются следующие каналы китайского участия в экономике Дальнего Востока РФ: внешнеторговый, миграционный и инвестиционный. Предлагаемый методический подход к оценке роли Китая в развитии ДФО основан на сценарировании участия Китая в инвестиционных проектах Дальнего Востока. Сформированы и описаны три сценария: мобилизационный, умеренно-интеграционный и агрессивно-интеграционный.

Ключевые слова: Китай, Дальний Восток РФ, миграция, инвестиционные проекты, сценарии.

Введение и постановка проблемы

Российско-китайские отношения имеют достаточно длительную (по сравнению с другими партнерами России) историю – более 400 лет, в которой присутствовали как периоды сближения, так и резкого ухудшения. Старт формированию межгосударственных отношений был положен в начале XVII в. В этот период между странами образовалась сухопутная граница, которая сегодня составляет 650 км. Специфичность российско-китайских отношений определялась межцивилизационными различиями. Россия основывалась на европейских традициях, которые предполагают равенство всех суверенных государств и их горизонтальное взаимодействие. Китай исключал возможное равенство с дру-

¹ Работа выполнена по плану НИР ИЭОПП СО РАН. Проект 5.6.6.4 (0260-2021-0007) «Инструменты, технологии и результаты анализа, моделирования и прогнозирования пространственного развития социально-экономической системы России и ее отдельных территорий». Регистрационный № 121040100262-7.

гими странами мира, так как считал себя наиболее развитой цивилизацией и стремился выстроить отношения по вертикали [Мясников, 1996]. Кроме того, Китай отдавал приоритет политическим интересам, в то время как Россия стремилась обеспечить устойчивые экономические связи [Черникова, 2015]. В связи с этим отношения между двумя странами были достаточно напряженными вплоть до середины XIX в. В конце этого периода России все же удалось добиться отношений с Китаем, основанных на равенстве. Следующим этапом развития сотрудничества между странами стало строительство Китайско-Восточной железной дороги (КВЖД), которое началось в 90-х гг. того же столетия. В период до середины XX в. российско-китайские отношения характеризуются как нестабильные, сопровождающиеся политическими конфликтами, в результате чего КВЖД была продана Японии. Восстановление отношений между Россией и Китаем началось в 1980-х гг. В 2001 г. между РФ и КНР был подписан договор о добрососедстве, дружбе и сотрудничестве.

В современной ситуации, когда стремительно меняется геополитическая ситуация в мире, у РФ стоит задача замены одних экономических партнеров другими. Китай является одной из тех стран, которая продолжает активно сотрудничать с Россией. Эта страна развивается большими темпами, имеет огромные возможности.

Много лет ведутся дискуссии о том, что вся Россия в целом или отдельные ее регионы могут стать сырьевым придатком для Китая и полностью попасть под его экономическое влияние. Журналисты пишут о миллионах китайцев, заполнивших Дальний Восток и Сибирь, особенно их приграничные территории. Существуют также опасения относительно того, что жители Китая изменят этническую составляющую Дальнего Востока, будут образовывать анклав. Ведь в приграничных китайских городах очень высокая плотность населения, в отличие от российских восточных территорий [Ларин, 2020]. Такое мнение нередко связано с плохими знаниями о состоянии и механизмах сотрудничества стран. Китай является, с одной стороны, главным вкладчиком в развитие Дальнего Востока, с другой стороны – важным потребителем его природных и логистических ресурсов, а также потенциальным инвестором. В силу этого цель данного исследования заключается в комплексной оценке роли Китая в экономике Дальнего Востока РФ на перспективу.

Дальневосточный федеральный округ (ДФО) является самым большим по территории в России, но при этом самым малонаселенным. На

территории площадью 6953 тыс. кв. км (около 40 % территории РФ) проживает только 7873 тыс. чел. (около 5 % населения РФ по данным на 01.01.2024). Валовой региональный продукт (далее ВРП) округа в 2021 г. составил 7373 млрд руб. (около 6 % суммарного ВРП субъектов РФ). При этом в ДФО наблюдается ряд сложностей в экономической сфере. В частности, это касается привлечения инвестиций, низкого уровня жизни и связанных с этим демографических проблем, что обуславливает необходимость поиска внешних ресурсов для развития региона. В развитии Дальнего Востока РФ Китай уже играет важную роль, которая может в ближайшем будущем только усилиться.

В статье О.С. Корниенко [Корниенко, 2023] намечены направления сотрудничества регионов ДФО и Китая с учетом возможностей и особенностей экономики и социально-экономического потенциала округа. По следам данной публикации нами будут рассматриваться три канала влияния: торговый, миграционный и инвестиционный. Любой из этих каналов имеет краткосрочные и долгосрочные перспективы и угрозы, которые систематизируются в работе.

Текущее состояние взаимодействий

Торговля. Китай уже много лет является крупнейшим торговым партнером России. С каждым годом объемы двусторонней торговли нарастают. По данным китайского таможенного управления товарооборот России и Китая в 2022 г. вырос до 190 млрд долл. и до 240 млрд долл. в 2023 г.² Китай является основным партнером Дальнего Востока РФ в импорте и занимает второе место среди партнеров в экспорте (рис. 1).

Объем экспорта в Китай составляет 8,7 млрд долл. США (30,6 % экспорта)³. В Китай Дальний Восток экспортирует каменный уголь и твердое топливо из него (21,3 %), нефть сырую и нефтепродукты сырые (10,1 %), руды и концентраты медные (9,5 %). Среди импортирующих стран на Дальний Восток Китай лидирует с объемом импорта 5,1 млрд долл. США (48,7 % импорта). В основном в Россию по-

² Федеральная таможенная служба. URL: <https://customs.gov.ru/press/prensa-onas/document/376199> (дата обращения: 15.02.2024).

³ Дальневосточное таможенное управление: внешняя торговля ДФО. URL: https://dvtu.customs.gov.ru/statistic/2021-god/Itogovaya_informaciya/document/329535 (дата обращения: 22.02.2024).

ставляются вычислительные машины и их блоки (11,6 %), аппараты электронные, телефоны и телеграфы (7,8 %), бульдозеры, экскаваторы (3,0 %) и т.д.

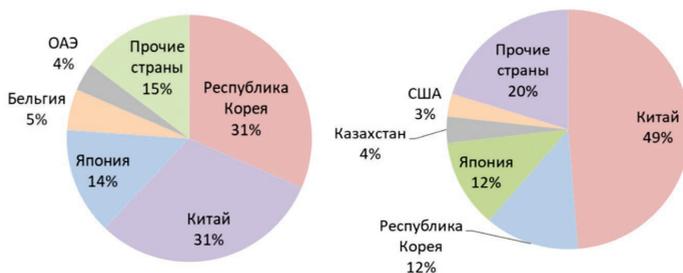

Рис. 1. Структура экспорта (слева) и импорта (справа) по основным странам-партнерам за 2021 г.

Составлено авторами по: Дальневосточное таможенное управление: внешняя торговля ДФО. URL: https://dvtu.customs.gov.ru/statistic/2021-god/ItoGovaya_informaciya/document/329535 (дата обращения: 22.02.2024)

Инвестиции. По сравнению с внешней торговлей инвестиционное сотрудничество регионов ДФО со странами АТР всегда было менее активным. Исключением является Сахалинская область (более 50 % от общей суммы инвестиций) в связи с реализацией на ее территории большого количества нефтегазовых проектов. Остальные регионы ДФО принимают гораздо меньшие объемы средств. Среди них лидируют Республика Саха (Якутия), Приморский край и Амурская область. В Республике Саха инвесторы в основном вкладываются в добычу полезных ископаемых, в Приморском крае – в транспорт и логистику, строительство, сельское хозяйство, туризм.

Наибольшее количество проектов реализуется в областях энергоресурсов, сельского и лесного хозяйства, торговли, производства бытовой техники. В числе крупных совместных проектов Китая с российскими компаниями можно отметить ПАО «Уралкалий» (производство удобрений), НК «Роснефть», Nobel Holdings Investments (нефтегазовая отрасль), ПАО «НОВАТЭК», Холдинг «Базовый элемент», ТГК-2 (электроэнергетика), ПАО «СИБУР Холдинг» (химическая промышленность), ПАО «Полюс» (металлургическая промышленность), Russia-China Investment Fund (финансы), Digital Sky Technologies, ИЦ «Сколково» (высокие технологии) [Левченко, Богатырев, 2018]. Список отраслей, привлекающих иностранных инве-

сторов, растет с каждым годом. В ближайшие годы инвестиционное сотрудничество может быть дополнено проектами из области информационных технологий, биотехнологий и медицинских исследований.

По мнению российского правительства, Китай вкладывает средства в экономику нашей страны недостаточно интенсивно.

Новый импульс развитию инвестиционного сотрудничества России и Китая могут дать территории опережающего развития (ТОР). На Дальнем Востоке по данным на 01.07.2020 насчитывалось 20 ТОР⁴ общим объемом инвестиций около 3 трлн руб., в семи из которых принимают участие китайские резиденты. Всего участвуют 448 резидентов. В ходе реализации ТОР создано более 75 тыс. рабочих мест. Китайская компания Baoli Bitumina решила стать первым иностранным инвестором ТОР «Хабаровск», построив на данной территории высокотехнологичный завод по производству современных битумных материалов.

Миграция. По данным переписи населения 2021 г., на территории ДФО проживает около 5 тыс. лиц, имеющих гражданство КНР. Сравнительно активное движение населения относительно Китая и ДФО началось с 2011 г. Тем не менее доля как выбывших, так и прибывших из Китая в общем объеме переезжающего населения осталась на низком уровне. Например, в 2022 г. доля прибывших из КНР в общем объеме прибывшего населения составила всего лишь 3 %, так же как и доля выбывших в объеме всего выбывшего населения⁵. Данные показатели за период с 2000 по 2010 г. составляли менее 1 %.

Одновременно, согласно данным Министерства РФ по развитию Дальнего Востока и Арктики, за предыдущий год турпоток составил почти 5 млн чел.⁶ В тройку наиболее посещаемых регионов вошли Приморский край, Республика Бурятия и Камчатский край.

⁴ Территории опережающего развития. URL: <https://minvr.gov.ru/activity/territorii-operezhayushchego-razvitiya/> (дата обращения: 20.06.2024).

⁵ Государственная статистика ЕМИСС: число выбывших и прибывших. URL: <https://fedstat.ru/indicator/43514> (число прибывших); <https://www.fedstat.ru/indicator/43513> (число выбывших) (дата обращения: 01.03.2024).

⁶ Турпоток на Дальний Восток составил почти 5 млн человек. URL: https://minvr.gov.ru/press-center/news/turpotok_na_dalniy_vostok_sostavil_pochti_5 mln_chelovek/ (дата обращения: 08.05.2024).

Анализ пула инвестиционных проектов

В настоящее время на Дальнем Востоке насчитывается 3873 инвестиционных проекта (без проектов, введенных в эксплуатацию), суммарная стоимость которых составляет более 21 трлн руб.⁷ На рис. 2 представлена картографическая визуализация их пространственной локализации (чем темнее цвет региона, тем больше в нем анонсировано проектов) и отраслевой структуры.

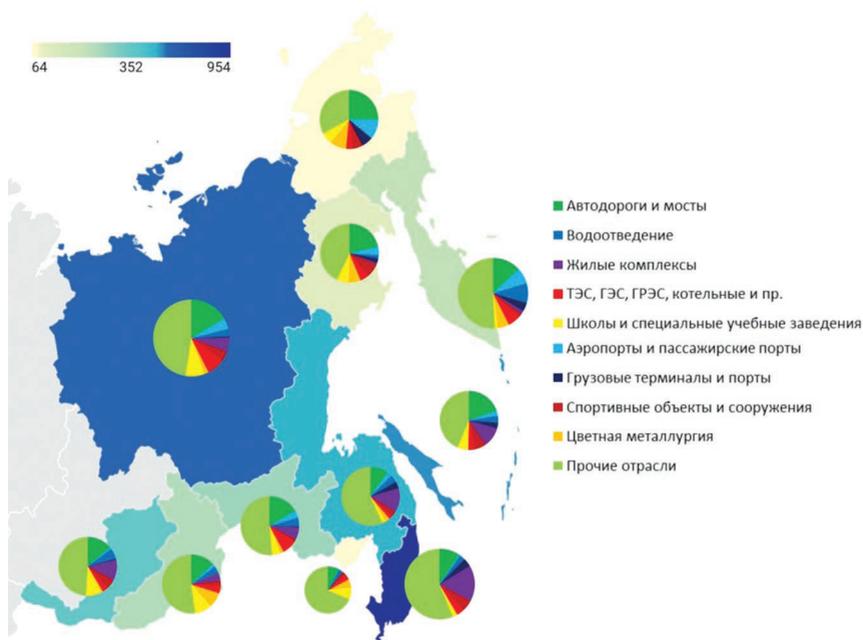

Рис. 2. Количественное распределение и отраслевая структура инвестиционных проектов регионов Дальнего Востока РФ
Выполнено авторами по данным: База Знаний ИЭОПП СО РАН: инвестиционные проекты. URL: <https://know.ieie.su/> (дата обращения: 19.02.2024)

Наибольшее количество проектов по всем регионам насчитывается в отрасли автодороги и мосты (397 проектов). На втором месте по количеству проектов отрасль жилых комплексов (384 про-

⁷ База Знаний ИЭОПП СО РАН: инвестиционные проекты. URL: <https://know.ieie.su/> (дата обращения: 19.02.2024).

екта), именно она лидирует в Приморском (157 проектов) и Хабаровском (67 проектов) крае. Самое большое количество проектов запланировано в Приморском крае (954 проекта общим объемом 7166 млрд руб.). Самый крупный проект связан со строительством нефтехимического комплекса, инвестиции составляют 1300 млрд руб. Этот проект занимает 7-е место среди всех проектов РФ по объему инвестиций. Наименьшее количество проектов насчитывается в Чукотском автономном округе и Еврейской автономной области (по 64 проекта).

В любом из этих проектов может принять участие Китай путем предоставления рабочей силы, инвестиций, новых технологий и т.д.

Определить горизонт реализации всех проектов Дальнего Востока достаточно сложно, так как это зависит от типа проектов, их масштабов, сложности, финансовых и временных ограничений. Тем не менее точно можно сказать, что ресурсы для их реализации потребуются не сразу, а в течение 10–20 лет.

Построение и оценка сценариев участия Китая в проектах ДФО

Целесообразно рассмотреть несколько сценариев развития инвестиционных проектов Дальнего Востока РФ с точки зрения источников финансирования: мобилизационный, умеренно-интеграционный и агрессивно-интеграционный. Для реализации обозначенного выше пула дальневосточных инвестиционных проектов необходимы финансовые ресурсы и рабочая сила.

Мобилизационный сценарий имитирует ситуацию, когда проекты реализуются с использованием исключительно собственных ресурсов округа или страны. Для того чтобы оценить возможность реализации данного сценария, были подсчитаны накопления денежных средств на счетах населения Дальнего Востока (данные представлены в табл. 1). В сумме они составляют около 2 трлн руб.

Получается, что накопления жителей Дальнего Востока могут покрыть 9 % общего объема инвестиционных проектов. По России в целом сумма накоплений составляет около 45 трлн руб. Таким образом, накопления жителей всей России способны полностью обеспечить проекты ДФО. Однако актуальным остается вопрос механизмов привлечения этих средств.

Таблица 1

**Вклады (депозиты) и другие привлеченные средства физических лиц
(без учета счетов эскроу) (в млн руб.)**

Показатель	Сумма на 01.01.2024 (млн руб.)	Сумма на 01.01.2023 (млн руб.)	Численность занятого населения от 15 лет и старше в 2023 г. (чел.)	На одного занятого в возрасте от 15 лет и старше в 2023 г. (руб.)
Российская Федерация	45 104 517	36 821 120	73 636 200	612 532
Дальневосточный федеральный округ	1 953 290	1 583 142	4 002 500	488 017
Республика Бурятия	121 132	91 033	403 400	300 278
Республика Саха (Якутия)	188 048	157 802	487 900	385 423
Забайкальский край	137 943	110 940	449 700	306 744
Камчатский край	119 427	102 976	163 700	729 548
Приморский край	555 911	442 856	962 000	577 870
Хабаровский край	364 611	295 719	693 900	525 452
Амурская область	173 855	134 657	400 100	434 529
Магаданская область	67 858	61 146	78 100	868 860
Сахалинская область	182 187	149 143	264 300	689 319
Еврейская автономная область	24 947	20 758	70 000	356 386
Чукотский автономный округ	17 371	16 113	29 200	594 897

Составлено авторами по данным Центрального Банка: Привлеченные средства. URL: 02_27_Dep_ind_excluding_escrow.xlsx (live.com) (дата обращения: 10.04.2024).

В результате подсчетов потребностей в трудовых ресурсах оказалось, что для реализации вышеупомянутых инвестиционных проектов необходимо 380 тыс. чел. Это достаточно большое количество рабочих. Так, например, в Чукотском автономном округе для строи-

тельства горно-обогатительного комбината на крупнейшем месторождении меди требуется более 10 тыс. чел. В Амурской области реализуется два крупных проекта по строительству ГПЗ в рамках реализации проекта «Сила Сибири» и II этапа инвестиционного проекта модернизации железнодорожной инфраструктуры Транссиба и БАМа, которые требуют 35 и 15 тыс. рабочих соответственно.

В рамках мобилизационного сценария развития необходимо привлечь всех безработных Дальнего Востока для участия в этих проектах, численность которых составляет 154 384 чел.⁸ Получается, что даже если абстрагироваться от отраслевых, региональных и квалификационных особенностей, свободные рабочие руки ДФО смогут покрыть лишь 40 % необходимой потребности. Согласно данным, приведенным в табл. 2, всего в России насчитывается 2 397 692 безработных. В этих условиях 16 % от общего количества безработных РФ полностью покроеет необходимое количество новых рабочих мест на Дальнем Востоке при реализации всего пула проектов. Таким образом, мобилизационный сценарий реализации проектов ДФО реализуем только в случае привлечения ресурсов как ДФО, так и других регионов РФ, но без Китая.

Таблица 2

Уровень безработицы и число безработных на Дальнем Востоке

Показатель	Численность безработных в возрасте от 15–72 лет в 2023 г. (чел.)	Уровень безработицы населения в возрасте от 15–72 лет в 2023 г. (%)
Российская Федерация	2 397 692	3,2
Дальневосточный федеральный округ	154 384	3,7
Республика Бурятия	24 517	5,7
Республика Саха (Якутия)	29 291	5,7
Забайкальский край	33 480	6,9
Камчатский край	3438	2,1
Приморский край	25 349	2,6
Хабаровский край	14 868	2,1
Амурская область	9943	2,4

⁸ Численность безработных в возрасте 15–72 лет по субъектам Российской Федерации // Федеральная служба государственной статистики. URL: rosstat.gov.ru/storage/mediabank/trud_3_15-72.xlsx (дата обращения: 01.05.2024).

Окончание табл. 2

Показатель	Численность безработных в возрасте от 15–72 лет в 2023 г. (чел.)	Уровень безработицы населения в возрасте от 15–72 лет в 2023 г. (%)
Магаданская область	2726	3,4
Сахалинская область	7581	2,8
Еврейская автономная область	2690	3,7
Чукотский автономный округ	501	1,7

Источник: URL: trud_3_15-72.xlsx (live.com) (дата обращения: 01.05.2024). Составлено автором по данным Федеральной службы государственной статистики: численность безработных в возрасте 15–72 лет по субъектам Российской Федерации.

Далее перейдем к рассмотрению умеренно-интеграционного сценария. Это ситуация, при которой в обеспечении недостающей части инвестиций и рабочей силы может поучаствовать Китай. При этом сценарий предполагает активное использование накоплений и труда жителей ДФО. Необходимая сумма со стороны Китая составит 19 259 710 млн руб. (около 91 % требуемого объема). Также нехватку рабочей силы можно покрыть мигрантами из Китая (около 226 тыс. чел. или 60 % требуемого количества).

Реалистичность участия китайских рабочих в проектах ДФО можно оценить путем рассмотрения ситуации на рынке труда КНР. Безработица в России и Китае находится примерно на одном уровне. Средний показатель за 5 лет (с 2018 по 2023 г.) составил 5,3 %⁹, в России – 4,5 %. Уровень безработицы среди молодежи в Китае в 2023 г. достиг рекордных 20,4 %, что вызывает особую обеспокоенность и отражает трудности в восстановлении экономики после пандемии. Точные данные о количестве безработных в приграничных с Россией провинциях Китая (таких как Хэйлунцзян, Цзилинь и Внутренняя Монголия) за 2023 г. в общедоступных источниках не представлены. Однако общий уровень безработицы в Китае по итогам 2023 г. составил 5,2 %. На этих территориях экономика сильно зависит от сельского хозяйства и торговли с Россией, что может влиять на локальные показатели безработицы. Именно население этих про-

⁹ Уровень безработицы в Китае. URL: <https://www.investing.com> (дата обращения: 14.04.2024).

винций и молодежь Китая можно привлечь для участия в проектах на Дальнем Востоке.

Третий сценарий развития – агрессивно-интеграционный. Он заключается в использовании трудовых и финансовых ресурсов Китая в наиболее привлекательных для них проектах. Как правило, это проекты в сфере добычи полезных ископаемых, строительства тепличных комплексов, оптовой и розничной торговли, первичной обработки древесины, редко перерабатывающие и транспортные проекты, и еще реже проекты, связанные с инфраструктурой [Изотов, 2013]. Для реализации этих инвестиционных проектов с участием Китая понадобится около 10 500 млрд руб. и 170 тыс. чел., т.е. около половины требуемых объемов. Наибольшая доля китайского участия в этом сценарии придется на ресурсные регионы: Чукотский автономный округ, Забайкальский край и Республику Саха (Якутия).

С одной стороны, агрессивно-интеграционный сценарий может обеспечить быстрое экономическое развитие ДФО. В то же время он несет значительные риски для независимости и стабильности региона в долгосрочной перспективе. Во-первых, это усиление зависимости от китайских инвестиций (включая устойчивость их динамики) и управленческих решений. Во-вторых, это получение китайскими компаниями контроля над важными природными и промышленными ресурсами, включенными в важнейшие производственные цепочки мира.

Заключение

Таким образом, Россия и Китай находятся на новом витке сотрудничества. Для развития Дальнего Востока РФ это может сыграть особую роль.

В ходе настоящей работы оценен внутренний потенциал ДФО и России в контексте реализации инвестиционных проектов Дальнего Востока и возможность участия в них Китая.

Отметим, что в разных регионах ДФО могут наблюдаться разные эффекты вмешательства Китая в связи с различной структурой экономики и проектов, объема государственного вмешательства, уровня безработицы и множества других факторов. Исследование в данном направлении может быть продолжено.

Литература

Изотов Д.А. Российско-китайское инвестиционное сотрудничество на Дальнем Востоке: состояние и перспективы // Россия и Китай: новый вектор развития социально-экономического сотрудничества: материалы II Международной научно-практической конференции (Благовещенск, 3–5 октября 2013 г.). Благовещенск: Амурский ГУ, 2013. Вып. 2, ч. 1. С. 94–98.

Корниенко О.С. Китайский фактор развития Дальнего Востока России на современном этапе // Успехи современного естествознания. 2023. № 3. С. 26–31.

Ларин В.Л. «Китайская экспансия» в восточных районах России в начале XXI в. через призму компаративистского анализа // Сравнительная политика. 2020. Т. 11, № 2. С. 9–27.

Левченко Т.А., Богатырев В.Д. Российско-китайское инвестиционное сотрудничество: современное состояние и направления активизации // Азимут научных исследований: экономика и управление. 2018. Т. 7, № 4 (25). С. 183–186.

Мясников В.С. Россия и Китай: конструктивное партнерство, обращенное в XXI век // Известия Восточного Института. 1996. № 3. С. 57–69.

Черникова Л.П. Российско-китайские отношения: история и современность // Проблемы востоковедения. 2015. № 2 (68). С. 42–47.

О.И. Ямщикова (Кривошеева), И.В. Филимонова

**ПОТЕНЦИАЛ ВЫБРОСОВ ПАРНИКОВЫХ ГАЗОВ
В СЕКТОРЕ ОТХОДОВ В НОВОСИБИРСКОЙ ОБЛАСТИ
ДО 2030 Г.**

O.I. Yamshchikova (Krivosheeva), I.V. Filimonova

**THE POTENTIAL OF GREENHOUSE GAS EMISSIONS IN THE
WASTE SECTOR IN THE NOVOSIBIRSK REGION UNTIL 2030**

Аннотация. На сегодняшний день проблема переработки и утилизации твердых коммунальных отходов актуальна во всем мире. Отходы разделяются на полезные фракции, которые частично поддаются переработке (пластик, стекло, металл), органические отходы и сложно перерабатываемые отходы. Две последние категории на данный момент захораниваются на свалочных полигонах. Органические отходы при разложении выделяют метан, потенциал глобального потепления которого в 25 раз больше, чем у CO₂. Авторы статьи сделали расчет выбросов парниковых газов за 2017–2020 гг. и прогноз выделения эмиссии парниковых газов от твердых коммунальных отходов до 2030 г. сектора отходов Новосибирской области.

Ключевые слова: твердые коммунальные отходы, парниковые газы, прогноз выбросов, циркулярная экономика.

В России наиболее распространенным способом утилизации отходов является захоронение, которое сопровождается экологическим ущербом и вызывает увеличение выбросов парниковых газов. Так, согласно Государственному докладу о состоянии и охране окружающей среды в 2020 г., на территории России образовалось 48 462,0 тыс. т твердых коммунальных отходов (ТКО), из которых захоронено 74,5 % или 36 097,4 млн т¹. А первое место в структуре сектора отходов по объему выбросов парниковых газов занимают полигоны ТКО.

¹ Министерство природных ресурсов. URL: https://www.mnr.gov.ru/docs/gosudarstvennye_doklady/gosudarstvennyy_doklad_o_sostoyanii_i_ob_okhrane_okruzhayushchey_sredy_rossiyskoy_federatsii_v_2020/?special_version=Y (дата обращения: 15.01.2024).

Распределение квалифицированной утилизации отходов по регионам достаточно неравномерно. Но в целом ситуация в регионах схожа с Новосибирской областью: объем полезной фракции, которая возвращается в оборот и отправляется на переработку, крайне низок. В 42 субъектах Российской Федерации доля отходов, которые направляются на утилизацию, составляет более 90 %. В настоящее время в стране отсутствует эффективная система обращения с отходами и вторичными ресурсами. Современное обращение с отходами не позволяет решить проблему квалифицированной утилизации в условиях возрастающих объемов отходов из-за роста населения, отсутствия инфраструктуры (контейнеров для раздельного сбора отходов), недостаточной мощности мусоросортировочных заводов или их отсутствия в городах. Новым импульсом для развития эффективной системы обращения с отходами стало обязательство России по сокращению выбросов парниковых газов в рамках Парижского соглашения. Теперь распоряжением Правительства Российской Федерации от 29 октября 2021 г. № 3052-р утверждена Стратегия социально-экономического развития Российской Федерации с низким уровнем выбросов парниковых газов до 2050 г., в которой прописаны направления работы с отходами². В отечественной литературе существуют различные взгляды ученых на проблему утилизации ТКО. Но всех их объединяет одно: развитие системы квалифицированной утилизации ТКО в России находится на начальном этапе.

В секторе отходов авторы сделали расчет выбросов парниковых газов (ПГ) от захоронения ТКО (выбросы CH_4 от управляемых и неклассифицируемых свалок твердых отходов) и от жидких отходов и стоков (выбросы N_2O и CH_4). Авторы рассчитали, что большую часть парниковых газов при размещении ТКО в Новосибирской области составляют выбросы от ТКО с управляемых полигонов (86 %), второе место занимают выбросы ТКО с неклассифицированных (неуправляемых) полигонов твердых бытовых отходов (ТКО) (14 %).

Состав отходов – один из важнейших факторов, влияющих на выбросы при переработке твердых отходов, поскольку разные виды отходов содержат разное количество разлагаемого органического

² Официальный интернет-портал правовой информации Российской Федерации. URL: <http://publication.pravo.gov.ru/Document/View/0001202111010022> (дата обращения: 15.01.2024).

углерода и ископаемого углерода. Состав отходов, а также их классификация, по которой собираются данные о составе отходов категории ТКО, варьируется от региона к региону.

Для расчета был использован метод распада первого порядка по методике Министерства природных ресурсов и экологии МПР-15р, предполагающий, что органические компоненты, способные к разложению в отходах, разлагаются в течение нескольких десятилетий, в течение которых происходит образование CH_4 и CO_2 . Также для расчета используется поправочный коэффициент CH_4 для анаэробного разложения (он отличается для сельской и городской местности). Впервые проведен расчет выбросов парниковых газов сектора отходов для Новосибирской области по официальным методическим рекомендациям МПР-15р в рамках программы низкоуглеродного развития региона. И это открывает новые возможности для управления углеродным балансом региона и отдельного сектора экономики, позволяя рассчитать чувствительность к мерам по снижению ПГ как к практическим инструментам в рамках управления.

Базовый сценарий развития региона не учитывает переполнение полигонов ТКО в Новосибирской области, прогнозируемое к 2025 г., и предполагает, что норма образования отходов в год на одного человека остается неизменной.

Авторы ожидают неизбежного увеличения выбросов парниковых газов в секторе отходов на горизонте планирования до 2030 г. При этом достижение углеродной нейтральности будет в большей степени зависеть от интенсивности развития технологий переработки отходов, улавливания и утилизации парниковых газов.

В качестве вывода авторы отмечают, что в первую очередь органам государственной власти рекомендуется обратить особое внимание на квалификацию утилизации ТКО. Речь идет об увеличении мощностей по сортировке отходов, поддержке этого вида бизнеса со стороны властей, создании заводов в Новосибирской области и увеличении мощностей по переработке отходов, развитию инфраструктуры для квалифицированной утилизации органических отходов.

А также органам исполнительной власти мы можем предложить обратить особое внимание на оснащение городского и сельского населения централизованной канализацией и модернизацию городских очистных сооружений в Новосибирской области, так как нынешние очистные сооружения были построены в 1970-х гг.

Благодарность. Исследование выполнено при финансовой поддержке Российского научного фонда, грант № 22-18-00424.

Литература

Кривошеева О.И. и др. Углеродный след сектора отходов Новосибирской области. Отходы и ресурсы 2022. Т. 9. Вып. 3. URL: <https://resources.today/PDF/20ECOR322.pdf> (дата обращения: 15.01.2024).

Малинаукайте Й. и др. Обращение с твердыми бытовыми отходами и переработка отходов в энергию в контексте экономики замкнутого цикла и рециркуляции энергии в Европе // Энергетика. 2017. Т. 141. С. 2013–2044.

Филимонова И.В., Кривошеева О.И. Экономический эффект государственно-частного партнерства при реализации климатических проектов по утилизации твердых коммунальных отходов // Energy Reports. 2022. Т. 9. С. 996–1002.

Xiao S. et al. Greenhouse gas emission mitigation potential from municipal solid waste treatment: A combined SD-LMDI model // Waste Management. 2021. Vol. 120. P. 725–733.

Е.В. Алябина

**КОМПЕТЕНЦИИ ТЕХНОЛОГИЧЕСКИХ
ПРЕДПРИНИМАТЕЛЕЙ И РОЛЬ ВУЗОВ В ИХ РАЗВИТИИ**

E.V. Alyabina

**THE COMPETENCES OF TECHNOLOGY ENTREPRENEURS
AND THE ROLE OF UNIVERSITIES
IN THEIR DEVELOPMENT**

Аннотация. Компетенции технологических предпринимателей могут быть сформированы в ходе обучения студентов в вузах как в рамках формальных образовательных программ и дисциплин, так и в рамках неформальных мероприятий, а также путем самообразования. Результаты исследования показали, что сбалансированное сочетание формальных, неформальных и информальных образовательных практик способствует развитию компетенций студентов, которые потребуются им для создания высокотехнологичных бизнесов.

Ключевые слова: технологическое предпринимательство, предпринимательские компетенции, образовательные практики.

Развитие студенческого предпринимательства способствует экономическому и социальному росту страны, являясь двигателем инноваций и обеспечивая множество преимуществ. Исследователи сходятся во мнении, что этот процесс требует поддержки со стороны государства, бизнеса и в первую очередь университетов [Алябина и др., 2022а; Зунтова, Трошин, 2022; Сорокин и др., 2021]. Вузы могут сыграть решающую роль в формировании и укреплении предпринимательских намерений молодых людей – создание благоприятной образовательной и культурной среды для студенческих стартапов становится важным направлением развития многих университетов.

Прежде чем говорить о развитии студенческого предпринимательства в стенах вуза, имеет смысл дать определение предпринимательских компетенций. Так, Международный консорциум пред-

принимательского образования выделяет следующие ключевые предпринимательские компетенции:

- способность распознавать и анализировать рыночные возможности;
- способность убеждать и устанавливать коммуникации с различными участниками бизнес-среды – потребителями, поставщиками, конкурентами;
- способность налаживать связи, создавая сообщества для взаимного обучения, сотрудничества и взаимных активностей;
- умение справляться с неопределенностью на ежедневной основе;
- умение развивать организацию, управлять бизнес-процессами и выстраивать гибкую стратегию [Onstenk, 2003].

Отдельно стоит обозначить компетенции технологического предпринимателя, использующего возможности технологий для создания бизнес-инноваций. Так, можно выделить три вида знаний, роль которых особенно важна для технологических предпринимателей: фундаментальное знание о ключевой технологии, которая лежит в основе создаваемого продукта; понимание того, каким образом научные знания могут быть воплощены в виде продукта, востребованного рынком; знание о том, какие ресурсы необходимы для создания продукта, основанного на применяемой технологии [Алябина и др., 2022б].

Особую роль в процессе развития компетенций технологических предпринимателей играют университеты, поскольку именно в них молодые люди приобретают необходимые знания и навыки. Основная задача университетов – обеспечить усвоение студентами знаний и навыков через формальные практики, такие как образовательные программы на уровне бакалавриата, специалитета и магистратуры, обязательные и элективные дисциплины, факультативы. Примерами компетенций, реализуемых в рамках обучения по направлениям «Менеджмент», «Экономика», «Финансы и кредит», «Инноватика» и других являются знания и навыки в области создания и ведения собственного технологического бизнеса, управления инновационными проектами, оценки рынка и маркетингового продвижения продукта и пр. Стоит заметить, что на сегодняшний день отдельного направления подготовки «Предпринимательство» и тем более «Технологическое предпринимательство» в официальном пе-

речне специальностей и направлений подготовки высшего образования не предусмотрено.

Не менее важными являются и неформальные образовательные практики обучения технопредпринимателей в университетах. Элементами неформального предпринимательского образования можно считать активность, организованную на базе вуза, но не включенную в основной образовательный процесс: мероприятия университетских технопарков, бизнес-инкубаторов и стартап-студий, акселерационные и пре-акселерационные программы. Участие студентов в этой активности носит добровольный характер, но зачастую успешное прохождение отдельных мероприятий сопровождается выдачей какого-либо сертификата или свидетельства. Студенты имеют возможность развить как «мягкие» навыки, связанные с лидерством, командообразованием, ораторским мастерством и т.п., так и профессиональные навыки – управление проектами, проведение полевых исследований рынка, формулирование ценностного предложения и многие другие.

Однако вузы зачастую забывают о значении неформального образования, под которым понимается индивидуальная познавательная деятельность, сопровождающая повседневную жизнь людей и не обязательно носящая целенаправленный характер, иначе говоря – самообразование [Ляшевская, 2019]. Появляется все больше исследований, свидетельствующих о важности социального и организационного контекста с точки зрения формирования отношения студентов и преподавателей к предпринимательству в вузе [Bergmann et al., 2018]. Если у обучающихся есть возможность в стенах вуза объединиться со своими сверстниками для генерации бизнес-идеи, проконсультироваться о том, как создать собственный бизнес, получить обратную связь от действующего предпринимателя о своем проекте, почитать литературу по тематике предпринимательства в университетской библиотеке, то это благотворно влияет на реализацию предпринимательских инициатив студентов. Для будущих технопредпринимателей может оказаться полезной вовлеченность в деятельность таких специализированных подразделений вуза, как центры трансфера технологий, лаборатории в сфере естественных, математических и инженерных наук и пр.

Таким образом, автором была сформулирована гипотеза о том, что вузы, являющиеся лидерами в сфере обучения технологическо-

му предпринимательству, характеризуются наличием сбалансированной системы образования, включающей формальные, неформальные и информальные образовательные практики.

Для проверки гипотезы были отобраны пять национальных исследовательских университетов, являющихся лидерами с точки зрения количества инициатив федерального проекта «Платформа университетского технологического предпринимательства»¹, в которые они вовлечены, а также вошедших в рейтинг ИГ Интерфакс «Профессия предприниматель»². В список таких вузов были включены следующие организации:

- 1) Иркутский национальный исследовательский университет (ИРНИТУ);
- 2) Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики» (ВШЭ);
- 3) Национальный исследовательский ядерный университет «МИФИ»;
- 4) Национальный исследовательский университет ИТМО;
- 5) Национальный исследовательский Томский политехнический университет (ТПУ).

Автором были изучены материалы, касающиеся формальных, неформальных и информальных образовательных практик перечисленных вузов, имеющиеся в открытом доступе. Помимо этого, были проведены глубинные интервью с представителями указанных вузов с целью выявить, какие разновидности практик в сфере технопредпринимательского образования применяются в университетах. Итоги исследования резюмированы в табл. 1.

Как видно из таблицы, вузы-лидеры действительно используют весьма разнообразные практики из всех трех сфер – формальной, неформальной и информальной, что подтверждает выдвинутую гипотезу. Проведенное исследование показало, что, с одной стороны, университеты применяют ряд общих образовательных практик в сфере технологического предпринимательства, но, с другой сторо-

¹ Федеральный Проект Платформа университетского технологического предпринимательства // Минобрнауки России. URL: <https://univertechpred.ru/> (дата обращения: 23.06.2024).

² «Интерфакс» провел оценку образовательных программ российских вузов по предпринимательству // Интерфакс Образование. URL: <https://academia.interfax.ru/ru/analytics/research/11339/> (дата обращения: 23.06.2024).

ны, каждый вуз уникален и отличается своей спецификой. У разных университетов свои приоритеты с точки зрения того, насколько глубоко они готовы погружаться в тематику технологического предпринимательства, а также на какой сфере – формальной, неформальной или информальной – делать акцент в первую очередь.

Таблица 1

Результаты анализа материалов сайтов вузов и интервью с представителями вузов

Вид образовательной практики	ИРНТУ	ВШЭ	ТПУ	МИФИ	ИТМО
<i>Формальные практики</i>					
Факультатив		X			
Курс по выбору	X	X	X	X	X
Обязательная дисциплина	X	X	X		X
Программа	X		X		X
Кафедра		X	X		
Стартап как диплом	X	X	X	X	X
<i>Неформальные практики</i>					
Центр ДПО по предпринимательству		X	X		
Центр трансфера технологий	X	X	X	X	X
Акселераторы вуза	X	X	X	X	X
Бизнес-инкубатор		X	X		
Технопарк	X				X
Работа со школьниками	X	X			X
<i>Информальные практики</i>					
Группы в ВК/Telegramm	X	X			
Коворкинг/Место для общения	X	X	X	X	X
Центр развития предпринимательства	X	X			
Студенческие объединения	X	X		X	
Питч-сессии	X	X			X

Примечание. Знаком «X» отмечены образовательные практики, применяющиеся в вузе.

Тем не менее обзор лучших образовательных практик позволяет реконструировать портрет «идеального технопредпринимательского вуза», реализовавшего у себя наиболее распространенные способы обучения технологическому предпринимательству во всех трех

сферах: формальной, неформальной, информальной. Любой вуз может сравнить себя с таким эталоном, что позволит руководству образовательной организации сформировать сбалансированный план развития технопредпринимательского образования с учетом стратегических приоритетов университета.

Литература

Алябина Е.В., Корнюхина Е.Г., Федотова А.Ю., Чаруйская М.А. Развитие компетенций технологического предпринимательства студентов: опыт Ворлдскиллс // Молодежное предпринимательство как фактор экономического роста. Инструменты поддержки startup: сб. трудов Междунар. науч.-практ. конф. Ижевск: Удмуртский университет, 2022а. 76 с.

Алябина Е.В., Лиманова Е.Г., Рязанцева А.В., Савина А.И. Технологические предприниматели как субъекты государственной поддержки: теоретические аспекты и эмпирические свидетельства // Московский экономический журнал. 2022б. № 12. С. 822–843.

Зунтова И.С., Трошин А.С. Инструменты стимулирования инновационной активности студенческого технологического предпринимательства // *Beneficium*. 2022. № 4 (45). С. 11–17.

Ляшевская Н.В. Информальное образование: подходы к определению понятия // Известия Волгоградского государственного педагогического университета. 2019. № 7 (140). С. 10–14.

Сорокин П.С., Вятская Ю.А., Повалко А.Б. Неформальное обучение предпринимательству в России: классификация и сравнение с мировым опытом // Современная аналитика образования. 2021. № 11 (60). С. 1–52.

Федеральный Проект Платформа университетского технологического предпринимательства // Минобрнауки России. URL: <https://univertechpred.ru/> (дата обращения: 23.06.2024).

Bergmann H., Geißler M., Hundt C., Grave B. The climate for entrepreneurship at higher education institutions // *Research Policy*. 2018. № 47.

Onstenk J. Entrepreneurship and Vocational Education // *European Educational Research Journal*. 2003. No. 2 (1). P. 74–89.

Сведения об авторах

Аблажей Наталья Николаевна, доктор исторических наук, доцент, ведущий научный сотрудник, Институт истории Сибирского отделения Российской академии наук, ablazhey@academ.org

Алексеев Алексей Вениаминович, доктор экономических наук, доцент, заведующий отделом, Институт экономики и организации промышленного производства Сибирского отделения Российской академии наук, avale@mail.ru

Алябина Елена Владимировна, кандидат экономических наук, доцент, Новосибирский национальный исследовательский государственный университет, e.aliabina@g.nsu.ru

Андреева Татьяна Ивановна, кандидат исторических наук, доцент, Алтайский государственный педагогический университет, andreeva_ti5@mail.ru

Артемов Евгений Тимофеевич, доктор исторических наук, главный научный сотрудник, Институт истории и археологии Уральского отделения Российской академии наук, ia-history@mail.ru

Базаров Александр Борисович, младший научный сотрудник, Институт экономики организации промышленного производства Сибирского отделения Российской академии наук, sasha.bazarov.97@bk.ru

Басалаев Олег Владимирович, генеральный директор, ООО «Строй Ресурс», legas@mail.ru

Голицын Юрий Петрович, кандидат исторических наук, руководитель направления по истории финансового рынка, ПАО «Московская биржа», golitsyn57@moex.com

Гонина Наталья Владимировна, кандидат исторических наук, старший научный сотрудник, Институт истории Сибирского отделения Российской академии наук, nvg7@mail.ru

Демчик Евгения Валентиновна, доктор исторических наук, профессор, Алтайский государственный университет, demtchikev@mail.ru

Запарий Василий Владимирович, кандидат исторических наук, старший научный сотрудник, Институт истории и археологии Уральского отделения Российской академии наук, pantera.zap.@gmail.com

Запарий Владимир Васильевич, доктор исторических наук, профессор, Уральский федеральный университет, vvzap@mail.ru

Зиновьев Василий Павлович, доктор исторических наук, профессор, Национальный исследовательский Томский государственный университет, vpz@tsu.ru

Исаев Виктор Иванович, доктор исторических наук, профессор, ведущий научный сотрудник, Институт истории Сибирского отделения Российской академии наук, history49@mail.ru

Клисторин Владимир Ильич, доктор экономических наук, профессор, Институт экономики и организации промышленного производства Сибирского отделения Российской академии наук, klistorin@ieie.nsc.ru

Кондрашин Виктор Викторович, доктор исторических наук, профессор, главный научный сотрудник, руководитель Центра экономической истории ИРИ РАН, vikont37@yandex.ru

Крюков Валерий Анатольевич, академик Российской академии наук, доктор экономических наук, профессор, директор, Институт экономики и организации промышленного производства Сибирского отделения Российской академии наук, kryukov@ieie.nsc.ru

Куперштох Наталья Александровна, кандидат исторических наук, старший научный сотрудник, Институт истории Сибирского отделения Российской академии наук, nataly.kuper@gmail.com

Макарова Вера Николаевна, кандидат исторических наук, заведующий отделом истории края, Национальный музей Республики Башкортостан, vnmac@mail.ru

Макарова Надежда Николаевна, кандидат исторических наук, доцент, Магнитогорский государственный технический университет им. Г.И. Носова, makarovanadia@mail.ru

Маклюков Алексей Владимирович, кандидат исторических наук, ведущий научный сотрудник, Институт истории, археологии и этнографии народов Дальнего Востока Дальневосточного отделения Российской академии наук, alekseymaklyukov@yandex.ru

Малов Владимир Юрьевич, доктор экономических наук, главный научный сотрудник, Институт экономики и организации промышленного производства Сибирского отделения Российской академии наук, malov@ieie.nsc.ru

Мамзин Михаил Владимирович, магистрант, Алтайский государственный университет, mamzin2000@mail.ru

Мариупольский Андрей Михайлович, кандидат исторических наук, доцент, Алтайский государственный университет, mam28865@mail.ru

Мельников Никита Николаевич, кандидат исторических наук, старший научный сотрудник, Институт истории и археологии УрО РАН, meln2011kit@gmail.com

Неклюдов Евгений Георгиевич, доктор исторических наук, главный научный сотрудник, Институт истории и археологии Уральского отделения Российской академии наук, ntplant9@mail.ru

Павленко Олег Константинович, старший лаборант, Институт истории, археологии и этнографии народов Дальнего Востока Дальневосточного отделения Российской академии наук, pav181096@mail.ru

Петров Сергей Павлович, кандидат экономических наук, доцент, заведующий отделом, Институт экономики и организации промышленного производства Сибирского отделения Российской академии наук, petrov.s.p@mail.ru

Петров Юрий Александрович, доктор исторических наук, профессор, директор Института российской истории РАН, dir_iri_ran@mail.ru

Пляскина Нина Ильинична, доктор экономических наук, профессор, ведущий научный сотрудник, Институт экономики и организации промышленного производства Сибирского отделения Российской академии наук, pliaskina@hotmail.com

Побережников Игорь Васильевич, член-корреспондент Российской академии наук, доктор исторических наук, директор, Институт истории и археологии Уральского отделения Российской академии наук, pober1871@mail.ru

Потапова Наталья Анатольевна, кандидат исторических наук, научный сотрудник Института истории Сибирского отделения Российской академии наук, skna17talya@mail.ru

Прибыткова Карина Павловна, кандидат исторических наук, старший преподаватель, Алтайский государственный университет, i@karina-p.ru

Пьянков Степан Александрович, кандидат исторических наук, старший научный сотрудник, Институт истории и археологии Уральского отделения Российской академии наук, kliostefan@mail.ru

Роднов Михаил Игоревич, доктор исторических наук, ведущий научный сотрудник, Институт истории, языка и литературы Уфимского федерального исследовательского центра РАН, rodnov@ufacom.ru

Рынков Вадим Маркович, доктор исторических наук, директор, Институт истории Сибирского отделения Российской академии наук, vadsvet@list.ru

Савина Анжелика Ивановна, кандидат экономических наук, старший научный сотрудник, Институт экономики и организации промышленного

производства Сибирского отделения Российской академии наук, sai1417@mail.ru

Соколов Александр Станиславович, доктор исторических наук, заведующий кафедрой истории, философии и права, Рязанский государственный радиотехнический университет им. В.Ф. Уткина, falcon140770@yandex.ru

Тагаева Татьяна Олеговна, доктор экономических наук, доцент, ведущий научный сотрудник, Институт экономики и организации промышленного производства Сибирского отделения Российской академии наук, tagaeva@rambler.ru

Тагирова Наиля Фаридовна, доктор исторических наук, профессор, ведущий научный сотрудник, Самарский федеральный исследовательский центр Российской академии наук, tag-nailya@yandex.ru

Тарасова Ольга Владиславовна, кандидат экономических наук, ведущий научный сотрудник, Институт экономики и организации промышленного производства Сибирского отделения Российской академии наук, tarasova.o.vl@gmail.com

Фахретдинова Динара Тафкильевна, студент, Новосибирский национальный исследовательский государственный университет

Филимонова Ирина Викторовна, доктор экономических наук, профессор, доцент кафедры менеджмента, Новосибирский национальный исследовательский государственный университет (НГУ), filimonovaiv@list.ru

Фомин Дмитрий Александрович, кандидат экономических наук, старший научный сотрудник, Институт экономики и организации промышленного производства Сибирского отделения Российской академии наук, fomin-nsk@yandex.ru

Шайдуров Владимир Николаевич, доктор исторических наук, доцент, Ленинградский государственный университет им. А.С. Пушкина, s-w-n@mail.ru

Шиловский Михаил Викторович, доктор исторических наук, профессор, заведующий сектором, Институт истории Сибирского отделения Российской академии наук, istorik.novosib@gmail.com

Ямщикова (Кривошеева) Ольга Игоревна, младший научный сотрудник, Новосибирский национальный исследовательский государственный университет, o.krivosheeva@g.nsu.ru

About authors

Ablazhey Natalia Nikolaevna, Doctor of Historical Sciences, Associate Professor, Leading Researcher, Institute of History of the Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences, ablazhey@academ.org

Alekseyev Alexey Veniaminovich, Doctor of Economics, Associate Professor, Head of the Department, Institute of Economics and Industrial Production Organization, Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences, avale@mail.ru

Alyabina Elena Vladimirovna, PhD in Economics, Associate Professor, Novosibirsk National Research State University, e.aliabina@g.nsu.ru

Andreeva Tatyana Ivanovna, Candidate of Historical Sciences, Associate Professor, Altai State Pedagogical University, andreeva_ti5@mail.ru

Artemov Evgeny Timofeevich, Doctor of Historical Sciences, Chief Researcher, Institute of History and Archaeology, Ural Branch of the Russian Academy of Sciences, iia-history@mail.ru

Bazarov Alexander Borisovich, Junior Researcher, Institute of Economics of Industrial Production Organization, Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences, sasha.bazarov.97@bk.ru

Basalaev Oleg Vladimirovich, General Director, Stroy Resurs LLC, legas@mail.ru

Golitsyn Yuri Petrovich, Candidate of Historical Sciences, Head of the Financial Market History Department, Moscow Exchange PJSC, golitsyn57@moex.com

Gonina Natalia Vladimirovna, Candidate of Historical Sciences, Senior Researcher, Institute of History of the Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences, nvg7@mail.ru

Demchik Evgeniya Valentinovna, Doctor of Historical Sciences, Professor, Altai State University, demtchikev@mail.ru

Zapariy Vasily Vladimirovich, Candidate of Historical Sciences, Senior Researcher, Institute of History and Archaeology of the Ural Branch of the Russian Academy of Sciences, pantera.zap.@gmail.com

Zapariy Vladimir Vasilyevich, Doctor of Historical Sciences, Professor, Ural Federal University, vvzap@mail.ru

Zinoviev Vasily Pavlovich, Doctor of Historical Sciences, Professor, National Research Tomsk State University, vpz@tsu.ru

Isaev Viktor Ivanovich, Doctor of Historical Sciences, Professor, Leading Researcher, Institute of History of the Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences, history49@mail.ru

Klistorin Vladimir Ilyich, Doctor of Economics, Professor, Institute of Economics and Industrial Production Organization, Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences, klistorin@ieie.nsc.ru

Kondrashin Viktor Viktorovich, Doctor of Historical Sciences, Professor, Chief Researcher, Head of the Center for Economic History of the IRI RAS, vikont37@yandex.ru

Kryukov Valery Anatolyevich, Academician of the Russian Academy of Sciences, Doctor of Economics, Professor, Director, Institute of Economics and Industrial Production Organization, Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences, kryukov@ieie.nsc.ru

Kuperstokh Natalia Alexandrovna, Candidate of Historical Sciences, Senior Researcher, Institute of History of the Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences, nataly.kuper@gmail.com

Makarova Vera Nikolaevna, Candidate of Historical Sciences, Head of the Department of History of the Region, National Museum of the Republic of Bashkortostan, vnmac@mail.ru

Makarova Nadezhda Nikolaevna, Candidate of Historical Sciences, Associate Professor, Magnitogorsk State Technical University named after G.I. Nosov, makarovanadia@mail.ru

Maklyukov Alexey Vladimirovich, Candidate of Historical Sciences, Leading Researcher, Institute of History, Archeology and Ethnography of the Peoples of the Far East of the Far Eastern Branch of the Russian Academy of Sciences, alekseymaklyukov@yandex.ru

Malov Vladimir Yuryevich, Doctor of Economics, Chief Researcher, Institute of Economics and Industrial Production Organization, Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences, malov@ieie.nsc.ru

Mamzin Mikhail Vladimirovich, Graduate student, Altai State University, mamzin2000@mail.ru

Mariupol Andrey Mikhailovich, Candidate of Historical Sciences, Associate Professor, Altai State University, mam28865@mail.ru

Melnikov Nikita Nikolaevich, Candidate of Historical Sciences, Senior Researcher, Institute of History and Archaeology, Ural Branch of the Russian Academy of Sciences, meln2011kit@gmail.com

Neklyudov Evgeny Georgievich, Doctor of Historical Sciences, Chief Researcher, Institute of History and Archaeology of the Ural Branch of the Russian Academy of Sciences, ntplant9@mail.ru

Pavlenko Oleg Konstantinovich, Senior Laboratory Assistant, Institute of History, Archeology and Ethnography of the Peoples of the Far East, Far Eastern Branch of the Russian Academy of Sciences, pav181096@mail.ru

Petrov Sergey Pavlovich, Candidate of Economic Sciences, Associate Professor, Head of the Department, Institute of Economics and Industrial Production Organization, Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences, petrov.s.p@mail.ru

Petrov Yuri Alexandrovich, Doctor of Historical Sciences, Professor, Director of the Institute of Russian History of the Russian Academy of Sciences, dir_iri_ran@mail.ru

Plyaskina Nina Ilyinichna, Doctor of Economics, Professor, Leading Researcher, Institute of Economics and Industrial Production Organization, Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences, pliaskina@hotmail.com

Poberezhnikov Igor Vasilyevich, Corresponding Member Russian Academy of Sciences, Doctor of Historical Sciences, Director, Institute of History and Archaeology, Ural Branch of the Russian Academy of Sciences, pober1871@mail.ru

Potapova Natalia Anatolievna, Candidate of Historical Sciences, Researcher at the Institute of History of the Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences, skna17talya@mail.ru

Pribytkova Karina Pavlovna, Candidate of Historical Sciences, Senior Lecturer, Altai State University, i@karina-p.ru

Pyankov Stepan Aleksandrovich, Candidate of Historical Sciences, Senior Researcher, Institute of History and Archaeology, Ural Branch of the Russian Academy of Sciences, kliostefan@mail.ru

Rodnov Mikhail Igorevich, Doctor of Historical Sciences, Senior Researcher, Institute of History, Language and Literature of the Ufa Federal Research Center of the Russian Academy of Sciences, rodnov@ufacom.ru

Rynkov Vadim Markovich, Doctor of Historical Sciences, Director, Institute of History of the Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences, vadsvet@list.ru

Savina Angelika Ivanovna, Candidate of Economic Sciences, Senior Researcher, Institute of Economics and Industrial Production Organization, Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences, sai1417@mail.ru

Sokolov Alexander Stanislavovich, Doctor of Historical Sciences, Head of the Department of History, Philosophy and Law, Ryazan State Radio Engineering University named after V.F. Utkin, falcon140770@yandex.ru

Tagaeva Tatyana Olegovna, Doctor of Economics, Associate Professor, Leading Researcher, Institute of Economics and Industrial Production Organization, Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences, to-tagaeva@rambler.ru

Tagirova Naila Faridovna, Doctor of Historical Sciences, Professor, Leading Researcher, Samara Federal Research Center of the Russian Academy of Sciences, tag-nailya@yandex.ru

Tarasova Olga Vladislavovna, Candidate of Economic Sciences, Senior Researcher, Institute of Economics and Industrial Production Organization, Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences, tarasova.o.vl@gmail.com

Fakhretdinova Dinara Tafkilyevna, student, Novosibirsk National Research State University

Filimonova Irina Viktorovna, Doctor of Economics, Professor, Associate Professor of the Department of Management, Novosibirsk National Research State University (NSU), filimonovaiv@list.ru

Fomin Dmitry Alexandrovich, Candidate of Economic Sciences, Senior Researcher, Institute of Economics and Industrial Production Organization, Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences, fomin-nsk@yandex.ru

Shaidurov Vladimir Nikolaevich, Doctor of Historical Sciences, Associate Professor, Pushkin Leningrad State University, s-w-n@mail.ru

Shilovsky Mikhail Viktorovich, Doctor of Historical Sciences, Professor, Head of the Sector, Institute of History of the Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences, istorik.novosib@gmail.com

Yamshchikova (Krivosheeva) Olga Igorevna, Junior Researcher, Novosibirsk National Research State University, o.krivosheeva@g.nsu.ru

Содержание

Введение.....	3
---------------	---

РАЗДЕЛ 1. ИНДУСТРИАЛЬНОЕ РАЗВИТИЕ РОССИИ: ЭТАПЫ, ОСОБЕННОСТИ, ПЕРСПЕКТИВЫ ИЗУЧЕНИЯ

<i>Петров Ю.А.</i> Факторы экономического роста поздней имперской России	6
<i>Зиновьев В.П.</i> Об особенностях промышленного переворота в Сибири.....	18
<i>Крюков В.А.</i> Политика индустриализации – в поисках фарватера между Сциллой комбинирования и Харибдой согласования	26
<i>Алексеев А.В.</i> Индустриальное развитие России – между государственным регулированием и рыночной неопределенностью.....	44
<i>Шиловский М.В.</i> Роль государства в протоиндустриальном развитии дореволюционной Сибири	52
<i>Петров С.П.</i> Этапы формирования и развития черной металлургии Азиатской России в XX веке.....	64
<i>Клисторин В.И.</i> Институциональные проблемы в компаративном исследовании процессов индустриализации России в конце XIX – начале XX в.	73
<i>Артемьев Е.Т., Побережников И.В.</i> Обеспечение технико-экономической независимости страны на «взлете» советской индустриальной системы.....	83
<i>Фомин Д.А.</i> Внутренние и внешние факторы научно-технического развития промышленности СССР	94

**РАЗДЕЛ 2.
ЭВОЛЮЦИЯ РОССИЙСКОЙ ИНДУСТРИИ
ОТ РЕФОРМ ПЕТРА I ДО НАЧАЛА XX В.:
ОТРАСЛЕВЫЕ И СЕКТОРАЛЬНЫЕ ОСОБЕННОСТИ**

Неклюдов Е.Г.

Горные реформы в России XIX в.: сравнительный анализ 106

Мариупольский А.М.

Роль и место винокурения в экономическом развитии
Западной Сибири во второй половине XIX века 117

Андреева Т.И.

Государственная политика и частная инициатива
в инвестиционно-строительных проектах железнодорожного
освоения Азиатской России в конце XIX – начале XX века 122

Демчик Е.В., Мамзин М.В.

К вопросу об участии иностранного капитала
в индустриальном развитии российских регионов
(на материалах концессионной деятельности на Алтае
в начале XX века) 131

Рынков В.М.

На развилке: сибирская индустрия в условиях Первой
мировой войны 139

Шайдуров В.Н.

Немцы в городской экономике Петрограда на переломе
эпох (1914–1923 гг.) 152

Роднов М.И.

Новый источник по истории горнозаводской
промышленности Южного Урала (сельскохозяйственные
и городские переписи 1917 и 1920 годов) 158

**РАЗДЕЛ 3.
СОВЕТСКАЯ ИНДУСТРИАЛИЗАЦИЯ
ПЕРВЫХ ПЯТИЛЕТОК**

Голицын Ю.П.

Аннулирование государственных займов и финансирование
индустриализации в СССР 166

Потапова Н.А.

Проблема незанятости населения в Сибирском крае
на рубеже 1920–1930-х гг.: статистические аспекты179

Тагирова Н.Ф.

Из истории сельскохозяйственного машиностроения
в СССР (1920–1930-е гг.).....187

Аблажей Н.Н.

Паспортизация Кузбасса в 1933 г.....200

Исаев В.И.

Социальные проблемы индустриализации в Сибири
в годы первых пятилеток.....212

Макарова Н.Н.

Трудовые будни Магнитостроя в условиях
мобилизационной модели начала 1930-х гг.....223

Прибыткова К.П.

Принуждение в советской системе мотивации труда
в годы третьей пятилетки (на примере промышленных
предприятий Алтайского края)232

Павленко О.К.

Модернизация предприятий угледобывающего
комплекса Дальнего Востока в годы первых пятилеток
(1928–1941 гг.).....242

Маклюков А.В.

Мобилизационная модель электрификации Дальнего
Востока СССР (1929–1945 гг.).....251

Пьянков С.А.

Грузовик эпохи индустриализации: из истории создания
и производства ЗИС-5261

Макарова В.Н.

Форсированная золотодобыча как фактор
индустриализации в Башкирской Автономной
Социалистической Республике.....271

**РАЗДЕЛ 4.
ИНДУСТРИАЛЬНАЯ ЭКОНОМИКА
В ПЕРИОД ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ**

Кондрашин В.В.

Николай Иванович Рыжков как исследователь
и популяризатор экономической истории России282

Мельников Н.Н.

Экономические источники и последствия роста
производства вооружений на востоке СССР в военные годы ...288

Запарий В.В., Запарий Вас.В.

Оцифрованные фонды государственного комитета обороны
как источник информации для понимания процессов
формирования механизма поступлений новой техники
в экономику СССР в 1944–1945 гг.....295

**РАЗДЕЛ 5.
ИНДУСТРИАЛЬНОЕ РАЗВИТИЕ СССР
ВО ВТОРОЙ ПОЛОВИНЕ 1940-Х – 1980-Е ГГ.**

Гонина Н.В.

Норильский комбинат в переходный период (1950-е гг.)301

Соколов А.С.

Индустриальное развитие Рязанской области в 1946–1959 гг. .309

Куперштох Н.А.

Программа «Сибирь» как опыт комплексного изучения
региона в советский период315

**РАЗДЕЛ 6.
СОВРЕМЕННАЯ РОССИЙСКАЯ ИНДУСТРИЯ:
ПУТИ ВОССТАНОВЛЕНИЯ, ПЕРСПЕКТИВЫ РОСТА**

Басалаев О.В., Малов В.Ю.

Транспортные коридоры в Сибири: опыт истории
и варианты финансирования нового строительства325

Тагаева Т.О., Савина А.И., Базаров А.Б.

Внедрение наилучших доступных технологий как драйвер
индустриального развития России340

<i>Пляскина Н.И.</i> Экологическая безопасность и трансформация развития энергетической политики.....	346
<i>Фахретдинова Д.Т., Тарасова О.В.</i> Фактор Китая в экономике Дальнего Востока Российской Федерации.....	357
<i>Ямщикова (Кривошеева) О.И., Филимонова И.В.</i> Потенциал выбросов парниковых газов в секторе отходов в Новосибирской области до 2030 г.....	369
<i>Алябина Е.В.</i> Компетенции технологических предпринимателей и роль вузов в их развитии	373
Сведения об авторах.....	379
About authors.....	383

Научное издание

**ИНДУСТРИАЛЬНОЕ РАЗВИТИЕ РОССИИ:
ЭТАПЫ, ОСОБЕННОСТИ, ПЕРСПЕКТИВЫ ИЗУЧЕНИЯ**

Сборник научных трудов

Компьютерная верстка *Т.В. Соболева*
Подготовка к печати *С.В. Исаковой, Е.В. Неклюдовой*

Подписано в печать 18.12.2024. Формат 60×84/16.
Уч.-изд. л. 24,5. Усл. печ. л. 22,8. Тираж 300 экз. Заказ № 239

Отпечатано с файлов заказчика в Издательско-полиграфическом центре НГУ:
630090, г. Новосибирск, ул. Пирогова, 2.